Ли Чайлд

Враг

Памяти Аделы Кинг

Глава 01

«Неужели сердечный приступ?» Возможно, именно такой была последняя мысль Кена Крамера, возникшая у него в голове ослепительной вспышкой страха, когда он перестал дышать и упал в пропасть. Он знал, что нарушил все правила. Ему не следовало находиться здесь с этим человеком, да еще имея при себе вещь, которую он должен был спрятать в более надежном месте. Но Крамер пренебрег этими правилами. Он решил сыграть и выигрывал. Он лидировал в игре. Наверное, он улыбался – до того самого мгновения, пока его не предал внезапный глухой удар в груди. И тогда ситуация повернулась на сто восемьдесят градусов. Успех превратился в катастрофу. И у него не осталось времени что-нибудь исправить.

Никто не знает, что чувствует человек, когда его настигает смертельный сердечный приступ. Нет выживших, которые могли бы рассказать нам об этом. Врачи говорят о некрозе, тромбах, кислородном голодании и закупорке кровеносных сосудов. Они предсказывают учащенное сердцебиение. Они используют термины вроде «инфаркт» или «фибрилляция», но эти слова не имеют для нас никакого значения. «Ты просто падаешь замертво», – следовало бы им сказать. Кен Крамер так и сделал. Он упал замертво и унес с собой все свои тайны, а проблемы, которые он оставил после себя, чуть не прикончили за компанию и меня.

Я сидел один в чужом кабинете, временно занятом мною. На стене висели часы без секундной стрелки – только часовая и минутная. Часы были электрическими и не тикали. Они хранили молчание, как и сама комната. Я внимательно следил за минутной стрелкой. Она не двигалась.

Я ждал.

Стрелка пошевелилась, перепрыгнув вперед на шесть градусов. Ее движения были механическими, затухающими, точными. Она дернулась разок, дрогнула и замерла.

Минута.

Одна прошла, другая началась.

Еще шестьдесят секунд.

Я продолжал следить за часами. Они долго, очень долго оставались в неподвижности. Затем стрелка дернулась еще раз. Новые шестьдесят градусов, новая минута, ровно полночь, и 1989 год превратился в 1990-й.

Я отодвинул стул и поднялся из-за стола. Зазвонил телефон, и я подумал, что кто-то решил поздравить меня с Новым годом. Но оказалось, что я ошибся. Звонил гражданский коп, чтобы сообщить, что в мотеле в тридцати милях от базы обнаружено тело военного.

– Мне нужен дежурный офицер военной полиции.

Я снова сел за стол и сказал:

– Это я.

– У нас один из ваших, мертвый.

– Один из моих?

– Военный, – пояснил он.

– Где?

– В мотеле, в городе.

– Как он умер? – поинтересовался я.

– Скорее всего, сердечный приступ, – ответил коп.

Я перевернул страницу настольного календаря с 31 декабря на 1 января и только после этого спросил:

– Что-нибудь подозрительное?

– Мы ничего такого не заметили.

– А раньше вы видели сердечные приступы?

– Сколько угодно.

– Ладно, – сказал я. – Позвоните на пост в штабе. – И назвал номер телефона. – С Новым годом.

– Разве вам не нужно сюда приехать?

– Нет, – ответил я и положил трубку.

Мне не нужно было туда ехать. Армия – большая организация, чуть больше Детройта и чуть меньше Далласа, и такая же несентиментальная, как оба этих города. В настоящий момент в ней насчитывалось около девятисот тридцати тысяч мужчин и женщин,

представлявших все слои населения страны. Уровень смертности в Америке составляет примерно восемьсот шестьдесят пять человек на каждые сто тысяч, и в отсутствие продолжительных военных действий солдаты умирают не чаще и не реже обычных людей. В целом они моложе и здоровее, чем остальное население, но они больше курят и пьют, хуже питаются, переживают сильные стрессы, и им приходится делать разные опасные вещи во время учений. Так что уровень смертности в армии примерно такой же, как среди гражданских лиц. Иными словами, они умирают, как все. Произведите вычисления, сравнив процент смертности и состояние здоровья, – и вы получите двадцать два мертвых солдата в день: несчастные случаи, самоубийства, сердечные приступы, рак, инсульт, болезни легких, печени и почек. Результат такой же, как в Детройте или Далласе. Вот почему мне не нужно было туда ехать. Я не коп и не гробовщик.

Часы ожили. Стрелка дернулась, подпрыгнула и успокоилась. Снова зазвонил телефон. Кто-то захотел поздравить меня с Новым годом. Сержант из приемной перед моим кабинетом.

– С Новым годом, – сказала она мне.

– И вас тоже, – ответил я. – Вы что, не могли просто встать и просунуть голову в дверь?

– А вы не могли сделать то же самое?

– Я разговаривал по телефону.

– Кто звонил?

– Никто, – ответил я. – Какой-то тип не дожил до Нового года.

– Кофе хотите?

– Конечно, – ответил я. – Почему бы и нет?

Я снова положил трубку. К этому моменту я прослужил больше шести лет, и армейский кофе был одной из тех вещей, которые доставляли мне настоящее удовольствие. Без всяких вопросов он лучший в мире. А еще сержанты. Эта сержант родилась в горах в Северной Джорджии. Я познакомился с ней два дня назад. Она жила за пределами гарнизона на стоянке трейлеров, где-то среди холмов Северной Каролины. У нее был маленький сын. Она рассказала мне о нем, но о ее муже я не услышал ни слова. Она вся состояла из кожи и сухожилий и была жесткой, как клюв дятла, но я ей нравился. Я точно знаю, потому что она принесла мне кофе. Если ты кому-то не нравишься, он не станет носить тебе кофе. Вместо этого он с удовольствием вонзит тебе нож в спину. Дверь открылась, и сержант вошла с двумя кружками в руках – для меня и для себя.

– С Новым годом, – снова сказал я.

Она поставила обе кружки на мой стол и спросила:

– А он будет счастливым?

– Не вижу причин, чтобы ему не быть счастливым, – сказал я.

– Берлинская стена уже наполовину разрушена. По телевизору показывали. Там устроили грандиозный праздник по этому поводу.

– Рад, что у кого-то праздник.

– Там куча народу, огромная толпа. Все поют и танцуют.

– Я не смотрел новости.

– Это произошло шесть часов назад. Разница во времени.

– Они, наверное, еще празднуют.

– У них в руках были кувалды.

– Это не запрещено. Их половина – свободный город. Мы потратили сорок пять лет, чтобы он таковым оставался.

– Скоро у нас не останется врагов.

Я попробовал кофе. Горячий, черный, лучший в мире.

– Мы победили, – сказал я. – Разве это не хорошо?

– Нет, если ты зависишь от чека, который тебе выдает Дядюшка Сэм.

Как и я, она была одета в полевую военную форму, предназначенную для лесистой местности. Рукава были аккуратно закатаны. Нарукавная повязка с буквами «ВП» («Военная полиция») располагалась строго горизонтально. Наверное, сержант закрепила ее булавкой в незаметном месте. Ее ботинки сверкали.

– У вас есть камуфляжная форма для пустыни? – спросил я.

– Я никогда не была в пустыне, – ответила сержант.

– Они изменили рисунок. Теперь на форме большие коричневые кляксы – результат пятилетних исследований этого вопроса. Парни из пехоты называют свою форму «шоколадная крошка». Отвратительный рисунок. Его придется снова менять на прежний. Но им потребуется еще пять лет, чтобы это понять.

– И что?

– Если им нужно пять лет, чтобы изменить рисунок камуфляжной формы, ваш малыш закончит колледж прежде, чем они сообразят, что неплохо бы провести в армии сокращение. Так что вам не о чем беспокоиться.

– Хорошо, – сказала она, нисколько мне не поверив. – Думаете, он сможет учиться в колледже?

– Я с ним не знаком.

Она ничего не ответила.

– Армия ненавидит перемены, – сказал я. – А враги у нас будут всегда.

Сержант продолжала молчать. В этот момент снова зазвонил телефон, она сняла трубку и ответила за меня. Послушала примерно одиннадцать секунд и протянула мне трубку.

– Полковник Гарбер, сэр, – сказала она. – Из Вашингтона.

Она взяла свою кружку и вышла. Полковник Гарбер являлся моим начальником, и, хотя он хороший человек, я не мог поверить, что он звонит мне через восемь минут после наступления Нового года просто по дружбе. Это не его стиль. Некоторые офицеры любят по большим праздникам изображать из себя эдаких развеселых свойских парней. Но у Леона Гарбера даже в мыслях такого нет, он никогда и ни с кем не стал бы вести себя подобным образом, и уж тем более со мной. Даже если бы он знал, что я нахожусь здесь.

– Ричер у телефона, – сказал я.

На другом конце наступило долгое молчание.

– Я думал, ты в Панаме, – наконец заговорил он.

– Я получил приказ, – ответил я.

– Из Панамы в Форт-Бэрд? Почему?

– Я не задаю таких вопросов.

– Когда?

– Два дня назад.

– Удар ниже пояса, ты согласен? – сказал он.

– Разве?

– В Панаме, наверное, было намного веселее.

– Там было неплохо, – подтвердил я.

– И тебя уже поставили дежурить в новогоднюю ночь?

– Я сам вызвался, – сказал я. – Хочу им понравиться.

– Пустое дело, – заметил он.

– Сержант принесла мне кофе.

Он помолчал.

– Тебе звонили по поводу трупа в мотеле?

– Восемь минут назад, – ответил я. – Я отправил их в штаб.

– А они перекинули свое сообщение дальше, в результате меня вытащили из-за стола.

– Почему?

– Потому что военный, о котором идет речь, – генерал с двумя звездами.

Наступила тишина.

– Мне не пришло в голову спросить, кто он такой, – проговорил я.

Гарбер продолжал молчать.

– Генералы тоже смертные, – заявил я. – Как и все прочие люди.

Никакого ответа.

– Там не было ничего подозрительного, – добавил я. – Он умер, и все. Сердечный приступ. Я не видел причин волноваться.

– Это вопрос чести и достоинства, – сказал Гарбер. – Мы не можем допустить, чтобы генерал с двумя звездами лежал кверху брюхом на публике. Мы обязаны отреагировать. Кто-то должен там присутствовать.

– Иными словами, я?

– Я бы предпочел, чтобы это был кто-нибудь другой. Но скорее всего, ты сейчас единственный в мире трезвый офицер военной полиции. Так что это будешь ты.

– Мне потребуется час, чтобы туда добраться.

– Он никуда не уйдет. Он мертв. Кроме того, им еще не удалось найти трезвого патологоанатома.

– Хорошо, – сказал я.

– Веди себя уважительно, – посоветовал Гарбар.

– Хорошо, – повторил я.

– И вежливо, – добавил он. – За пределами гарнизона мы в их власти. Это гражданская юрисдикция.

– Я знаком с гражданскими, – ответил я. – Встречался как-то раз с одним.

– Но ты должен контролировать ситуацию, – сказал он. – Если ее потребуется контролировать.

– Скорее всего, он умер в своей постели, – сказал я. – Как делают обычные люди.

– Звони мне, если возникнет необходимость, – проговорил он.

– Хорошая была вечеринка?

– Отличная. Моя дочь приехала.

Он повесил трубку, а я позвонил гражданскому диспетчеру и получил адрес и название мотеля. Потом я оставил свой кофе на столе и сообщил сержанту, что происходит, а затем отправился к себе, чтобы переодеться. Я решил, что «присутствовать» означает надеть зеленую форму класса «А», а не камуфляж для передвижения по лесистой местности.

Я взял «хаммер» в гараже военной полиции и, отметившись на посту у проходной, выехал через главные ворота. Мне удалось найти нужный мотель через пятьдесят минут. Пришлось проехать тридцать миль к северу от Форт-Бэрда по темной, непримечательной местности, где длинные одноэтажные здания с магазинами сменялись чахлыми лесами и пребывающими в зимней спячке полями со сладким картофелем. Все это было мне в новинку, потому что я никогда еще здесь не служил. На дорогах никого не было – все праздновали Новый год. Я надеялся, что мне удастся вернуться в Бэрд до того, как народ начнет разъезжаться по домам. Впрочем, я не сомневался, что гражданским автомобилям далеко до «хаммера».

Мотель находился среди низких зданий торгового центра, сгрудившихся в темноте около большой шоссейной развязки. В центре я заметил стоянку для грузовиков. А еще там имелась дешевая закусочная, которая работала в выходные, и заправочная станция, достаточно большая, чтобы на нее могли заехать восемнадцатиколесные грузовики. И бар, построенный из шлакобетонных блоков, без названия и окон, но зато с яркими неоновыми вывесками. Над ним светилась розовая надпись «Экзотические танцы», а парковка размерами не уступала футбольному полю. Тут и там на ней виднелись радужные бензиновые лужи. Из бара доносилась громкая музыка, вокруг в три ряда стояли припаркованные машины. Все сияло ядовитым желтым светом, который падал от фонарей. Ночь выдалась холодная, и на землю медленно опускался

слоистый туман. Мотель располагался на противоположной стороне улицы, напротив заправки. Убогий, потрепанный, вытянувшийся в длину примерно номеров на двадцать. Он казался пустым. В левом конце находилась контора с символическим подъездом для машин и автоматом по продаже кока-колы.

Первый вопрос: что мог делать генерал с двумя звездами в таком месте? Я был совершенно уверен, что Министерство обороны не стало бы устраивать никакого расследования, если бы он остановился в «Холидей-инн».

У предпоследней комнаты были кое-как припаркованы две полицейские патрульные машины. А между ними стоял маленький простой седан. Холодный, покрытый изморозью. Самый обычный «форд», красный, четырехцилиндровый. С лысой резиной и пластиковыми колпаками на колесах. Наверняка взятый напрокат. Я поставил «хаммер» рядом с правой патрульной машиной и выбрался на мороз. Музыка, доносившаяся из бара на противоположной стороне улицы, стала громче. Свет в предпоследнем номере не горел, дверь была открыта нараспашку. Я решил, что копы специально выстуживают номер, чтобы наш старикан не созрел слишком рано. Мне ужасно хотелось на него взглянуть. Я еще никогда не видел мертвых генералов.

Три копа остались в машинах, а один вышел ко мне. Он был в темных форменных брюках и кожаной куртке, застегнутой на молнию до самого подбородка. Никакой шляпы. Бляха, прикрепленная к куртке, сообщала, что его зовут Стоктон и он заместитель шефа полиции. Я его не знал, ведь прежде я никогда здесь не служил. Он был седой, лет пятидесяти, среднего роста, немного располневший, но по тому, как он изучал мои нашивки, я понял, что он, скорее всего, раньше служил в армии, как и большинство копов.

– Майор, – сказал он вместо приветствия.

Я кивнул. Точно, служил. У майора на погонах имеются маленькие, размером всего в дюйм, золотые дубовые листки, по одному с каждой стороны. Стоктон смотрел на меня снизу и сбоку, что не давало возможности хорошенько их разглядеть, но ему было известно, что они собой представляют. Значит, он различал чины. Кроме того, я узнал его голос. Это он звонил мне через пять секунд после полуночи.

– Я Рик Стоктон, – представился он. – Заместитель шефа.

Он был совершенно спокоен. Ему уже доводилось видеть смерть от сердечного приступа.

– Джек Ричер, – сказал я. – Дежурный офицер ВП.

Он тоже узнал мой голос и улыбнулся.

– Вы все-таки решили приехать, – проговорил он.

– А вы мне не сказали, что у вас тут генерал с двумя звездами.

– Ну да.

– Никогда не видел мертвого генерала, – признался ему я.

– Мало кто видел, – сказал он, и по его тону я догадался, что он служил в армии рядовым.

– Армия? – спросил я.

– Морская пехота. Первый сержант.

– Мой старик служил в морской пехоте, – сказал я.

Я всегда это говорю, когда имею дело с морскими пехотинцами, обретая таким образом своего рода законный статус. И тогда они перестают относиться ко мне как к обычному пехотинцу. Но я стараюсь особенно не распространяться и не сообщаю им, что мой отец дослужился до капитана. Рядовые и офицеры не слишком жалуют друг друга.

– «Хамви», – сказал он, глядя на мою машину. – Нравится?

Я кивнул. «Хамви» – общепринятое сокращение от официального названия,[1] полностью характеризующего возможности армейского «хаммера». Это типично для армии: ты получаешь то, что тебе говорят.

– Работает, как обещано в рекламе.

– Слишком широкий, – сказал он. – Не хотел бы я управлять им в городе.

– Перед вами пустили бы танки, чтобы расчищать дорогу, – успокоил его я. – Думаю, так и было задумано.

Музыка из бара продолжала оглушительно греметь. Стоктон ничего не ответил.

– Давайте посмотрим на мертвого генерала, – предложил я ему.

Он провел меня внутрь, нажал на кнопку выключателя, и в прихожей зажегся свет. Затем нажал на другую, и свет вспыхнул в комнате. Я увидел самый обычный номер мотеля. Прихожая шириной в ярд со шкафом слева и ванной комнатой справа. Дальше прямоугольник двадцать на двенадцать футов с встроенными полками той же ширины, что и шкаф, и кроватью размером с ванную. Низкий потолок. Большое занавешенное окно в дальнем конце, на стене под ним – батарея и кондиционер. Почти все предметы в комнате были изношенными,

потрепанными, тусклого коричневого цвета. Сама комната казалась мрачной, сырой и убогой.

На кровати лежал мертвец.

Голый, лицом вниз. Он был белый, довольно высокий, лет шестидесяти. Сложен как стареющий профессиональный спортсмен. Как тренер. Я отметил, что у него вполне приличные мускулы, но, как и у всякого пожилого человека, вне зависимости от физической формы кое-где уже появился жирок. На бледных безволосых ногах виднелись старые шрамы. Жесткие седые волосы облепили череп, а на шее, сзади, я заметил полоску обветренной кожи. Типичный представитель армии. На него могли бы посмотреть сто человек, и все сто без малейших колебаний сказали бы, что перед ними военный офицер.

– Его нашли в таком виде? – спросил я.

– Да, – ответил Стоктон.

Второй вопрос: как? Человек снимает на ночь номер и рассчитывает, что его никто не будет беспокоить по крайней мере до тех пор, пока утром не придет горничная.

– Как? – спросил я.

– Что «как»?

– Как его нашли? Он что, позвонил в «девять-один-один»?

– Нет.

– Тогда как?

– Вы увидите.

Пока что я ничего не увидел.

– Вы его переворачивали? – поинтересовался я.

– Да. А потом перевернули обратно.

– Не возражаете, если я на него взгляну?

– Пожалуйста.

Я подошел к кровати, подсунул левую руку под мышку мертвого генерала и перевернул его. Он был холодным и уже начал коченеть. Я положил его на спину и увидел сразу четыре вещи. Первое: его кожа имела отчетливый серый оттенок. Второе: на лице застыла гримаса боли и удивления. Третье: он схватил правой рукой левую возле бицепса. И

четвертое: он был в презервативе. У него давно упало давление, а вместе с ним исчезла эрекция, и презерватив висел пустой, похожий на прозрачный кусок бледной кожи. Было очевидно, что он умер прежде, чем испытал оргазм.

– Сердечный приступ, – сказал Стоктон, стоявший у меня за спиной.

Я кивнул. Серая кожа – надежный индикатор сердечного приступа. А также удивление на лице и резкая боль в левой руке.

– Обширный, – сказал я.

– Но до или после проникновения? – спросил Стоктон с улыбкой в голосе.

Я посмотрел на подушку. Постель была полностью застелена. Мертвый генерал лежал поверх покрывала, натянутого на подушки. Но осталось углубление в форме головы, а также вмятины в тех местах, где вдавливались локти и пятки человека, лежащего снизу.

– Она была под ним, когда все произошло, – сказал я. – Это точно. Ей пришлось из-под него выбираться.

– Жуткая смерть для мужика.

Я обернулся.

– Я могу представить себе и худшие варианты.

Стоктон молча улыбнулся.

– Что? – спросил я.

Он не ответил.

– Нашли какие-нибудь следы этой женщины?

– Ни волоска, – сказал Стоктон. – Она сбежала.

– Портье видел ее?

Стоктон снова улыбнулся.

Я посмотрел на него и все понял. Дешевый мотель на пересечении дорог, со стоянкой для грузовиков и баром, в тридцати милях от военной базы.

– Она была проституткой, – сказал я. – Вот как его нашли. Портье ее знает. Он видел, как она убегала, слишком рано. Ему стало интересно почему, и он зашел сюда проверить.

– Он сразу позвонил нам, – подтвердил Стоктон. – Разумеется, интересующая нас дама давно исчезла. А он отрицает, что она вообще здесь была. Твердит, что у них не такое заведение.

– Вашему отделу уже приходилось здесь бывать?

– Время от времени, – ответил он. – Поверьте мне, это именно такое заведение.

«Ты должен контролировать ситуацию», – сказал Гарбер.

– Сердечный приступ, верно? – проговорил я. – И ничего больше.

– Скорее всего, – ответил Стоктон. – Но нужно произвести вскрытие, чтобы убедиться.

В комнате повисла тишина. Я ничего не слышал, кроме радиопереговоров в патрульной машине и музыки, грохочущей в баре на другой стороне улицы. Я снова повернулся к кровати и посмотрел на лицо мертвого генерала. Мне он был незнаком. Тогда я обратил внимание на его руки. На правой было кольцо Уэст-Пойнта, а на левой – обручальное, широкое, старое, судя по всему, девять карат. Затем я взглянул на его грудь. Когда он потянулся правой рукой к левой, личные знаки, висевшие на цепочке на шее, оказались под мышкой. Я с трудом поднял его руку, вытащил личные знаки и поднял их повыше, насколько позволила натянувшаяся цепочка. Его звали Крамер, он был католиком, группа крови нулевая.

– Мы можем сделать вскрытие за вас, – предложил я. – В Центральном армейском госпитале Уолтера Рида.

– За пределами штата?

– Он генерал.

– Вы хотите замять дело?

– Естественно. А вы бы не хотели?

– Наверное, – не стал спорить Стоктон.

Я опустил личные знаки на грудь мертвеца, отошел от кровати и проверил прикроватные тумбочки и встроенные полки. Ничего. Телефона в комнате не было. В таком месте должен быть телефон-автомат у стойки портье. Пройдя мимо Стоктона, я заглянул в ванную и обнаружил рядом с раковиной черную кожаную сумочку, закрытую на молнию. На боку красовались инициалы «КРК». Я открыл ее и нашел там зубную щетку, бритву, маленький тюбик зубной пасты, предназначенный специально для путешествий, и мыло для бритья. И

больше ничего. Никаких лекарств. Ничего от сердца. Презервативов тоже не было.

Я проверил шкаф. В нем на трех отдельных вешалках была аккуратно развешана форма класса «А»: брюки на перекладине одной вешалки, китель – на второй, рубашка – на третьей. Галстук на рубашке. Над вешалками, прямо по центру, офицерская фуражка с золотой плетеной тесьмой. По одну сторону от нее лежала сложенная белая майка, по другую – тоже сложенные белые «боксеры».

Рядом с выцветшей дорожной сумкой зеленого цвета, прислоненной к задней стенке, стояла пара черных ботинок. Они были начищены до блеска, внутри лежали свернутые носки. Дорожную сумку, отделанную по швам потертыми кожаными полосками, судя по всему, купили в самом обычном магазине. Мне показалось, что в ней не так много вещей.

– Вы получите результаты, – сказал я. – Наш патологоанатом пришлет вам полную копию отчета – без дополнений или утаивания какой-либо информации. Если вам что-нибудь не понравится, мы без лишних вопросов отправим мяч на вашу половину поля.

Стоктон ничего не ответил, но я не почувствовал враждебности с его стороны. Некоторые гражданские копы вполне нормальные парни. Большая военная база вроде Бэрда оказывает значительное влияние на окружающий ее гражданский мир. Поэтому представители военной полиции проводят довольно много времени со своими гражданскими коллегами, и иногда это бывает совсем не просто, а порой – вполне терпимо. У меня возникло ощущение, что со Стоктоном у меня не будет серьезных проблем. Он был расслаблен. Если честно, мне он показался ленивым, а ленивые люди всегда с радостью передают свои обязанности другим.

– Сколько? – поинтересовался я.

– Что «сколько»?

– Сколько здесь могут стоить услуги проститутки?

– Двадцати баксов хватит, – ответил он. – В этих краях вряд ли можно найти что-нибудь экзотическое.

– А номер?

– Думаю, пятнадцать.

Я снова перевернул труп. Это оказалось совсем не просто. Он весил по меньшей мере двести фунтов.

– Ну так что? – спросил я.

– В каком смысле?

– В том смысле, чтобы мы сами произвели вскрытие.

На мгновение в номере воцарилась тишина, Стоктон смотрел на стену.

– Приемлемо, – сказал он.

В дверь постучал один из полицейских, сидевших в машине.

– Только что позвонил патологоанатом, – доложил он. – Он сможет приехать не раньше чем через два часа. Сегодня все-таки Новый год.

Я улыбнулся, понимая, что «приемлемо» сейчас превратится в «исключительно желательно». Через два часа Стоктону нужно будет находиться совсем в другом месте. Вечеринки подойдут к концу, и дороги превратятся в настоящий кошмар. Через два часа он будет умолять меня забрать у него этот труп. Я ничего не сказал, коп отправился в машину ждать новых распоряжений, а Стоктон прошел в номер и остановился у занавешенного окна спиной к трупу. Я взял вешалку с форменным кителем и повесил на дверь ванной, где на него падал свет из коридора.

Смотреть на форменный китель класса «А» – все равно что читать книгу или сидеть с владельцем кителя в баре и слушать историю его жизни. Этот китель идеально подходил по размерам телу, лежащему на кровати, а на табличке с фамилией значилось «Крамер», что соответствовало фамилии на личных знаках. Кроме того, там имелась ленточка «Пурпурного сердца»[2] с двумя бронзовыми дубовыми листьями, обозначавшими второе и третье награждение медалью, что соответствовало шрамам на теле. На погонах красовались две серебряные звезды, подтверждавшие, что он генерал-майор. Знаки различия на лацканах сказали мне о том, что он из бронетанковых войск, а наплечные знаки различия указывали на 12-й корпус. А еще китель украшала целая куча наград, полученных в его части, и множество медалей за Вьетнам и Корею, часть из которых он, наверное, заслужил верой и правдой, а часть – нет. Некоторые были иностранными, ношение их разрешено, но не обязательно. Иными словами, я смотрел на очень представительный китель, относительно старый, в идеальном порядке, самый обычный, сшитый не на заказ. Все это говорило о том, что генерал Крамер отличался профессиональным тщеславием.

Я проверил карманы. В них ничего не оказалось, кроме ключей от взятой напрокат машины. Они висели на кольце в виде цифры 1, сделанном из прозрачного пластика, внутри которого была вставлена бумажка с названием «Херц»,[3] напечатанным желтыми буквами наверху, и номером машины, написанным шариковой ручкой внизу.

Бумажника в карманах я не обнаружил. Мелочи тоже.

Я повесил китель назад в шкаф и проверил брюки. В карманах было пусто. Тогда я заглянул в ботинки, но нашел там только носки. Я приподнял фуражку – под ней ничего не оказалось. После этого я достал дорожную сумку и открыл ее на полу. В ней лежала полевая форма и пилотка. Смена носков, нижнее белье и пара начищенных военных ботинок из простой черной кожи. Пустое отделение, судя по всему, предназначалось для сумочки, которую я нашел в ванной. Больше ничего. Совсем ничего. Я закрыл сумку и вернул на место. Присел на корточки и заглянул под кровать. Ничего.

– У нас есть причины для беспокойства? – спросил Стоктон.

Я встал и покачал головой:

– Нет.

Это была ложь.

– В таком случае можете его забрать, – разрешил Стоктон. – Но я получу копию отчета.

– Договорились, – подтвердил я.

– С Новым годом, – сказал он и направился к своей машине, а я – к «хаммеру».

Я набрал номер 10-5, что означало: «Требуется машина „скорой помощи“», и велел своему сержанту отправить вместе с машиной двоих дежурных, чтобы переписали и собрали вещи Крамера, а затем отвезли ко мне в кабинет. Потом я устроился на водительском сиденье и стал ждать, когда уедут парни Стоктона. Я проследил за тем, как они скрылись в тумане, вернулся в номер и нашел ключ от машины Крамера, которым открыл взятый им напрокат «форд».

В нем ничего не оказалось, кроме запаха чистящего средства для обивки и копии квитанции на прокат машины. Крамер взял ее в четырнадцать тридцать в международном аэропорту Даллес, расположенном неподалеку от Вашингтона. Он расплатился карточкой «Американ экспресс» и получил скидку. Пробег на момент получения им машины равнялся 13 215 милям. Сейчас на одометре значилось 13 513, это означало, что он проехал 298 миль, иными словами, отправился сюда прямо из аэропорта.

Я убрал квитанцию в карман и закрыл машину. Проверил багажник – он был пустым.

Ключи отправились в мой карман вслед за квитанцией, а я двинулся на другую сторону улицы, в бар. С каждым шагом музыка становилась все

громче. Примерно за десять ярдов я почувствовал запах пивных паров и сигаретного дыма из вентиляторов. Пройдя между припаркованными машинами, я нашел вход в бар – надежную деревянную дверь, плотно закрытую, чтобы внутрь не попадал холод. Я потянул ее на себя, и в меня ударила волна шума и горячего воздуха. Внутри кипела жизнь. Я увидел около пятисот человек, черные стены, ярко-красные прожектора и зеркальные шары. В задней части на площадке стриптизерша, голая, но в белой ковбойской шляпе, ползала на четвереньках по кругу, собирая долларовые бумажки.

За конторкой у двери устроился крупный парень в черной майке. Его лицо пряталось в глубокой тени. В луче прожектора я разглядел, что грудь у него размером с нефтяную бочку. Музыка была оглушительной, посетители набились в бар, точно селедки в бочку, плечо к плечу, от стенки до стенки. Я шагнул назад и отпустил дверь, которая тут же закрылась. Несколько мгновений постояв на холодном воздухе, я пошел назад, пересек улицу и направился в контору мотеля.

Это было довольно мрачное место. Флуоресцентные лампы заливали комнату зеленоватым светом, кроме того, сюда доносился шум автомата по продаже кока-колы, стоящего сразу за дверью. На стене висел телефон-автомат, под ногами у меня был старый, выцветший линолеум, а у другой стены притулилась конторка в половину человеческого роста, обитая панелями из искусственного дерева – такие по большей части используются в подвалах. Портье сидел на высоком табурете за конторкой. Это был белый парень лет двадцати с длинными сальными волосами и безвольным подбородком.

– С Новым годом, – сказал я.

Он ничего не ответил.

– Ты взял что-нибудь из номера, в котором лежит труп?

Он покачал головой.

– Нет.

– Повтори.

– Я ничего не брал.

Я кивнул, потому что поверил ему.

– Хорошо. Когда он снял номер?

– Я не знаю. Я пришел в десять. Он уже был здесь.

Я снова кивнул. Крамер взял машину напрокат в два тридцать и, судя по показаниям одометра, направился сразу сюда, значит, он снял номер

примерно в половине восьмого. Или в половине девятого, если он останавливался где-нибудь перекусить. Или в девять, если он был исключительно осторожным водителем.

– Он пользовался телефоном-автоматом?

– Телефон не работает.

– Тогда как он вызвал проститутку?

– Какую?

– Ту, что он трахал, когда умер.

– Здесь нет проституток.

– Может, он зашел в бар и подцепил ее там?

– Его номер в самом конце. Я не видел, что он делал.

– У тебя есть водительские права?

Парень уставился на меня.

– А что?

– Это совсем простой вопрос. Либо они у тебя есть, либо их нет.

– У меня есть права, – ответил он.

– Покажи, – велел я.

Я был крупнее автомата по продаже кока-колы, весь в значках и ленточках, и он сделал то, что сказано, как обычно поступают двадцатилетние парни, когда я разговариваю с ними таким тоном. Он слез с табурета и достал из заднего кармана бумажник. Раскрыл его. Права были покрыты молочно-белой пленкой, там имелась фотография, имя и адрес.

– Ладно, – сказал я. – Теперь мне известно, где ты живешь. Я еще вернусь, чтобы задать тебе парочку вопросов. Если я тебя здесь не найду, то приду к тебе домой.

Он ничего не сказал. Я вышел в дверь, вернулся к своей машине и стал ждать.

Через сорок минут приехали еще один «хаммер» и армейская труповозка. Я сказал парням, чтобы они забрали все, включая взятый напрокат «форд», но не стал дожидаться, когда они это сделают. Я поехал назад, на базу. Отметившись на проходной, я вернулся в свой кабинет и сказал сержанту, чтобы она соединила меня с Гарбером, а сам

уселся за стол и стал ждать. Телефон зазвонил меньше чем через две минуты.

– Ну, и что там интересного? – спросил Гарбер.

– Его звали Крамер, – сказал я.

– Это мне известно. Я поговорил с полицейским диспетчером, после того как позвонил тебе. Что с ним произошло?

– Сердечный приступ, – сказал я. – Во время сексуального контакта с проституткой. В мотеле, который брезгливый таракан постарается обойти стороной.

Гарбер долго молчал. Наконец сказал:

– Проклятье! Он был женат.

– Да, я видел обручальное кольцо. А еще кольцо из Уэст-Пойнта.

– Выпуск пятьдесят второго года, – сообщил мне Гарбер. – Я проверил.

Телефон снова замолчал.

– Проклятье! – повторил Гарбер. – И почему только умные люди совершают такие глупости?

Я ничего ему не ответил, потому что не знал.

– Нам нужно действовать осторожно, – проговорил Гарбер.

– Не волнуйтесь, – сказал я. – Операция прикрытия уже началась. Местные ребята разрешили мне отправить его в госпиталь Уолтера Рида.

– Хорошо, – сказал он. – Это хорошо. – Затем помолчал немного. – Давай с самого начала.

– У него нашивки Двенадцатого корпуса, – начал докладывать я. – Значит, он служит в Германии. Вчера прилетел в аэропорт Даллеса. Наверное, из Франкфурта. Скорее всего, на гражданском самолете, потому что он был в форме класса «А», видимо, рассчитывал на скидки. Если бы он летел на военном самолете, то надел бы обычную форму. Он взял напрокат дешевую машину, проехал двести девяносто восемь миль, снял в дешевом мотеле номер за пятнадцать долларов и подцепил шлюху за двадцать.

– Я знаю про полет, – сказал Гарбер. – Я связался с Двенадцатым корпусом и поговорил с его людьми. Сказал им, что он умер.

– Когда?

– После того как переговорил с диспетчером.

– Вы им сообщили, как и где он умер?

– Я сказал только, что, скорее всего, это сердечный приступ. Никаких подробностей, ничего определенного про место. Похоже, я принял правильное решение.

– А что насчет полета? – спросил я.

– «Американ эрлайнз», вчера, из Франкфурта в аэропорт Даллеса, прибыл в час дня. Сегодня в девять часов он должен был вылететь из аэропорта Нэшнл в международный аэропорт Лос-Анджелеса. Направлялся на конференцию бронетанковых войск в Форт-Ирвине. Крамер был командующим этих войск в Европе. Важная шишка. Мог через пару лет претендовать на пост заместителя начальника штаба. Как раз их очередь. Сейчас заместителем начальника штаба является кто-то из пехоты. Они придерживаются принципа ротации. Так что у него были шансы. Но теперь это ему уже не грозит.

– Видимо, да, – сказал я. – Он ведь умер и все такое.

Гарбер ничего не сказал.

– Сколько времени он собирался здесь провести? – спросил я.

– Должен был вернуться в Германию через неделю.

– А как его полное имя?

– Кеннет Роберт Крамер.

– Могу побиться об заклад, что вы знаете, когда и где он родился, – заметил я.

– И что?

– А еще знаете номер рейса, на котором он летел, и номер его места в самолете. Сколько правительство заплатило за билеты. Попросил ли он вегетарианский обед. И в какую комнату его собирались поселить в Ирвине.

– Ты к чему клонишь?

– К тому, что я ничего этого не знаю.

– Откуда тебе знать? – удивился Гарбер. – Пока я висел на телефоне, ты разгребал дерьмо в мотеле.

– Знаете что? – сказал я. – Всякий раз, когда я куда-то отправляюсь, у меня с собой целая куча бумажек: билеты, командировочные

удостоверения, подтверждение брони, а если я лечу за границу, у меня еще есть паспорт. Когда же я собираюсь на конференцию, в моем портфеле лежат разные бумаги, которые могут мне пригодиться.

– О чем ты говоришь?

– В его номере в мотеле не было билетов, подтверждений брони, паспорта, подорожной. Короче говоря, всего того, что люди возят в портфелях.

Гарбер ничего не ответил.

– У него была дорожная сумка, – продолжал я. – Из зеленой парусины, с креплениями из коричневой кожи. Десять против одного, что был такой же портфель. Скорее всего, сумку и портфель выбрала его жена. Наверное, заказала по каталогу компании «Л. Л. Бин». На Рождество, лет десять назад.

– И портфеля там не оказалось?

– Возможно, он держал в нем свой бумажник, когда надевал форму класса «А». Учитывая, сколько у него было разных ленточек, пользоваться внутренним карманом было неудобно.

– И что?

– Думаю, девица видела, куда он положил бумажник после того, как расплатился с ней. Затем они занялись делом, он умер, а она решила, что может этим воспользоваться и немножко подзаработать. Думаю, она украла портфель.

Гарбер немного помолчал, прежде чем спросить:

– С этим возникнут проблемы?

– Все зависит от того, что еще лежало в том портфеле.

Глава 02

Я положил трубку и увидел записку от моего сержанта: «Звонил ваш брат. Сообщения не оставил». Я сложил ее пополам и бросил в корзину для мусора. Затем отправился к себе и поспал три часа. Встал за пятнадцать минут до рассвета и был около мотеля, когда начало светать. Утро не изменило окружающий пейзаж к лучшему. Он являл собой печальное зрелище. На многие мили никого вокруг. Тихо. Никакого движения. В первый день нового года рассвет всюду такой: полнейшее затишье и пустота. На шоссе – ни одной машины.

Забегаловка на стоянке грузовиков была открыта, но посетителей там не оказалось. В конторе мотеля тоже никого. Я прошел к предпоследнему

номеру, где совсем недавно лежало тело Крамера. Дверь была заперта. Я прислонился к ней спиной и представил себе, что я шлюха, чей клиент только что умер. Я выбираюсь из-под его тела, быстро одеваюсь, хватаю портфель и бросаюсь бежать. Что я буду делать? Сам портфель меня не интересует. Мне нужен бумажник и, возможно, карточка «Американ экспресс». Поэтому, порывшись в нем, я беру то, что мне требуется, а от портфеля избавляюсь. Но как?

Лучше всего было бы оставить его в комнате. Но по какой-то причине я этого не делаю. Может быть, из-за паники. Или меня так потрясло и испугало случившееся, что я решаю сбежать оттуда как можно быстрее. В таком случае какие еще есть места? Я посмотрел в сторону бара. Наверное, я собираюсь именно туда. Потому что там моя база. Но я не могу пойти в бар с портфелем в руках. Мои товарки это непременно заметят, ведь у меня и так с собой большая сумка. Проститутки всегда носят большие сумки. Им требуется много самых разных вещей: презервативы, массажные масла, может, пистолет или нож, возможно, машинка для считывания кредиток. Если девица одета так, будто она собирается на бал, а в руках у нее сумка, словно она едет в отпуск, значит, перед вами проститутка.

Я посмотрел налево. Может быть, я обхожу мотель сзади? Там вроде бы спокойно. Все окна выходят туда, но сейчас ночь, и окна наверняка занавешены. Я повернул налево, потом еще раз налево и оказался позади номеров, на прямоугольном участке, заросшем чахлыми растениями, – он шел вдоль всего здания полосой примерно в двадцать футов шириной. Я представил себе, что иду очень быстро, затем останавливаюсь в глубокой тени и ощупью роюсь в портфеле. Я нахожу то, что мне нужно, и швыряю портфель в темноту. Отбрасываю его футов на тридцать.

Я стоял там, где она вполне могла остановиться, и оглядывал сектор примерно в четверть круга. Получалось, что мне нужно проверить около ста пятидесяти квадратных футов. Земля здесь была каменистой и замерзшей. Я нашел очень много всякой всячины: мусор, использованные шприцы, куски фольги, колпак от колеса «бьюика» и колесо от скейтборда. Но портфеля не было.

В дальнем конце участка находился деревянный забор, примерно шести футов высотой. Я забрался на него, заглянул и увидел еще одну прямоугольную площадку, заросшую травой и усыпанную камнями. И никакого портфеля. Я слез с забора, прошел вперед и оказался сзади конторы. Окно из грязного ребристого стекла, видимо, вело в туалет для персонала. Под ним были свалены в кучу ржавые кондиционеры, к которым явно несколько лет никто не прикасался. Я двинулся вперед, завернул за угол, потом налево и оказался на усыпанной гравием площадке, где стоял контейнер для мусора. Я открыл крышку и

обнаружил, что контейнер заполнен на три четверти. Портфеля там не было.

Тогда я пересек улицу, прошел через пустую парковочную площадку и посмотрел на бар. Он был закрыт, и в нем царила тишина. Неоновые вывески не горели, и составляющие их маленькие искривленные трубочки показались мне холодными и мертвыми. В дальнем конце парковки, точно потрепанный автомобиль, стоял еще один контейнер для мусора. В нем портфеля тоже не оказалось.

Я зашел в забегаловку, по-прежнему пустую, проверил пол вокруг столов и табуретов в кабинках, потом за стойкой. В углу стояла картонная коробка с парой одиноких зонтиков. Портфеля не было. Я заглянул в женский туалет. Ни женщин, ни портфеля.

Я посмотрел на часы и вернулся к бару. Мне нужно было задать там несколько личных вопросов, но я понимал, что он не откроется еще по меньшей мере часов восемь. Повернувшись, я снова взглянул на мотель. В конторе так никто и не появился. Поэтому я отправился назад, к своему «хаммеру», и забрался в него как раз в тот момент, когда по радио прозвучал сигнал 10–17. «Возвращайтесь на базу». Я подтвердил получение приказа, включил мощный дизельный двигатель и поехал в Бэрд. Поскольку движения на шоссе не было, мне удалось добраться до него меньше чем за сорок минут. На парковке я заметил машину Крамера. За столом перед моим кабинетом сидел уже другой дежурный – капрал. Заступила дневная смена. Капрал был маленьким и смуглым, судя по всему, родом из Луизианы. В его жилах явно текла французская кровь. Я всегда ее распознаю, когда вижу.

– Ваш брат снова звонил, – доложил он.

– Зачем?

– Он не оставил сообщения.

– А с какой стати десять семнадцать?

– Полковник Гарбер требует десять девятнадцать.

Я улыбнулся. Можно всю жизнь говорить только «десять это» или «десять то». Иногда мне кажется, что со мной именно так и происходит. 10–19 – это контакт по радио или телефону, но менее срочный, чем 10–16, когда требуется связаться с кем-нибудь по секретной наземной линии. «Полковник Гарбер требует 10–19» означало: «Гарбер хочет, чтобы вы ему позвонили» – и все. В некоторых подразделениях военной полиции принято говорить по-английски, но, судя по всему, здесь такой привычки не было.

Я вошел в свой кабинет и увидел дорожную сумку Крамера у стены и картонную коробку с его обувью, нижним бельем и фуражкой. Форма висела на трех плечиках на моей вешалке для одежды. Я прошел мимо нее к столу и набрал номер телефона Гарбера. Слушая гудки, я пытался понять, что потребовалось от меня брату. А заодно как ему удалось меня найти. Шестьдесят часов назад я находился в Панаме. Причем в самых разных местах, так что ему пришлось приложить немалые усилия, чтобы меня разыскать. Значит, это что-то важное. Я взял карандаш и написал на клочке бумаги: «Джо». Затем два раза подчеркнул.

– Да? – сказал мне в ухо Гарбер.

– Ричер, – доложил я и посмотрел на часы, висящие на стене.

Было начало десятого утра. Самолет, на котором Крамер должен был лететь в аэропорт Лос-Анджелеса, уже находился в воздухе.

– Сердечный приступ, – сказал Гарбер. – Без вопросов.

– Быстро они справились.

– Ну, он же был генералом.

– Генералом с больным сердцем.

– На самом деле с плохими коронарными артериями. У него был тяжелый атеросклероз, который стал причиной желудочковой фибрилляции, приведшей к смерти. Так нам сказали. И я им верю. Видимо, приступ начался, когда шлюха снимала лифчик.

– У него не было с собой никаких лекарств.

– Скорее всего, он не знал о своей болезни. Так бывает. Ты чувствуешь себя прекрасно, а потом раз – и умер. Подстроить это нельзя. Наверное, при помощи электрического шока можно симулировать фибрилляцию, но не количество всякой дряни в артериях, которая копилась в течение сорока лет.

– А что, есть причины подозревать, что его смерть была неестественной?

– В ней мог быть заинтересован КГБ, – сказал Гарбер. – Крамер и его танки являлись самой серьезной тактической проблемой Красной армии.

– Сейчас Красная армия смотрит в другую сторону.

– Еще рано делать выводы, насколько они серьезны и сколько времени будут туда смотреть.

Я ничего не сказал, и телефон молчал тоже.

– Я не могу позволить, чтобы кто-нибудь влез в это дело, – проговорил Гарбер. – Пока не могу. Учитывая все обстоятельства. Ты ведь меня понимаешь?

– И что?

– А то, что тебе придется сообщить вдове о случившемся, – сказал Гарбер.

– Мне? Разве она не в Германии?

– Она в Виргинии. Приехала домой на праздники. У них там дом.

Он продиктовал мне адрес, и я записал его на бумажке, на которой чуть раньше подчеркнул имя «Джо».

– С ней еще кто-нибудь? – спросил я.

– У них нет детей. Так что, наверное, она одна.

– Хорошо, – сказал я.

– Она еще ничего не знает, – добавил Гарбер. – Мне потребовалось довольно много времени, чтобы ее разыскать.

– Мне взять с собой священника?

– Он умер не на поле боя. Думаю, ты можешь взять с собой женщину в качестве напарницы. На случай, если миссис Крамер захочет поплакать.

– Ладно.

– Надеюсь, ты понимаешь, что ей не нужно знать никаких подробностей. Он летел в Ирвин. Умер в отеле, где ждал своего рейса. Такой будет официальная версия. Пока никто, кроме тебя и меня, ничего не знает, и пусть так и останется. Напарнице, которую ты возьмешь с собой, можешь сказать правду. Миссис Крамер, скорее всего, начнет задавать вопросы, и вы должны отвечать одинаково. Как насчет местной полиции? От них не произойдет утечки?

– Коп, с которым я разговаривал, – бывший морской пехотинец. Он знает правила.

– Semper Fi![4] – сказал Гарбер.

– Мне не удалось найти его портфель, – сообщил я ему.

Телефон снова замолчал.

– Сначала поезжай к вдове, – сказал Гарбер. – А потом постарайся его отыскать.

Я велел дежурному капралу перенести вещи Крамера ко мне домой, так как не хотел, чтобы с ними что-нибудь случилось. Рано или поздно вдова захочет получить их назад. А на большой базе вроде Бэрда вещи иногда пропадают, что бывает исключительно неприятно и доставляет массу хлопот. Затем я отправился в офицерский клуб, где принялся разглядывать представителей военной полиции, которые ели поздний завтрак или ранний ланч. Они, как правило, держатся в стороне от остальных, потому что все их ненавидят. Я заметил группу из четырех человек в форме – двух мужчин и двух женщин. На руке одной из женщин была шина, которая мешала ей есть, – значит, ей будет трудно вести машину. У другой были лейтенантские нашивки и имя «Саммер» на груди. Она выглядела лет на двадцать пять и была невысокой и стройной, с кожей цвета красного дерева.

– Лейтенант Саммер, – обратился я к ней.

– Сэр?

– С Новым годом.

– И вас тоже, сэр.

– Вы сегодня заняты?

– Обычные обязанности, сэр.

– Хорошо. Жду вас через полчаса. Форма класса «А». Вы нужны мне, чтобы утешить вдову.

Я снова надел свою форму класса «А» и вызвал из гаража седан. Мне не хотелось ехать в Виргинию на «хаммере»: слишком много шума и не слишком много удобства. Рядовой подогнал мне новенький «шевроле» оливкового цвета. Я расписался в получении, подъехал к штабу и стал ждать.

Лейтенант Саммер появилась на двадцать девятой минуте. Она на мгновение замерла на месте, а затем направилась к машине. Выглядела она великолепно. Она была очень маленького роста, но двигалась легко и уверенно. А еще она была похожа на шестифутовую модель с подиума, только в миниатюре. Я вышел из машины, оставив открытой дверцу со стороны водителя, и встретил ее на тротуаре. Ее форму украшал значок мастера снайперской стрельбы с планками, обозначающими винтовку, мелкокалиберную винтовку, автоматическую винтовку, пистолет, мелкокалиберный пистолет, автомат и пулемет. Получилась небольшая лесенка длиной в два дюйма. Длиннее, чем у меня. У меня только винтовка и пистолет. Она замерла передо мной, встала по стойке «смирно» и безупречно отсалютовала.

– Лейтенант Саммер явилась по вашему приказанию, сэр, – доложила она.

– Не напрягайтесь, – сказал я. – Никаких формальностей, договорились? Называйте меня Ричер или никак не называйте. И не нужно салютов, я их не переношу.

Она помолчала, а потом расслабилась.

– Хорошо, – сказала она.

Я открыл пассажирскую дверцу и начал садиться.

– Вести буду я? – спросила Саммер.

– Я не спал почти всю ночь.

– Кто умер?

– Генерал Крамер, – ответил я. – Большая шишка из бронетанковых войск, расквартированных в Европе.

– И что он здесь делал? Мы же пехота.

– Проезжал мимо, – объяснил я.

Она забралась на водительское место и подвинула кресло максимально вперед. Поправила зеркало. Я же, наоборот, отодвинул свое сиденье как можно дальше назад и постарался устроиться поудобнее.

– Куда? – спросила она.

– В Грин-Вэлли, Виргиния, – ответил я. – Думаю, дорога займет часа четыре.

– Там живет вдова?

– Нет, она приехала домой на праздники, – сказал я.

– А мы, значит, должны сообщить ей новость? С Новым годом, мэм, и, кстати, ваш муж умер, так?

Я кивнул.

– Повезло нам.

На самом деле я нисколько не волновался по поводу предстоящего разговора. Генеральские вдовы, как правило, отличаются сильным характером. Либо они в течение тридцати лет упорно толкали мужа вверх по лестнице, либо те же тридцать лет терпели его, когда он делал это сам. В любом случае на свете осталось мало вещей, которые в

состоянии вывести их из равновесия. По большей части они сильнее и жестче самих генералов.

Саммер сняла пилотку и бросила на заднее сиденье. У нее были короткие волосы, почти ежик, изящной формы череп и скулы. И гладкая кожа. Мне понравилось, как она выглядит. А еще она очень быстро вела машину. Она пристегнула ремень и помчалась на север так, словно участвовала в гонках «Наскар».

– Несчастный случай? – спросила она.

– Сердечный приступ, – ответил я. – У него были плохие артерии.

– Где? В гостинице для офицеров?

Я покачал головой.

– В дрянном маленьком мотеле в городе. Он умер на двадцатидолларовой проститутке.

– Вдове мы этого, конечно, не скажем?

– Не скажем. Об этом мы вообще никому не должны говорить.

– А кстати, почему он тут оказался?

– Он приехал не в Бэрд. Он прилетел из Франкфурта в Даллес, через двадцать часов должен был лететь в аэропорт Лос-Анджелеса, а оттуда в Ирвин на конференцию.

– Понятно, – сказала она и замолчала.

Мы проехали мимо мотеля, только значительно западнее, и направились в сторону шоссе.

– Я могу спросить? – заговорила Саммер.

– Пожалуйста.

– Это испытание?

– В каком смысле?

– Вы ведь из Сто десятого особого отдела?

– Да, из него, – ответил я.

– Я подала заявление, которое в настоящий момент рассматривается.

– В Сто десятый?

– Да, – сказала она. – Итак, это закрытая проверка?

– Чего?

– Моих способностей, – сказала она. – В качестве кандидата.

– Мне требовалась женщина для сопровождения. На случай, если вдова окажется слабонервной. Я выбрал вас по чистой случайности. Капитан со сломанной рукой не смогла бы вести машину. А с нашей стороны было бы несколько неуместно дожидаться приказа о назначении от мертвого генерала.

– Наверное, – не стала спорить она. – Но я все равно пытаюсь понять, ждете ли вы, когда я начну задавать очевидные вопросы.

– Мне кажется, что любой представитель военной полиции, у которого есть голова на плечах, должен задать очевидные вопросы, вне зависимости от того, рассматривается ли его заявление о переводе в особый отдел.

– Хорошо, я спрашиваю. У генерала Крамера было двадцать свободных часов, он решил немного расслабиться и не возражал против того, чтобы заплатить за удовольствие. Но почему он приехал сюда? Иными словами, зачем проделал триста миль?

– Двести девяносто восемь, – уточнил я.

– А потом ему пришлось бы возвращаться назад еще столько же.

– Очевидно.

– Так зачем?

– Вот вы мне и скажите, – предложил я. – Если вам придет в голову что-нибудь такое, о чем я не подумал, можете рассчитывать на мою рекомендацию, когда будет решаться вопрос о вашем переводе.

– От вас ничего не зависит. Вы не мой командир.

– Кто знает? – сказал я. – По крайней мере, на этой неделе.

– А что вы вообще здесь делаете? Случилось что-то, о чем я должна знать?

– Я и сам не знаю, зачем я здесь, – ответил я. – Я получил приказ, а больше мне ничего не известно.

– Вы действительно майор?

– В прошлый раз, когда проверял, был майором.

– Мне казалось, что следователи из Сто десятого все уоррент-офицеры.[5] И что они работают в штатском или под прикрытием.

– Как правило, так и есть.

– Тогда зачем присылать вас сюда, если они могли взять уоррент-офицера и выдать его за майора?

– Хороший вопрос, – сказал я. – Может, когда-нибудь я узнаю на него ответ.

– Можно спросить, какое у вас предписание?

– Временно исполняющий обязанности начальника военной полиции Форт-Бэрда.

– Наш начальник военной полиции отсутствует, – сказала она.

– Я знаю, – проговорил я. – Я проверил. Его перевели в тот же день, что и меня. Временно.

– Значит, вы исполняете обязанности начальника.

– Как я уже сказал.

– Исполняющий обязанности начальника военной полиции и особый отдел – вещи не связанные.

– Я могу прикинуться, – сказал я. – Я начинал как самый обычный военный коп, совсем как вы.

Она ничего не сказала, просто продолжала молча вести машину.

– Насчет Крамера, – нарушил я тишину. – Почему он решил проехать шестьсот миль? Это же примерно двенадцать часов за рулем из тех двадцати, что у него были. Только затем, чтобы потратить пятнадцать баксов на номер и двадцать на шлюху?

– Какое это имеет значение? Сердечный приступ – это сердечный приступ. Или у вас есть сомнения?

Я покачал головой.

– В госпитале Уолтера Рида уже сделали вскрытие.

– Значит, на самом деле не имеет никакого значения, где и когда он умер.

– Пропал его портфель с бумагами.

– Понятно, – сказала Саммер.

Она задумалась, слегка прищурив глаза.

– А откуда вам известно, что у него был портфель? – спросила она.

– Наверняка мне это не известно. Но вы когда-нибудь видели, чтобы генерал отправлялся на конференцию без портфеля?

– Не видела, – сказала она. – Вы думаете, проститутка прихватила его и сбежала?

Я кивнул.

– Такова рабочая гипотеза на данный момент.

– Значит, нужно ее найти.

– Но кто она?

Саммер снова слегка прищурилась.

– Бессмыслица какая-то.

– Вот именно, – согласился я.

Саммер стала размышлять вслух:

– Существует четыре возможные причины, по которым Крамер не остался в Вашингтоне. Первая: он ехал вместе с другими офицерами и не хотел портить свою репутацию, приглашая проститутку к себе в номер. Они могли увидеть ее в коридоре или услышать через стенку. Поэтому он придумал какой-то повод и остановился в другом месте. Вторая: даже если он летел один, у него могла быть командировка от Министерства обороны, и он побоялся, что портье увидит девицу и позвонит в «Вашингтон пост». Такое тоже случается. Поэтому он решил заплатить наличными в никому не известной дыре. Третья причина: если его билет купило не Министерство обороны, его могли хорошо знать в каком-нибудь крупном отеле, и по этой же причине он решил спрятаться за пределами большого города. И четвертая: он не мог удовлетворить свои сексуальные пристрастия, изучая «Желтые страницы» округа Колумбия, поэтому отправился туда, зная наверняка, что его обслужат так, как ему хотелось.

– Но?

– Проблемы один, два и три можно решить, отъехав на десять или пятнадцать миль. Двести девяносто восемь – это перебор. И хотя я готова поверить, что существуют пристрастия, которые невозможно удовлетворить в округе Колумбия, мне представляется маловероятным, что здесь, в Северной Каролине, можно получить что-нибудь экзотическое. Да и стоит такое удовольствие должно значительно больше, чем двадцать баксов.

– В таком случае зачем он решил прокатиться на шестьсот миль?

Она не ответила, ехала молча и думала. Я закрыл глаза. И не открывал их целых тридцать пять миль.

– Он знал девушку, – сказала Саммер.

Я открыл глаза.

– Откуда?

– У некоторых мужчин имеются предпочтения, своего рода фаворитки среди проституток. Возможно, они познакомились давно. Он на нее запал. Так тоже бывает. Это вообще могло быть что-то вроде любви.

– И где же он мог с ней познакомиться?

– Здесь.

– Бэрд – база пехоты. Он был из бронетанковых войск.

– У них могли быть совместные учения. Вам нужно это проверить.

Я промолчал. Пехота и танковые войска постоянно проводят совместные учения, но там, где находятся танки, а не пехота. Перевозить людей через континент гораздо проще, чем тяжелую технику.

– Он мог встретиться с ней в Ирвине, – продолжила Саммер. – В Калифорнии. Может, она работала в Ирвине и по какой-то причине ей пришлось уехать из Калифорнии, но ей нравится обслуживать военные базы, вот она и перебралась в Бэрд.

– Какой проститутке может нравиться обслуживать военные базы?

– Той, что интересуется деньгами. Иными словами, любой из них. Военные базы поддерживают экономику тех мест, где они находятся, – во всех отношениях.

Я ничего не сказал.

– Или она всегда работала в Бэрде, но отправилась за пехотой в Ирвин, когда там проводились очередные совместные учения. Они иногда продолжаются месяц или даже два. Какой смысл оставаться дома, когда нет клиентов?

– Так что же вы выбираете? – спросил я.

– Они познакомились в Калифорнии, – сказала Саммер. – Крамер наверняка часто бывал в Ирвине. Затем она перебралась в Северную Каролину, но она ему так нравилась, что он был готов навещать ее всякий раз, как оказывался в Вашингтоне.

– Она не делала ничего особенного. Не забывайте про двадцать баксов.

– Может, ему и не требовалось ничего особенного.

– Давайте спросим у вдовы.

Саммер улыбнулась.

– А если она ему просто нравилась? Старалась ему нравиться. Проститутки это хорошо умеют. Больше всего на свете они любят постоянных клиентов. Для них гораздо спокойнее и безопаснее, когда они уже знакомы с мужчиной, которого обслуживают.

Я снова закрыл глаза.

– Итак? – спросила Саммер. – Мне удалось придумать что-нибудь, что не пришло вам в голову?

– Нет, – сказал я.

Я заснул, прежде чем мы покинули штат, и проснулся примерно через четыре часа, когда Саммер слишком быстро помчалась по въезду в Грин-Вэлли. Моя голова дернулась вправо и ударилась об окно.

– Извините, – сказала Саммер. – Вам следует проверить записи телефонных разговоров Крамера. Он мог позвонить заранее, чтобы убедиться, что она на месте. Вряд ли он поехал бы так далеко, полагаясь на случайность.

– Откуда он мог звонить?

– Из Германии, – ответила она. – Перед отъездом.

– Скорее, воспользовался телефоном-автоматом в аэропорту Даллеса. Но мы проверим.

– Мы?

– Вы можете стать моим партнером.

Она никак не отреагировала на мои слова.

– В качестве испытания, – добавил я.

– А это важное дело?

– Скорее всего, нет. Но может быть, и важное. Все зависит от того, каким вопросам посвящена конференция. И какие бумаги у него были с собой. У него в портфеле могли лежать стратегические планы и карты расположения наших войск в Европе. Или новые тактические разработки, оценка недостатков, любая секретная информация.

– Которую мечтает заполучить Красная армия.

Я кивнул.

– Однако меня гораздо больше беспокоят журналисты. Газеты и телевидение. Представьте себе, что какой-нибудь репортер находит секретные документы в куче мусора возле стрип-клуба, – вот это будет очень неприятно.

– Может, вдова что-нибудь знает. Он мог обсуждать с ней свои дела.

– Нельзя у нее спрашивать, – возразил я. – Для нее он умер во сне, накрывшись одеялом до самого подбородка, а все остальное ее не касается. Вопросы, которые нас беспокоят, на данном этапе должны остаться между вами, мной и Гарбером.

– Гарбером? – переспросила она.

– В этом деле нас трое: я, вы и он, – подтвердил я.

Я увидел, как она улыбнулась. Дело было самым обычным, но работа с Гарбером – это определенно удача для человека, подавшего заявление на перевод в 110-й особый отдел.

Грин-Вэлли оказался иллюстрацией безупречного колониального городка, а дом Крамера – аккуратным старым особняком в его богатой части. Викторианская конфетка с крышей, крытой черепицей, и множеством башенок и крылечек, выкрашенных в белый цвет, посреди пары акров изумрудно-зеленой лужайки. Тут и там росли величественные хвойные деревья, которые кто-то посадил лет сто назад, следуя четкому плану. Мы остановились у обочины и стали смотреть на дом. Не знаю, о чем думала Саммер, а я оглянулся вокруг себя и занес эту картину в свою память под буквой «А», что означало «Америка». У меня есть номер социальной страховки и такой же, как у всех, сине-серебристый паспорт, но, учитывая, сколько пришлось разъезжать по миру моему отцу, а потом и мне самому, вряд ли в моей жизни наберется пять лет, проведенных в континентальной Америке. Мне известен набор элементарных знаний, например, столицы штатов или в каком количестве матчей выиграл Лу Геригˌ[6] а также кое-что из того, чему учат в средней школе: поправки к Конституции и значение Антиетама.[7] Но я не имею ни малейшего понятия о том, сколько стоит молоко, как следует обращаться с телефоном-автоматом, а также как выглядят и пахнут самые разные места. Поэтому когда у меня появляется возможность, я восполняю пробелы в своем образовании.

И уж можете не сомневаться, дом Крамера стоил того, чтобы присмотреться к нему как следует. Бледное солнце заливало его своим светом, дул легкий ветерок, в воздухе плыли ароматы древесного дыма, а нас со всех сторон окружала глубокая тишина холодного дня. В таком

месте должны были бы жить ваши дедушка и бабушка. Вы бы их навещали осенью, собирали листья, пили яблочный сидр, а потом возвращались сюда летом, загружали каноэ в старенький фургон и отправлялись на озеро. Дом напомнил мне картинки в книгах, которые мне давали в Маниле, Гуаме и Сеуле.

Пока мы не вошли внутрь.

– Готовы? – спросила Саммер.

– Конечно, – ответил я. – За дело. Пора встретиться с вдовой.

Она промолчала. Я не сомневался, что она уже выполняла подобные поручения. Я тоже, и не один раз. Ничего приятного в этом нет. Саммер отъехала от обочины и двинулась к подъездной дорожке. Медленно направилась к входной двери и остановилась в десяти футах от нее. Мы одновременно открыли дверцы, вышли наружу и поправили свои форменные куртки. Пилотки мы оставили в машине. Если миссис Крамер за нами наблюдала, она должна была сразу все понять. Двое представителей военной полиции у дверей – это плохая новость, а если они к тому же еще и без пилоток, тогда дело хуже не придумаешь.

Дверь была выкрашена в тусклый красный цвет, от ветра ее защищал стеклянный экран. Я позвонил в звонок, и мы стали ждать. Мы ждали довольно долго, и я заподозрил, что дома никого нет. Снова позвонил. Дул холодный ветер, он оказался сильнее, чем можно было подумать.

– Нужно было сначала позвонить, – сказала Саммер.

– Мы не могли, – ответил я. – Не могли сказать: «Пожалуйста, будьте дома через четыре часа, потому что мы должны сообщить вам очень важную новость, с глазу на глаз». Слишком длинное вступление, вам не кажется?

– Я проехала такой путь, и мне даже некого утешить.

– Звучит как песня в стиле кантри. А потом ваш грузовик ломается и ваша собака умирает.

Я снова позвонил. Никакого ответа.

– Давайте посмотрим, на месте ли машина, – предложила Саммер.

Мы нашли машину в закрытом гараже на две машины, стоящем в стороне от дома. Мы разглядели ее в окно. «Меркурий гранд-маркиз», зеленый металлик, размером с океанский лайнер. Идеальный автомобиль для генеральской жены. Не новый, но и не старый, высшего класса, но не самый дорогой, и подходящего цвета. Совершенно американский.

– Думаете, это ее машина? – спросила Саммер.

– Возможно, – ответил я. – Бьюсь об заклад, что до того, как он стал подполковником, они ездили на «форде», а позже пересели в «меркурий». Наверное, ждали, когда он получит третью звезду, чтобы купить «линкольн».

– Печально.

– Вы так думаете? Вспомните, где он был ночью.

– А она где? Может, вышла прогуляться?

Мы развернулись, и ветер ударил нам в спину. В этот момент мы услышали, как в задней части дома хлопнула дверь.

– Она была в саду, – сказала Саммер. – Видимо, работала там.

– Никто не работает в саду первого января, – возразил я. – По крайней мере, в этом полушарии. Тут ничего не растет.

Однако мы снова обошли дом и еще раз позвонили в звонок. Будет лучше, если вдова генерала встретит нас на своих условиях, официально. Но миссис Крамер нам не открыла. Мы снова услышали, как стукнула задняя дверь, бессмысленно, словно ветер решил немного порезвиться.

– Нужно проверить, – сказала Саммер.

Я кивнул. Когда дверь вот так стучит, получается особенный звук, который может многое означать.

– Да, – согласился я. – Наверное, нужно.

Мы вместе отправились к задней части дома. Сердитый ветер толкал нас в спину. Дорожка была выложена плитняком и вела к кухонной двери, которая открывалась внутрь. Скорее всего, там имелась пружина, чтобы дверь не болталась по собственной воле. Судя по всему, пружина ослабла, потому что порывы ветра время от времени распахивали дверь на несколько дюймов. Потом они стихали, и дверь со стуком закрывалась. Так произошло три раза, пока мы стояли и смотрели на нее. Это стало возможно, так как кто-то взломал замок.

Это был хороший замок, из стали, которая оказалась надежнее дерева. Кто-то воспользовался ломом, с силой ударил раза два, замок выдержал, а дерево – нет. Дверь открылась, замок вывалился из дыры и остался лежать на дорожке. Щепки валялись повсюду, видимо разбросанные ветром.

– Что теперь? – спросила Саммер.

Системы безопасности в доме не было. Сигнализации тоже – я нигде не заметил ни проводов, ни коробок. Никаких автоматических звонков в ближайший полицейский участок. Значит, мы не могли знать, давно ли ушли плохие парни, или они еще в доме.

– И что теперь? – снова спросила Саммер.

Мы были без оружия. Кто берет с собой оружие во время официального визита в форме класса «А»?

– Идите к передней двери, на случай если кто-нибудь оттуда выйдет, – сказал я.

Саммер без возражений отправилась выполнять приказ, и я дал ей минуту, чтобы она могла занять позицию. Затем я толкнул дверь локтем и вошел в кухню. Закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной, чтобы она не открылась. А потом прислушался.

В доме царила тишина.

В кухне едва различимо пахло тушеными овощами и кофе. Она была большой и относительно чистой. Место, которым часто пользуются. Справа от меня в дальнем конце я заметил дверь. Открытую. За ней виднелся маленький треугольник гладко отполированного дубового пола. Коридор. Очень медленно я двинулся вперед и направо, и у меня за спиной с грохотом хлопнула входная дверь. Мне удалось разглядеть еще кусок коридора. Судя по всему, он вел прямо к парадной двери. Слева была закрытая дверь. Наверное, столовая. Справа от нее – кабинет или маленькая гостиная: письменный стол, стул и книжные полки из темного дерева. Я сделал один осторожный шаг вперед, потом еще один.

И увидел мертвую женщину на полу в коридоре.

Глава 03

У нее были длинные седые волосы, и она была в белой фланелевой ночной рубашке. Она лежала на боку, ступни – около двери в кабинет. Руки и ноги раскинуты так, будто она бежала. Из-под тела торчал пистолет. Одна сторона головы была полностью снесена. Кровь и мозг пропитали волосы. На дубовом полу застыла лужа крови, темной и липкой.

Я шагнул в коридор и остановился на расстоянии вытянутой руки от нее. Затем присел на корточки и потянулся к запястью. Кожа была холодной. Пульс мне нащупать не удалось.

Я остался сидеть на корточках, прислушиваясь к тишине. Ничего. Я вытянул шею и посмотрел на ее голову. Миссис Крамер ударили чем-то очень жестким и тяжелым. Хватило одного сильного удара. Рана по

форме напоминала длинную канаву, примерно в дюйм шириной и около четырех дюймов в длину. Миссис Крамер смотрела на заднюю часть дома, в кухню, и удар нанесли слева и сверху. Я огляделся по сторонам, выпустил ее запястье, встал и вошел в гостиную. Персидский ковер закрывал большую часть пола. Я стоял на нем и представлял себе, как прислушиваюсь к тихим, осторожным шагам в коридоре. Представлял, как продолжаю держать в руке ломик, которым взломал замок. Представлял, как я замахиваюсь, когда появляется моя жертва, проходящая мимо открытой двери.

Я посмотрел вниз и увидел на ковре кровавый след и волосы. Убийца вытер об него свое орудие.

Больше ничего в комнате не было тронуто. Она показалась мне какой-то безжизненной, лишенной индивидуальности. Складывалось впечатление, что ее обустроили, потому что в доме должен быть кабинет, а не потому, что в нем была необходимость. Стол не выглядел так, будто на нем работали. На нем стояли фотографии в серебряных рамках, но меньше, чем я ожидал увидеть, учитывая, как давно они женаты. На одной из них мертвый мужчина из мотеля и мертвая женщина из коридора были сняты на фоне «Маунт-Рашмора».[8] Генерал и миссис Крамер на отдыхе. Он – значительно выше ее, сильный, полный жизни и энергичный. По сравнению с ним она выглядела крошечной.

Еще на одной, цветной, фотографии Крамер был снят в форме несколько лет назад. Он стоял на верхней ступеньке трапа и собирался сесть в транспортный самолет С-130. Форма у него была зеленой, самолет – коричневым. Он улыбался и махал рукой. Видимо, отправлялся на очередной пост, где получил свою первую звезду. Имелся еще один снимок, почти такой же, только более свежий: Крамер на трапе самолета, он повернулся и с улыбкой машет рукой. Наверное, на пути к своей второй звезде. На обеих фотографиях он махал правой рукой, а в левой у него была та же сумка для одежды, которую я обнаружил в шкафу в мотеле. А кроме того, на всех снимках под мышкой он держал один и тот же портфель.

Я снова вышел в коридор, старательно прислушался, но ничего не услышал. Я мог бы обыскать дом, однако в этом не было необходимости, поскольку я не сомневался, что в нем нет никого и ничего из того, что я хотел бы найти. Поэтому я в последний раз посмотрел на вдову Крамера, на ее ступни. Да, недолго она была вдовой. Может, час или три. По моим представлениям, кровь на полу появилась двенадцать часов назад. Но точно сказать было трудно. Это подождет до приезда врачей.

Я вышел через кухонную дверь и отправился искать Саммер. Сказал ей, чтобы она сходила в дом и посмотрела собственными глазами. Так было быстрее, чем объяснять, что я там обнаружил. Она вернулась через четыре минуты, спокойная и собранная. «Одно очко в пользу Саммер», – подумал я.

– Как вы относитесь к совпадениям? – спросила она.

Я ничего не ответил.

– Нам придется съездить в Вашингтон, – добавила она. – В госпиталь Уолтера Рида. Чтобы они еще раз проверили результаты вскрытия.

Я продолжал молчать.

– Теперь его смерть становится подозрительной. Что я хочу сказать? Вероятность того, что определенный военный умрет в определенный день, примерно один к пятидесяти тысячам, но чтобы его жена умерла в тот же самый день? А уж тем более чтобы ее убили в тот же самый день?

– Это был не тот же самый день, – сказал я. – Даже не тот же год.

Саммер кивнула.

– Ну да. Канун Нового года и первое января. Но вы ведь понимаете, что я имею в виду. Трудно поверить, что прошлой ночью в госпитале дежурил патологоанатом. Значит, его привезли специально. Откуда? Скорее всего, с вечеринки.

Я усмехнулся:

– Иными словами, вы хотите, чтобы мы отправились туда и сказали: «Эй, а вы уверены, что ваш доктор вчера был в состоянии сделать нормальное вскрытие? И отличить сердечный приступ от убийства?»

– Мы должны проверить, – упрямо повторила она. – Я не люблю совпадения.

– Как вы думаете, что здесь произошло?

– Кто-то взломал дверь и влез в дом. Миссис Крамер проснулась от шума, встала, схватила пистолет, который всегда держала под рукой, спустилась вниз и направилась на кухню. Смелая была женщина.

Я ничего не сказал.

– Так мы поедем в госпиталь?

– Обязательно, – ответил я. – Как только закончим здесь.

Мы позвонили в полицейский участок Грин-Вэлли с телефона, висящего на стене в кухне. Затем связались с Гарбером и сообщили ему новость.

Он сказал, что встретится с нами в госпитале. А потом мы стали ждать. Саммер наблюдала за входом в дом, а я – за задней дверью. Ничего не происходило. Копы приехали через семь минут – маленькая колонна из двух полицейских патрульных машин, машины с детективом и «скорой помощи». Они прибыли с воем сирен, который был слышен за милю, и с включенными огнями. Влетев на подъездную дорогу, они наконец заткнулись. Во внезапно наступившей тишине мы с Саммер отступили назад, и вся компания промчалась мимо нас. Нам здесь нечего было делать. Жена генерала являлась гражданским лицом, а дом находился в их юрисдикции. Как правило, я не позволяю таким мелочам мешать моей работе, но дом уже рассказал мне все, что я хотел знать. Вот почему я был готов не вмешиваться и заработать несколько положительных очков. В дальнейшем они могут оказаться очень полезными.

Патрульный наблюдал за нами целых двадцать минут, пока остальные копы осматривали дом. Затем оттуда вышел детектив в цивильном костюме, чтобы снять с нас показания. Мы рассказали ему о сердечном приступе Крамера, о том, что мы приехали, чтобы сообщить вдове о его смерти, и о том, как услышали стук двери. Детектива звали Кларк, и он совершенно спокойно отнесся к тому, что мы ему поведали. Зато его взволновало то же, что и Саммер. Оба Крамера умерли в одну и ту же ночь, находясь на расстоянии многих миль друг от друга, что было совпадением, а он любил совпадения не больше, чем Саммер. Мне стало жаль Рика Стоктона, заместителя шефа полиции в Северной Каролине. В свете новых событий его решение позволить мне забрать тело выглядело не слишком правильным. Получалось, что половина задачки оказалась в руках военных. Значит, возникнет конфликтная ситуация.

Мы назвали Кларку номер телефона, по которому он мог связаться с нами в Бэрде, и сели в свою машину. По моим представлениям, до округа Колумбия было около семидесяти миль. Примерно час и десять минут. Или меньше, учитывая, как Саммер вела машину. Она сорвалась с места, выбралась на шоссе и вжала педаль акселератора в пол так, что машина задрожала от усилий.

– Я видела портфель на фотографиях, – сказала она. – А вы?

– Да, – ответил я.

– Вас расстраивает вид мертвых людей?

– Нет, – сказал я.

– Почему?

– Не знаю. А вас?

– Немного.

Я ничего не сказал.

– Вы считаете, что это совпадение? – спросила она.

– Нет, – ответил я. – Я не верю в совпадения.

– Значит, вы думаете, что патологоанатом что-то пропустил?

– Нет, – повторил я. – Я думаю, что результаты вскрытия, скорее всего, соответствуют действительности.

– Тогда зачем мы так мчимся в округ Колумбия?

– Потому что я хочу извиниться перед патологоанатомом. Я впутал его в эту историю, навязав ему тело Крамера. Теперь гражданские копы будут изводить его целый месяц. Ему это совсем не понравится.

Но патологоанатом оказалась женщиной, а не мужчиной, и у нее было такое радостное настроение, что ее вряд ли могло что-нибудь вывести из этого состояния надолго. Мы встретились с ней в приемной Центрального военного госпиталя Уолтера Рида, в четыре часа дня первого января. Приемная выглядела, как все приемные в больницах. С потолка свисали праздничные гирлянды, правда, вид у них был слегка помятый. Гарбер приехал незадолго до нас и сидел на пластиковом стуле. Он был не слишком крупным мужчиной и, судя по всему, не испытывал неудобств. Однако он сидел молча и даже не представился Саммер. Она встала рядом с ним, а я прислонился к стене. Доктор стояла перед нами с бумагами в руке, словно читала лекцию маленькой группе заинтересованных студентов. На именной табличке значилось: «Сэм Макгоуэн». Она была молодой, смуглой, деловитой и открытой.

– Генерал Крамер умер от естественных причин, – сообщила она нам. – Сердечный приступ прошлой ночью, после одиннадцати, но до полуночи. Никаких сомнений. Я буду счастлива, если вы захотите провести повторную проверку, но вы только зря потеряете время. Токсикологические тесты ничего не показали. Свидетельства желудочковой фибрилляции бесспорны, бляшки в артериях были огромными. Поэтому остается единственный возможный вопрос: не мог ли кто-то при помощи электроприбора стимулировать фибрилляцию у человека, который все равно умер бы от нее через несколько минут, часов, дней или недель?

– А как это можно было бы сделать? – спросила Саммер.

Макгоуэн пожала плечами.

– Кожа должна была быть влажной на большой площади. Точнее, он должен был находиться в ванне. Затем, если пустить ток в воду, может

возникнуть фибрилляция без следов ожога. Но он не находился в ванне, и нет никаких свидетельств того, что он вообще принимал ее раньше.

– А если бы кожа не была влажной?

– Тогда я увидела бы следы от ожогов. Но я их не обнаружила, а я изучила каждый дюйм тела под увеличительным стеклом. Никаких ожогов или следов инъекций – ничего.

– Как насчет шока, удивления или страха?

Доктор снова пожала плечами.

– Возможно, но мы знаем, чем он занимался. Этот вид внезапного сексуального возбуждения является классическим инициатором сердечного приступа.

Все молчали.

– Естественные причины, друзья, – сказала Макгоуэн. – Самый обычный сердечный приступ. Даже если на него посмотрят все патологоанатомы мира, они придут к единому мнению. Я вам это гарантирую.

– Ладно, – проговорил Гарбер. – Спасибо, доктор.

– Я приношу вам свои извинения, – сказал я. – Вам придется повторять это примерно двум дюжинам гражданских копов каждый день в течение следующих нескольких недель.

– Я напечатаю официальное заключение, – улыбнулась она.

Затем обвела нас взглядом на случай, если у кого-то возникли еще вопросы. У нас их не было, поэтому она снова улыбнулась и скрылась за дверью. Дверь захлопнулась, украшения на потолке зашуршали и успокоились. В приемной воцарилась тишина.

Какое-то время мы все молчали.

– Ну хорошо, – сказал наконец Гарбер. – Значит, так: никаких сомнений относительно самого Крамера, а смертью его жены будут заниматься гражданские полицейские. Дело закрыто.

– Вы знали Крамера? – спросил я.

Гарбер покачал головой.

– Только по слухам.

– И что?

– Он был высокомерным. Служил в бронетанковых войсках. Танк «Абрамс» – лучшая игрушка армии. Эти ребята знают, что они правят миром.

– А про жену что-нибудь известно?

Гарбер поморщился.

– Насколько я слышал, она слишком много времени проводила дома, в Виргинии. Она была богата, из старой виргинской семьи. Нет, она, конечно, исполняла свой долг и проводила время на базе в Германии, только, если посчитать, его получалось совсем немного. Как, например, сейчас. Тамошние ребятишки сказали мне, что она уехала на праздники, и в этом нет ничего такого, только вот она отправилась домой перед Днем благодарения,[9] и раньше весны ее назад не ждали. Так что Крамеры совсем не были близки. Никаких детей и общих интересов.

– И этим объясняется то, что он имел дело с проституткой, – сказал я. – Если они жили каждый своей жизнью.

– Наверное, – согласился Гарбер. – У меня ощущение, что это был не настоящий брак, а сплошная видимость и соблюдение правил.

– Как ее звали? – спросила Саммер.

– Миссис Крамер, – ответил Гарбер. – Это единственное имя, которое нам нужно знать.

Саммер отвела взгляд.

– С кем Крамер летел в Ирвин? – спросил я.

– С двумя своими сослуживцами, – ответил Гарбер. – Генералом с одной звездой и полковником, Васселем и Кумером. Они составляли настоящий триумвират – Крамер, Вассель и Кумер. Объединенное лицо бронетанковых войск.

Он встал и потянулся.

– Расскажите мне обо всем, что вы делали, начиная с полуночи, – попросил я.

– Зачем?

– Потому что я не люблю совпадения. И вы тоже.

– Я ничего не делал.

– Все что-то делали, – сказал я. – Кроме Крамера.

Гарбер посмотрел прямо на меня.

– Я следил за стрелками часов. Выпил очередной бокал. Поцеловал дочь. И, насколько я помню, еще множество людей. Затем спел «Доброе старое время».[10]

– А потом?

– Мне позвонили из моего офиса. Доложили, что в Северной Каролине обнаружено тело генерала с двумя звездами. И что дежурный офицер Бэрда не стал этим заниматься. Поэтому я позвонил туда и поговорил с тобой.

– А дальше?

– Ты отправился выяснять, что там произошло, а я связался с городскими копами, и они назвали имя Крамера. Я выяснил, что он из Двенадцатого корпуса, поэтому позвонил в Германию и сообщил о его смерти, но подробности оставил при себе. Я тебе уже это говорил.

– Потом?

– Потом ничего. Я стал ждать твоего доклада.

– Хорошо, – сказал я.

– Что хорошо?

– Хорошо, сэр.

– Дерьмо собачье! – выругался он. – Что у тебя на уме?

– Портфель, – сказал я. – Я по-прежнему хочу его найти.

– Тогда продолжай искать, – проговорил он. – До тех пор, пока я не найду Васселя и Кумера. Они смогут рассказать, было ли там что-нибудь такое, о чем нам стоит беспокоиться.

– Вы не можете их найти?

Гарбер покачал головой.

– Нет. Они выехали из отеля, но не полетели в Калифорнию. И похоже, никто не знает, где они, черт их побери.

Гарбер уехал в город в своей машине, а мы с Саммер сели в нашу и снова направились на юг. Было холодно, и уже начало темнеть. Я предложил сесть за руль, но она отказалась. Судя по всему, больше всего на свете она любила управлять автомобилем.

– Мне показалось, что полковник Гарбер очень напряжен, – заметила она, и я услышал в ее голосе разочарование, как у актрисы, которая провалила прослушивание.

– Он чувствует свою вину, – пояснил я.

– Почему?

– Потому что он убил миссис Крамер.

Она молча уставилась на меня. Машина мчалась на скорости девяносто миль в час, а Саммер смотрела на меня.

– В определенном смысле, – добавил я.

– Почему?

– Это не было совпадением.

– Доктор сказала нам совсем другое.

– Доктор сказала нам, что Крамер умер от естественных причин. Но его смерть каким-то образом привела к тому, что кто-то убил миссис Крамер. А запустил этот механизм Гарбер, сообщив о случившемся в Двенадцатый корпус. Жена Крамера погибла через два часа после того, как стало известно, что Крамер мертв.

– Что вообще происходит?

– Не имею ни малейшего понятия, – признался я.

– А как насчет Васселя и Кумера? – спросила она. – Они летели на конференцию втроем. Крамер мертв, его жена тоже, а двое других пропали?

– Вы же слышали, что сказал Гарбер. Это не наше дело.

– И вы не собираетесь ничего делать?

– Я собираюсь найти проститутку.

Мы выбрали самый прямой маршрут к мотелю и бару. Особого выбора у нас не было. Сначала кольцевая, затем автострада I-95. На дорогах было пусто, все продолжали праздновать Новый год. Мир за окнами казался темным и тихим, холодным и сонным. Повсюду зажигались огни. Саммер ехала быстро, насколько могла позволить себе рискнуть, то есть очень быстро. Дорога, на которую у Крамера ушло шесть часов, должна была занять у нас меньше пяти. Мы остановились, чтобы заправиться, купили несвежие бутерброды, сделанные еще в прошлом календарном году, и заставили себя съесть их, продолжая мчаться вперед. Затем я потратил двадцать минут на наблюдение за Саммер. У нее были маленькие аккуратные руки, и они легко лежали на руле. Она почти не моргала. Время от времени она облизывала губы или проводила языком по зубам.

– Давайте поговорим, – предложил я.

– О чем?

– О чем угодно, – сказал я. – Расскажите мне о своей жизни.

– Зачем?

– Потому что я устал, – ответил я. – И могу уснуть.

– Это будет не слишком интересно.

– А вы попытайтесь.

Саммер пожала плечами и начала с самого начала. Она родилась неподалеку от Бирмингема, штат Алабама, в середине шестидесятых. Саммер не сказала ничего плохого о том времени, но у меня сложилось впечатление, что уже тогда она знала, что для детей есть места и получше, чем бедная черная Алабама. У нее были братья и сестры. Она всегда была маленькой, но ловкой, у нее обнаружился талант к гимнастике и танцам, и в школе на нее обратили внимание. Училась она тоже хорошо, заработала целую кучу незначительных стипендий и перебралась в Джорджию, где поступила в колледж, затем на курсы подготовки офицеров резерва. К этому времени стипендии иссякли, но тут появились военные с предложением оплатить ее обучение в обмен на пять лет службы по окончании. Прошла ровно половина этого срока. Саммер с отличием закончила школу военной полиции. Мне показалось, что она довольна. Минуло сорок лет с тех пор, как армия подверглась интеграции, и Саммер обнаружила, что это чуть ли не единственное место в Америке, где никого не волнует цвет твоей кожи. Но с другой стороны, ее немного беспокоило собственное продвижение по службе. У меня сложилось впечатление, что ее заявление о переходе в 110-й отдел – это своего рода вызов судьбе. Если ее переведут, значит, она останется в армии до конца жизни, как я. Если же нет – уволится, когда пять лет закончатся.

– А теперь вы расскажите о своей жизни, – сказала она.

– Я? – переспросил я.

Моя жизнь во всех смыслах отличалась от ее жизни. Цвет кожи, пол, география, семейные обстоятельства.

– Я родился в Берлине. В те времена из больницы выписывали через семь дней, так что я начал служить в армии, когда мне исполнилась неделя. Я рос на самых разных базах, кажется, побывал на всех, какие у нас только есть. Затем отправился в Уэст-Пойнт. Я продолжаю оставаться военным. И буду им всегда. В общем, это все.

– У вас есть семья?

Я вспомнил записку сержанта: «Звонил ваш брат. Сообщения не оставил».

– Мать и брат, – ответил я.

– Были когда-нибудь женаты?

– Нет. А вы были замужем?

– Нет, – ответила она. – Встречаетесь с кем-нибудь?

– Сейчас нет.

– Я тоже.

Мы проехали милю, потом еще одну.

– Вы можете представить себе жизнь за пределами армии?

– А такая жизнь существует?

– Я там выросла. Возможно, вернусь обратно.

– Вы, гражданские, не перестаете меня удивлять, – заметил я.

Саммер припарковалась перед номером Крамера – вероятно, исключительно для того, чтобы эксперимент был достоверным, – через пять часов с небольшим после того, как мы выехали из госпиталя Уолтера Рида. Мне показалось, что она осталась довольна своим результатом. Она выключила двигатель и улыбнулась.

– Я пойду в бар, – сказал я. – А вы поговорите с парнишкой в мотеле. Прикиньтесь хорошим полицейским. Но сообщите ему, что плохой полицейский скоро придет.

Мы вышли в темноту и холод. Снова спустился туман, подсвеченный уличными фонарями. Все тело у меня затекло, а еще хотелось глубоко вдохнуть свежего воздуха. Я потянулся и зевнул, поправил куртку и посмотрел на Саммер, которая прошла мимо автомата по продаже кока-колы. В неоновом свете ее кожа казалась красной. Я перешел на другую сторону дороги и направился к бару.

Как и вчера ночью, парковка была забита машинами. Легковые автомобили и грузовики окружали здание со всех сторон. Вентиляторы снова работали на полную мощность. Я видел дым и чувствовал запах пива в воздухе. И слышал грохот музыки. Неоновые огни слепили глаза.

Я открыл дверь, и в меня ударила волна шума. Сегодня здесь снова собралось столько народу, что яблоку негде было упасть. Светили те же прожектора. Но на сцене танцевала другая голая девушка. Тот же парень

с грудью, похожей на нефтяную бочку, пристроился в тени за конторкой. Я не видел его лица, но знал, что он смотрит на мою форму. Там, где на лацканах куртки Крамера имелись скрещенные кавалерийские сабли и идущий в наступление танк, у меня были скрещенные кремневые пистолеты, сверкающие золотом, – знак военной полиции. Не самый популярный в таком месте.

– Плата за вход, – сказал тип за конторкой.

Я едва его расслышал, так громко вопила музыка.

– Сколько? – спросил я.

– Сто долларов, – ответил он.

– Не думаю.

– Ладно, двести.

– Очень смешно, – откликнулся я.

– Мне не нравится, когда сюда заходят копы.

– Не понимаю почему, – удивился я.

– Посмотри на меня.

Я посмотрел и ничего особенно интересного не увидел. Луч прожектора высветил большой живот, широкую грудь и толстые предплечья, покрытые татуировками. Руки по форме и размеру напоминали замороженных цыплят, почти на всех пальцах красовались массивные серебряные кольца. Однако плечи и лицо громилы оставались в тени. Словно он наполовину прятался за занавеской. Я разговаривал с человеком, которого не мог разглядеть.

– Тебе здесь не рады, – заявил он.

– Я это переживу. Я не отличаюсь излишней чувствительностью.

– Ты меня не слышал? Это мое заведение, и тебе здесь не место.

– Я быстро.

– Уходи.

– Нет.

– Взгляни на меня.

Он наклонился вперед, чтобы на него падал свет. Луч прожектора поднялся по его груди, высветил шею и лицо. Оно оказалось совершенно невероятным. Этот человек с самого начала был уродливым, а со

временем стало еще хуже. Все его лицо было исполосовано прямыми шрамами от бритвы, они покрывали его плотной сеткой, глубокие, белые и старые. Нос когда-то был сломан, его не слишком аккуратно вправили, потом снова сломали и снова плохо вправили, и так несколько раз. Два маленьких глаза уставились на меня из-под бровей. Я решил, что ему около сорока, пять футов десять дюймов, примерно триста фунтов. Он выглядел, как гладиатор, проживший двадцать лет в катакомбах.

Я улыбнулся.

– Ты рассчитываешь, что твое лицо произведет на меня впечатление? С драматическими световыми эффектами и все такое?

– Оно должно тебе кое-что рассказать.

– Оно говорит мне, что ты часто проигрывал в драках. Хочешь потерпеть еще одно поражение – я не возражаю.

Он промолчал.

– Или я могу сделать так, что тем, кто служит в Бэрде, будет запрещено сюда ходить. Не сомневаюсь, что это скажется на твоих прибылях.

Он продолжал молчать.

– Но я не хочу ничего такого делать, – сказал я. – Зачем наказывать моих ребят за то, что ты настоящая задница?

Он молчал.

– Так что я не стану обращать на тебя внимания.

Парень снова откинулся на спинку стула, и тени, словно занавески, вернулись на место.

– Я с тобой еще встречусь, – сказал он из темноты. – Где-нибудь, когда-нибудь. Можешь не сомневаться. Это я тебе обещаю.

– Вот теперь я по-настоящему испугался, – сказал я и прошел вперед, где толпились посетители.

Мне удалось пробиться сквозь толпу у входа в основной зал. Внутри помещение оказалось больше, чем выглядело снаружи: огромный прямоугольник под низким потолком, заполненный шумом и людьми, разделенный на дюжины отдельных площадок. Повсюду усилители. Громкая музыка. Вспышки разноцветного света. Множество гражданских посетителей. И военных тоже. Я отличал их по стрижкам и одежде. Военные, которые не несут службу, всегда одеваются особым образом. Они очень хотят быть похожими на гражданских ребят, но у

них это плохо получается. Их костюмы всегда немного слишком чистые и старомодные.

Они все смотрели на меня, когда я проходил мимо, но никто не рад был меня видеть. Я же искал сержанта. Искал того, у кого морщины возле глаз. Обнаружил четырех возможных кандидатов, они сидели примерно в шести футах от главной сцены. Трое из них увидели меня и отвернулись. Четвертый замер на мгновение, а затем повернулся ко мне. Словно знал, что его выбрали из числа других. Он был невысоким, но плотным, лет на пять старше меня. Скорее всего, отряд специального назначения. В Бэрде их было полно. Я видел, что он прекрасно проводит время. На его лице сияла улыбка, в руке он держал бутылку холодного пива, покрытую капельками влаги. Он поднял ее, как будто в тосте или приглашая меня подойти. Поэтому я подошел к нему очень близко и прошептал на ухо:

– Скажи ребятам от моего имени, что я пришел сюда неофициально. К нашим парням это не имеет никакого отношения. Тут совсем другое дело.

– Какое? – спросил он.

– Пропажа собственности, – ответил я. – Ничего важного. Все в полном ажуре.

Он никак не отреагировал.

– Отряд специального назначения? – спросил я.

Он кивнул и спросил в ответ:

– Пропажа собственности?

– Ничего серьезного, – повторил я. – Просто кое-что исчезло из заведения на другой стороне улицы.

Он обдумал мои слова, затем снова поднял бутылку и стукнул по тому месту, где могла быть моя бутылка, если бы я ее купил. Таким способом он показал мне, что принимает сказанное мной. Точно мим в этом жутком шуме. Но несмотря на это, несколько человек поднялись и медленно направились к выходу. За первые две минуты, что я провел в баре, из него ушло человек двадцать. Военная полиция имеет обыкновение оказывать такое действие на других людей. Неудивительно, что тот тип с изуродованным лицом не хотел пускать меня в свой бар.

Ко мне подошла официантка в черной майке, обрезанной снизу примерно в четырех дюймах от шеи, черных шортах, обрезанных примерно в четырех дюймах ниже талии, и черных туфлях на очень

высоком каблуке. Она стояла и смотрела на меня, пока я не сделал заказ. Я попросил принести мне пиво «Бад» и заплатил за него в восемь раз больше, чем оно стоило. Сделал пару глотков и отправился искать проституток.

Они нашли меня первыми. Думаю, они хотели, чтобы я исчез, прежде чем из-за меня бар окончательно опустеет, а количество их клиентов будет равняться нулю. Две из них направились прямо ко мне. Блондинка и брюнетка. Обе в крошечных облегающих платьях, блестящих разноцветными синтетическими нитями. Блондинка обошла брюнетку, и та отстала, а она поспешила ко мне, неуклюже покачиваясь на своих высоких каблуках. Брюнетка развернулась и решила заняться сержантом из отряда специального назначения, с которым я разговаривал. Он отмахнулся от нее с отвращением, показавшимся мне искренним. Блондинка подскочила ко мне и прижалась к моему плечу. Затем она вытянулась в полный рост, пока я не почувствовал в ухе ее дыхание.

– С Новым годом, – сказала она.

– Тебя тоже, – ответил я.

– Я раньше тебя здесь не видела, – проговорила она таким тоном, словно я был единственным, чего ей в жизни недоставало.

У нее был не местный акцент, не одной из Каролин. И не Калифорнии. Джорджия или Алабама, наверное.

– Ты недавно в нашем городе? – спросила она громко, потому что музыка заглушала все остальные звуки.

Я улыбнулся. Мне довелось побывать в таком количестве публичных домов, что и не сосчитать. Такова участь всех военных копов. Все публичные дома похожи, и при этом все отличаются друг от друга. У них разные правила поведения, но вопрос: «Ты недавно в нашем городе?» – является традиционным началом разговора. Этим она приглашала меня начать торговлю. А себя защищала от обвинений в приставании.

– А какие есть варианты? – спросил я.

Она робко улыбнулась, как будто ей еще ни разу не задавали такого вопроса. Затем сообщила мне, что за небольшую плату я могу посмотреть на нее на сцене, а за десятку она устроит мне персональное шоу в одной из задних комнат. Она объяснила, что мне будет позволено ее трогать, и, чтобы убедиться в том, что я ее слушаю, провела рукой по внутренней части моего бедра.

Я видел, на что может запасть какой-нибудь парень. Она была симпатичной, лет двадцати, если не смотреть в глаза, которые могли бы принадлежать пятидесятилетней женщине.

– А как насчет чего-нибудь больше? – спросил я. – Мы могли бы пойти в какое-нибудь другое место?

– Мы можем обсудить это во время моего персонального представления.

Она взяла меня за руку и провела мимо двери в комнату, где они переодевались, через бархатную занавеску в тускло освещенную комнату за сценой. Она оказалась довольно большой, наверное тридцать на двадцать футов, и не так чтобы пустой. Я заметил шестерых мужчин, на коленях которых сидели голые девицы. Девушка подвела меня к пустому месту на скамейке и посадила. Подождала, пока я достану бумажник и заплачу ей десять баксов. Затем она прильнула ко мне и прижалась всем телом. Мне ничего не оставалось, кроме как положить руку ей на бедро. Кожа у нее была теплой и гладкой.

– Итак, куда мы можем пойти? – спросил я.

– Ты спешишь, – ответила она, пошевелилась и задрала подол платья, под которым ничего не оказалось.

– Ты откуда? – спросил я.

– Из Атланты.

– Как тебя зовут?

– Распутница, – ответила она. – Рас-пут-ни-ца.

Я ни секунды не сомневался, что это ее рабочий псевдоним.

– А тебя как зовут?

– Ричер, – сказал я, решив, что нет никакого смысла скрывать свое настоящее имя.

Я только что приехал после визита к вдове и все еще был в форме класса «А», с именной табличкой на правом кармане.

– Хорошее имя, – машинально сказала она.

Я знал, что она говорит это всем своим клиентам. «Квазимодо, Гитлер, Сталин, Пол Пот, хорошее имя». Она подняла руку, расстегнула верхнюю пуговицу моей куртки, затем быстро справилась с остальными. Просунула пальцы под галстук и положила руку на рубашку.

– На другой стороне улицы есть мотель, – сказал я.

Она кивнула моему плечу.

– Я знаю.

– Я ищу девушку, которая пошла туда вчера прошлой ночью с военным.

– Ты шутишь?

– Нет.

Она толкнула меня в грудь.

– Ты здесь, чтобы развлекаться или задавать вопросы?

– Задавать вопросы, – ответил я.

Она замерла.

– Я ищу девушку, которая пошла туда вчера прошлой ночью с военным.

– Ты в своем уме? – удивленно спросила она. – Мы все ходим в мотель с военными. На тротуаре уже дорожка протоптана. Если присмотреться, ты ее непременно увидишь.

– Я ищу девушку, которая вернулась немного раньше, чем следовало.

Она молчала.

– Вероятно, была слегка напугана.

Она по-прежнему ничего не говорила.

– Вероятно, она встретилась с клиентом там, – продолжал я. – Или он ей позвонил по телефону.

Она слезла с моих колен и оттянула подол как можно ниже – получилось не очень. Затем провела пальцем по моему значку.

– Мы не отвечаем на вопросы, – сообщила она.

– Почему?

Я заметил, как она бросила взгляд на бархатную занавеску, как будто пыталась сквозь нее увидеть конторку у входа.

– Из-за него? – спросил я. – Я позабочусь о том, чтобы у тебя не было неприятностей.

– Он не любит, когда мы разговариваем с копами.

– Это важно, – сказал я. – Тот мужчина был важным военным.

– Вы все считаете себя важными.

– Здесь есть девушки из Калифорнии?

– Пять или шесть, кажется.

– Кто-нибудь из них работал в Форт-Ирвине?

– Я не знаю.

– Мы заключим с тобой сделку, – проговорил я. – Я пойду в бар. Куплю еще пива. Я буду пить его десять минут. Ты приведешь ко мне девушку, у которой вчера возникли проблемы. Или покажешь, где ее найти. Скажешь ей, что все в порядке. Что никто не пострадает. Думаю, ты увидишь, что она поймет.

– Или?

– Или я всех разгоню и сожгу это заведение дотла. И вам всем придется искать работу в другом месте.

Она снова посмотрела на бархатную занавеску.

– Не волнуйся из-за толстяка, – повторил я. – Если он начнет выступать, я еще раз сломаю ему нос.

Она не двигалась с места.

– Это очень важно, – снова сказал я. – Если мы сейчас с этим разберемся, ни у кого не будет никаких проблем.

– Ну, я не знаю, – протянула она.

– Пусти слух, – сказал я. – Десять минут.

Я подтолкнул ее и посмотрел ей вслед, когда она скрылась за занавеской. Через минуту вышел за ней и направился к бару. Я не стал застегивать куртку, решив, что выгляжу так, будто я не на службе. Мне не хотелось никому портить вечер.

Целых двенадцать минут я провел, опустошая очередную бутылку нашего родного пива, которая стоила больше, чем следовало. Я наблюдал за тем, как работают официантки и проститутки. Видел, как между посетителями пробирается крупный тип с изуродованным лицом, он оглядывался по сторонам, проверяя, все ли в порядке. Я ждал. Моя новая подружка-блондинка не вернулась. И я нигде ее не видел. Но вокруг меня было полно народу, и царил полумрак. Музыка продолжала громко реветь. Мелькали разноцветные огни, ворчали вентиляторы, однако воздух оставался горячим и мерзким. Я устал, и у меня начала болеть голова. Я слез с табурета и начал обходить помещение. Блондинки нигде не было. Я снова проверил бар, но не нашел ее. Сержант из отряда специального назначения остановил меня, когда я пошел на третий круг.

– Ищете свою подружку? – спросил он.

Я кивнул, и он показал на дверь комнаты, где переодевались девушки.

– Мне кажется, из-за вас у нее только что возникли неприятности.

– Какие?

Он ничего не ответил, но поднял вверх левую руку и ударил в ладонь кулаком.

– И вы ничего не сделали? – спросил я.

Он пожал плечами:

– Вы же коп, а не я.

Дверь в раздевалку была из простой фанеры – прямоугольник, выкрашенный в черный цвет. Я решил, что женщины, которые пользуются раздевалкой, не страдают от излишней скромности, поэтому открыл ее и вошел внутрь. Внутри горели самые обычные лампочки, валялись кучи одежды и воняло духами. И стояли столики с зеркалами, как в театральных гримерных. На старом диване, обтянутом красным бархатом, сидела моя новая знакомая и плакала. На щеке у нее полыхал ярко-красный след от пощечины, правый глаз заплыл. Значит, ее ударили сначала ладонью, а затем тыльной стороной. Она была в шоке, левая туфля слетела, и я увидел следы от уколов между пальцами. Манекенщицы, актрисы и проститутки всегда так поступают. Потому что там это не заметно.

Я не стал спрашивать, все ли у нее в порядке, потому что это был глупый вопрос. Она выживет, только неделю не сможет работать. До тех пор, пока синяк под глазом не почернеет, а потом не станет желтым, и тогда она спрячет его под слоем косметики. Я просто стоял до тех пор, пока она не заметила меня своим не пострадавшим глазом.

– Убирайся отсюда, – проговорила она и отвернулась. – Сволочь!

– Нашла девушку? – спросил я.

Она посмотрела мне в глаза.

– Не было никакой девушки, – ответила она. – Я всех спросила. И знаешь, что я услышала? Прошлой ночью ни у кого не возникло никаких проблем. Ни у кого.

Я помолчал немного.

– Может, кто-нибудь из девушек не пришел сегодня на работу?

– Мы все здесь, – сказала она. – Мы все отрабатываем за Рождество.

Я промолчал.

– Из-за тебя я получила пощечину ни за что.

– Извини, что доставил тебе неприятности.

– Убирайся отсюда, – повторила она, не глядя на меня.

– Ладно, – не стал спорить я.

– Сволочь! – снова сказала она.

Я оставил ее сидеть на диване, а сам пробрался сквозь толпу вокруг сцены и возле бара и через кучу посетителей у входа. Тип с изуродованным лицом сидел на своем месте, прячась в тени. Я прикинул, где должна находиться его голова, размахнулся открытой ладонью и с такой силой врезал ему в ухо, что он покачнулся.

– Ты! – сказал я. – Выходи на улицу.

Я не стал его ждать и сразу же вышел наружу. На парковке толпились военные, которые убрались из бара, когда увидели меня. Не обращая внимания на холод, они стояли около своих машин и пили пиво из бутылок с длинными горлышками, которые прихватили с собой. Я знал, что ждать неприятностей с их стороны не стоит. Только очень пьяный станет связываться с представителем военной полиции. Но и рассчитывать на их помощь не приходилось. Я был не из их числа. Так что мне оставалось полагаться лишь на себя.

У меня за спиной с грохотом распахнулась дверь, и из нее выскочил громила в сопровождении парочки приятелей, похожих на фермеров. Мы остановились в пятне света, падающем от неоновой вывески на столбе. Напротив друг друга. Наше дыхание окутывало лица облачками белого пара. Никто ничего не говорил. Впрочем, в такой ситуации разговоры и не требуются. Я не сомневался, что парковка уже стала свидетельницей множества драк, и понимал, что эта не будет отличаться от остальных. Она закончится тем, что кто-то одержит победу, а кто-то потерпит поражение.

Я сбросил куртку и повесил ее на зеркало ближайшей машины, десятилетнего «плимута». Отличная краска, блестящие хромированные детали. Машина для настоящего автомобилиста. Из бара вышел сержант, с которым я разговаривал, посмотрел на меня пару мгновений и отошел в тень, к своим товарищам. Я снял часы, отвернулся и положил их в карман куртки. А потом снова повернулся к своему противнику и принялся его разглядывать. Мне хотелось как следует его отделать, чтобы девушка по имени Распутница знала, что я встал на ее защиту. Но его лицо не представляло для меня никакого интереса, оно и без того было изуродовано хуже некуда. В мои же планы входило вывести его из

строя на некоторое время, чтобы он не пришел в себя после драки и не начал вымещать зло на девушках только потому, что со мной ему не справиться.

У него была широкая грудь и лишний вес, и я решил, что руки мне вовсе не понадобятся. Разве что фермеры решат вмешаться, хотя я надеялся, что этого не произойдет. Им серьезный конфликт ни к чему. С другой стороны, решать им. Каждый человек имеет право выбора. Они могли отступить, а могли и встать на чью-либо сторону.

Я был примерно на семь дюймов выше своего противника и на семьдесят фунтов легче. А еще – на десять лет моложе. Я наблюдал за тем, как он прикидывает в уме наши шансы. Он решил, что с ним все будет в порядке. Видимо, считал себя настоящим боевым псом. А меня – выскочкой и зарвавшимся представителем Дядюшки Сэма. Возможно, моя парадная форма обманула его и он подумал, что я буду вести себя как офицер и джентльмен. По правилам и не слишком спешно.

В этом он ошибся.

Он бросился на меня, размахивая кулаками. Широкая грудь, короткие руки – он не мог до меня дотянуться. Я ушел в сторону, и он пронесся мимо. Но тут же снова пошел в атаку. Я отбил его руку и ударил локтем в лицо, но не слишком сильно, только чтобы погасить инерцию, и на одно короткое мгновение громила оказался прямо передо мной.

Он перенес вес своего тела на ту ногу, что была сзади, и нацелился мне в лицо, рассчитывая нанести сильный удар. Если бы у него получилось, мало бы мне не показалось. Но прежде чем он достиг цели, я врезал ногой по его правому колену. Коленная чашечка – штука хрупкая, вам это подтвердит любой спортсмен. На его колено пришлось триста фунтов его собственного веса и еще двести тридцать моего. Коленная чашечка хрустнула, а нога согнулась назад. Согнулась, как и полагается ноге, только в обратную сторону. Он повалился вперед, и носок его ботинка уткнулся в бедро. Громила громко заорал. Я же сделал шаг назад и улыбнулся. «Побеждает тот, кто стреляет».

Затем я подошел к громиле и внимательно посмотрел на его колено. Оно было разбито по высшему разряду: кость сломана, связки порваны, хрящи раздроблены. Я подумал было, не ударить ли еще разок, но потом решил, что в этом нет необходимости. Как только его выпустят из ортопедического отделения клиники, ему придется навестить магазин, где продают палочки. И закупить запас на всю жизнь. Дерево, алюминий, короткие, длинные – выбирать ему.

– Если случится что-нибудь, что мне не понравится, я вернусь и обработаю другое колено, – пообещал я.

Не думаю, чтобы он меня слышал. Он извивался в маслянистой луже, тяжело дышал и стонал, пытаясь найти положение, в котором будет не так больно. Но с этим ему явно не везло. Придется подождать операции.

Фермеры решали, на чью сторону им встать. Оба оказались довольно тупыми. Но один тупее другого, да еще с замедленной реакцией. Он стоял, сжимая и разжимая громадные красные кулаки. Я шагнул к нему и ударил его головой в лицо, чтобы помочь определиться с выбором. Он упал головой к ногам громилы, а его приятель помчался прятаться за ближайший грузовик. Я снял куртку с зеркала «плимута» и снова ее надел. Затем достал из кармана часы и вернул их на место. Солдаты пили пиво и смотрели на меня. Их лица ничего не выражали. Они не получили удовольствия, но и не были разочарованы представлением, развернувшимся у них на глазах. Они не ставили на исход сражения. Их не волновало, кто окажется побежденным – я или мой противник.

Рядом с толпой я увидел лейтенанта Саммер и пошел между машинами в ее сторону. Она показалась мне чересчур напряженной. А еще она тяжело дышала. Видимо, наблюдала за моей схваткой с громилой. И была готова прийти на помощь.

– Что случилось? – спросила она.

– Толстяк ударил женщину, которая по моему поручению задала парочку вопросов. А его приятель не успел убежать.

Она взглянула на них и снова на меня.

– А что сказала женщина?

– Что вчера ночью ни у кого не возникло никаких проблем.

– Парень в отеле продолжает отрицать, что с Крамером была проститутка. И твердо стоит на своем.

Я вспомнил, как девушка сказала: «Из-за тебя я получила пощечину ни за что».

– В таком случае почему он отправился проверять номер?

Саммер поморщилась.

– Я его об этом спросила, понятное дело.

– У него был ответ?

– Сначала – нет. А потом он сказал, что ему показалось, будто он услышал, как быстро отъехала машина.

– Какая машина?

– Он сказал, с большим двигателем, на огромной скорости, словно тот, кто в ней сидел, от кого-то убегал.

– Он видел, кто это был?

Саммер покачала головой.

– Чушь какая-то, – сказал я. – Машина означает, что он имел дело с девушкой по вызову. Сомневаюсь, что здесь таких много. Кроме того, зачем ему такая девица, если в баре по соседству полно проституток?

Саммер продолжала качать головой.

– Он сказал, что у машины был очень необычный звук, невероятно громкий. Кроме того, двигатель работал на дизельном топливе, а не на бензине. А еще он говорит, что слышал точно такой же звук некоторое время спустя.

– Когда?

– Когда вы приехали в вашем «хамви».

– Что?!

Саммер посмотрела на меня.

– Он говорит, что пошел проверить номер Крамера, потому что слышал, как военная машина на бешеной скорости умчалась с парковки.

Глава 04

Мы снова перешли на другую сторону к мотелю и заставили портье рассказать все с самого начала. Он был мрачным и не слишком разговорчивым, но оказался хорошим свидетелем. Люди, которые не желают помогать, всегда становятся самыми лучшими свидетелями. Они не стараются угодить вам, не придумывают разные подробности, чтобы произвести впечатление, и не пытаются сообщить то, что вы хотите услышать.

Он сказал, что сидел в офисе один и ничего не делал. Примерно в двадцать пять минут двенадцатого он услышал, как хлопнула дверца машины и заработал мощный двигатель на дизельном топливе. Машина развернулась, включился привод на четыре колеса, раздался визг шин, рев двигателя, шорох гравия, а потом что-то большое быстро умчалось прочь. Портье слез со своей табуретки и вышел посмотреть, что случилось. Машину он не видел.

– Зачем ты пошел проверять номер? – спросил я.

– Подумал, а вдруг начался пожар, – пожав плечами, пояснил он.

– Пожар?

– В подобных заведениях такое случается. Они поджигают номер и быстро уезжают. Ради развлечения. Или еще зачем-то. Я не знаю. Просто мне показалось, что нужно посмотреть.

– А как ты понял, в каком номере надо смотреть?

Он затих. Саммер уже спрашивала его об этом. Теперь пришла моя очередь. Мы с ней играли в игру «плохой и хороший полицейский». В конце концов портье признался, что на всю ночь у них был занят только один номер. Остальные номера обычно снимались на пару часов посетителями бара через улицу, пришедшими на своих двоих. Именно по этой причине он совершенно уверен, что в номере Крамера не было проститутки. Одна из его обязанностей – проверять, когда они приходят и уходят. Он берет деньги и выдает ключи. Он следит за порядком и потому всегда знает, кто и где находится. Часть его работы, о которой ему следует помалкивать.

– Теперь меня выгонят, – сказал он.

Он так расстроился, что готов был расплакаться, и Саммер пришлось его утешать. Потом он рассказал, что нашел тело Крамера и вызвал полицию, а посетителей, снимавших номера на время, разогнал от греха подальше. Заместитель шефа полиции Стоктон приехал через пятнадцать минут. Затем появился я, а когда через некоторое время я уехал, он узнал звук мотора, который уже слышал раньше. Тот же рев мотора, тот же визг шин, все то же самое. Очень убедительно. Он уже признался в том, что проститутки использовали мотель для своих целей, поэтому у него не было причин врать. Все «хаммеры» еще относительно новые, и у их двигателей очень необычный звук. Так что я ему поверил. Мы оставили его за конторкой, а сами вышли наружу, где стоял залитый холодным красным сиянием автомат с кока-колой.

– Значит, не проститутка, – сказала Саммер. – Женщина с базы.

– Женщина-офицер, – добавил я. – Возможно, у нее высокое звание и она имеет доступ к личному «хамви». Никто не станет брать его в гараже для такого дела. У нее портфель Крамера. Иначе и быть не может.

– Ее будет легко найти. В регистрационном журнале на проходной должна остаться соответствующая запись.

– Возможно, я даже разминулся с ней на шоссе. Если она уехала отсюда в двадцать пять минут двенадцатого, в Бэрд она вернулась примерно в двенадцать пятнадцать. Я как раз уезжал.

– Если она сразу вернулась на базу.

– Да, – согласился я. – Если вернулась.

– А вы не видели другого «хамви»?

– Кажется, не видел.

– Как вы думаете, кем она может быть?

– Здесь подойдут те же рассуждения, что и с проституткой, – пожав плечами, ответил я. – Кто-то, с кем он где-то познакомился. Может быть, в Ирвине, но вполне возможно, что и в каком-нибудь другом месте.

Я посмотрел через дорогу на заправочную станцию и машины, проезжавшие по шоссе.

– Может быть, Вассель и Кумер ее знают, – предположила Саммер. – Если отношения между ней и Крамером начались давно.

– Да, может быть.

– Как вы думаете, где они?

– Понятия не имею, – ответил я. – Но уверен, что найду их, если они мне понадобятся.

Я их не нашел. Они сами меня нашли. Когда мы вернулись на базу, они ждали в отведенном мне кабинете. Саммер высадила меня у дверей, а сама отправилась парковать машину. Я прошел мимо дежурного. Снова началась ночная смена, и за столом сидела сержант, женщина с гор, у которой имелся маленький сын и которая беспокоилась из-за зарплаты. Она показала мне на дверь, и я сразу понял, что у меня посетители. Кто-то рангом значительно выше ее и меня.

– Кофе есть? – спросил я.

– Машина включена, – ответила она.

Я прихватил с собой пару стаканчиков. Моя куртка была по-прежнему расстегнута, волосы растрепались, и я выглядел совсем как парень, который устроил драку на парковке. Я сразу прошел к столу и поставил на него кофе. На стульях с высокими спинками, предназначенных для посетителей и стоящих у стены, сидели двое мужчин и смотрели на меня. Оба были в полевой форме. У одного на воротнике я заметил звезду бригадного генерала, у другого – полковничьего орла. Генерала звали Вассель, полковника – Кумер. Вассель был лысым, Кумер – в очках, и оба показались мне слишком важными, слишком старыми, слишком низенькими, розовыми и мягкими, чтобы носить полевую форму, которая делала их немного смешными. Они были похожи на

членов клуба «Ротари», направляющихся на карнавал. Иными словами, первое впечатление было не в их пользу.

Я сел на свой стул и увидел два листка бумаги, лежащих на журнале для записей. Первой оказалась записка: «Снова звонил ваш брат. Это срочно». На сей раз там имелся телефонный номер с кодом 202. Вашингтон, округ Колумбия.

– В ваши правила не входит отдавать честь старшим офицерам? – поинтересовался Вассель со своего стула.

На втором листке бумаги было написано: «Звонил полковник Гарбер. Полицейский участок Грин-Вэлли считает, что миссис К. умерла примерно в два часа ночи».

Я сложил пополам каждую записку по отдельности и засунул их под телефон. А потом поправил так, чтобы видеть ровно половину каждой. Подняв голову, успел заметить, что Вассель бросает на меня хмурые взгляды. Его голый череп постепенно становился все краснее и краснее.

– Прошу меня простить, – сказал я. – Вы что-то спросили?

– В ваши правила не входит отдавать честь старшим офицерам, когда вы входите в комнату?

– Если они не являются моими непосредственными начальниками, не входит, – ответил я. – А вы не являетесь.

– Это не ответ на мой вопрос! – взвился он.

– Можете проверить, – сказал я. – Я служу в Сто десятом особом отделе. Мы – обособленная организация. В структурном отношении мы существуем параллельно всей остальной армии. И если вы хорошенько подумаете, это правильно. Мы не смогли бы контролировать вас, если бы находились у вас в подчинении.

– Я здесь вовсе не для того, чтобы ты меня контролировал, сынок, – сказал он.

– Тогда зачем вы здесь? Сейчас довольно поздно для официального визита.

– Я здесь, чтобы задать тебе парочку вопросов.

– Спрашивайте, – разрешил я. – А после я задам вам свои вопросы. И знаете, в чем будет состоять разница?

Он не ответил.

– Я отвечу вам исключительно из любезности, – объяснил я. – А вы будете мне отвечать, потому что этого требует Унифицированный военный кодекс.

Вассель ничего не ответил, только метнул в меня хмурый взгляд. Затем он посмотрел на Кумера, тот взглянул на него и перевел глаза на меня.

– Мы здесь по поводу генерала Крамера, – сказал он. – Мы старшие офицеры его штаба.

– Я знаю, кто вы такие, – сказал я.

– Расскажите нам про генерала.

– Он умер, – сообщил я.

– Нам это известно. Мы бы хотели знать, при каких обстоятельствах он умер.

– Сердечный приступ.

– Где?

– В грудной клетке.

Вассель нахмурился еще сильнее.

– Где он умер? – спросил Кумер.

– Я не могу вам сказать, – ответил я. – Это имеет отношение к предпринятому нами расследованию.

– В каком смысле? – спросил Вассель.

– В том смысле, что это конфиденциальная информация.

– Всем известно, что это случилось где-то здесь, – сказал он.

– В самом деле? А на какую тему проводится конференция в Ирвине?

– Что?

– Конференция в Ирвине, – повторил я. – Та, на которую вы все направлялись.

– И что?

– Мне нужно знать тему.

Вассель посмотрел на Кумера, и тот открыл рот, собираясь что-то сказать, но тут зазвонил мой телефон. Звонила дежурная сержант. Она сообщила мне, что около нее стоит Саммер и она не знает, можно ли ее пропустить. Я сказал, чтобы пропустила. В следующее мгновение

Саммер постучала в дверь и вошла. Я представил ее присутствующим, она взяла стул и села за стол рядом со мной. Двое против двоих. Я вытащил вторую записку из-под телефона и передал ей: «Полицейский участок Грин-Вэлли считает, что миссис К. умерла примерно в два часа ночи». Она развернула ее, прочитала, сложила и вернула мне. Я снова убрал ее под телефон. Затем я еще раз спросил, что они собирались обсуждать на конференции в Ирвине, и увидел, как изменилось их отношение. Они не стали более услужливыми и не собирались мне помогать. Скорее, отступили в сторону. Из-за того, что в комнате появилась женщина, они сменили открытую враждебность на покровительственную вежливость. Их так воспитали. Они ненавидели военную полицию и женщин-офицеров, но им приходилось соблюдать приличия.

– Обычная рутина, – ответил Кумер. – Пустая болтовня, и все. Ничего важного.

– Этим объясняется тот факт, что вы туда не полетели, – заметил я.

– Естественно. Нам показалось, что правильнее будет остаться здесь. Ну, вы понимаете, в данных обстоятельствах…

– Как вы узнали о Крамере?

– Нам позвонили из Двенадцатого корпуса.

– Из Германии?

– Именно там находится Двенадцатый корпус, сынок, – заявил Вассель.

– Где вы провели прошлую ночь?

– В отеле, – ответил Кумер.

– В каком отеле?

– «Джефферсон», в Вашингтоне.

– Кто платит – вы или Министерство обороны?

– В этом отеле всегда останавливаются старшие офицеры.

– Почему генерал Крамер не остановился там вместе с вами?

– Потому что у него были другие дела.

– Когда?

– Что «когда»? – спросил Кумер.

– Когда он договорился о своих других делах?

– Несколько дней назад.

– Значит, он решил это не в последний момент?

– Нет.

– Вам известно, что он собирался делать?

– Разумеется, нет, – ответил Вассель, – иначе мы не стали бы спрашивать у вас, где он умер.

– Вы не думаете, что он поехал навестить жену?

– А он поехал?

– Нет, – ответил я. – Почему вас интересует, где он умер?

Наступила длинная пауза, их поведение снова изменилось. Самоуверенность уступила место подобию доброжелательной откровенности.

– На самом деле нам это не нужно знать, – сказал Вассель.

Он наклонился вперед и посмотрел на Саммер так, словно хотел бы, чтобы ее здесь не было. Чтобы то, что он скажет, осталось между нами, мужчинами.

– У нас нет никаких прямых свидетельств или информации, но мы обеспокоены тем, что личные планы генерала Крамера могли нести в себе некоторый неприятный потенциал – в свете сложившихся обстоятельств.

– Насколько хорошо вы его знали?

– На профессиональном уровне достаточно хорошо. На личном – настолько, насколько мы все знаем своих товарищей-офицеров. Иными словами, не слишком.

– Но вы представляете в общих чертах, что собирался делать генерал Крамер.

– Да, у нас имеются кое-какие подозрения, – сказал Вассель.

– Значит, вас не удивило, когда он решил не останавливаться вместе с вами в отеле.

– Не удивило, – подтвердил он.

– И для вас не стали откровением мои слова о том, что он не поехал к жене.

– Нет, ни в коей мере.

– Итак, вы примерно представляете, чем он собирался заниматься, но не знаете где.

Вассель кивнул.

– Примерно.

– А вам известно, с кем он мог этим заниматься?

Вассель покачал головой.

– На сей счет у нас нет никакой информации, – сказал он.

– Хорошо, – проговорил я. – Вообще-то это не имеет значения. Думаю, вы знаете законы армии достаточно хорошо, чтобы понимать, что, если бы мы обнаружили некий неприятный потенциал, мы бы его скрыли.

Мои слова были встречены продолжительным молчанием.

– Вы уничтожили все следы? – спросил Кумер. – В том месте, где это произошло?

– Мы забрали его вещи, – подтвердил я.

– Хорошо.

– Я хочу знать тему конференции в Ирвине, – сказал я.

Возникла еще одна пауза.

– Ее нет, – ответил Вассель.

– Уверен, что есть, – возразил я. – Это армия, а не студия актерского мастерства. Мы не специализируемся на импровизациях.

Еще одна пауза.

– На бумаге ничего нет, – пояснил Кумер. – Я ведь уже сказал вам, майор, что там не обсуждается ничего особенного или необычного.

– Как вы провели сегодняшний день?

– Собирали слухи о генерале.

– Как вы добрались сюда из Вашингтона?

– У нас есть машина с водителем, которую нам предоставил Пентагон.

– Вы выписались из «Джефферсона»?

– Да.

– Значит, ваши вещи лежат в машине, предоставленной вам Пентагоном.

– Именно.

– Где машина?

– Ждет перед вашим штабом.

– Это не мой штаб, – сказал я. – Я здесь в командировке.

Я повернулся к Саммер и попросил ее принести их вещи из машины. Они пришли в ярость, но знали, что не могут мне помешать. Гражданские законы о необоснованном обыске и конфискации, об ордерах и достаточных основаниях теряют свою силу у ворот военной базы. Я следил за их глазами, пока отсутствовала Саммер. Они были раздражены, но не обеспокоены. Значит, либо они говорили правду насчет конференции в Ирвине, либо успели избавиться от бумаг, имевших к ней отношение. Но я все равно предпринял все полагающиеся шаги. Саммер вернулась с двумя одинаковыми портфелями. Точно такими же, какой я видел на фотографиях в серебряных рамках в доме миссис Крамер. Штабные офицеры очень похожи друг на друга.

Я изучил содержимое портфелей, выложив его на стол. И обнаружил в обоих паспорта, билеты на самолет, подорожные и командировочные предписания. И никаких бумаг, касающихся темы конференции в Ирвине.

– Прошу извинить за доставленные неудобства, – сказал я.

– Ну, теперь доволен, сынок? – поинтересовался Вассель.

– Жена Крамера тоже мертва, – сообщил я. – Вам это известно?

Я наблюдал за ними и сразу понял, что они ничего не знали. Они посмотрели на меня, потом друг на друга, начали бледнеть и забеспокоились.

– Как? – спросил Вассель.

– Когда? – задал свой вопрос Кумер.

– Вчера ночью. Ее убили, – ответил я.

– Где?

– В ее доме. Кто-то туда вломился.

– Мы знаем кто?

– Нет, не знаем. Это не наше дело. Оно входит в юрисдикцию гражданской полиции.

– И что это было? Ограбление?

– Возможно, поначалу.

Больше они ничего не сказали. Мы с Саммер проводили их к выходу и посмотрели, как они забрались в свою машину. Это был «меркурий гранд-маркиз» на пару лет и моделей моложе автомобиля миссис Крамер, только не зеленого цвета, а черного. Водитель был высоким, в полевой форме. В темноте я не смог разглядеть ни как его зовут, ни его звание. Он ловко развернулся на пустой дороге и увез Васселя и Кумера. Мы наблюдали за тем, как задние огни двинулись на север через главные ворота базы, а затем скрылись в темноте.

– Ну и что вы думаете? – спросила Саммер.

– Думаю, они полны дерьма, – ответил я.

– Важного дерьма или обычного?

– Они врут, – сказал я. – Они очень напряжены, они врут, и они глупы. Почему меня так беспокоит портфель Крамера?

– Серьезные документы, – ответила она. – Те, что он вез в Калифорнию.

Я кивнул.

– Они только что все мне прояснили. Дело в повестке дня конференции.

– Вы уверены, что она была?

– Повестка дня есть всегда. И всегда на бумаге. Для всего. Если вы захотите поменять рацион для сторожевых собак, потребуется сорок семь совещаний с сорока семью собственными повестками дня. Так что, будьте уверены, у конференции в Ирвине тоже имелась своя повестка. С их стороны было полнейшей глупостью это отрицать. Если они хотели что-то скрыть, они могли просто сказать, что она секретная и они не уполномочены говорить мне о ней.

– А может, конференция действительно не важная.

– Чушь собачья. Она очень важная.

– С чего вы взяли?

– Потому что на нее летел генерал с двумя звездами. И другой генерал, с одной звездой. А еще потому, что это канун Нового года, Саммер. Кто летает в канун Нового года да еще проводит ночь в паршивом отеле? Прошедший год в Германии имел огромное значение. Разрушена Стена. Через сорок пять лет мы все-таки победили. Там наверняка запланированы грандиозные вечеринки. Кто согласится пропустить такое ради не имеющей никакого значения конференции? Чтобы эти

ребята сели в самолет накануне Нового года, конференция в Ирвине должна быть очень важной.

– Они расстроились из-за миссис Крамер. Гораздо больше, чем из-за самого Крамера.

– Может, она им нравилась, – кивнув, сказал я.

– Возможно, Крамер им тоже нравился.

– Нет, он для них всего лишь тактическая проблема. На их уровне чувствам нет места. Они летели с ним, а теперь он мертв, и они пытаются понять, какие это будет иметь последствия для них.

– Готовятся к повышению, наверное.

– Наверное, – не стал спорить я. – Но если окажется, что Крамер сделал что-то не то, это может навредить их карьере.

– В таком случае они могут не беспокоиться. Вы обещали им, что все будет шито-крыто.

Я уловил в ее голосе какую-то натянутость, словно она хотела сказать, что я не должен был этого обещать.

– Мы защищаем армию, Саммер, – проговорил я. – Как семью. Мы именно для этого и существуем. – Я помолчал немного. – Но вы заметили, что они и после моего обещания не заткнулись? Им следовало понять намек. Они попросили скрыть неприятные подробности дела и получили подтверждение, что мы именно так и поступим. Вопрос – ответ, дело сделано.

– Они хотели знать, где находятся его вещи.

– Да, хотели. А знаете, что это значит? Их тоже интересует портфель Крамера. Из-за повестки дня конференции. Копия Крамера – единственная, которая находится вне пределов их досягаемости. Они явились сюда, чтобы проверить, у меня ли она.

Саммер посмотрела в ту сторону, куда уехала их машина. В воздухе еще пахло выхлопом.

– Как работают гражданские медики? – спросил я. – Предположим, вы моя жена и у меня случился сердечный приступ. Что вы будете делать?

– Позвоню в «девять-один-один».

– Что дальше?

– Приедет машина «скорой помощи». Заберет вас в больницу.

– Представим себе, что я скончался по пути в больницу. Где будете вы?

– Я бы поехала в больницу вместе с вами.

– А где будет мой портфель?

– Дома, – сказала она. – Там, где вы его оставили. – Она немного помолчала. – Что? Вы думаете, тот, кто вломился к миссис Крамер вчера ночью, искал там портфель?

– Это правдоподобный порядок действий, – сказал я. – Некто узнает, что Крамер умер от сердечного приступа, решает, что это произошло в машине «скорой помощи» или в приемном отделении больницы, а тот, с кем он находился в доме, поехал с ним. Этот некто отправляется в пустой, по его мнению, дом, чтобы забрать портфель.

– Но Крамер ведь туда не поехал.

– Однако логично было в первую очередь предположить именно это.

– Вы считаете, это Вассель и Кумер?

Я не ответил.

– Безумие какое-то, – заявила Саммер. – Они не того типа.

– Внешность обманчива. Они из бронетанковых войск. Всю свою жизнь они учились и учили других переезжать через все, что оказывается у них на пути. Но я не думаю, что эта версия укладывается в те временные рамки, что у нас имеются. Предположим, Гарбер позвонил в Германию в двенадцать пятнадцать, это самое раннее. В двенадцать тридцать кто-то из Двенадцатого корпуса связался с отелем здесь, в Штатах. Грин-Вэлли находится в семидесяти минутах езды от Вашингтона, а миссис Крамер умерла в два часа ночи. Получается, у них было всего двадцать минут на то, чтобы начать действовать. Они только что приехали из аэропорта, значит, машины у них не было и потребовалось бы некоторое время, чтобы ее раздобыть. И уж конечно у них не было с собой ломика. Никто не путешествует с ломиком в чемодане – так, на всякий случай. И я сомневаюсь, что «Хоум дипоу»[11] работает в новогоднюю ночь.

– Значит, кто-то еще интересуется его портфелем?

– Мы должны выяснить, что они собирались обсуждать на конференции, – сказал я. – Чтобы понять, что к чему.

Я отправил Саммер с тремя поручениями. Первое: составить список всех женщин, служащих на базе Форт-Бэрд и имеющих доступ к персональному «хаммеру». Второе: отыскать среди них тех, кто мог встречаться с Крамером в Форт-Ирвине в Калифорнии. И третье: связаться с отелем «Джефферсон» и узнать у них точное время, когда прибыли и выписались Вассель и Кумер, плюс все, что касается их

передвижений, а также входящих и исходящих звонков. Я вернулся в свой офис, положил записку от Гарбера в папку, развернул записку от брата и набрал указанный в ней номер. Он взял трубку после первого звонка.

– Привет, Джо, – сказал я.

– Джек…

– Что?

– Мне позвонили.

– Кто?

– Мамин врач.

– И что он сказал?

– Она умирает.

Глава 05

Я повесил трубку и позвонил Гарберу. Его не оказалось на месте. Поэтому я оставил ему сообщение о том, что должен уехать и что меня не будет семьдесят два часа. Причину я не назвал. Затем снова повесил трубку и сел за стол, чувствуя, как внутри у меня все онемело. Через пять минут пришла Саммер. Она принесла кучу бумажек из гаража. Видимо, собиралась при мне разобраться с «хаммером».

– Мне нужно слетать в Париж, – сказал я.

– В Париж, который в Техасе? – спросила она. – Или в Париж в Кентукки? Или в Теннесси?

– В Париж, который во Франции, – сказал я.

– Зачем?

– Моя мать больна.

– Ваша мать живет во Франции?

– В Париже, – ответил я.

– Почему?

– Потому что она француженка.

– Это серьезно?

– Быть француженкой?

– Нет, ее болезнь?

Я пожал плечами.

– Точно не знаю. Но думаю, что серьезно.

– Мне очень жаль.

– И мне нужна машина, чтобы прямо сейчас добраться до Даллеса, – сказал я.

– Я вас отвезу, – предложила Саммер. – Я люблю водить машину.

Она оставила бумаги у меня на столе и отправилась за «шевроле», на котором мы ездили к миссис Крамер. Я же пошел к себе, взял свой вещмешок и сложил туда по одному предмету с каждой полки шкафа. Еще я надел пальто. Здесь было холодно, и я сомневался, что в Европе намного теплее. Только не в начале января. Саммер подогнала машину к моей двери. Она ехала на скорости тридцать миль до тех пор, пока мы не миновали пост. Потом сорвалась с места, точно ракета, и помчалась на север. Некоторое время она ничего не говорила. Думала. Ее веки подрагивали.

– Мы должны сообщить копам из Грин-Вэлли, – сказала она. – Если мы считаем, что миссис Крамер убили из-за портфеля.

Я покачал головой.

– Это ее уже не вернет. А если ее действительно убили из-за портфеля, мы найдем убийцу сами.

– Что я должна сделать, пока вас не будет?

– Займитесь списками, – посоветовал я. – Проверьте записи на проходной. Найдите женщину, найдите портфель, выясните повестку дня конференции, затем проверьте, кому Вассель и Кумер звонили из отеля. Может, они посылали ночью курьера с каким-нибудь поручением.

– Вы думаете, такое возможно?

– Возможно все.

– Но они не знали, где находится Крамер.

– Именно поэтому они отправились не туда.

– А кого они могли послать?

– Человека, для которого их интересы имеют первостепенное значение.

– Хорошо, – сказала Саммер.

– И выясните, кто сидел за рулем их машины.

– Хорошо, – повторила она.

Больше до самого аэропорта мы не сказали ни слова.

Я нашел своего брата Джо в очереди у билетной кассы «Эр Франс». Он забронировал места для нас обоих на первый самолет, вылетающий утром. Теперь он стоял в очереди, чтобы за них заплатить. Я не видел его больше трех лет. В прошлый раз мы встречались на похоронах отца. С тех пор наши пути разошлись.

– Доброе утро, братишка, – сказал он.

Он был в пальто и костюме с галстуком и великолепно во всем этом выглядел. Джо был старше меня на два года, всегда был и всегда будет. Ребенком я смотрел на него и думал, что стану таким, когда вырасту. Неожиданно я понял, что и сейчас делаю то же самое. Издалека нас можно было перепутать. Рядом же становилось видно, что он на дюйм выше и более худой. Но главным образом было заметно, что он старше меня. Казалось, будто мы вступили в жизнь одновременно, но он первым увидел будущее, и оно его состарило.

– Как ты, Джо? – спросил я.

– Не могу пожаловаться.

– Работы много?

– Столько, что и представить трудно.

Я кивнул и ничего не сказал. По правде говоря, я не знал наверняка, чем он зарабатывает на жизнь. Возможно, он мне и говорил. Это не было государственной тайной или чем-то подобным. Он работал в Министерстве финансов. Скорее всего, он рассказал мне все в подробностях, но я, судя по всему, его не слушал. А сейчас уже слишком поздно спрашивать.

– Ты был в Панаме, – сказал он. – Операция «Правое дело»,[12] верно?

– Операция «Бравое дело», – сказал я. – Так мы ее назвали.

– Почему «Бравое»?

– Потому что мы бравые. Потому что мы готовы действовать. Потому что у нас новый главнокомандующий, который хочет казаться крутым парнем.

– И как идет операция? Нормально?

– Это все равно что битва слона с муравьем. Как еще она может проходить?

– Вы уже поймали Норьегу?

– Пока нет.

– Тогда почему тебя отправили сюда?

– Мы захватили двадцать семь тысяч парней, – сказал я. – Дело не во мне лично.

Он коротко улыбнулся и прищурился, напомнив мне детство. Такое выражение появлялось у него на лице, когда он пытался привести какой-нибудь сложный обвинительный довод. Но наша очередь подошла прежде, чем он успел мне его высказать. Джо достал кредитку и заплатил за билеты. Может, он рассчитывал, что я отдам ему деньги за свой, а может, и нет. Я так этого и не понял.

– А теперь пошли пить кофе, – сказал он.

Думаю, он единственный на земле человек, который любит кофе так же, как я. Он начал пить кофе, когда ему исполнилось шесть лет. И я тут же последовал его примеру. Мне было четыре. С тех пор мы с кофе не расстаемся. Нужда братьев Ричер в кофеине такова, что героиновая зависимость выглядит по сравнению с ней детскими игрушками.

Мы нашли кафе со стойкой в форме буквы W, на три четверти пустое, залитое резким светом флуоресцентных ламп, с липкими виниловыми табуретами. Мы уселись рядом и положили руки на стойку – универсальная поза всех путешественников, отправляющихся в путь рано утром. Официант в переднике, ни о чем нас не спрашивая, поставил перед нами кружки и налил в них кофе из кофейника. Кофе издавал такой аромат, будто его только что сварили. После ночи кафе постепенно переходило на утренний режим работы, и я слышал, как где-то скворчит яичница.

– Что произошло в Панаме? – спросил Джо.

– Со мной? – поинтересовался я. – Ничего.

– А какой приказ ты получил здесь?

– Надзор.

– Зачем?

– За процессом, – ответили. – История с Норьегой должна выглядеть законно. Предполагается, что он предстанет перед судом в Штатах. Поэтому мы должны схватить его так, чтобы можно было предъявить

ему формальное обвинение, которое будет выглядеть приемлемым в суде.

– Вы собираетесь зачитать ему «права Миранды»?

– Не совсем. Но это должно иметь под собой законные основания.

– Ты там напортачил?

– Не думаю.

– Кто тебя заменил?

– Какой-то другой парень.

– Звание?

– Такое же, как у меня, – ответил я.

– Восходящая звезда?

Я сделал глоток кофе и покачал головой.

– Я его раньше никогда не видел. Но мне он показался настоящим придурком.

Джо кивнул, ничего не сказал и взял свою кружку.

– Что? – спросил я.

– Бэрд не маленькая база, – сказал он. – Но и не слишком большая, верно? Над чем ты сейчас работаешь?

– Прямо сейчас? Умер генерал с двумя звездами, и я пытаюсь найти его портфель.

– Убийство?

Я покачал головой.

– Сердечный приступ.

– Когда?

– Вчера ночью.

– После того, как ты туда приехал?

Я промолчал.

– Ты уверен, что не напортачил в Панаме? – снова спросил Джо.

– Не думаю, – повторил я.

– Тогда почему тебя оттуда вытащили? Ты занимаешься процессом Норьеги – и вдруг оказываешься в Северной Каролине, где тебе совершенно нечего делать. Тебе и дальше было бы нечего делать, если бы генерал не умер.

– Я получил приказ, – сказал я. – Ты же знаешь, как все устроено. Приходится предположить, что они знают, что делают.

– Кто подписал приказ?

– Понятия не имею.

– Ты должен это выяснить. Узнай, кому ты так сильно понадобился в Бэрде, что он вытащил тебя из Панамы, а на твое место поставил придурка. А еще ты должен понять почему.

Мужчина в переднике снова наполнил наши кружки и подвинул к нам пластиковое меню.

– Яйца, – сказал Джо. – Хорошо поджаренные, бекон, тост.

– Блины, – заказал я. – Сверху яйца, бекон с краю, много сиропа.

Официант забрал меню и ушел, а Джо развернулся на своем табурете и сел спиной к стойке, вытянув ноги в проход.

– Что именно сказал врач? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Не слишком много. Никаких подробностей, никакого диагноза. Никакой внятной информации. Европейские врачи не слишком хорошо умеют сообщать плохие новости. Они, как правило, ходят вокруг да около. Ну и, естественно, есть еще вопрос врачебной тайны.

– Но мы же летим туда не без причины.

Джо кивнул.

– Он сказал, что, возможно, мы захотим ее повидать. И намекнул, что лучше раньше, чем позже.

– А она что говорит?

– Что он поднял шум из-за ерунды, но она всегда рада нас видеть.

Мы доели завтрак, и я за него заплатил. Затем Джо дал мне мой билет, как бы в обмен. Я не сомневался, что он зарабатывает больше меня, но, наверное, не настолько, чтобы можно было считать билет на самолет равным яичнице с беконом и тостом. Но я принял предложенную им

сделку. Мы слезли с табуретов, огляделись по сторонам и направились к стойке регистрации.

– Сними пальто, – сказал Джо.

– Зачем?

– Я хочу, чтобы служащий увидел ленточки твоих медалей, – пояснил он. – Военные действия за границей и все такое. Может, нам дадут места получше.

– Это «Эр Франс», – напомнил ему я. – Франция даже не является военным членом НАТО.

– Служащий за стойкой наверняка американец, – не сдавался Джо. – Давай попробуем.

Я снял пальто, повесил его на руку и сделал шаг в сторону, чтобы лучше было видно левую часть моей груди.

– Так хорошо? – спросил я.

– Великолепно, – улыбнулся Джо.

Я улыбнулся ему в ответ. Слева направо в верхнем ряду у меня Серебряная звезда, медаль «За отличную службу в Вооруженных силах», орден Доблестного легиона. Во втором ряду красовались Солдатская медаль, Бронзовая звезда и «Пурпурное сердце». В двух нижних рядах располагалась всякая мелочевка. Все серьезные медали я получил по чистой случайности, и ни одна из них для меня ничего не значит. Использовать их, чтобы выпросить места получше в самолете, – единственное, на что они годятся. Но Джо понравились два верхних ряда. Он прослужил пять лет в армейской разведке и не имел ни одной приличной награды.

Когда подошла наша очередь, Джо положил на стойку свой паспорт, билет и документ, удостоверяющий, что он работает в Министерстве финансов. Затем встал у меня за плечом. Я пристроил свой паспорт и билет рядом с его, и он пнул меня в спину. Я слегка выпятил левую половину груди, посмотрел на служащего и попросил:

– Вы не могли бы найти нам такие места, чтобы можно было вытянуть ноги?

Служащий аэропорта был невысоким мужчиной, средних лет, уставшим от жизни. Он взглянул на нас. Если нас сложить, получилось бы тринадцать футов в высоту и четыреста пятьдесят фунтов веса. Он изучил удостоверение личности Джо, выданное ему Министерством финансов, посмотрел на мою форму и принялся стучать по клавиатуре, затем натянуто улыбнулся.

– Мы посадим вас впереди, джентльмены, – сказал он.

Джо снова пихнул меня в спину, и я понял, что он улыбается.

Мы сидели в последнем ряду салона первого класса и разговаривали, но старались избегать очевидной темы. Мы обсудили музыку, потом политику. Еще раз позавтракали. Выпили кофе. «Эр Франс» подает очень приличный кофе в салоне первого класса.

– Как звали генерала? – спросил Джо.

– Крамер, – ответил я. – Командующий бронетанковыми войсками в Европе.

– Бронетанковыми? В таком случае что он делал в Бэрде?

– На базе ничего не делал. Он находился в мотеле в тридцати милях от Бэрда. Свидание с женщиной. Похоже, она сбежала с его портфелем.

– Гражданская?

Я покачал головой.

– Мы думаем, что она офицер из Бэрда. Он направлялся на конференцию в Калифорнию, и предполагалось, что он проведет ночь в Вашингтоне.

– Он проделал лишних триста миль.

– Двести девяносто восемь.

– Но вы не знаете, кто эта женщина.

– Судя по всему, у нее достаточно высокое звание, потому что она приехала в мотель на собственном «хамви».

Джо кивнул.

– Да, наверное. Крамер, видимо, знал ее давно, раз готов был проехать пятьсот девяносто шесть миль, чтобы с ней встретиться.

Я улыбнулся. Любой другой сказал бы «шестьсот миль», но только не мой брат. Как и у меня, у него нет среднего имени. Но если бы было, Педант подошло бы ему лучше всего. Джо Педант Ричер.

– Бэрд ведь пехотная база, верно? – спросил он. – Некоторое количество рейнджеров и отряд «Дельта», но по большей части пехотинцы, насколько я помню. И что, здесь много женщин в звании старших офицеров?

– Там имеется школа, где ведутся занятия по психологическому воздействию на противника. Половина инструкторов – женщины.

– В каких званиях?

– Несколько капитанов, несколько майоров, пара подполковников.

– Что было в портфеле?

– Тема конференции в Калифорнии, – сказал я. – Штабные офицеры Крамера заявили, что никакой особой повестки дня не было.

– Повестка дня есть всегда, – возразил Джо.

– Я знаю.

– Проверь майоров и подполковников, – сказал он. – Таков мой тебе совет.

– Премного благодарен.

– А еще выясни, кому понадобилось, чтобы тебя перевели в Бэрд, – добавил он. – И зачем. Причина не в Крамере. Это мы знаем наверняка. Он был жив и здоров, когда ты получил приказ отправиться в Бэрд.

Мы прочитали вчерашние номера «Ле матен» и «Ле монд». Примерно в середине полета мы начали говорить по-французски. Выяснилось, что многое забылось, но мы справились. Если ты что-то знаешь, ты это уже навсегда. Джо спросил меня про моих подружек. Видимо, решил, что это самая подходящая тема для обсуждения на французском. Я доложил ему, что встречался с девушкой в Корее, но потом меня перевели на Филиппины, затем в Панаму, а теперь в Северную Каролину, так что я не рассчитываю снова с ней увидеться. Я рассказал ему про лейтенанта Саммер, и мне показалось, что она его заинтересовала. Джо сообщил мне, что ни с кем не встречается.

Он снова перешел на английский и спросил, когда я в последний раз был в Германии.

– Шесть месяцев назад, – ответил я.

– Наступил конец целой эры, – сказал он. – Германия объединится. Франция снова начнет ядерные испытания, потому что Германия возродит у них неприятные воспоминания. Затем Франция предложит ввести общую валюту в Евросоюзе, чтобы заставить Германию прилично себя вести. Через десять лет Польша войдет в НАТО, а СССР перестанет существовать. На останках старого появится новое государство. Возможно, оно тоже вступит в НАТО.

– Может быть, – не стал спорить я.

– Так что Крамер правильно выбрал время, чтобы отвалить. Скоро все изменится.

– Наверное.

– А ты что будешь делать?

– Когда?

Джо повернулся на своем месте и посмотрел на меня.

– В армии будет сокращение, Джек. Ты должен это понимать. Они не станут содержать миллионную армию, учитывая, что их главный враг начал разваливаться на части.

– Он еще не развалился.

– Но это непременно произойдет. В течение года. Горбачев долго не продержится. Коммунисты предпримут последнюю попытку захватить власть, но у них ничего не выйдет. И тогда реформаторы вернутся, уже навсегда. Возможно, это будет Ельцин. Он вполне нормальный. Так что у Вашингтона появится непреодолимый соблазн сэкономить деньги. Это все равно как сотня рождественских праздников одновременно. И не забывай, что твой главнокомандующий является политиком.

Я подумал о сержанте с маленьким ребенком.

– Все будет происходить медленно, – сказал я.

Джо покачал головой.

– Это случится быстрее, чем ты думаешь.

– У нас всегда будут враги.

– Без вопросов, – согласился он. – Но уже совсем другие враги. У них не будет десяти тысяч танков, размещенных в Германии.

Я ничего не сказал.

– Непременно выясни, почему ты оказался в Бэрде, – повторил Джо. – Либо там ничего особенного не происходит, и тогда ты ступил на дорожку, ведущую вниз, либо что-то происходит, и они хотят, чтобы ты с этим разобрался. Тогда тебя ждет повышение.

Я продолжал молчать.

– Ты в любом случае должен знать, как обстоят дела, – настаивал он. – В армии грядет сокращение, и тебе нужно понять, на каком ты свете.

– Копы всегда будут нужны, – сказал я. – Даже если в армии останется два человека, один из них будет военным полицейским.

– Ты должен составить план, – сказал он.

– Я никогда ничего не планирую.

– Ты должен.

Я провел пальцем по ленточкам на своей груди.

– Благодаря им мне дали место в передней части самолета, – сказал я. – Может, они помогут мне сохранить работу.

– Может, и помогут, – согласился Джо. – Но даже если тебя не уволят, захочешь ли ты заниматься такой работой? Все станет второсортным.

Я обратил внимание на манжеты его рубашки – чистые, накрахмаленные, скрепленные не бросающимися в глаза серебряными запонками, украшенными черным ониксом. Его галстук был простым, темным и шелковым. Джо старательно выбрился, нижний край аккуратных бачков представлял собой идеально прямую линию. Иными словами, передо мной был человек, которого приводит в ужас все, что не является самым лучшим.

– Работа – это работа, – сказал я. – Я не слишком разборчив.

Остаток пути мы проспали. Нас разбудил пилот, который объявил по радио, что мы садимся в аэропорту Руасси – Шарль де Голль. По местному времени было около восьми часов вечера. Почти весь второй день новой декады исчез, как мираж, когда мы перелетели из одного часового пояса в другой.

Мы поменяли немного денег и встали в очередь на такси. Она была в милю длиной, с кучей людей и багажа. При этом она практически не двигалась. Поэтому мы отыскали navette – так французы называют пригородные автобусы, идущие из аэропорта. Нам пришлось стоять всю дорогу из скучного северного пригорода до центра Парижа. На площади Оперы мы оказались в девять часов вечера. Париж был темным, сырым, холодным и притихшим. За закрытыми дверями и запотевшими окнами кафе и ресторанов сияли теплые огни. На мокрых улицах стояли маленькие машины, покрытые ночной изморозью. Мы вместе прошли на юго-восток, пересекли Сену по мосту Конкорд, свернули на запад и двинулись дальше по набережной Орсе. Река была темной, грязной и неподвижной, а улицы пустынными. Люди предпочитали сидеть в тепле.

– Может, купим цветов? – предложил я.

– Уже поздно, и все закрыто, – сказал Джо.

Мы повернули налево у площади Сопротивления и вышли на авеню Рапп. Когда мы переходили рю де л'Университе, мы увидели справа Эйфелеву башню, сияющую яркими золотыми огнями. Наши шаги звучали на безмолвной улице, как пистолетные выстрелы. В конце концов мы добрались до дома, где жила наша мать, – скромного шестиэтажного здания из камня, пристроившегося между двумя более роскошными фасадами девятнадцатого века. Джо вынул руку из кармана и отпер уличную дверь.

– У тебя есть ключ? – удивленно спросил я.

– Он у меня всегда был. – ответил Джо.

За дверью оказалась выложенная камнем дорожка, которая шла через центральный двор. Комната консьержа находилась слева. За ней располагался небольшой альков с лифтом. Мы поднялись на лифте на пятый этаж и вышли в широкий, тускло освещенный коридор с высоким потолком и выложенным темной плиткой полом. На высокой дубовой двери квартиры справа имелась скромная медная табличка с выгравированными на ней именами жильцов: «Месье и мадам Жирар». Табличка на левой двери, выкрашенной белой краской, гласила: «Мадам Ричер».

Мы постучались и стали ждать.

Глава 06

Внутри квартиры послышались медленные шаркающие шаги, и спустя довольно долгое время наша мать открыла дверь.

– Bonsoir, maman,[13] – сказал Джо.

Я же молча уставился на нее.

Она была очень худой, совсем седой, сгорбленной и показалась мне лет на сто старше, чем в нашу предыдущую встречу. На левой ноге у нее была длинная гипсовая повязка, и она опиралась на ходунок. Крепко вцепилась в него руками, и я видел выступающие кости, вены и сухожилия. Она дрожала. Ее кожа была совсем прозрачной. Только глаза остались такими, какими я их помнил, – голубыми, веселыми, сияющими.

– Джо, – сказала мать. – И Ричер.

Она всегда звала меня по фамилии. Никто не помнил почему. Возможно, началось с того, что я сам себя так называл в детстве. И у нее это вошло в привычку, как бывает среди близких людей.

– Мои мальчики, – произнесла она. – Вы только посмотрите на них!

Она говорила медленно, задыхаясь, но на ее лице расцвела счастливая улыбка. Мы вошли и обняли ее. Мать показалась мне холодной и хрупкой и какой-то бестелесной. Как будто весила меньше своего алюминиевого ходунка.

– Что случилось? – спросил я.

– Заходите, – сказала она. – Чувствуйте себя как дома.

Она неуверенно развернула ходунок и, с трудом переставляя ноги, пошла по коридору. Она тяжело дышала, воздух со свистом вырывался из груди. Я двинулся за ней, а Джо закрыл дверь и последовал за мной. Коридор был узким, с высоким потолком, и вывел нас в гостиную с деревянными полами, белыми диванами, белыми стенами и зеркалами в рамах. Мать направилась к дивану, повернулась к нему спиной и рухнула на него. У меня возникло ощущение, что она утонула в подушках.

– Что случилось? – снова спросил я.

Не желая отвечать на мой вопрос, она отмахнулась нетерпеливым движением руки. Мы с Джо сели рядом.

– Тебе придется нам рассказать, – требовательно сказал я.

– Мы проделали такой путь, – добавил Джо.

– А я-то подумала, что вы просто решили меня навестить, – сказала она.

– Нет, ты так не подумала, – возразил я.

Мать уставилась в какую-то точку на стене.

– Ничего особенного, – неохотно сказала она.

– А мне так не кажется.

– Это всего лишь неудачный выбор времени.

– В каком смысле?

– Мне не повезло, – продолжала темнить мать.

– В чем?

– Меня сбила машина, – наконец призналась она. – У меня сломана нога.

– Где? Когда?

– Две недели назад, – ответила она. – Прямо у дверей моего дома, здесь, на улице. Шел дождь, у меня был зонтик в руках, и он закрывал мне обзор. Я шагнула вперед, водитель увидел меня и нажал на тормоз, но дорога была мокрой, и машина двигалась на меня, очень медленно, как при замедленной съемке, а я была так потрясена, что стояла и смотрела на нее. Я почувствовала, как она ударила в мое левое колено, очень мягко, точно поцеловала, но кость сломалась. Больно было ужасно.

Я вспомнил, как корчился в маслянистой луже громила на парковке перед стрип-клубом неподалеку от Бэрда.

– Почему ты нам ничего не сказала? – спросил Джо.

Она не ответила ему.

– Но нога ведь заживет? – спросил он.

– Конечно, – успокоила его мать. – Это ерунда.

Джо посмотрел на меня.

– Что еще? – поинтересовался я.

Она продолжала смотреть на стену. Снова отмахнулась от моего вопроса.

– Что еще? – повторил Джо.

Мать взглянула на меня, потом перевела глаза на него.

– Мне сделали рентген. Я пожилая женщина, по их представлениям. Они считают, что пожилые женщины, которые ломают кости, рискуют заболеть пневмонией. Мы лежим неподвижно, наши легкие заполняются жидкостью, и там развивается инфекция.

– И что?

Она молчала.

– У тебя пневмония? – спросил я.

– Нет.

– Так что же случилось?

– Они обнаружили. При помощи рентгена.

– Что обнаружили?

– Что у меня рак.

Никто из нас довольно долго ничего не говорил.

– Но ты это и без них знала, – сказал я.

Она улыбнулась мне, как всегда.

– Да, милый, я знала.

– Как давно?

– Год, – ответила она.

– Рак чего? – спросил Джо.

– Теперь уже всего.

– Он поддается излечению?

Она только покачала головой.

– А раньше поддавался?

– Не знаю, – сказала мать, – я не спрашивала.

– Каковы были симптомы?

– У меня болел желудок. Пропал аппетит.

– А потом рак распространился?

– Теперь у меня уже все болит. Он проник в кости. Да еще эта дурацкая нога портит мне жизнь.

– Почему ты нам не сказала?

Мать упрямо пожала плечами. Так по-французски и так по-женски.

– А что тут было говорить?

– Почему ты не пошла к врачу?

Некоторое время она не отвечала и наконец произнесла:

– Я устала.

– От чего? – спросил Джо. – От жизни?

– Нет, Джо, – улыбнувшись, ответила она. – Просто устала. Уже поздно, и мне пора в кровать, вот что я хотела сказать. Мы поговорим об этом утром. Обещаю. Давайте не будем сейчас поднимать шум.

Мы отпустили ее. У нас не было выбора. Наша мать была самой упрямой женщиной в мире.

На кухне мы нашли разную еду. Сразу было понятно, что мама запаслась провизией специально для нас. Холодильник был забит продуктами, которые не представляют интереса для женщины, страдающей

отсутствием аппетита. Мы поели паштета и сыра, сварили кофе и сели за стол. Внизу лежала тихая, пустынная, безмолвная авеню Рапп.

– Ну и что ты думаешь? – спросил у меня Джо.

– Думаю, что она умирает, – ответил я. – В конце концов, именно поэтому мы сюда прилетели.

– Мы сможем заставить ее лечиться?

– Слишком поздно. Это будет напрасная трата времени. Кроме того, мы не можем заставить ее что-то делать. Когда-нибудь кому-нибудь удавалось заставить ее делать то, чего она не хотела?

– А почему она не хочет?

– Не знаю.

Он только посмотрел на меня.

– Она фаталистка, – попробовал объяснить я.

– Ей всего шестьдесят лет.

Я кивнул. Матери было тридцать лет, когда я родился, и сорок восемь, когда я перестал жить с родителями. Я совсем не заметил, как она состарилась. В сорок восемь она выглядела моложе, чем я в свои двадцать восемь. Я видел ее полтора года назад – заехал в Париж на два дня по дороге из Германии на Ближний Восток. Она была в полном порядке. И великолепно выглядела. Прошло два года со смерти отца, и, как и у большинства людей, этот двухлетний этап стал поворотным. Она показалась мне человеком, у которого впереди еще много лет жизни.

– Почему она нам не сказала? – спросил Джо.

– Я не знаю.

– Плохо, что не сказала.

– Так уж вышло, – проговорил я.

Джо кивнул.

К нашему приезду мать приготовила гостевую комнату: застелила постели свежим бельем, повесила чистые полотенца и даже поставила на прикроватные тумбочки цветы в китайских фарфоровых вазах. Это была маленькая комната, почти полностью заполненная двумя двуспальными кроватями, и здесь приятно пахло. Я представил себе, как она в своем ходунке сражается с пуховыми одеялами, загибает углы, расправляет складки.

Мы с Джо не разговаривали. Я повесил свою форму в шкаф и помылся в ванной комнате. Мысленно поставил будильник на семь часов утра, забрался в постель и лежал целый час, глядя в потолок. Потом я уснул.

Я проснулся ровно в семь. Джо уже встал. Может быть, он вовсе не спал или привык к более упорядоченной жизни, чем я. Или разница во времени мешала ему больше. Я принял душ, достал из вещмешка рабочие брюки и футболку и надел их. Джо я нашел на кухне, он варил кофе.

– Мама еще спит, – сказал он. – Лекарства, наверное.

– Я схожу за завтраком, – предложил я.

Надев пальто, я прошел квартал до магазинчика на улице Сен-Доминик. Там я купил круассаны и молоко с шоколадом и принес их домой в вощеном пакете. Мама все еще была у себя в комнате, когда я вернулся.

– Она совершает самоубийство, – сказал Джо. – Мы не можем ей это позволить.

Я промолчал.

– Что? – спросил он. – Если бы она взяла пистолет и приставила его к голове, ты бы ей не помешал?

Я пожал плечами.

– Она уже приставила пистолет к голове. И нажала на курок год назад. Мы с тобой опоздали. Она об этом позаботилась.

– Почему?

– Придется подождать, пока она сама нам не расскажет.

И она рассказала. Разговор начался за завтраком и продолжался почти весь день, то возникая, то затухая. Мать спустилась из своей комнаты, после того как приняла душ и тщательно оделась. Выглядела она неплохо, насколько может выглядеть человек, умирающий от рака, со сломанной ногой и алюминиевым ходунком. Она сварила свежий кофе, выложила принесенные мной круассаны на фарфоровую тарелку и поставила их на празднично накрытый стол. То, как она взяла все в свои руки, вернуло нас назад, в детство. Мы с Джо снова превратились в тощих мальчишек, а она была полноправной хозяйкой своего дома. Женам и матерям военных приходится несладко. Некоторым удается справиться с трудностями, другим – нет. Ей удавалось всегда. Каждое место, где мы жили, становилось нашим домом. Она делала все, чтобы это было так.

– Я родилась в трехстах метрах отсюда, – сказала она. – На авеню Боске. Из своего окна я видела Дом Инвалидов и Военную школу. Когда немцы пришли в Париж, мне было десять. Тогда мне казалось, что наступил конец света. Мне исполнилось четырнадцать, когда они ушли. И я думала, что это начало новой жизни.

Мы с Джо молчали.

– С тех пор каждый день был чем-то вроде награды, – продолжала она. – Я встретила вашего отца, у меня родились вы, мальчики, я путешествовала по всему свету. Вряд ли есть страна, в которой бы я не побывала. Я француженка. Вы американцы. Это разные народы. Если американка заболевает, ее охватывает возмущение. «Как такое могло произойти со мной?» – думает она. И старается немедленно все исправить. Но французы знают, что сначала ты живешь, а потом умираешь. В этом нет ничего возмутительного. Так устроен мир, и так было с самого начала времен. Разве вы не понимаете, что так должно быть? Если бы люди не умирали, нам пришлось бы жить на очень густонаселенной планете.

– Да, но важно, *когда* ты умираешь, – сказал Джо.

Она кивнула.

– Ты прав. Ты умираешь, когда приходит твое время.

– Это слишком пассивный взгляд на жизнь.

– Нет, Джо, реалистичный. Тут дело в том, что ты выбираешь, с чем будешь сражаться. Разумеется, ты лечишь всякие мелочи. Если произошел несчастный случай, ты обращаешься к врачам и они приводят тебя в норму. Но некоторые сражения выиграть невозможно. Не думай, что я не размышляла о том, что со мной произошло, прежде чем принять решение. Я читала книги, разговаривала с друзьями. Надежда на успешный исход, после того как симптомы начали проявляться, практически равна нулю. Пять лет живут десять-двадцать процентов заболевших, кому такое нужно? Да еще после невероятно тяжелых процедур.

«Важно, когда ты умираешь». Мы все утро возвращались к главному вопросу Джо. Мы обсуждали его с одной стороны, потом с другой. Но постоянно приходили к единственному выводу: «Некоторые сражения выиграть невозможно». В любом случае этот разговор должен был состояться год назад. Теперь же он не имел никакого смысла.

Мы с Джо еще раз поели. Наша мать есть не стала. Я ждал, когда Джо задаст следующий очевидный вопрос. Наконец Джо его задал. Джо Ричер, тридцать два года, шесть футов шесть дюймов роста, двести двадцать фунтов веса, выпускник Уэст-Пойнта, крупная шишка в

Министерстве финансов, положил ладони на стол и посмотрел своей матери в глаза.

– Неужели ты не будешь по нам скучать, мама? – спросил он.

– Неверный вопрос, – ответила она. – Я умру и не смогу ни по кому скучать. Это вам будет меня не хватать. Так же, как не хватает отца. Я тоже скучаю по нему. Я вспоминаю своего отца, мать и бабушку с дедушкой. Тоска по мертвым – это часть жизни.

Мы молчали.

– На самом деле ты имел в виду совсем другое, – сказала она. – Ты спрашиваешь меня, как я могу вас бросить? Тебя интересует, волнуют ли меня ваши дела, и неужели мне все равно, что с вами станет. Ты боишься, что я вас разлюбила.

Мы молчали.

– Я все понимаю, – продолжала она. – Правда понимаю. Я и себе задавала те же самые вопросы. Это все равно как уйти из кинотеатра, когда фильм еще идет. Как будто тебя заставляют уйти, хотя фильм тебе по-настоящему нравится. Больше всего меня беспокоило то, что я никогда не узнаю, чем все закончится, что станется с вами и как сложатся ваши жизни. Вот что огорчало меня сильнее всего. Но потом я поняла, что рано или поздно мне придется уйти с этого фильма. Ведь никто не живет вечно. Так или иначе, мне не суждено узнать, что с вами станется в конце концов. Даже при самом благоприятном раскладе. И когда я это поняла, мне стало легче. Какая бы дата ни была назначена, этого всегда будет недостаточно.

Довольно долго мы сидели тихо и ничего не говорили.

– Сколько еще? – спросил Джо.

– Скоро, – ответила она.

Мы молчали.

– Я вам больше не нужна, – сказала она. – Вы уже выросли. Я свою работу сделала. Это естественно и хорошо. Это жизнь. Отпустите меня.

К шести вечера мы уже наговорились, и никто почти целый час не произносил ни слова. Затем мать выпрямилась на своем стуле.

– Давайте сходим куда-нибудь пообедать, – сказала она. – Например, в «Полидор» на улице Месье ле Пренс.

Мы вызвали такси и доехали до Одеона, а дальше пошли пешком. Так захотела мать. Она закуталась в пальто и шла медленно и неуверенно, вцепившись в наши руки, но мне кажется, она получала удовольствие от свежего воздуха. Улица Месье ле Пренс пересекает бульвар Сен-Жермен и бульвар Сен-Мишель. Наверное, это самая парижская улица во всем Париже. Узкая, невероятно разная, немного потрепанная, шумная, с высокими оштукатуренными фасадами домов. «Полидор» – знаменитый старый ресторан. Когда туда заходишь, возникает ощущение, что там бывали самые удивительные люди – гурманы, шпионы, странники, копы и грабители.

Мы все заказали одно и то же: парную козлятину, свинину с черносливом и трюфели из молочного шоколада. А еще хорошее красное вино. Но наша мать ничего не ела и не пила. Она сидела и наблюдала за нами. Мы с Джо смущенно ели. По ее лицу было видно, что она страдает от боли. Говорила она исключительно о прошлом, но без грусти и сожалений. Она заново переживала все самые лучшие мгновения, смеялась, потом провела пальцем по шраму на лбу Джо и, как всегда, отругала меня за то, что этот шрам появился из-за меня. Я, как обычно, закатал рукав и показал белый шрам в том месте, где Джо в ответ ударил меня стамеской, и тогда она отругала его. Она вспоминала поделки, которые мы мастерили для нее в школе, дни рождения на мрачных далеких базах, где стояла жуткая жара или было безумно холодно. Она говорила о нашем отце, о том, как познакомилась с ним в Корее, как они поженились в Голландии, о его неуклюжих манерах и о том, что за все тридцать три года, что они прожили вместе, он только два раза подарил ей цветы – когда родились мы с Джо.

– Почему ты ничего не сказала нам год назад? – снова спросил Джо.

– Ты знаешь почему, – ответила она.

– Потому что мы попытались бы тебя переубедить, – проговорил я.

Она кивнула.

– Это решение я имела право принять сама, – сказала она.

Все трое выпили кофе, а мы с Джо выкурили по сигарете. Затем официант принес счет, и мы попросили его вызвать такси. Молча доехали до дома матери на авеню Рапп. И отправились спать, не говоря друг другу ни слова.

Утром четвертого дня нового года я проснулся рано и услышал, как Джо разговаривает на кухне по-французски. Я отправился туда и обнаружил его там с женщиной. Она была молодой и деловитой, с аккуратной

короткой стрижкой и сияющими глазами. Она сказала мне, что является личной медсестрой моей матери по условиям страхового полиса по старости. Обычно она приходит семь раз в неделю, но вчерашний день наша мать попросила ее пропустить, потому что хотела побыть с сыновьями наедине. Я спросил ее, сколько времени она здесь проводит, и она ответила, что остается ровно столько, сколько требуется. И добавила, что страховка предусматривает уход в течение двадцати четырех часов в сутки, когда такая необходимость возникнет, а это, по ее мнению, произойдет скоро.

Девушка с сияющими глазами ушла, а я вернулся в спальню, принял душ и собрал свои вещи. Вошел Джо и стал за мной наблюдать.

– Ты уезжаешь? – спросил он.

– Мы оба уезжаем. И ты это знаешь.

– Мы должны остаться.

– Мы приехали. Она хотела этого. А теперь она хочет, чтобы мы уехали.

– Ты так думаешь? – усомнился Джо.

– Вчерашний вечер в «Полидоре» был прощанием. Она хочет, чтобы ее оставили в покое.

– Ты сможешь это сделать?

– Если она так хочет. Мы ей это должны.

Я снова купил завтрак на улице Сен-Доминик, и мы, все трое, съели его, запивая на французский манер большими кружками кофе. Наша мать надела свое лучшее платье и вела себя как совершенно здоровая женщина, которой доставляет некоторые временные неудобства сломанная нога. Это потребовало от нее огромного усилия воли, но я понимал, что она хотела, чтобы мы запомнили ее именно такой. Мы наливали кофе и любезно передавали друг другу разные предметы сервировки. Получился очень цивилизованный завтрак, как бывало у нас много-много лет назад. Словно это был старый семейный ритуал.

Затем мать вспомнила еще один семейный ритуал и сделала то, что делала уже десять тысяч раз, всю нашу жизнь, с тех самых пор, как мы начали себя осознавать. Она с трудом поднялась со стула, подошла к Джо сзади и положила руки ему на плечи. Наклонилась и поцеловала его в щеку.

– Чего ты не должен делать? – спросила она.

Джо не ответил. Он никогда не отвечал. Наше молчание являлось частью ритуала.

– Ты не должен пытаться решить все мировые проблемы, Джо. Только некоторые из них. Тебе хватит и этого.

Она снова поцеловала его в щеку. Потом, держась одной рукой за спинку его стула, потянулась другой к моему стулу и встала у меня за спиной. Я слышал, как она тяжело, неровно дышит. Она поцеловала меня в щеку и, как и во все предыдущие годы, положила руки мне на плечи, словно измеряла их ширину. Она была миниатюрной женщиной, восхищающейся тем, как ее малыш превратился в великана.

– Твоей силы хватит на двух обычных мальчиков, – сказала она.

Пришло время моего персонального вопроса.

– Что ты собираешься делать со своей силой?

Я промолчал, потому что никогда не отвечал на этот вопрос.

– Ты сделаешь то, что будет правильно, – проговорила мать, наклонилась и снова поцеловала меня в щеку.

Я подумал: «Неужели это в последний раз?»

Через полчаса мы уехали. Мы долго обнимались у двери, сказали ей, что любим ее, а она говорила нам, что любит нас и всегда любила. Мы оставили ее в дверях, спустились вниз в крошечном лифте и отправились пешком до Оперы, хотя это было довольно далеко. Там купили билеты на автобус, который отвез нас в аэропорт. В глазах у нас стояли слезы, и мы не разговаривали. Мои медали не произвели никакого впечатления на девушку в аэропорту, и она выдала нам места в самом конце салона самолета. Когда мы пролетели примерно половину пути, я взял «Ле монд» и прочитал, что Норьегу обнаружили в Панаме. Неделю назад я жил и дышал этой миссией. Теперь же едва о ней помнил. Я отложил газету и попытался заглянуть в будущее, вспомнить, куда я лечу и что должен буду делать, когда туда попаду. У меня это плохо получалось. Я не очень представлял себе, что будет дальше. Будь моя воля, я бы остался в Париже.

Глава 07

Когда летишь на запад, время удлиняет день, а не укорачивает. В результате мы получили назад то время, которое потеряли два дня назад. Мы приземлились в Даллесе в два часа дня. Я попрощался с Джо, он сел в такси и уехал в город. Я пошел искать автобусную остановку, но тут меня арестовали.

Кто сторожит сторожей? Кто арестовывает представителя военной полиции? В моем случае это были три уоррент-офицера, подчиняющиеся непосредственно начальнику ВП. Два третьей категории и один четвертой. Четвертая Категория показал мне свои документы и приказ, а двое других продемонстрировали две «беретты» и наручники. Их командир предоставил мне выбор – вести себя хорошо или получить по полной программе. Я улыбнулся. Мне понравилось, как он держался, – сам я вряд ли вел бы себя иначе или лучше.

– Вы вооружены, майор? – спросил он.

– Нет, – ответил я.

Я бы всерьез начал беспокоиться за судьбу нашей армии, если бы он поверил мне на слово. Некоторые на его месте так бы и поступили. Их бы смущала эта непростая ситуация. Арест старшего офицера из своего подразделения – дело не простое. Но этот парень сделал все правильно. Он услышал, что я сказал: «Нет», – а затем кивнул своим подчиненным, и они тут же принялись меня обыскивать, да так быстро, словно я сказал: «Да, ядерной боеголовкой». Один из них занялся мной, а другой – моими вещами. Оба проделали все очень старательно, и им потребовалось несколько минут, чтобы удовлетвориться результатами.

– Я должен надеть на вас наручники? – спросил Четвертая Категория.

Я покачал головой.

– А где машина?

Он не ответил. Уоррент-офицеры третьей категории встали по бокам от меня и чуть позади, а их командир зашагал впереди. Мы прошли по тротуару, миновали автобусную стоянку и направились на парковку для служебных машин, где стоял седан оливкового цвета. Для них наступал самый сложный момент. Если бы я собирался сбежать, я бы сейчас напрягся, приготовившись от них оторваться. Они это знали и окружили меня немного плотнее. Хорошая команда. Трое против одного – мои шансы в такой ситуации снижались ровно наполовину. Однако я позволил им засунуть меня в машину и стал размышлять о том, что произошло бы, если бы я побежал. Иногда я думаю, что мне так и следовало сделать.

«Шевроле каприз» когда-то был белым, но армия выкрасила его в зеленый цвет. Первоначальный цвет проступал на внутренней поверхности дверцы. Виниловые сиденья и открывающиеся вручную окна. Такие машины принято использовать в гражданской полиции. Я устроился позади пассажирского сиденья, один из парней сел рядом со мной, другой – за руль, а Четвертая Категория – рядом с ним. Никто ничего не говорил.

Мы поехали по главному шоссе на восток в сторону города. Я находился примерно в пяти минутах позади Джо, мчавшегося в такси. Мы свернули на юг и на восток и миновали Центр Тайсона. Через пару миль появился указатель с названием Рок-Крика, маленького городка, расположенного в двадцати милях к северу от Форт-Бельвуара и в сорока – к северо-востоку от Корпуса морской пехоты в Квантико. Иными словами, очень близко от моего постоянного места службы. Там размещался штаб 110-го особого отдела. Итак, я знал, куда мы направляемся, но не имел ни малейшего понятия почему.

Штаб 110-го особого отдела – это главным образом офис и место хранения технических средств. Там нет надежных камер для содержания преступников. Меня заперли в комнате для допросов. Швырнули мой вещмешок на стол, оставили меня и заперли за собой дверь. Я и сам не раз запирал в этой комнате людей, поэтому знал процедуру. Один из уоррент-офицеров остался стоять на посту в коридоре перед дверью. Или даже оба. Поэтому я слегка отодвинул простой деревянный стул, положил ноги на стол и стал ждать.

Я прождал час. Мне было неудобно, я хотел есть и пить после полета на самолете. Если бы они это знали, то наверняка заставили бы меня просидеть здесь два часа. Или даже больше. Но они вернулись через шестьдесят минут. Впереди шагал их командир, он кивком показал, чтобы я встал и проследовал за ним. Меня заставили подняться на два этажа, потом повели по простым серым коридорам. Теперь я уже точно знал, куда мы идем. Мы направлялись в кабинет Леона Гарбера. Только я не мог понять почему.

Они остановили меня перед дверью из ребристого стекла с надписью золотыми буквами: «Командир подразделения». Я множество раз входил в нее, но еще ни разу под арестом. Четвертая Категория постучал, подождал немного, открыл дверь и отошел, пропуская меня внутрь. Затем он закрыл за мной дверь и остался в коридоре вместе со своими парнями.

За столом Гарбера сидел человек, которого я никогда до сих пор не видел. Полковник. В полевой форме. На именной табличке значилось: «Уиллард, армия США». У него были седые волосы, расчесанные на пробор, как у прилежного ученика. Но их уже давно пора было подстричь. Очки в стальной оправе красовались на землистом одутловатом лице, которое наверняка казалось старым и в двадцать лет. Я отметил, что он невысокого роста, приземистый, а то, как на нем выглядела форма, говорило о его нелюбви к спортивным залам. Ему никак не удавалось спокойно усидеть на месте. Он то и дело наклонялся влево, поглаживал брюки на левом колене – в общем, за десять секунд, что я провел в комнате, трижды изменил положение. Может, у него был геморрой. Или он нервничал. Мягкие руки с обломанными ногтями.

Обручального кольца нет. Судя по всему, разведен. Никакая жена не позволила бы ему появляться на людях с такими волосами. И никакая жена не стала бы терпеть его раскачиваний и подергиваний. По крайней мере, долго.

Мне следовало встать по стойке «смирно», отдать честь и доложить: «Сэр, майор Ричер прибыл по вашему приказу». Так принято в армии. Но я решил, что ни за что не стану этого делать. Я лениво огляделся по сторонам и встал перед его столом по стойке «вольно».

– Я требую объяснений, – заявил тип по имени Уиллард.

И снова принялся ерзать на своем стуле.

– Вы кто? – поинтересовался я.

– Ты видишь, кто я.

– Я вижу, что вы полковник армии США по имени Уиллард. Но я не стану вам ничего объяснять до тех пор, пока не пойму, являетесь ли вы моим командиром.

– Я являюсь твоим командиром, сынок. Что написано на моей двери?

– Командир подразделения, – ответил я.

– А где мы находимся?

– В Рок-Крике, Виргиния.

– Хорошо. Ты спросил, я ответил, – сказал он.

– Я вас не знаю, мы прежде не встречались, – сказал я.

– Я получил эту должность сорок восемь часов назад. Теперь мы познакомились, и я требую объяснений, – заявил он.

– По какому поводу?

– Для начала СО, – сказал он.

– Самовольная отлучка? – переспросил его я. – Когда?

– Последние семьдесят два часа.

– Неверно, – сказал я.

– Это еще почему?

– Мое отсутствие санкционировано полковником Гарбером.

– Ничего подобного.

– Я звонил в его офис, – сказал я.

– Когда?

– Перед тем, как уехал.

– Ты получил от него подтверждение разрешения на отсутствие?

– Я оставил ему сообщение. Вы хотите сказать, что он отказал мне?

– Его там не было. За несколько часов до этого он получил приказ отправиться в Корею.

– В Корею?

– Он возглавит там отряд военной полиции.

– Это должность для бригадного генерала.

– Он на нее заступил. Не сомневаюсь, что осенью его повышение будет подписано.

Я молчал.

– Гарбер уехал, – продолжал Уиллард. – А я здесь. Военная карусель продолжает работать. Привыкай.

В комнате воцарилась тишина. Уиллард улыбался мне. Очень неприятная улыбка. Скорее, ухмылка. Из-под моих ног выдернули ковер, и он наблюдал, рассчитывая увидеть, как я рухну на землю.

– С твоей стороны было очень разумно доложить нам о своих намерениях и о том, куда ты направился, – заявил он. – У нас сегодня не возникло никаких трудностей.

– Вы считаете, что арест – это уместная мера при СО? – спросил я.

– А ты думаешь иначе?

– Произошла самая обычная накладка.

– Ты оставил свой пост без разрешения, майор. Это факт. То, что ты рассчитывал получить разрешение, ничего не меняет. Мы с тобой в армии. Мы не действуем до получения приказа или разрешения. Мы ждем, когда они поступят и будут приняты по всем правилам. Иначе воцарятся анархия и хаос.

Я не стал ему возражать.

– Где ты был?

Я представил свою мать, опирающуюся на алюминиевый ходунок. Вспомнил лицо брата, когда он наблюдал за тем, как я собираю вещи.

– Я решил взять короткий отпуск, – ответил я – Летал на пляж.

– Тебя арестовали не за СО, – заявил Уиллард. – Причина в том, что ты был в форме класса «А» в новогоднюю ночь.

– А что, это теперь преступление?

– На форме была табличка с твоим именем.

Я молча ждал продолжения.

– Из-за тебя двое гражданских лиц попали в больницу. А на твоей форме была табличка с именем.

Я уставился на него, обдумывая ситуацию. Сомнительно, чтобы толстяк и фермер на меня настучали. Это невозможно. Они глупы, но не настолько. Они знают, где я смогу их найти.

– И кто это сказал? – поинтересовался я.

– Ты собрал большую толпу зрителей на той парковке.

– Кто-то из наших?

Уиллард кивнул.

– Кто? – спросил я.

– Тебе это знать ни к чему.

Я ничего не ответил.

– Хочешь что-нибудь сказать? – спросил Уиллард.

Я подумал: «Он не станет свидетельствовать на военном суде. Это совершенно точно. Вот что я мог бы ему сказать». Но вместо этого я произнес:

– Мне нечего сказать.

– И что, по-твоему, я должен с тобой сделать?

Я не стал давать ему советов.

– И что, по-твоему, я должен сделать? – повторил он.

«Ты должен сообразить, в чем состоит разница между жесткой задницей и тупой задницей, приятель. Причем как можно быстрее».

– Ваш выбор, – сказал я. – И ваше решение.

Уиллард кивнул.

– Я также получил докладные от генерала Васселя и полковника Кумера.

– И что там?

– Что ты вел себя с ними неуважительно.

– В таком случае в их докладных содержится неверная информация.

– Так же, как относительно самовольной отлучки?

Я ничего ему не ответил.

– Встань по стойке «смирно», – потребовал Уиллард.

Я посмотрел на него. Произнес в уме: «Одна тысяча. Две тысячи. Три тысячи». И встал по стойке «смирно».

– Ты не спешил, – заметил он.

– В мои планы не входит победа в соревнованиях по военной подготовке.

– Почему тебя заинтересовали Вассель и Кумер?

– Пропали бумаги с повесткой дня конференции бронетанковых войск. Я должен был выяснить, содержались ли в них секретные сведения.

– Повестки дня не было, – сказал Уиллард. – Вассель и Кумер четко дали это понять. Тебе и мне. Задать вопрос позволительно. Строго говоря, ты имеешь такое право. Но сознательно не верить старшему офицеру – это уже неуважение. Я бы даже сказал, оскорбление.

– Сэр, я зарабатываю этим на жизнь. И уверен, что повестка дня была.

На сей раз пришла очередь Уилларда замолчать.

– Могу я спросить, где вы служили перед тем, как вас перевели сюда?

Он снова поерзал на стуле.

– В разведке.

– Полевой агент? Или кабинетная работа?

Он не ответил. Значит, кабинетная крыса.

– У вас когда-нибудь проводились конференции без повестки дня? – спросил я.

Он посмотрел прямо на меня и заявил:

– Слушай мой прямой приказ, майор. Первое: ты больше не будешь интересоваться Васселем и Кумером. С нынешнего момента. Второе: ты не будешь заниматься генералом Крамером. Нам не нужна шумиха, учитывая все обстоятельства. Третье: ты немедленно прекращаешь вовлекать лейтенанта Саммер в дела особого отдела. Она младший офицер военной полиции, я внимательно изучил ее документы и пришел к выводу, что она таковым и останется – по крайней мере, насколько это будет зависеть от меня. Четвертое: ты не должен входить в контакт с гражданскими лицами, которых травмировал. И пятое: не пытайся найти свидетеля, давшего против тебя показания по данному вопросу.

Я молчал.

– Тебе все ясно? – спросил он.

– Я хочу получить этот приказ в письменном виде, – сказал я.

– С тебя хватит и устной формы. Ты понял, что от тебя требуется?

– Да, – ответил я.

– Свободен.

Я начал считать: «Одна тысяча, две тысячи, три тысячи». Затем отдал ему честь и развернулся. Уже когда я был около двери, он сделал последний выстрел.

– Мне сказали, что ты настоящая звезда, Ричер, – проговорил он. – Теперь тебе придется решать, хочешь ли ты остаться большой звездой или станешь высокомерным умником и сукиным сыном. Кроме того, тебе следует помнить, что никто не любит высокомерных умников. А еще, что сейчас ты оказался в положении, когда для тебя будет иметь значение, как к тебе относятся окружающие. Огромное значение.

Я ничего ему не ответил.

– Я понятно выразился, майор?

– Исключительно, – сказал я и взялся за дверную ручку.

– И последнее, – продолжал он. – Я постараюсь придержать жалобу о грубом обращении с гражданскими лицами. Столько, сколько смогу. Из уважения к твоему послужному списку. Но я хочу, чтобы ты помнил: жалоба есть, и ее всегда можно пустить в ход.

Я покинул Рок-Крик около пяти вечера. Сел на автобус до Вашингтона, а потом на другой, который направлялся на юг по автостраде I-95. После этого я снял свои знаки отличия и проехал последние тридцать миль до

Бэрда, остановив на дороге машину. Так обычно получается быстрее. Как правило, здесь в основном ездят военные, или отставники, или их семьи, и большинство из них с подозрительностью относятся к военной полиции. По опыту я знал, что лучше держать значки в кармане.

Я вышел из машины в двухстах ярдах от ворот Бэрда в самом начале двенадцатого, четвертого января, после того как провел в дороге почти шесть часов. В Северной Каролине царили непроглядный мрак и холод. Жуткий холод, поэтому я пробежал двести метров до ворот, чтобы согреться. Когда я до них добрался, я задыхался. Отметившись на проходной, я помчался в свой кабинет. Там было тепло. Сержант, у которой был маленький сын, дежурила в приемной. Она налила мне чашку кофе, и я вошел в кабинет, где обнаружил на столе записку от Саммер, прикрепленную к тонкой зеленой папке с тремя листками. Список женщин, имеющих доступ к «хаммерам», список женщин, переведенных из Ирвина, и копия записей из журнала на проходной. Первые два оказались довольно короткими. Третий привел меня в ужас. Люди только и делали, что входили и выходили с базы, поскольку был праздник. Но лишь одно имя имелось на всех трех листках: «Подполковник Андреа Нортон». Саммер обвела его красным карандашом. В записке она написала: «Позвоните мне касательно Нортон. Надеюсь, с вашей мамой все в порядке».

Я нашел бумажку с телефоном Джо и позвонил сначала ему.

– Как ты? – спросил я у него.

– Мы должны были остаться, – ответил он.

– Она дала сиделке выходной на один день, – сказал я. – Один день – это все, чего она хотела.

– Нам все равно следовало остаться.

– Ей не нужны зрители, – возразил я.

Джо молчал, и безмолвный телефон обжигал мне ухо.

– У меня вопрос, – заговорил я. – Когда ты служил в Пентагоне, ты встречал урода по имени Уиллард?

Некоторое время он ничего не отвечал, видимо, пытался вспомнить. Джо уже довольно давно ушел из разведки.

– Такой приземистый коротышка? – спросил он. – Не может ни минуты посидеть спокойно. Постоянно елозит на своем стуле и поправляет штаны. Канцелярская крыса. Кажется, майор.

– Теперь он уже полковник, – сказал я. – Его только что перевели в Сто десятый отдел. Он мой начальник в Рок-Крике.

– В Сто десятый отдел? Звучит разумно.

– А по-моему, не очень.

– Это новая теория, – пояснил Джо. – Они решили сделать так же, как в гражданском секторе. Им представляется, что те, кто ничего не знают, добьются большего, потому что они не знакомы с положением вещей в той области, куда их переводят. Начальству кажется, что таким образом возникают новые перспективы.

– Мне нужно что-нибудь знать о нем? – спросил я.

– Ты назвал его уродом, так что, похоже, ты уже и сам про него все знаешь. Он умный, но это не мешает ему быть уродом. Злобный, мелочный, невероятно обожает самого себя и великолепно лижет начальственные зады. А еще он всегда знает, в какую сторону дует ветер.

Я молчал.

– Безнадежен с женщинами, – добавил Джо. – Это я отлично помню.

Я продолжал хранить молчание.

– Он идеальный вариант, – проговорил Джо. – В том смысле, о котором я говорил. Уиллард занимался Советами. Следил за производством танков и использованием горючего, насколько я помню. Кажется, он придумал какой-то алгоритм, по которому мы могли рассчитать, как проходят учения в бронетанковых войсках Советов в зависимости от количества потраченного ими топлива. Около года он наслаждался своей славой. Но, думаю, сообразил, что скоро все изменится, и слинял оттуда, выбрав подходящий момент. Тебе следует сделать то же самое. По крайней мере, подумай об этом. Мы ведь с тобой это уже обсуждали.

Я по-прежнему ничего не говорил.

– А пока будь осторожен, – предупредил Джо. – Я бы не хотел иметь Уилларда в качестве начальника.

– Со мной все будет в порядке, – заверил я.

– Нам следовало остаться в Париже, – повторил он уже в который раз и повесил трубку.

Я нашел Саммер в баре офицерского клуба. Она пила пиво, прислонившись к стене, и разговаривала с двумя уоррент-офицерами второй категории. Увидев меня, она отошла от них.

– Гарбера отправили в Корею, – сообщил я. – У нас новый начальник.

– Кто?

– Полковник Уиллард. Из разведки.

– У него есть опыт работы?

– Никакого. А еще он настоящий придурок.

– Это вас не огорчило? – спросила она.

– Он приказал нам держаться подальше от дела Крамера, – пожал плечами я.

– И мы будем?

– А еще он запретил мне разговаривать с вами. И сказал, что намерен отклонить ваше прошение о переводе.

Саммер затихла и отвернулась.

– Мне жаль, – сказал я. – Я знаю, что вы очень хотели перейти в наш отдел.

Она посмотрела на меня и спросила:

– Он серьезно не хочет, чтобы вы занимались Крамером?

Я кивнул.

– Он вообще очень серьезный тип. Приказал арестовать меня в аэропорту, чтобы я лучше его понял.

– Арестовать?

Я снова кивнул.

– Кто-то настучал на меня по поводу тех ребятишек на парковке.

– Кто?

– Кто-то из пехоты, кто присутствовал в толпе и все видел.

– Один из наших?

– Я не знаю.

– Это отвратительно.

– До сих пор со мной ничего подобного не случалось.

Она снова затихла, потом спросила:

– Как ваша мама?

– Сломала ногу, – ответил я. – Ничего особенно серьезного.

– Пожилые люди в такой ситуации могут заболеть пневмонией.

– Ей сделали рентген. Пневмонии нет.

У нее дрогнули нижние веки.

– Могу я задать очевидный вопрос? – спросила она.

– А такой есть?

– Нападение на гражданское лицо с причинением ему увечий – это серьезное обвинение. У них есть докладная и свидетель, достаточно надежный, чтобы взять вас под арест.

– И что?

– Так почему они этого не сделали?

– Уиллард решил придержать жалобу.

– С какой стати ему это делать, если он такой придурок, как вы говорите?

– Из уважения к моему послужному списку. Он так сказал.

– И вы ему поверили?

Я покачал головой.

– Судя по всему, с жалобой что-то не так, – сказал я. – Мерзавец вроде Уилларда непременно пустил бы ее в ход, если бы мог. Я в этом нисколько не сомневаюсь. Ему плевать на мой послужной список.

– С жалобой должно быть все в порядке. Военный свидетель – это лучшее, что может быть. Он подтвердит все, что ему прикажут. Все равно как Уиллард сам бы написал заявление. И вообще, почему вы здесь?

Я вспомнил слова Джо: «Узнай, кому ты так сильно понадобился в Бэрде, что он вытащил тебя из Панамы, а на твое место поставил придурка».

– Я не знаю, почему я здесь. Я ничего не знаю. Расскажите мне о подполковнике Нортон.

– Нам запретили заниматься этим делом.

– Ну а вы расскажите мне ради интереса.

– Это не она. У нее алиби. Она была на вечеринке в баре за пределами базы. Всю ночь. Ее видела сотня человек.

– А кто она такая?

– Инструктор по психологическому воздействию на противника. У нее степень доктора философии, она специализируется на сексопатологии. Занимается тем, что разрабатывает методы атаки на внутреннее эмоциональное состояние врага при помощи воздействия на его мужское начало.

– Интересная дамочка.

– На вечеринку в бар ее пригласили. Кто-то еще, кроме вас, считает ее интересной дамочкой.

– Вы проверили, кто сидел за рулем машины Васселя и Кумера?

Саммер кивнула.

– На проходной записано, что его зовут майор Маршалл. Я его проверила. Он из штаба Двенадцатого корпуса, временная командировка в Пентагон. Он здесь с ноября.

– Вы проверили телефонные звонки из отеля в Вашингтоне?

– Звонков не было, – ответила Саммер. – В номер Васселя позвонили один раз в двенадцать двадцать восемь ночи. Думаю, из Германии, из Двенадцатого корпуса. Никто из них никому не звонил.

– Вообще?

– Да.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Там электронный коммутатор. Нужно набрать девятку, чтобы позвонить из отеля, и компьютер автоматически записывает вызов. Чтобы после внести звонок в счет.

Тупик.

– Хорошо, – сказал я. – Забудьте об этом деле.

– На самом деле?

– Приказ есть приказ, – сказал я. – Иначе воцарятся анархия и хаос.

Я вернулся в свой кабинет и позвонил в Рок-Крик, посчитав, что Уиллард давно ушел. Он был из тех, кто строго придерживается рабочих часов и никогда не задерживается. Я попросил ротного писаря найти копию приказа, по которому меня перевели из Панамы в Бэрд. Ему потребовалось пять минут, чтобы отыскать документ, а я тем временем читал записи Саммер, длинные списки имен, которые мне ничего не говорили.

– Я нашел приказ, сэр, – сказал писарь.

– Кто его подписал? – спросил я.

– Полковник Гарбер, сэр.

– Спасибо.

Я положил трубку и целых десять минут сидел, пытаясь понять, почему люди мне врут.

А потом я забыл про этот вопрос, потому что зазвонил мой телефон и молодой рядовой из военной полиции, который патрулировал базу, сообщил мне, что в лесу обнаружен труп. Похоже, дело было серьезным, потому что его пару раз вырвало, прежде чем он сумел довести свой доклад до конца.

Глава 08

Армейские базы, расположенные за пределами городов, как правило, очень большие. Даже если здания инфраструктуры расположены компактно, вокруг них всегда имеются огромные участки пустой земли.

Я впервые попал в Форт-Бэрд, но не сомневался, что он не отличается от всех остальных – маленький, аккуратный город, окруженный большим участком принадлежащей правительству плохой песчаной земли в форме подковы, с низкими холмами и неглубокими долинами, поросшими разрозненными деревьями и кустарником. За долгую жизнь базы деревьям пришлось имитировать ясени Арденн, великолепные хвойные деревья Центральной Европы и раскачивающиеся на ветру пальмы Ближнего Востока. Здесь рождались и умирали целые поколения теорий, касающихся обучения пехотинцев. Здесь полно траншей, окопов и огневых точек. А также крытых стрельбищ, и окутанных колючей проволокой препятствий, и стоящих одиноко хижин, где сексопатологи учат своих подопечных воздействовать на мужское начало врага.

Кроме того, наверняка не обошлось без бетонных бункеров и точных копий правительственных зданий, где отряд специального назначения учится освобождать заложников. И естественно, имеются трассы для бега по пересеченной местности, на которых, спотыкаясь и теряя последние силы, тренируются несчастные призывники, а некоторые из них падают и умирают. Вся территория окружена милями старой ржавой проволоки, и на каждом третьем столбе закреплены таблички, предупреждающие, что здесь все принадлежит Министерству обороны.

Я вызвал криминалистов, отправился в гараж и выбрал «хаммер», у которого на приборной доске имелся работающий фонарик. Затем я завел его и, следуя указаниям позвонившего мне рядового, поехал к

юго-востоку от населенного района, пока не выбрался на неровную песчаную дорогу, ведущую в глубь территории базы. Меня окутывал непроглядный мрак. Проехав больше мили, я увидел вдалеке фары еще одного «хаммера». Он был припаркован под острым углом примерно в двадцати футах от дороги, и его фары высвечивали деревья, отбрасывая длинные злобные тени на лес. Сам рядовой стоял, прислонившись к капоту. Он опустил голову и смотрел в землю.

Первый вопрос: как может человек, ночью патрулирующий территорию в машине, увидеть в темноте труп, спрятанный вдалеке, среди деревьев?

Я остановился рядом с ним, взял фонарик, вышел в холодную ночь и сразу понял, как это произошло. Посреди дороги валялись обрывки одежды. Сбоку я заметил одинокий ботинок, старый, поношенный, давно чищенный. Самый обычный, из черной кожи, военного образца. К западу от него, примерно в ярде, лежал носок. Потом второй ботинок и второй носок, куртка от полевой формы и оливкового цвета потрепанная рубашка. Вещи были разложены в линию, словно гротескная пародия на эротическую фантазию: ты возвращаешься домой и обнаруживаешь брошенное нижнее белье, которое показывает тебе путь к лестнице, ведущей в спальню. Если не считать того, что рубашка и куртка были перепачканы кровью.

Я осмотрел землю у края дороги – она была жесткой и замерзшей. Значит, за улики, оставленные на месте преступления, бояться не стоит. Затоптать следы мне не грозит, потому что никаких следов не осталось. Я сделал глубокий вдох и пошел по следу, проложенному одеждой. Добравшись до жертвы, я понял, почему паренька дважды вытошнило. Меня в его возрасте стошнило бы три раза.

Труп лежал лицом вниз на замерзших листьях у основания дерева. Обнаженный. Среднего роста, не крупный. Белый, почти все тело в крови. Руки и плечи были покрыты глубокими ножевыми ранами. Со спины я видел, что лицо у него распухло от множественных ударов. Именных значков я не обнаружил. Тонкий кожаный ремень с медной пряжкой был затянут на шее, а свободный конец болтался в стороне. На спине у трупа собралась густая бело-розовая жидкость, в задний проход убийцы засунули ветку от дерева. Земля под ним почернела от крови. Я уже знал, что когда мы его перевернем, то обнаружим, что ему отрезали гениталии.

Я прошел назад по следу, выложенному одеждой, и снова выбрался на дорогу. Патрульный продолжал смотреть в землю.

– Где мы находимся? – спросил я у него.

– Сэр?

– Мы ведь все еще на базе?

Он кивнул:

– До ограды миля. В любом направлении.

– Хорошо, – сказал я.

Значит, это наша юрисдикция. Собственность армии, жертва – военный.

– Мы подождем здесь. Без моего разрешения никого не подпускай к телу. Понятно?

– Да, сэр, – сказал он.

– Ты прекрасно справляешься, – похвалил его я.

– Вы так думаете?

– Ты же стоишь на ногах, – сказал я.

Я вернулся в «хаммер» и связался по радио со своим сержантом. Рассказал ей, что произошло и где, и попросил разыскать лейтенанта Саммер, чтобы она позвонила мне по специальному радиоканалу. Затем я стал ждать. «Скорая помощь» прибыла через две минуты. Следом за ней появились два «хаммера» с группой экспертов-криминалистов, которых я вызвал перед тем, как ушел из своего кабинета. Я велел им подождать. Срочности никакой не было.

Саммер связалась со мной через пять минут.

– Труп в лесу, – сказал я ей. – Я хочу, чтобы вы нашли женщину-психолога, о которой мне рассказывали.

– Подполковника Нортон?

– Привезите ее сюда.

– Уиллард сказал, чтобы вы со мной не работали.

– Он сказал, что я не должен привлекать вас к расследованиям специального отдела. Это обычное полицейское дело.

– Зачем вам понадобилась там Нортон?

– Я хочу с ней познакомиться.

Саммер повесила трубку. Я вылез из машины и подошел к врачам и криминалистам. Мы стояли маленькой группкой в холодной ночи, не выключая двигателей, чтобы не разрядились батареи и работали печки. Клубы дизельного выхлопа окутывали машины, точно смог. Я сказал

криминалистам, чтобы они переписали одежду, но не прикасались к ней и постарались не уходить с дороги.

Мы ждали. Не было ни луны, ни звезд. Сцену освещали лишь прожектора наших машин, тишину нарушали работающие двигатели. Я подумал о Леоне Гарбере. Корея являлась самым крупным постом, который могла предложить армия США. Не самым блестящим, но, вероятно, самым активным и, вне всякого сомнения, самым трудным. У команды военной полиции там было полно работы, значит, он, скорее всего, уйдет в отставку с двумя звездами, что значительно больше того, на что он мог рассчитывать здесь. Если мой брат прав и нас ждут серьезные перемены, получалось, что Леону бояться нечего. Я порадовался за него. Примерно минут десять. Затем я взглянул на ситуацию под другим углом. Я беспокоился еще минут десять, а потом перестал, потому что не пришел ни к какому конструктивному выводу.

Саммер появилась прежде, чем я закончил думать. Она сидела за рулем «хаммера», а рядом с ней я разглядел светловолосую женщину с непокрытой головой и в полевой форме. Саммер остановила машину посреди дороги, и нас залило светом фар. Она осталась внутри, а блондинка выбралась наружу, оглядела толпу, вышла на свет и сразу направилась ко мне. Я отдал ей честь исключительно из соображений вежливости и посмотрел на имя у нее на груди. «Нортон». Лацканы ее формы украшали дубовые листья, означавшие, что передо мной подполковник. Она оказалась чуть старше меня, но не намного, была высокой и худой, с лицом, которое больше подошло бы актрисе или модели.

– Чем могу вам помочь, майор? – спросила она.

Судя по тому, как она это произнесла, она была из Бостона и еще ее не слишком радовало то, что ее вытащили из постели посреди ночи.

– Я хочу, чтобы вы кое на что посмотрели, – сказал я.

– Зачем?

– Возможно, вы смогли бы поделиться со мной своим профессиональным мнением.

– Почему я?

– Потому что вы в Северной Каролине. Мне потребуется несколько часов, чтобы вызвать сюда кого-нибудь другого откуда-нибудь еще.

– А кто вам нужен?

– Специалист вашего профиля.

– Мне прекрасно известно, что я работаю в классной комнате, – сказала она. – Нет никакой необходимости постоянно об этом напоминать.

– О чем?

– Здесь все просто обожают сообщать Андреа Нортон, что она книжный червь, в то время как остальные делают настоящую работу.

– Мне про это ничего не известно. Я тут недавно. И мне всего лишь нужно первое впечатление специалиста вашего профиля, – повторил я.

– И вы не собираетесь надо мной потешаться?

– Я хочу получить помощь.

Она поморщилась.

– Хорошо.

Я протянул ей фонарик.

– Идите вдоль разбросанной одежды до самого конца. Пожалуйста, ничего не трогайте. Просто запомните свои первые впечатления. А затем я хотел бы обсудить их с вами.

Она ничего мне не ответила, молча взяла фонарик и зашагала прочь. Примерно первые двадцать футов ее ярко освещали фары «хаммера» рядового, нашедшего тело, – машина так и осталась стоять носом к лесу. Ее тень танцевала перед ней. Наконец Нортон оказалась за пределами круга света, и я увидел, как в темноте продвигается вперед яркая точка фонарика, а потом и она исчезла. Единственное, что я различал, – это отражение света от голых веток вдалеке и высоко в воздухе.

Нортон не было минут десять. Затем я увидел, что к нам направляется луч фонарика. Она вышла из леса той же дорогой, что и скрылась в нем. И сразу подошла ко мне. У нее было совершенно белое лицо. Она выключила фонарик и вернула его мне со словами:

– В моем кабинете. Через час.

Она села в «хаммер», Саммер проехала немного назад, развернулась и умчалась в темноту.

– Ладно, ребята, за работу, – сказал я.

Забравшись в свою машину, я стал наблюдать за расползающимся дымом, лучами фонариков, разделившими землю на квадраты, и яркими голубыми вспышками камер, заморозившими движение вокруг меня. Я снова связался по радио со своим сержантом и велел ей позаботиться о том, чтобы открыли морг базы. И чтобы туда наутро вызвали патологоанатома. Через полчаса машина «скорой помощи»

съехала на обочину, в нее загрузили завернутое в простыню тело, затем кто-то хлопнул по дверце, и машина сорвалась с места. Прозрачные мешочки для улик были заполнены и помечены бирками. Вокруг трех стволов появилась желтая полицейская лента в форме неровного прямоугольника, примерно сорок на пятьдесят ярдов.

Я оставил криминалистов заканчивать осмотр, а сам поехал сквозь ночь к главному зданию базы. Спросил у охраны и получил указания, как добраться до корпуса, где располагался отдел психологии – низкое кирпичное строение с зелеными дверями и окнами, в котором, вероятно, размещались интендантские службы, когда его построили. Оно стояло на некотором расстоянии от штаба базы, примерно на полпути до расположения отряда специального назначения. Со всех сторон его окружала темнота и тишина, но в центральном холле и в одном из окон горел свет. Я припарковал свой «хаммер» и вошел внутрь. По мрачным коридорам добрался до двери с окошком из рифленого стекла в верхней части. За ним горел свет, и было написано по трафарету: «Подполковник А. Нортон». Я постучал и шагнул в маленький кабинет. Здесь было чисто и витал женский запах. Я не стал снова отдавать честь, решив, что эти глупости остались позади.

Нортон сидела за дубовым столом армейского образца, заваленным открытыми книгами. Их было так много, что ей пришлось убрать телефон и поставить его на пол. Перед ней лежал желтый полицейский блокнот с записями. Блокнот находился в круге света от настольной лампы, и его цвет отражался на волосах Нортон.

– Привет, – сказала она.

Я сел в кресло для посетителей.

– Кто он? – спросила она.

– Понятия не имею, – ответил я. – Не думаю, что нам удастся идентифицировать его по внешности. Его слишком сильно избили. Придется посмотреть отпечатки пальцев. Или зубы. Если они у него остались.

– Почему вы захотели, чтобы я на него посмотрела?

– Я сказал вам почему. Меня интересует ваше мнение.

– А с чего вы взяли, что у меня создастся какое-то мнение?

– Мне показалось, что некоторые детали будут вам понятны.

– Я не специализируюсь на криминалистике.

– Мне это и не нужно. Мне требуется характеристика, и как можно быстрее. Я хочу быть уверен, что двигаюсь в правильном направлении.

Нортон кивнула и убрала волосы с лица.

– Очевидный вывод: он был гомосексуалистом, – сказала она. – Возможно, его убили именно из-за этого. А если нет, тем, кто на него напал, данный факт был хорошо известен.

Я был с ней согласен.

– Ему ампутировали гениталии, – добавила она.

– Вы проверили?

– Я немножко его подвинула, – ответила она. – Прошу меня простить за это. Я помню, что вы просили его не трогать.

Я посмотрел на нее. На месте преступления у нее не было перчаток. Крепкая дамочка. Возможно, она не заслужила репутацию книжного червя.

– Ничего страшного, – успокоил ее я.

– Полагаю, вы найдете его пенис и яички во рту. Сомневаюсь, что щеки у него могли так распухнуть только оттого, что его били. Это обычное символическое заявление, принятое у тех, кто ненавидит гомосексуалистов. Что-то вроде симуляции орального секса.

Я кивнул.

– О том же говорит тот факт, что он обнажен, и отсутствие личных знаков, – продолжала Нортон. – Отстранение армии от извращенца – это то же самое, что отстранение извращенца от армии.

Я снова кивнул.

– Введение постороннего объекта в анус говорит само за себя. Кроме того, у него на спине посторонняя жидкость.

– Йогурт, – сказал я.

– Скорее всего, клубничный, – уточнила она. – Или малиновый. Это старая шутка. Как гей симулирует оргазм?

– Он немного стонет, – сказал я. – А потом выливает йогурт на спину своего партнера.

– Да, – подтвердила она без малейшего намека на улыбку, наблюдая за мной, не улыбнусь ли я.

– А что насчет ножевых ран и сильного избиения? – спросил я.

– Ненависть.

– А ремень на шее?

Она пожала плечами.

– Указывает на самостимуляцию. Частичная асфиксия усиливает удовольствие во время оргазма.

Я кивнул, уж не знаю в который раз.

– Хорошо, – сказал я.

– Что «хорошо»?

– Таковы ваши первые впечатления. Вы сумели составить на их основе какое-то определенное мнение?

– А вы? – спросила Нортон.

– Я – да, – ответил я.

– Тогда вы первый.

– Я думаю, это фальшивка.

– Почему?

– Слишком много всего, – пояснил я. – Шесть факторов. Он обнажен, пропали личные знаки, гениталии, ветка, йогурт и ремень. Хватило бы любых двух. Ну, трех. Как будто вместо того, чтобы просто разобраться с парнем, они пытались привлечь чье-то внимание. Причем очень старались преуспеть.

Нортон молчала.

– Слишком много всего, – повторил я. – Это все равно как пристрелить кого-то, потом задушить, потом пырнуть ножом, утопить и избить до смерти. Словно они решили украсить елку уликами.

Она продолжала молчать, наблюдая за мной из своего круга света. Возможно, пыталась меня оценить.

– У меня сомнения насчет ремня, – сказала она. – К самовозбуждению прибегают не только гомосексуалисты. Все мужчины с точки зрения физиологии испытывают оргазм одинаково – вне зависимости от того, геи они или нет.

– Все это сплошная фальшивка, – сказал я.

В конце концов Нортон согласилась со мной.

– А вы умный, – заметила она.

– Для копа?

Она не улыбнулась.

– Будучи офицерами, мы знаем, что гомосексуалистам запрещено служить в армии. Поэтому нам следует позаботиться о том, чтобы защита ее интересов не помешала нам прийти к правильному выводу.

– Моя работа состоит в том, чтобы защищать армию, – напомнил я.

– Именно, – сказала Нортон.

– Но я не намерен на этом зацикливаться. Я не говорю, что убитый определенно не был геем. Может, и был. Но это не важно. Возможно, те, кто на него напал, знали это, возможно, нет. Я хочу сказать, что убили его вовсе не по этой причине. Однако они сделали так, чтобы это выглядело главной причиной. Но ничего такого они не чувствовали. Они чувствовали что-то другое. Поэтому они переборщили с уликами, как будто не совсем понимали, что делают.

Я помолчал немного и добавил:

– Как будто отвечали заученный урок.

Нортон напряглась.

– Урок?

– Вы чему-нибудь такому обучаете на своих занятиях?

– Мы не учим убивать, – заявила она.

– Я спросил не об этом.

Нортон кивнула:

– Мы обсуждаем такие вещи. Без этого не обойтись. Отрезать у врага член – дело обычное. Это происходило во все времена. Кстати, и во Вьетнаме тоже. Афганские женщины проделывают такие штуки с пленными советскими солдатами в течение последних десяти лет. Мы рассказываем о том, что это символизирует, какое имеет значение, а также о страхе, который вызывают подобные действия. Существует множество монографий, посвященных необычным ранениям. Они служат своего рода посланием народу, к которому принадлежит жертва. Мы говорим о насилии, совершаемом при помощи самых разных предметов. А также о сознательном выставлении напоказ изувеченных тел. Дорожка из одежды – это классический прием.

– Вы говорите про йогурт?

Она покачала головой.

– Нет, но это очень старая шутка.

– А что насчет асфиксии?

– На наших занятиях мы об этом не говорим, но здесь все читают журналы или смотрят порно по видео.

– Вы обсуждаете вопрос сексуальности врага?

– Разумеется. Воздействие на сексуальность врага – цель нашего курса. Мы говорим о его сексуальной ориентации, потенции, способности к деторождению. Это базовая тактика. И так было всегда, на протяжении истории. Она действует в обоих направлениях: снижает самомнение врага и повышает наше.

Я молчал.

Нортон посмотрела мне в глаза.

– Вы хотите меня спросить, увидела ли я там, в лесу, результат наших занятий?

– Наверное, – проговорил я.

– Вам ведь на самом деле не требовалось мое мнение, верно? – спросила она. – Ваши вопросы были всего лишь преамбулой. Вы и сами все поняли.

– Я умный для копа, – откликнулся я.

– Ответ – «нет», – сказала Нортон. – Я не увидела там, в лесу, результата наших занятий. По крайней мере, в явном виде.

– Но вы не исключаете такую возможность?

– В мире все возможно.

– Вы встречались с генералом Крамером в Форт-Ирвине? – спросил я.

– Пару раз, – ответила она. – А что?

– А когда вы видели его в последний раз?

– Не помню.

– Но в последнее время не видели?

– Нет, в последнее время не видела, – сказала она. – Почему вы спрашиваете?

– А как вы с ним встречались?

– На профессиональном уровне, – ответила она.

– Вы преподаете свой курс тем, кто служит в бронетанковых войсках?

– Ирвин – это не только бронетанковые войска, – сказала она. – Не забывайте, что это еще и Национальный центр подготовки. К нам туда приезжали самые разные люди. Теперь мы ездим к ним.

Я молчал.

– Вас удивляет, что мы учили танкистов?

– Немного удивляет, – пожав плечами, признался я. – Если бы я разъезжал на танке, который весит семьдесят тонн, вряд ли я бы нуждался в психологическом подтверждении собственной значимости.

Она по-прежнему не улыбалась.

– Мы их учили. Насколько я помню, генералу Крамеру не понравилось, что пехота получает то, чего не дают его танкистам. Между ними существует жестокое соперничество.

– А кому вы преподаете сейчас?

– Подразделению «Дельта», – ответила она. – Исключительно.

– Спасибо за помощь, – сказал я.

– Сегодня я не увидела ничего, за что мы могли бы нести ответственность, – заявила Нортон.

– По крайней мере, в явном виде.

– Это относится к вопросам общей психологии, и не более того.

– Ладно, – не стал спорить я.

– И мне не нравится, что вы меня об этом спросили.

– Ладно, – повторил я. – Спокойной ночи, мэм.

Я встал со стула и направился к двери.

– А настоящая причина? – спросила она. – Если то, что мы увидели, фальшивка?

– Не знаю, – ответил я. – Я не настолько умный.

Я вошел в приемную перед своим кабинетом, и сержант, у которой есть маленький сын, налила мне кофе. Затем я отправился в кабинет и обнаружил, что меня ждет Саммер. Она пришла забрать свои записи, потому что дело Крамера было закрыто.

– Вы проверили других женщин, кроме Нортон? – спросил я.

Она кивнула.

– У всех имеется алиби. Новогодняя ночь – лучшее время для алиби. Никто не проводит ее в одиночестве.

– Я провел, – сказал я, но она никак не отреагировала на мои слова.

Я аккуратно собрал бумаги и сложил их в папку, от которой отстегнул записку со словами: «Надеюсь, с вашей мамой все в порядке». Записку я бросил в ящик стола, а папку протянул Саммер.

– Что сказала Нортон? – спросила она.

– Согласилась со мной, что это убийство, которое хотели представить как наказание гея. Я спросил ее, присутствуют ли там вещи, о которых они говорят на своих занятиях, но она не сказала ни «да», ни «нет». Только сообщила мне, что это относится к вопросам общей психологии, и не более того. Ей не понравилось, что я стал ее расспрашивать.

– И что теперь?

Я зевнул, потому что ужасно устал.

– Будем работать, как обычно работаем над нашими делами. Мы еще даже не знаем, как зовут жертву. Думаю, завтра это выяснится. Встречаемся на посту в семь, договорились?

– Договорились, – сказала она и направилась к двери с папкой в руках.

– Я звонил в Рок-Крик, – сказал я ей вслед. – Попросил писаря найти копию приказа, по которому меня перевели сюда из Панамы.

– И что?

– Он сказал, что приказ подписан Гарбером.

– Но?

– Это невозможно. В новогоднюю ночь Гарбер позвонил на пост, а когда я взял трубку, он удивился.

– Зачем же писарю врать?

– Не думаю, что он наврал. Скорее всего, подпись подделана.

– Такое возможно?

– Это единственное объяснение. Гарбер не мог забыть, что он перевел меня сюда за сорок восемь часов до своего звонка.

– И что все это значит?

– Не имею ни малейшего представления. Кто-то где-то играет в шахматы. По мнению моего брата, мне следует выяснить, кто настолько

сильно хотел, чтобы я находился здесь, что вытащил меня из Панамы, а вместо меня поставил какого-то придурка. Вот я и попытался это узнать. А теперь я думаю, что нам следует задать такой же вопрос касательно Гарбера. Кому так сильно нужно было убрать его из Рок-Крика, что на его место посадили придурка и урода?

– Но ведь Корея – это настоящее продвижение по службе, разве не так?

– Вне всякого сомнения, Гарбер его заслужил, – сказал я. – Только все произошло слишком рано. Это пост для генерала. Обычно Министерство обороны ставит данный вопрос перед Сенатом, и это происходит осенью, а не в январе. Нет, здесь все было проделано срочно, в панике.

– Довольно бессмысленный шахматный ход, вам не кажется? – возразила Саммер. – Зачем переводить сюда вас и убирать Гарбера? Эти действия нейтрализуют друг друга.

– Возможно, мы имеем дело с двумя игроками. Как в перетягивании каната. Хороший парень и плохой парень. Счет один-один.

– Но плохой парень мог легко одержать победу. И отправить вас в отставку. Или в тюрьму. У него ведь имеется жалоба гражданского лица.

Я ничего не сказал.

– Не складывается, – продолжала Саммер. – Тот, кто играет за вас, согласился отпустить Гарбера, но оказался достаточно могущественным, чтобы удержать вас здесь даже при наличии жалобы. Он наделен огромной властью, и Уиллард понимает, что не может предпринять против вас никаких действий, хотя ему бы этого очень хотелось. Знаете, что получается?

– Да, знаю, – сказал я.

Она посмотрела мне в глаза.

– Это означает, что вас считают важнее Гарбера, – проговорила она. – Гарбера отослали, а вы остались здесь.

Потом она отвела взгляд и замолчала.

– Вы можете говорить свободно, лейтенант, – сказал я, и она снова посмотрела на меня.

– Вы не важнее Гарбера. Этого просто не может быть.

Я снова зевнул.

– Тут я с вами спорить не стану, – сказал я. – По данному конкретному вопросу. Дело не в выборе между мной и Гарбером.

Она кивнула.

– Да. Дело в выборе между Форт-Бэрдом и Рок-Криком. Форт-Бэрд важнее. То, что происходит здесь, считается более секретным и значительным, чем в штабе особого отдела.

– Согласен, – сказал я. – Но что, черт подери, здесь происходит?

Глава 09

Я сделал первый маленький шажок в понимании этого на следующее утро, в одну минуту восьмого, в морге Форт-Бэрда. Я спал всего три часа и не стал завтракать. В расследованиях, которыми занимается военная полиция, не существует жестких правил. По большей части мы полагаемся на интуицию и импровизацию. Но один закон все-таки имеется: не стоит есть перед тем, как идти в армейский морг.

Так что час, отведенный на завтрак, я провел, изучая отчеты с места преступления. Папка оказалась достаточно толстой, но полезной информации я не обнаружил. Там были подробно описаны все предметы одежды, обнаруженные на дороге. Состояние трупа. Время и температура воздуха. Тысячи слов подкреплялись дюжинами фотографий, сделанных поляроидом. Но ни слова, ни снимки не сказали мне того, что я хотел знать.

Я убрал папку в ящик стола и позвонил в кабинет начальника полиции, чтобы узнать, не было ли докладов о самовольных отлучках с территории базы. Погибшего могут начать разыскивать, и тогда нам удастся его идентифицировать. Но таких докладов не было. Ничего необычного. База жила своей нормальной жизнью.

Я вышел на утренний холод.

Морг был построен специально во времена Эйзенхауэра и по-прежнему прекрасно выполнял свою роль. Наш мир не похож на мир гражданских людей. Мы знали, что жертва не поскользнулась на банановой кожуре, и мне было совершенно все равно, какая именно рана стала смертельной. Меня интересовало примерное время смерти и имя погибшего.

За главными дверями начинался выложенный плиткой вестибюль с дверями по центру, слева и справа. Если свернуть налево, попадешь в холодильник. Я прошел вперед, где лилась вода, визжали пилы и резали ножи.

Посреди комнаты стояли два вогнутых металлических стола, освещенные яркими лампами, а под ними громко шумели стоки. Вокруг столов размещались самые обычные весы, на которых взвешивались извлеченные органы, стояли тележки на колесиках с пустыми стеклянными сосудами, куда эти органы потом складывали, и столики,

тоже на колесиках, застеленные зелеными простынями, где лежали ряды скальпелей, пилы, ножницы и щипцы. Комната была выложена белыми плитками, как в метро, в холодном воздухе витал сладковатый запах формальдегида.

Стол, стоявший справа, оказался чистым и пустым. Левый окружало несколько человек – патологоанатом, его ассистент и писарь, делавший записи. Саммер стояла чуть позади и наблюдала за происходящим. Судя по всему, они находились где-то в середине процесса. Все инструменты были в деле, некоторые стеклянные сосуды заполнены. Сток громко шумел. Я видел ноги трупа, казавшиеся синими в свете ярких ламп. Ноги были вымыты, грязь и кровь исчезли.

Я остановился рядом с Саммер и взглянул на стол. Труп лежал на спине. Они спилили верхнюю часть черепа, сделали надрез посередине лба и сняли кожу с лица, и она лежала, вывернутая наизнанку, точно одеяло, сброшенное с кровати. Она доходила до подбородка, открывая скулы и глазницы. Патологоанатом изучал мозг в поисках чего-то. Он откинул верхнюю часть черепа, словно крышку.

– Какие новости? – спросил я у него.

– Мы сняли отпечатки пальцев, – доложил он.

– Я отправила их факсом, – сказала Саммер. – Сегодня мы получим ответ.

– Причина смерти?

– Сильный удар, – ответил патологоанатом. – По затылку. Точнее, три удара чем-то вроде монтировки. Так я думаю. Все остальное сделано уже после смерти. Что-то вроде украшения.

– Есть какие-нибудь указания на то, что он защищался?

– Никаких. На него напали неожиданно. Сзади. Ничто не указывает на то, что была драка или что-нибудь в этом роде.

– Сколько было нападавших?

– Я не волшебник, – фыркнул доктор. – Смертельные удары, скорее всего, нанесены одним и тем же человеком. Не могу сказать, были ли другие, кто стоял вокруг и наблюдал за происходящим.

– А как вы думаете?

– Я ученый, а не гадалка.

– У меня такое ощущение, что нападавший был один, – сказала Саммер.

У меня было такое же ощущение.

– Время смерти? – спросил я.

– Трудно сказать наверняка, – проговорил доктор. – Возможно, девять или десять часов вечера, но я бы не стал за это ручаться.

Девять или десять звучало вполне правдоподобно. К тому времени уже стемнело, и до момента, когда тело могли обнаружить, должно было пройти несколько часов. Плохой парень мог не спеша выманить свою жертву, расправиться с ней, а затем благополучно убраться с места преступления.

– Его убили там, где нашли тело? – спросил я.

Патологоанатом кивнул:

– Или рядом. Ничто не свидетельствует о том, что могло быть иначе.

– Хорошо, – сказал я и огляделся по сторонам.

Сломанная ветка лежала на тележке. Рядом с ней стояла банка с пенисом и яичками.

– Вы обнаружили их во рту? – спросил я.

Патологоанатом снова кивнул, молча.

– Какой нож использовал преступник?

– Вероятно, Ка-Бар,[14] – ответил он.

– Здорово, – заметил я.

Такие ножи производили десятками миллионов в течение последних пятидесяти лет, и они встречались так же часто, как медали.

– Человек, пользовавшийся ножом, правша, – сказал доктор.

– А тот, что ударил его по голове?

– Тоже.

– Ладно, – проговорил я.

– Жидкость на спине – это йогурт, – продолжал доктор.

– Клубничный или малиновый?

– Я не проверял.

Возле банок с органами лежала небольшая стопка фотографий, сделанных поляроидом. На всех была зафиксирована рана, приведшая к смерти. На первом снимке – в том виде, в каком обнаружили труп. Волосы жертвы были длинными, грязными и перепачканными кровью,

и я не мог разглядеть деталей. На втором снимке кровь и грязь смыли. На третьем волосы отрезали ножницами, а на четвертом их полностью обрили.

– А что, если его ударили ломом? – спросил я.

– Возможно, – согласился доктор. – Это даже более вероятно, чем монтировка. Я сделал слепок раны. Так что, если вы принесете мне орудие убийства, я смогу сказать точно.

Я подошел чуть ближе к столу и посмотрел на тело. Оно было очень чистым, белым, серым и розовым. От него едва различимо пахло мылом, кровью и другими телесными запахами. Низ живота был в ужасающем состоянии, словно над ним поработал мясник. Ножевые раны на руках и плечах оказались такими глубокими, что я видел кости и мышцы. Края ран посинели и были холодными. Нож прошел сквозь татуировку на левом предплечье, где орел держал в лапах свиток со словом «Мать». Выглядел труп ужасно, но я ожидал худшего.

– Я думал, что будет больше синяков и опухолей, – заметил я.

– Я же вам говорил, что все красоты появились уже после смерти, – взглянув на меня, сказал патологоанатом. – Пульса и давления не было, кровь не циркулировала, так откуда же взяться ушибам и опухолям? Кстати, и кровотечению тоже. Совсем немного крови вытекло на землю исключительно вследствие закона тяготения. Если бы они резали его, пока он оставался живым, кровь лилась бы рекой.

Патологоанатом снова повернулся к столу, закончил с мозгом жертвы, закрыл череп, дважды постучал по нему для надежности и вытер влажный стык губкой. Затем вернул на место лицо. Разгладил и растянул кожу пальцами, а когда он убрал руки, я увидел сержанта из отряда специального назначения, с которым я разговаривал в стрип-клубе. Ничего не видящими глазами он уставился на яркие лампы на потолке.

Я взял «хаммер» и проехал мимо школы психологии, в которой работала Андреа Нортон, к зданию, где располагался отряд «Дельта». Прежде здание использовали как тюрьму, до тех пор пока армия не собрала всех своих преступников в Левенуэрте, штат Канзас. Старая проволока и высокие стены прекрасно служили его нынешнему назначению. Рядом находился огромный самолетный ангар времен Второй мировой войны. Складывалось впечатление, что его притащили с какой-то переставшей существовать базы, а потом собрали, чтобы хранить в нем самую разную амуницию, грузовики, бронированные «хаммеры» и, возможно, даже парочку вертолетов быстрого реагирования.

Охрана, стоящая у внутренних ворот, впустила меня, и я сразу же отправился в офис адъютанта. Было семь тридцать утра, но здесь уже была включена полная иллюминация и кипела жизнь, что кое о чем мне сказало. Адъютант сидел за своим столом. Он оказался капитаном. В перевернутом с ног на голову мире «Дельты» сержанты являются подлинными звездами, а офицеры выполняют работу по дому.

– Вы кого-нибудь недосчитались? – спросил я.

Он отвернулся, и этот жест сказал мне еще больше.

– Полагаю, вам уже известно, что это так, – сказал он. – Иначе что вам здесь делать?

– Можете назвать имя?

– Имя? Я думал, вы арестовали его за что-то.

– Речь идет не об аресте, – сказал я.

– Тогда в чем дело?

– Его часто арестовывают?

– Нет. Он хороший солдат.

– Как его зовут?

Капитан ничего не сказал. Наклонившись вниз, он открыл ящик стола, достал оттуда папку и протянул мне. Как и все личные дела «Дельты», которые мне доводилось видеть, это подверглось серьезной цензуре, и я обнаружил всего два листочка. На первом было написано имя, звание и идентификационный номер, а также сухое изложение фактов послужного списка Кристофера Карбона. Он был не женат, прослужил в армии шестнадцать лет: четыре в пехоте, четыре в дивизии военно-воздушных сил, четыре в подразделении рейнджеров и четыре в отряде «Д» специального назначения. Он был на пять лет старше меня. Сержант первой категории. И никаких подробностей об участии в боевых действиях или наградах.

На втором листе я обнаружил десять чернильных отпечатков пальцев и цветную фотографию мужчины, с которым я разговаривал в баре и которого только что видел на столе в морге.

– Где он? – спросил капитан. – И что случилось?

– Кто-то его убил, – ответил я.

– Что?

– Произошло убийство, – повторил я.

– Когда?

– Прошлым вечером. В девять или десять часов.

– Где?

– На границе леса.

– Какого леса?

– Нашего леса. На базе.

– Боже праведный! Почему?

Я убрал листки в папку и засунул ее под мышку.

– Я не знаю, почему его убили. Пока.

– Боже праведный! – повторил он. – Кто это сделал?

– Я не знаю, – снова сказал я. – Пока.

– Боже праведный! – произнес он в третий раз.

– Родственники у него есть?

Капитан помолчал, потом шумно выдохнул.

– Кажется, есть где-то мать, – проговорил он. – Я вам сообщу.

– Не нужно сообщать мне, – сказал я. – Вы сами ей позвоните.

Он ничего не сказал.

– У Карбона здесь были враги? – спросил я.

– Насколько мне известно, нет.

– Какие-нибудь трения?

– В каком смысле?

– По вопросам образа жизни.

Он уставился на меня.

– Что вы хотите сказать?

– Он был геем?

– Что? Нет, разумеется.

Я ничего не ответил.

– Вы намекаете на то, что Карбон был извращенцем? – прошептал капитан.

Я мысленно представил себе, как Карбон, держа в руке бутылку с длинным горлышком и улыбаясь, стоит в шести футах от подиума стрип-клуба, в шести футах от девицы, которая ползает на четвереньках с задранной кверху задницей, касаясь сосками сцены. Довольно необычное времяпрепровождение для гея. Но потом я вспомнил выражение его глаз и смущенный жест, каким он отмахнулся от проститутки, предложившей ему свои услуги.

– Я не знаю, кем был Карбон, – сказал я.

– Тогда держите свой проклятый рот на замке, – сказал капитан. – Сэр.

Я взял с собой папку с данными Карбона, сходил в морг и позвал Саммер позавтракать в офицерском клубе. Мы сидели вдвоем в углу, в стороне от остальных посетителей. Саммер ела овсяную кашу с фруктами и просматривала папку. Я пил кофе. Саммер выбрала чай.

– Патологоанатом считает, что с ним расправились, потому что он был геем, – сказала она. – Он говорит, что это очевидно.

– Он ошибается.

– Карбон был не женат.

– Я тоже не женат, – сказал я. – А вы не замужем. Вы лесбиянка?

– Нет.

– Ну вот.

– Но обманка должна основываться на реальных фактах. Например, если бы он был игроком, ему в рот засунули бы долговую расписку или разбросали вокруг трупа игральные карты. И тогда мы решили бы, что дело в долгах. Вы понимаете, что я имею в виду? Ничего не получится, если нет никаких серьезных оснований. То, что можно опровергнуть за пять минут, выглядит глупо, а не умно.

– Итак, ваше мнение?

– Он на самом деле был геем, и кто-то это знал. Но убили его по другой причине.

– Да, причина другая, – согласился я. – Предположим, он действительно был геем. Он прослужил шестнадцать лет. Пережил большую часть семидесятых и все восьмидесятые. Так почему это произошло именно сейчас? Времена меняются, становится лучше, он научился скрывать

свои пристрастия, он даже ходил с приятелями в стрип-клубы. Нет никаких причин для того, чтобы это случилось, да еще так неожиданно. Раньше могло бы. Четыре года назад, или восемь, или двенадцать, или шестнадцать. Всякий раз, когда он начинал служить в другом подразделении и знакомился с новыми людьми.

– Тогда в чем же причина?

– Понятия не имею.

– В любом случае она может оказаться очень неприятной. Вроде смерти Крамера в мотеле.

– Похоже, Бэрд вообще очень неприятное место.

– Вы думаете, вы здесь именно по этой причине? Из-за Карбона?

– Вполне возможно. Все зависит от того, что он собой представлял.

Я попросил Саммер собрать и отправить куда следует все соответствующие отчеты и извещения, а сам решил вернуться в свой кабинет. Новости распространяются быстро, и я обнаружил, что меня уже ждут три сержанта из «Дельты», которые пожелали из первых рук узнать, что случилось. Типичные парни из отряда специального назначения, невысокие, сухопарые, жилистые, слегка неряшливые, твердые как кремень. Двое старше третьего, который был с бородой и загорел так, будто недавно вернулся из очень жарких стран. Все трое мерили шагами мою приемную. Дежурный сержант, у которой был маленький сын, сидела там же. Я решил, что она поменялась с кем-то сменами. Она смотрела на них так, словно боялась, что с них станется в перерывах между курсированием по приемной напасть на нее. Я велел им войти за мной в кабинет, закрыл дверь и сел за стол, оставив их стоять перед ним.

– Это правда насчет Карбона? – спросил один из тех, что постарше.

– Его убили, – сказал я. – Не знаю кто и почему.

– Когда?

– Вчера вечером, в девять или десять часов.

– Где?

– Здесь.

– У нас закрытая база.

– Преступник не был гражданским лицом, – сказал я.

– Мы слышали, что тело сильно изувечено.

– Очень сильно.

– Когда вы будете знать, кто это сделал?

– Надеюсь, скоро.

– У вас есть зацепки?

– Ничего определенного.

– Вы сообщите нам, когда вы узнаете?

– А вы этого хотите?

– Естественно.

– Почему?

– Вы знаете почему.

Я кивнул. Гей или нет, Карбон являлся членом отряда, наводящего ужас на всех в мире, и его товарищи не собирались так это оставить. На мгновение меня охватила зависть. Если бы меня изувечили ночью в лесу, сомневаюсь, чтобы три крутых парня отправились в восемь утра прямиком в чей-нибудь офис, возмущенные случившимся и готовые отомстить за мою смерть. Потом я снова взглянул на них и подумал: «У преступника могут возникнуть очень серьезные неприятности. Мне потребуется только сболтнуть его имя».

– Мне нужно задать вам несколько обычных полицейских вопросов, – сказал я.

Я спросил их о самых стандартных вещах. Были ли у Карбона враги? Вступал ли он с кем-нибудь в конфликты? Угрозы? Драки? Все трое дружно мотали головами и отвечали на каждый мой вопрос отрицательно.

– Что-нибудь еще? – спросил я. – Было что-нибудь такое, что могло бы угрожать его жизни?

– Например что? – невозмутимо спросил один из старших сержантов.

– Все, что угодно, – сказал я, решив остановиться на этом.

– Нет, – ответили они хором.

– У вас есть какие-нибудь предположения? – поинтересовался я.

– Присмотритесь к рейнджерам, – сказал молодой сержант. – Найдите того, кто не справился с подготовкой в отряд «Дельта», но продолжает считать, что достоин стать одним из нас.

Потом они ушли, а я остался сидеть, размышляя над их последним заявлением. Рейнджер, который хочет что-то доказать? Я в этом сомневался. Не слишком правдоподобная теория. Сержанты «Дельты» не отправляются в лес с теми, кого они не знают, чтобы получить там по голове. Они проходят длительную и очень серьезную подготовку, которая сводит подобные случайности практически на нет. Точнее, делает их невозможными. Если бы рейнджер решил подраться с Карбоном, у подножия дерева обнаружили бы тело рейнджера. Если бы с ним пошли два рейнджера, мы бы нашли двух мертвых рейнджеров. В самом худшем случае на теле Карбона имелись бы раны, говорящие о том, что он защищался. Прикончить его было бы совсем не просто.

Значит, он отправился туда с человеком, которого знал и которому доверял. Я представил себе, что он совершенно спокоен, о чем-то болтает, возможно, улыбается, совсем как в том баре. Может быть, указывает куда-то дорогу, ничего не подозревая и повернувшись спиной к тому, кто на него напал. Затем я представил себе, как из-под шинели появляется монтировка или ломик, убийца замахивается и наносит удар, раздается треск костей. Потом снова. И снова. Три неожиданных удара. А застать врасплох парня вроде Карбона совсем не просто.

Зазвонил мой телефон, и я взял трубку. Это был полковник Уиллард, урод, сидящий в офисе Гарбера в Рок-Крике.

– Где ты? – спросил он.

– В своем кабинете, – ответил я. – Как бы иначе я мог ответить на ваш звонок?

– Оставайся там, – сказал он. – Никуда не уходи, ничего не делай, никому не звони. Это прямой приказ. Просто сиди тихонько и жди.

– Чего?

– Сейчас я приеду.

Он отключился, а я положил трубку на место.

Я сидел на своем месте. Никуда не пошел. Ничего не делал. И никому не стал звонить. Сержант принесла мне чашку кофе, и я ее взял. Уиллард не приказывал мне умереть от жажды.

Через час я услышал в приемной голос, и ко мне вошел молодой сержант из отряда «Дельта», тот, что с бородой и сильным загаром. Я

предложил ему сесть и задумался над полученным приказом. «Никуда не уходи, ничего не делай, никому не звони». Получается, если я стану разговаривать с парнем, будет считаться, что я что-то делаю, и это вступит в противоречие с той частью приказа, в которой говорится: «Ничего не делай». Но с другой стороны, дыхание – это работа (в формальном смысле). Метаболизм – тоже. Мои волосы и щетина на лице продолжали расти, как и все двадцать ногтей. Я терял вес. На самом деле для человека невозможно ничего не делать. Поэтому я пришел к выводу, что данную часть приказа можно рассматривать как риторическую.

– Чем могу помочь, сержант? – спросил я.

– Я думаю, что Карбон был геем, – сказал сержант.

– Ты думаешь, что он им был?

– Ну хорошо, он им был.

– Кто еще знал об этом?

– Мы все.

– И что?

– И ничего. Я посчитал, что вы должны знать, и все.

– Ты полагаешь, это имеет отношение к его смерти?

Он покачал головой.

– Нас это не беспокоило. Тот, кто его убил, был не из наших. Не из нашего подразделения. Такое просто невозможно. Мы таких вещей не делаем. А за пределами подразделения никто ничего про него не знал. Значит, дело не в этом.

– Тогда зачем ты мне рассказал?

– Потому что вы все равно узнаете. Я хотел, чтобы вы были готовы. Чтобы это не стало неожиданностью.

– И что?

– Ну, может, вы сумели бы это скрыть, раз дело совсем в другом.

Я ничего ему не ответил.

– Это замарает его память, – сказал сержант. – Так не должно быть. Он был хорошим парнем и хорошим солдатом. Быть геем не преступление.

– Согласен, – сказал я.

– Армия нуждается в переменах.

– Армия ненавидит перемены.

– Они говорят, что это вредит сплоченности подразделения, – проговорил он. – Им бы следовало прийти и посмотреть, как мы работаем. Карбон был одним из нас.

– Я не смогу скрыть этого факта, – сказал я. – Возможно, я бы так и поступил, если бы мог. Но то, как выглядело место преступления… все поймут, что хотел сказать преступник.

– Что? Это выглядело, как преступление на сексуальной почве? Вы нам не говорили.

– Я постарался скрыть неприятные детали.

– Но никто не знал. Никто за пределами нашего отряда.

– Значит, кто-то все-таки знал, – возразил ему я. – Или убийца один из ваших.

– Это невозможно. Исключено.

– Так или иначе, но какой-то из вариантов возможен. Он встречался с кем-нибудь за пределами вашего подразделения?

– Никогда.

– То есть шестнадцать лет он воздерживался от интимных отношений?

Сержант на мгновение замолчал.

– Ну, я не знаю, – сказал он.

– А кто-то знал, – проговорил я. – Но на самом деле я тоже не думаю, что причина убийства в его пристрастиях. Кто-то просто постарался выставить дело так, чтобы казалось, будто его убили из-за того, что он был геем. Пожалуй, это мы можем утверждать наверняка.

Сержант тряхнул головой.

– Это будет единственное, что о нем все запомнят.

– Мне очень жаль, – сказал я.

– Я не гей, – проговорил он.

– Да мне все равно.

– У меня есть жена и ребенок.

После этих слов он ушел, и я вернулся к выполнению приказа Уилларда.

Я потратил это время на раздумья. На месте преступления не нашли орудия убийства. И никаких серьезных улик – ни кусочков одежды, зацепившихся за куст, ни следов на земле, ни кожи убийцы под ногтями Карбона. Все это легко объяснялось. Орудие нападавший забрал с собой. Скорее всего, он был в полевой форме, отвечающей всем требованиям Министерства обороны касательно прочности и надежности, и именно поэтому на кустах не осталось ни ниток, ни кусков ткани. Текстильные фабрики по всей стране вынуждены выполнять суровые условия, предъявляемые к военному поплину и твилу. Земля замерзла, поэтому на ней не осталось никаких следов. Морозы в Северной Каролине стояли примерно месяц, и мы находились как раз посередине этого срока. Кроме того, убийца напал неожиданно, и у Карбона не было времени повернуться и вцепиться в него ногтями или лягнуть его.

Таким образом, никакой материальной информации у нас не было. Но у нас имелись некоторые преимущества. В частности, фиксированные подозреваемые. У нас закрытая база, и армия отлично справляется с задачей контроля за тем, кто и где находится, а заодно и когда. Мы могли начать с длинных списков и проверить все имена по очень простому принципу – возможность совершения преступления или ее отсутствие. Затем переписать тех, кто мог быть убийцей, и применить к ним священные принципы всех детективов: способ, мотив, возможность.

Способ и возможность нам мало что дадут, поскольку наш список целиком будет состоять из тех, у кого была возможность совершить это преступление. Любой человек в армии в состоянии врезать ломиком или монтировкой по голове ничего не подозревающей жертвы. Более того, это служит одним из принципов, играющих важную роль при приеме в наши славные ряды.

Значит, остается мотив, и с этого я начал свои размышления. По какой причине убили Карбона?

Я просидел еще час. Никуда не ходил, ничего не делал, никому не звонил. Сержант принесла мне кофе. Я намекнул ей, что она могла бы связаться с лейтенантом Саммер и попросить ее зайти.

Саммер появилась через пять минут. У меня была для нее куча новостей, но она предвидела все мои распоряжения. Она заказала список всего персонала базы плюс копию записей журнала на проходной, чтобы мы могли добавить или вычеркнуть какие-то имена из списка подозреваемых. Кроме того, она позаботилась о том, чтобы комнату Карбона до обыска опечатали. Она договорилась о беседе с его командиром, чтобы составить себе представление о его личной и профессиональной жизни.

– Отлично, – похвалил ее я.

– А при чем тут Уиллард? – спросила она.

– Видимо, решил поучаствовать, – сказал я. – У нас тут образовалось такое важное дело, что он хочет лично им заняться. А заодно напомнить мне, кто из нас начальник.

Однако я ошибся.

Уиллард явился через четыре часа после своего звонка. Я услышал его голос в приемной. Почему-то я был уверен, что сержант не станет предлагать ему кофе. У нее были отличные инстинкты. Моя дверь распахнулась, и он вошел. Не глядя на меня, он закрыл за собой дверь и уселся в кресло для посетителей. И тут же принялся елозить. Он очень старался и непрерывно дергал штаны на коленях, словно они обжигали кожу.

– Вчерашний день, – сказал он. – Я хочу получить подробный отчет о твоих действиях. От тебя лично.

– Вы приехали сюда, чтобы задать мне парочку вопросов?

– Именно, – заявил он.

Я пожал плечами.

– До двух часов я находился в самолете, – начал я. – Затем до пяти – с вами.

– А потом?

– Вернулся сюда в одиннадцать.

– Шесть часов? Мне удалось добраться за четыре.

– Полагаю, вы ехали на машине. Я же добирался на двух автобусах, а потом меня подвезли на машине.

– Дальше?

– Поговорил с братом по телефону, – доложил я.

– Я помню твоего брата, – сказал Уиллард. – Я с ним работал.

– Он мне говорил.

– А что ты делал после?

– Встретился с лейтенантом Саммер, – сказал я. – Мы не обсуждали работу.

– Потом?

– Примерно в полночь было обнаружено тело Карбона.

Он кивнул, дернулся, поерзал на стуле, и у него сделался такой вид, будто ему страшно неудобно.

– Ты сохранил автобусные билеты? – спросил он.

– Сомневаюсь. А что? – ответил я.

Он улыбнулся.

– Потому что, возможно, мне понадобится знать. Чтобы доказать, что я не совершил ошибки.

Я молчал.

– А вот ты ошибку совершил, – заявил он.

– Правда?

Он кивнул и добавил:

– Никак не могу понять, ты идиот или делаешь это специально.

– Что я делаю?

– Пытаешься поставить армию в неприятное положение?

– Каким образом?

– Что здесь происходит, майор? – спросил он.

– Это вы мне скажите, полковник.

– Холодная война подходит к концу. Значит, нас ждут большие перемены. Сложившееся положение вещей будет нарушено. Таким образом, все подразделения армии постараются выглядеть как можно лучше, чтобы устоять. И знаешь что?

– Что?

– Армия всегда находится в самом низу кучи. Военно-воздушные силы владеют великолепными самолетами. У моряков имеются подводные лодки и авианосцы. Морскую пехоту никогда никто не трогает. А мы в прямом смысле этого слова завязли в грязи. В самом низу кучи. Армия, по мнению Вашингтона, – это тоска зеленая, Ричер.

– И что?

– Карбон был настоящим уродом. Извращенец в элитном отряде? По-твоему, армия хочет, чтобы все об этом знали? В нынешние времена?

Тебе следовало списать его смерть на несчастный случай во время военной подготовки или учений.

– Это было бы неправдой.

– А кому есть дело до правды?

– Карбона убили не из-за его сексуальной ориентации, – возразил я.

– Именно из-за нее.

– Я зарабатываю этим на жизнь. И говорю вам, что его сексуальная ориентация здесь ни при чем.

Он наградил меня хмурым взглядом и на некоторое время замолчал.

– Хорошо, – сказал он наконец. – К этому мы вернемся позже. Кто еще видел тело?

– Мои ребята, – ответил я. – Подполковник-психолог, которую я попросил высказать свое мнение по поводу случившегося. А также патологоанатом.

– Ты займись своими парнями, – приказал Уиллард. – А я скажу психологу и доктору.

– Что скажете?

– Что мы списываем это дело на несчастный случай во время подготовки. Они поймут. Профилактика – лучшее лечение. Никакого расследования.

– Вы шутите?

– А ты думаешь, армии нужно такое дело, да еще сейчас? В отряде «Дельта» целых четыре года служил извращенец! Ты спятил?

– Сержанты хотят, чтобы было проведено расследование.

– Я совершенно уверен, что их командир придерживается другого мнения. Поверь мне. Это верно, как Евангелие.

– Вам придется отдать мне прямой приказ, – сказал я. – Подробный.

– Следи за моими губами, – заявил он. – Ты не должен расследовать дело Карбона. Напиши доклад, в котором будет говориться, что этот парень погиб в результате несчастного случая во время военной подготовки. Ночные маневры, пробежка, тренировка, все, что угодно. Он споткнулся и упал, ударившись головой. Дело закрыто. Это прямой приказ.

– Я хочу получить его в письменном виде, – сказал я.

– Тебе уже давно пора повзрослеть.

Какое-то время мы сидели молча, бросая друг на друга хмурые взгляды через стол. Я не шевелился. Уиллард елозил, раскачивался и дергал штаны. Я сжал кулак, так, чтобы он этого не видел, и представил себе, как наношу ему удар прямо в грудь. Я не сомневался, что смогу заставить его поганое сердце остановиться всего одним движением руки. А потом спишу его смерть на несчастный случай во время военной подготовки. Я скажу, что он учился вставать и садиться на стул, поскользнулся и ударился грудью об угол стола.

– Во сколько он умер? – спросил Уиллард.

– Вчера, в девять или десять вечера, – ответил я.

– Ты прибыл на базу в одиннадцать?

– Вы уже спрашивали, и я ответил, – сказал я.

– Ты можешь это доказать?

Я подумал о часовых у ворот. Они записали время, когда я вошел на базу.

– А я должен? – поинтересовался я.

Уиллард снова затих, потом наклонился влево на своем стуле.

– Следующий вопрос. Ты утверждаешь, что извращенца прикончили не потому, что он был извращенцем. У тебя есть улики, подтверждающие твои слова?

– На месте преступления было слишком много указаний на то, что Карбона убили из-за его пристрастий, – ответил я.

– Чтобы скрыть истинный мотив?

– Я так считаю, – подтвердил я.

– А каким был истинный мотив?

– Не знаю. Чтобы это выяснить, нужно провести расследование.

– Хорошо, давай порассуждаем, – заявил Уиллард. – Предположим, гипотетический преступник мог выиграть от совершенного им убийства. Каким образом?

– Самым обычным, – сказал я. – Он хотел помешать сержанту Карбону предпринять какие-то действия в будущем. Или скрыть преступление, в котором Карбон участвовал или о котором что-то знал.

– Иными словами, хотел заставить его молчать.

– Чтобы что-то прикрыть, – сказал я. – Так я думаю.

– И ты этим зарабатываешь на жизнь?

– Совершенно верно.

– Как ты собирался найти преступника?

– Я бы провел расследование.

– А когда ты нашел бы этого гипотетического человека – если предположить, что ты сумел бы его выявить, – что бы ты стал делать?

– Я бы взял его под стражу, – ответил я.

«Предупредительное заключение», – подумал я, представив себе сослуживцев Карбона, которые взволнованно расхаживали по приемной, готовые тут же начать действовать.

– И твой подозреваемый находился на базе в момент совершения преступления?

Я кивнул. Лейтенант Саммер наверняка сражалась сейчас с бесконечными списками личного состава.

– Я намеревался сопоставить списки личного состава и журналы на проходной у ворот, – сказал я.

– Факты, – многозначительно произнес Уиллард. – Мне казалось, что для того, кто зарабатывает этим на жизнь, факты имеют первостепенное значение. База занимает около ста тысяч акров земли. Ее обнесли колючей проволокой в тысяча девятьсот сорок третьем году. Таковы факты. Мне не стоило никакого труда их выяснить, и тебе следовало сделать то же самое. Тебе не приходило в голову, что на базу можно попасть не только через главные ворота? Ты не подумал о том, что тот, кто считался отсутствующим, мог пролезть через проволоку и вернуться на базу?

– Маловероятно, – проговорил я. – Ему пришлось бы пройти больше двух миль в кромешной темноте, а мы в течение ночи патрулируем территорию по произвольным маршрутам.

– Патруль мог не заметить хорошо подготовленного человека.

– Маловероятно, – повторил я. – И как бы он встретился с сержантом Карбоном?

– Они договорились об определенном месте встречи.

– Это не было какое-то определенное место, – возразил я. – Мы нашли его недалеко от дороги.

– Они могли использовать карту.

– Маловероятно, – сказал я в третий раз.

– Но возможно?

– В мире все возможно.

– Значит, какой-то человек встретился с извращенцем, убил его, выбрался назад тем же путем через проволочное ограждение, а затем вернулся на базу через главные ворота, где отметился в журнале.

– Все возможно, – снова сказал я.

– Какой временной промежуток нас интересует? Между убийством и отметкой в журнале?

– Я не знаю. Для этого мне нужно знать расстояние, которое он прошел.

– Возможно, он бежал.

– Может быть.

– В таком случае он должен был тяжело дышать, когда подошел к воротам.

Я никак не прокомментировал это заявление.

– Сделай предположение, – потребовал Уиллард. – Сколько времени?

– Час или два.

– Значит, если педика прикончили в девять или в десять, убийца отметился в журнале у главных ворот около одиннадцати?

– Возможно, – не стал спорить я.

– А мотив – что-то скрыть.

Я кивнул, но ничего не сказал.

– Тебе понадобилось шесть часов на дорогу, которая занимает четыре. Таким образом, у тебя имелось потенциальное окно, и ты объясняешь его тем, что долго добирался до базы.

Я молчал.

– И ты только что согласился, что двух часов вполне хватило бы, чтобы совершить то, что совершено. Как раз тех самых двух часов между

девятью и одиннадцатью, о которых ты не можешь сказать ничего внятного.

Я продолжал молчать, и он улыбнулся.

– Кроме того, ты запыхался, когда подошел к воротам. Я проверял.

Я не ответил.

– Но каким мог быть твой мотив? – продолжал он. – Я полагаю, что ты плохо знал Карбона. И не вращался в тех кругах, в которых вращался он. По крайней мере, я искренне на это надеюсь.

– Вы зря тратите время, – сказал я. – И совершаете грубую ошибку. Потому что вам совсем не нужно иметь такого врага, как я.

– Правда?

– Правда, – проговорил я. – Совсем не нужно.

– И что же ты хотел прикрыть? – спросил он.

Я ничего ему не ответил.

– Я сообщу тебе один очень интересный факт, – сказал Уиллард. – Сержант первой категории Кристофер Карбон был именно тем военным, который написал на тебя докладную.

Уиллард доказал это мне, достав копию докладной из кармана. Он разгладил ее и подтолкнул ко мне по столу. Наверху стоял регистрационный номер, затем дата, место и время – 2 января, кабинет начальника полиции Форт-Бэрда, 8.45. Далее шли два абзаца показаний, данных под присягой:

«Я был свидетелем того, как находящийся на службе майор военной полиции Ричер ударил одно гражданское лицо в колено. Сразу после этого майор Ричер нанес удар второму гражданскому лбом в лицо. Насколько мне известно, оба этих нападения были ничем не спровоцированы. Я не видел, чтобы гражданские лица защищались».

Дальше стояла подпись, имя и регистрационный номер Карбона, напечатанные на машинке. Я узнал номер, потому что видел его в папке с данными Карбона. Я посмотрел на безмолвные часы на стене и представил себе Карбона, который выскользнул из двери бара на парковку, бросил на меня мимолетный взгляд, а затем смешался с толпой парней, стоявших около своих автомобилей и пивших пиво из бутылок. Я снова опустил голову, открыл ящик стола и убрал туда листок с доносом.

– Мы все знаем, что «Дельта» заботится о своих ребятах, – сказал Уиллард. – Думаю, это одно из их таинств. Итак, что они сделают теперь? Одного из их парней избили до смерти после того, как он написал докладную на умника майора из военной полиции, а умнику майору нужно спасать свою карьеру, к тому же он не может доказать, как провел те два часа, в которые был убит Карбон.

Я молчал.

– Офис командира «Дельты» получил копию донесения, – сказал Уиллард. – Стандартная процедура, когда речь идет о дисциплинарных жалобах. Копии расходятся по всем подразделениям. Так что очень скоро все узнают эту новость. И начнут задавать вопросы. И что я должен им сказать? Я могу заверить их, что ты абсолютно чист. А могу намекнуть, что ты бесспорный подозреваемый, но существуют технические препятствия, которые запрещают мне трогать тебя. Представляю себе, как они постараются восстановить справедливость, следуя своим представлениям о добре и зле!

Я продолжал хранить молчание.

– Это единственная жалоба, которую Карбон подал за шестнадцать лет службы, – подчеркнул он. – Я проверил. Тут нет ничего удивительного. Такие, как он, стараются не высовываться. Но «Дельта» оценит значение его поступка. Раз Карбон впервые в жизни вышел к барьеру, значит, у вас имелись личные разногласия в прошлом. Какие-то старые обиды. Не думаю, что тебе стоит рассчитывать на их расположение.

Я упрямо молчал.

– И что же мне делать? – спросил Уиллард. – Отправиться к ним и намекнуть о неприятных технических деталях, оговоренных в законе? А может, заключим сделку? Я попридержу «Дельту», а ты сделаешь то, о чем я говорил.

Я никак не реагировал на его слова.

– На самом деле я не думаю, что ты его убил, – сказал он. – Даже ты не решишься зайти так далеко. Но я бы не имел ничего против, если бы ты оказался убийцей. Извращенцы в армии заслуживают смерти. Они всех обманывают. Просто у тебя был бы не тот мотив.

– Пустые угрозы, – произнес я наконец. – Вы мне не говорили, что именно он подал жалобу. Вчера вы мне ее не показали. И не назвали имя того, кто написал донесение.

– Сержанты «Дельты» ни на секунду тебе не поверят. Ты следователь особого отдела. Ты зарабатываешь этим на жизнь. Тебе ничего не стоит

узнать имя того, кто накатал на тебя жалобу, из бумаг, с которыми, по их представлениям, мы имеем дело.

Я ничего не сказал.

– Проснись, майор, – не умолкал Уиллард. – Оглянись по сторонам. Гарбера здесь больше нет. И мы будем делать все так, как я считаю правильным.

– Вы совершаете ошибку, – проговорил я. – Вам не нужен такой враг, как я.

Он покачал головой.

– Я не совершаю никакой ошибки. И не собираюсь с тобой враждовать. Я хочу навести здесь порядок, больше ничего. Позже ты будешь меня благодарить. Не только ты, но и все вы. Мир меняется. И я вижу дальше и больше, чем остальные.

Я молчал.

– Помоги армии, – продолжил он. – И себе тоже.

Поскольку я не отвечал, он спросил:

– Так мы договорились?

Я молчал, и он мне подмигнул.

– Думаю, договорились, – сказал он. – Ты же не полный идиот.

Он встал, вышел из кабинета и закрыл за собой дверь. Я сидел и наблюдал, как жесткая виниловая поверхность стула для посетителей принимает свою прежнюю форму. Это происходило медленно, с тихим шипением, когда воздух возвращался на свое привычное место.

Глава 10

Мир меняется. Я всегда был одиночкой, но неожиданно испытал острый приступ одиночества. А еще я циник, но вдруг почувствовал себя невероятно наивным. Обе мои семьи исчезали прямо у меня на глазах: одна – по причине простого, но безжалостного течения времени, а другая – потому что ее надежные старые ценности начали постепенно выветриваться. Я чувствовал себя как человек, который просыпается на опустевшем острове и обнаруживает, что весь остальной мир потихоньку уплыл ночью на лодках. Я словно стоял на берегу, глядя на их крошечные очертания, исчезающие на горизонте. Словно говорил по-английски и с ужасом для себя понимал, что все вокруг меня разговаривают на совершенно другом языке. Мир менялся. А я не хотел, чтобы это было так.

Саммер пришла через три минуты. Я догадался, что она пряталась за углом, дожидаясь, когда Уиллард уйдет. Под мышкой у нее были зажаты листы бумаги из принтера, глаза сияли – судя по всему, ей удалось обнаружить что-то очень интересное.

– Вассель и Кумер снова были здесь прошлой ночью, – доложила она. – Я нашла их имена в журнале на проходной.

– Садитесь, – сказал я.

Она удивленно замолчала, а затем села туда, где до нее сидел Уиллард.

– Я заразный, – сообщил я. – Вам следует немедленно отсюда уйти.

– Что вы имеете в виду?

– Мы были правы, – проговорил я. – Форт-Бэрд очень неприятное место. Сначала Крамер, потом Карбон. Уиллард решил закрыть оба дела, чтобы армии не пришлось краснеть.

– Он не может закрыть дело Карбона.

– Несчастный случай во время военной подготовки, – сказал я. – Он споткнулся, упал и ударился головой.

– Что?

– Уиллард решил использовать это дело, чтобы проверить меня, – пояснил я. – В том смысле, с ним я или нет.

– А вы с ним?

Я не ответил.

– Это незаконный приказ, – заволновалась Саммер. – Разве может быть иначе?

– Вы готовы его оспорить?

Она не ответила. Единственный способ оспорить приказ – это не подчиниться ему, а затем отдать себя в руки военного трибунала, который неминуемо превратится для тебя в единоборство с офицером, занимающим более высокое положение, в присутствии судьи, прекрасно сознающего, что в армии приказам нужно подчиняться.

– Таким образом, ничего не произошло, – сказал я. – Принесите сюда все бумаги и забудьте, что вы когда-либо слышали обо мне, Крамере или Карбоне.

Саммер продолжала молчать.

– И поговорите с теми, кто был там прошлой ночью. Скажите, что они должны забыть все, что видели.

Она смотрела в пол.

– Затем идите в офицерский клуб и ждите там следующего задания.

Она подняла на меня глаза.

– Вы серьезно?

– Совершенно, – сказал я. – Я отдаю вам прямой приказ.

Она пораженно уставилась на меня.

– Вы не тот человек, за которого я вас принимала.

– Согласен, – кивнул я. – Совсем не тот.

Я дал ей минуту, чтобы убедиться, что она действительно ушла, а потом взял сложенные бумаги, которые она оставила на столе. Их оказалось много. Я нашел нужную страницу и принялся ее изучать.

Потому что я не люблю совпадений.

Вассель и Кумер вошли на территорию Бэрда через главные ворота в шесть сорок пять накануне вечером. Они покинули базу в десять. Три часа и пятнадцать минут, как раз то самое время, когда умер Карбон.

Или время ужина.

Я взял телефонную трубку и позвонил в столовую офицерского клуба. Трубку взял сержант, работающий в столовой, и сказал, что мне перезвонит дежурный сержант. Затем я связался со своим сержантом и попросил ее выяснить, кто занимает тот же пост, что и я, в Ирвине, и соединить меня с ним. Она пришла через четыре минуты и принесла мне кружку кофе.

– Он очень занят, – доложила она. – Освободится примерно через полчаса. Его фамилия Франц.

– Не может быть, – сказал я. – Франц в Панаме. Я лично разговаривал с ним там.

– Майор Кельвин Франц, – уточнила она. – Так мне сказали.

– Позвоните им еще раз, – попросил я. – Проверьте, не ошиблись ли вы.

Она оставила кофе на столе и отправилась к своему телефону. Снова пришла через четыре минуты и подтвердила, что не ошиблась.

– Майор Кельвин Франц, – повторила она. – Он там с двадцать девятого декабря.

Я взглянул на календарь. Пятое января.

– А вы – здесь с двадцать девятого декабря, – сказала она.

Я посмотрел ей в глаза.

– Позвоните на другие крупные базы, – велел я. – Начните с Форт-Беннинга и дальше по алфавиту. Мне нужны имена военных полицейских, исполняющих временные обязанности, и я хочу знать, как давно они туда прибыли.

Она кивнула и вышла. А мне позвонил дежурный сержант из столовой, и я спросил у него про Васселя и Кумера. Он подтвердил, что они ужинали в офицерском клубе. Вассель заказал палтус, а Кумер – бифштекс.

– Они сидели одни? – спросил я.

– Нет, сэр, с несколькими старшими офицерами, – сказал сержант.

– Они договорились с ними там встретиться?

– Нет, сэр, у нас сложилось впечатление, что это произошло экспромтом. Странная собралась компания. Думаю, они встретились в баре, когда пили аперитив. У нас не было никакого заказа на групповой ужин.

– Как долго они там находились?

– Сели за стол до половины седьмого, а встали чуть раньше десяти.

– Никто не уходил и не возвращался?

– Нет, сэр, мы их все время видели.

– Все время?

– Мы старались за ними присматривать, сэр. Из-за того, что с ними был генерал. У нас так полагается.

Я повесил трубку, а потом позвонил на главные ворота. Спросил, кто лично видел, как Вассель и Кумер въезжали и выезжали с базы. Я попросил найти этого человека, чтобы он мне перезвонил.

И стал ждать.

Часовой, стоявший у ворот, позвонил первым. Он подтвердил, что дежурил весь предыдущий вечер и лично видел, как Вассель и Кумер приехали в шесть сорок пять и уехали в десять.

– Машина? – спросил я.

– Большой черный седан, сэр, – ответил он. – Машина для персонала Пентагона.

– «Гранд-маркиз»? – уточнил я.

– Совершенно верно, сэр.

– Водитель у них был?

– За рулем сидел полковник, – ответил часовой. – Полковник Кумер. Генерал Вассель находился на переднем пассажирском сиденье.

– В машине были только они двое?

– Да, сэр.

– Ты уверен?

– Совершенно, сэр. Никаких сомнений. Ночью мы пользуемся фонариками. Черный седан, номера Министерства обороны, два офицера впереди, документы в полном порядке, на заднем сиденье никого.

– Хорошо, спасибо, – сказал я и повесил трубку.

Телефон тут же снова зазвонил. Это был Кельвин Франц из Калифорнии.

– Ричер? – сказал он. – Что, черт подери, ты там делаешь?

– Я могу задать тебе тот же вопрос.

– Понятия не имею, что я здесь делаю, – ответил он. – В Ирвине очень тихо. Здесь всегда тихо, как мне сказали. Хотя погода хорошая.

– Ты проверил свой приказ о переводе?

– Конечно, – сказал он. – А ты нет? Самое веселое местечко после Гренады, а теперь я сижу и смотрю на пески Мохаве. Похоже, это блестящая идея Гарбера. Сначала я решил, что чем-то его разозлил. Теперь я уже не понимаю, что происходит. Сомнительно, чтобы мы оба его разозлили.

– Как в точности звучало твое назначение?

– Временно исполняющий обязанности начальника полиции.

– А начальник полиции сейчас там?

– Нет. Он получил другое временное назначение в тот день, когда я приехал.

– Значит, ты сейчас являешься начальником полиции на базе?

– Похоже на то, – ответил он.

– Я тоже.

– Что происходит?

– Понятия не имею. Если выясню, я тебе скажу. Но сначала мне нужно задать тебе вопрос. Я тут познакомился с одним полковником с орлами и генералом с одной звездой, они собирались к вам на конференцию по бронетанковым войскам, которая должна была состояться первого января. Вассель и Кумер. Они приехали?

– Конференцию отменили, – сказал Франц. – Нам сказали, что генерал с двумя звездами отбросил коньки. Какой-то Крамер. Похоже, они решили, что без него конференцию проводить нет смысла. Либо дело в этом, либо они просто не в состоянии без него думать. Или в настоящий момент сражаются за то, кто займет его место.

– Значит, Вассель и Кумер так и не приехали в Калифорнию?

– Они совершенно точно не появлялись в Ирвине, – сказал Франц. – Насчет всей Калифорнии ручаться не могу. Это большой штат.

– А кто еще должен был там присутствовать?

– Внутренний круг руководства танковых войск. Некоторые находятся здесь. Другие приехали и снова отвалили. А кое-кто и вовсе не объявлялся.

– Ты что-нибудь слышал про повестку дня?

– Это не входит в мою компетенцию. А что, она была важная?

– Не знаю. Вассель и Кумер заявили, что повестки не было.

– Так не бывает, повестка всегда есть.

– Я тоже так думаю.

– Может, я что-нибудь разузнаю.

– С Новым годом тебя, – сказал я, повесил трубку и в задумчивости откинулся на спинку стула.

Кельвин Франц был одним из хороших парней. На самом деле одним из лучших. Жесткий, справедливый, честный и невероятно компетентный. Сбить его с пути невозможно. Я с легким сердцем уехал из Панамы, зная, что он там остается. Но он там не остался. И я тоже. Тогда кто, черт подери, остался?

Я допил кофе, взял с собой кружку, вышел в приемную и поставил кружку рядом с кофеваркой. Мой сержант разговаривала по телефону. На столе перед ней лежал исписанный листок бумаги. Увидев меня, она подняла вверх палец, показывая, что у нее есть новости. Затем продолжила писать. А я вернулся за стол. Она пришла через пять минут со своим листком. Тринадцать строк, три колонки. Третья колонка состояла из цифр. Видимо, это были даты.

– Я добралась до Форт-Ракера, – доложила она. – И решила, что этого хватит. Потому что тут обнаружилась определенная схема.

– Расскажите, – попросил я.

Она проверила тринадцать баз по алфавиту. Затем выписала имена офицеров, временно исполняющих обязанности начальников полицейского управления. Я знал все тринадцать имен, включая свое и Франца. Затем она выписала числа, когда их перевели на означенные базы. Все они были одинаковыми. Двадцать девятое декабря. Восемь дней назад.

– Зачитайте имена еще раз, – велел я.

Она повторила имена, и я кивнул. Если бы вы решили создать внутри маленького, закрытого мира военной полиции подразделение, состоящее из суперпрофессионалов, и если бы вы хорошенько об этом подумали глубокой ночью, вне всякого сомнения, вы бы выбрали именно этих людей. Они входили в высшую лигу и были лучшими. В список вошло бы еще примерно десять человек, и я не сомневался, что парочка из них обнаружилась бы в конце алфавита, а остальные восемь оказались бы на важных постах, расположенных по всему миру. И я был уверен, что все до одного получили новое назначение восемь дней назад. Наша тяжелая артиллерия. Не знаю, какое место я сам занимал в списке, но все вместе мы являлись лучшими копами в армии. Без вопросов.

– Странно, – сказал я.

Это действительно было странно. Чтобы перевести на новое место службы такое количество конкретных людей в один определенный день, требуется воля и тщательное планирование, а чтобы сделать это во время проведения операции «Правое дело», нужен очень серьезный мотив. В комнате воцарилась такая тишина, словно я рассчитывал услышать что-то особенное.

– Я отправляюсь в «Дельту», – сказал я.

Я поехал на «хаммере», потому что не хотел идти пешком. Я не знал, убрался ли с базы Уиллард, и не собирался с ним снова встречаться.

Часовой впустил меня в старую тюрьму, и я сразу же направился к кабинету адъютанта. Он по-прежнему сидел за своим столом и показался мне немного более уставшим, чем когда я видел его утром.

– Это был несчастный случай во время военной подготовки, – сообщил ему я.

– Да, я слышал, – нехотя сказал он.

– Во время какой подготовки это произошло? – спросил я.

– Ночные маневры, – проговорил он сквозь зубы.

– В одиночестве?

– Тогда выход из-под удара.

– На базе?

– Ну хорошо, он бегал. Сжигал лишние калории, набранные за праздники. Все, что угодно.

– Мне нужно, чтобы история звучала правдоподобно, – сказал я. – На отчете будет стоять мое имя.

– Тогда забудьте про бег, – сказал капитан. – Не думаю, что Карбон был мастером по этой части. Он предпочитал занятия в спортивном зале. Они все такие.

– Кто «они»?

Он посмотрел прямо на меня и ответил:

– Парни из «Дельты».

– У него была какая-то специализация?

– Они мастера на все руки. Хорошо делают все.

– Радио или медицина?

– Они все умеют обращаться с радиоприемниками. И все проходят курс медицины. В качестве своего рода защиты. Если кого-то захватят, он может сказать, что он врач. И это, возможно, спасет его от пули. А в доказательство он продемонстрирует им свои умения.

– Медицинская подготовка проходит по ночам?

Капитан покачал головой.

– Не обязательно.

– А он мог проверять исправность средств связи?

– Он мог проверять исправность машины на дороге, – сказал капитан. – Он хорошо разбирался в технике. Насколько мне известно, он присматривал за состоянием машин, находящихся в распоряжении нашего подразделения. Что-то вроде специализации.

– Ладно, – сказал я. – Может, он проколол шину, машина сошла с дороги и он разбил себе голову?

– Мне подходит, – сказал капитан.

– Неровная местность, возможно, под покрытием дороги образовалась яма, и покрытие стало ненадежным.

– Мне подходит, – повторил капитан.

– Я скажу, что мои ребята оттащили машину сюда.

– Хорошо.

– Какой марки машина?

– Какой вы скажете.

– Ваш командир на месте? – спросил я.

– Нет. Уехал на праздники.

– А кто он?

– Вы его не знаете.

– А вы меня испытайте.

– Полковник Брубейкер, – ответил капитан.

– Дэвид Брубейкер? – переспросил я. – Я его знаю.

Это было не совсем правдой. Я знал о его репутации. Полковник Дэвид Брубейкер прославился тем, что был настоящим проповедником войск специального назначения. По его мнению, нам всем следовало свернуть свои лагеря и отправиться по домам, а мир должен спрятаться за спинами тщательно отобранных подразделений. Возможно, стоило оставить парочку вертолетных батальонов, чтобы они перевозили его людей с места на место. Ну, и один офис в Пентагоне, чтобы снабжать их оружием.

– Когда он вернется? – спросил я.

– Завтра, но не знаю, когда точно.

– Вы ему звонили?

Капитан покачал головой.

– Он не захочет в это ввязываться. И не станет с вами разговаривать. Но я скажу ему, чтобы он издал соответствующие директивы, как только мы узнаем, какого рода был несчастный случай.

– Карбон разбился в машине, – сказал я. – Так все и было. Думаю, ваш командир будет доволен. Транспортная безопасность короче мер безопасности в обращении с оружием.

– Где?

– В боевом уставе.

Капитан улыбнулся.

– Брубейкер не пользуется уставом, – проговорил он.

– Я хочу посмотреть комнату Карбона, – сказал я.

– Зачем?

– Потому что мне нужно там кое-что подчистить. Если я спишу его смерть на аварию, следует проверить, не осталось ли там чего-нибудь, что говорило бы о другом.

Карбон жил так же, как все остальные, в одной из старых камер размером шесть на восемь футов, со стенами из крашеного цемента, с собственной раковиной и туалетом. В комнате стояла стандартная армейская койка, шкаф для одежды и висела полка на стене длиной с кровать. В общем, неплохое жилище для сержанта. В мире полно людей, которые не задумываясь согласились бы с ним поменяться.

Саммер оклеила дверь желтой полицейской лентой, я оторвал ее, скатал в шарик и положил в карман. А затем вошел внутрь.

Подразделение специального назначения «Д» очень сильно отличается от всех остальных подразделений армии в подходе к дисциплине и единообразию, и отношения между его членами весьма нестандартные – для армии. Никто даже не думает отдавать честь офицерам. Аккуратность не поощряется. Форма необязательна. Если тебе удобно в рабочей куртке старого образца, которую ты носишь много лет подряд, носи ее, и тебе никто ничего не скажет. Если кроссовки нравятся тебе больше, чем ботинки военного образца, ходи в них. Если армия покупает четыреста тысяч пистолетов «беретта», а парень из «Дельты» предпочитает «ЗИГ-Зауэр», никто не заставит его отказаться от любимого оружия.

Так что шкаф у Карбона не был забит чистой и тщательно отглаженной формой. Я не обнаружил накрахмаленных, хрустящих рубашек, сложенных в аккуратные стопки и готовых к употреблению. Под

кроватью не стояли начищенные до блеска ботинки. У него вообще оказалось мало одежды. Главным образом она была оливкового цвета, но, если не считать этого, нынешний интендант вряд ли нашел бы здесь что-нибудь знакомое. Несколько теплых вещей, принятых в армии, выцветшая полевая форма. Все без обозначений принадлежности к какому-то определенному подразделению и без знаков различия. Зеленая бандана, парочка старых зеленых футболок, застиранных до такого состояния, что они стали почти прозрачными, и тщательно сложенный пояс «Алиса»[15] – нейлоновый пояс, на который пехотинцы вешают самые разные полезные предметы.

Последнюю четверть полки занимали книги и маленькая цветная фотография в медной рамке. На ней была изображена немолодая женщина, немного похожая на Карбона. Его мать. Я вспомнил татуировку, разорванную ножом: орел, держащий листок бумаги со словом «Мать». А еще вспомнил, как наша мама загнала нас в крошечный лифт, когда мы обняли ее и попрощались.

Я начал рассматривать книги Карбона.

Пять книжек в мягких обложках и одна высокая, тонкая – в твердой. Я провел пальцем по книжкам в мягких обложках – ни названия, ни авторы не были мне известны. У всех были потрескавшиеся корешки и пожелтевшие по краям страницы. Мне показалось, что это приключенческие романы о допотопных аэропланах и пропавших подводных лодках. Книга в твердой обложке оказалась памятным изданием, вышедшим после концертного турне группы «Роллинг стоунз». Судя по типу печати на корешке, она вышла лет десять назад.

Я поднял матрас и посмотрел, что под ним. Ничего. Я проверил бачок туалета и заглянул под раковину. Ничего. Тогда я перешел к шкафу. Первым делом я увидел сложенную коричневую кожаную куртку, которая лежала наверху. Под ней – две белые рубашки с пуговицами и две пары голубых джинсов. Все, что было из хлопка, оказалось мягким и выношенным, а куртка – не дорогой, но и не дешевой. Вместе они составляли стандартный выходной костюм солдата. Сходить в туалет, побриться, помыться, надеть гражданскую одежду, сесть в чью-нибудь машину, завалиться в парочку баров, немного развлечься субботним вечером.

Под джинсами обнаружился бумажник. Маленький, из коричневой кожи, похожей на ту, что на куртке. Как и одежда, он предназначался для субботних вылазок за пределы базы. В нем лежало сорок три доллара – как раз столько, сколько стоят несколько порций пива, необходимых для расслабления и веселья. Кроме того, я достал военное удостоверение личности и водительские права, выданные в Северной Каролине, на случай если выходной закончится в джипе военной

полиции или в черно-белой машине гражданских копов. И упаковку с презервативами, если вдруг веселье пойдет по-крупному.

В пластиковом окошке была вставлена фотография девушки. Может, сестры или кузины. Или подруги. А может, никого особенного. Наверняка для отвода глаз.

Ниже стояла обувная коробка, наполовину заполненная снимками шесть на четыре – любительскими фотографиями солдат. На некоторых я увидел самого Карбона. Маленькие группки мужчин позировали точно на рекламных плакатах, обнимая друг друга за плечи. Некоторые снимки были сделаны под ослепительным солнцем, и мужчины были без рубашек, в шапочках вроде тюбетеек, они щурились и улыбались. Другие – в джунглях. А кое-какие – на разрушенных, засыпанных снегом улицах. Но на всех присутствовал дух товарищества. Сослуживцы, не при исполнении, живые и радующиеся этому.

Больше ничего в комнатке Карбона не было. Ничего важного, ничего необычного, ничего интересного. Ничего, что рассказало бы о его жизни и характере, об увлечениях или страстях. Он жил тайной жизнью, застегнутый на все пуговицы, точно его выходные рубашки.

Я шагал к своему «хаммеру». Завернул за угол и наткнулся на молодого сержанта, того, что с бородой и темным загаром.

– Ты меня одурачил, – сказал он.

– Правда?

– Насчет Карбона. Позволив мне рассказать о нем то, что я рассказал. Наш писарь только что показал нам одну очень интересную бумагу.

– И что?

– И мы задумались.

– Не перестарайтесь.

– Думаешь, это смешно? Тебе будет совсем не весело, когда мы выясним, что его убил ты.

– Я его не убивал.

– Это ты так говоришь.

Я кивнул.

– Да, я так говорю. А теперь уйди с дороги.

– Или что будет?

– Или я надеру тебе задницу.

Он подошел ближе.

– Думаешь, ты можешь надрать мне задницу?

Я не отступил ни на шаг.

– Ты хочешь знать, надрал ли я задницу Карбону. А он, вероятно, был раза в два круче тебя.

– Ты даже не успеешь заметить, как все произойдет, – пообещал он.

Я ничего не сказал.

– Поверь мне.

Я отвел глаза, потому что верил ему. Если «Дельта» решит со мной расправиться, я, скорее всего, не замечу, как это произойдет. Это точно. Через неделю, месяц или пару лет я буду идти по какому-нибудь темному переулку, мне навстречу выступит тень, и нож морской пехоты ударит меня между ребер, или моя шея сломается с громким треском, который эхом отразится от кирпичных стен. И мне наступит конец.

– У тебя неделя, – заявил он.

– На что?

– На то, чтобы доказать нам, что это не ты.

Я промолчал.

– Твой выбор, – сказал сержант. – Докажи нам это или используй семь дней, чтобы исполнить все свои мечты. И не теряй времени.

Глава 11

Я поехал на «хаммере» обратно в свой офис. Машину я поставил у самого входа. Сержант, у которой был маленький сын, уже ушла. Ее место занял смуглый капрал, тот, что из Луизианы. Кофейник был пустым и холодным. На моем столе лежало два листка бумаги. На первом было написано: «Звонил майор Франц. Пожалуйста, перезвоните ему». А вот что я прочитал на втором: «Звонил детектив Кларк». Сначала я набрал калифорнийский номер Франца.

– Ричер? – сказал он. – Я навел справки относительно повестки дня конференции бронетанковых войск.

– И?

– У них ее не было. Так они говорят и настаивают на своем.

– Но?

– Но мы оба знаем, что это чепуха. Всегда существует повестка дня.

– И что же тебе удалось узнать?

– Ничего конкретного, – вздохнул он. – Однако я могу доказать, что тридцатого декабря пришел факс из Германии, тридцать первого они долго возились с ксероксом. А первого января, после того как стало известно о смерти Крамера, резали и жгли какие-то бумаги. Я поговорил с парнем, который этим занимался. Сожгли полную папку обрезков, не менее шестидесяти листов.

– Насколько надежно защищена их линия факса?

– А какая степень защиты тебя бы устроила?

– Максимальная. Поскольку смысл во всем этом появляется только в том случае, если повестка дня действительно была секретной. По-настоящему секретной. Впрочем, если бы она была секретной, стали бы они доверять такие тайны бумаге?

– Они – это Двенадцатый корпус, Ричер. Они в течение сорока лет на передней линии. У них нет ничего, кроме секретов.

– Сколько человек должно было участвовать в конференции?

– Я побывал в столовой. Ужин заказали на пятнадцать человек.

– Шестьдесят страниц, пятнадцать участников, значит, повестка дня составляла четыре страницы.

– Похоже на то. Но теперь все они превратились в дым.

– Только не оригинал, присланный из Германии, – заметил я.

– Они его сожгли на месте.

– Нет. Я полагаю, что оригинал был у Крамера, когда он умер.

– И где же он сейчас?

– Никто не знает. Он исчез.

– Его стоит разыскивать?

– Никто не знает, – повторил я. – За исключением того парня, который его написал, но он мертв. А также Васселя и Кумера. Они могли видеть этот документ. Возможно, даже помогали его составлять.

– Вассель и Кумер вернулись в Германию. Сегодня утром. Первым утренним рейсом из Даллеса. Об этом говорили штабные офицеры.

– А ты не встречал нашего нового начальника Уилларда? – спросил я.

– Нет.

– Тогда постарайся его избегать. Он настоящая сволочь.

– Спасибо за предупреждение. И за какие заслуги мы его получили?

– Понятия не имею, – ответил я.

Мы попрощались, я позвонил в Виргинию и попросил позвать детектива Кларка. Мне сказали, чтобы я подождал. Потом я услышал щелчок второй линии, и до меня донесся гул голосов.

– Кларк.

– Ричер, – сказал я. – Армия США, Форт-Бэрд. Вы хотели со мной поговорить?

– Насколько я помню, поговорить хотели вы, – проворчал Кларк. – Вас интересовало, как продвигается расследование. Но оно никак не продвигается. Мы натолкнулись на каменную стену. Нам бы самим не помешала помощь.

– Я ничего не могу поделать. Это ваше дело.

– О чем я уже сожалею, – сказал он.

– Но что-то у вас есть?

– Полно всякой ерунды. Преступник вошел в дом и вышел из него, ни к чему не прикоснувшись. Наверное, он был в перчатках. Земля покрылась корочкой наста. На дорожке перед домом мы нашли немного песка, но других следов не осталось.

– Соседи ничего не видели?

– Большинства из них не было дома, а остальные успели хорошо выпить. Это ведь случилось в новогоднюю ночь. Мои люди опросили всех соседей, но не узнали ничего интересного. Конечно, люди видели автомобили, что вполне естественно, поскольку в это время все ходят в гости.

– А на подъездной дорожке нет следов шин?

– Нам не удалось обнаружить ничего определенного.

Я промолчал.

– Жертву убили ломиком, – продолжал Кларк. – Вероятно, им же преступник вскрыл дверь.

– Я так и подумал, – сказал я.

– После нападения преступник вытер ломик о ковер и вымыл в раковине на кухне. Мы нашли там следы крови. На кране отпечатков нет. Опять перчатки.

Я ничего не сказал.

– И отсутствует еще кое-что, – сказал Кларк. – Складывается впечатление, что генерал практически там не жил.

– Почему?

– Наша бригада криминалистов тщательнейшим образом осмотрела дом. Мы сняли все отпечатки, волосы и волокна отовсюду, в том числе из раковины и душа, как я уже говорил. Все принадлежит жертве, за исключением пары отпечатков. Вот оно, подумали мы. Но оказалось, что это отпечатки мужа. Однако по соотношению ее и его отпечатков стало ясно, что он практически не бывал в доме в течение последних пяти лет. Это нормальная практика?

– Ему приходилось проводить много времени на службе, – сказал я – Но на праздники он должен был возвращаться домой. Вероятно, в их браке не все складывалось так хорошо, как казалось.

– Таким людям лучше развестись, – заметил Кларк. – Ведь даже для генерала это не проблема, верно?

– Вы правы, – ответил я. – Но теперь уже поздно.

Кларк надолго задумался.

– Насколько плох был их брак? – наконец спросил он. – Настолько плох, что нам следует проверить мужа?

– Не получается по времени, – ответил я. – Он был уже мертв, когда убили его жену.

– Это как-то связано с деньгами?

– Хороший дом, – сказал я. – Скорее всего, он принадлежал ей.

– А как насчет заказного убийства, оплаченного заранее?

Он хватался за соломинки.

– Тогда ему пришлось бы это сделать, когда он находился в Германии.

Кларк ничего не сказал.

– Кто вам звонил, чтобы спросить, как продвигается расследование? – поинтересовался я.

– Вы звонили, час назад, – ответил он.

– Не припоминаю, чтобы я это делал.

– Не вы лично, – объяснил он. – Ваш человек. Маленькая черная цыпочка, которую я видел с вами на месте преступления. Лейтенант. Я был занят и не смог с ней поговорить. Она оставила мне ваш телефон, но я куда-то сунул листок с номером. Поэтому я позвонил по телефону, который вы мне дали в самом начале. Я что-то сделал не так?

– Нет, все в порядке, – ответил я. – Сожалею, что мы не сумели вам помочь.

Мы повесили трубки. Я немного посидел, а потом вызвал сержанта.

– Пригласите ко мне лейтенанта Саммер, – сказал я.

Саммер появилась через десять минут. Она была в полевой форме, и по ее лицу и жестам я видел, что она немного нервничает. И еще я уловил легкое презрение. Я предложил ей сесть и сразу приступил к делу.

– Мне позвонил детектив Кларк, – сказал я.

Она ничего не ответила.

– Вы нарушили прямой приказ, – сказал я.

Она продолжала молчать.

– Почему?

– А почему вы отдали мне такой приказ?

– А как вы сами думаете?

– Потому что вы решили выполнить приказ Уилларда.

– Он мой командир. И мне следует выполнять его приказы.

– Я не согласна.

– Вы в армии, Саммер. И подчиняетесь приказам вовсе не из-за того, что с ними согласны.

– Но мы не закрываем глаза на некоторые вещи только из-за того, что нам отдали приказ.

– Нет, именно так мы и поступаем все время. Всегда.

– Ну, значит, так поступать не следует.

– Кто сделал вас начальником штаба?

– Это нечестно по отношению к Карбону и миссис Крамер, – сказала она. – Они невинные жертвы.

Я немного помолчал.

– А почему вы начали с миссис Крамер? Вы считаете ее более важной, чем Карбон?

Саммер тряхнула головой.

– Я не начинала с миссис Крамер. Она была второй на очереди. Начала-то я как раз с Карбона. Изучила списки в журнале прихода и ухода персонала с базы и отметила, кто находился на базе, а кто отсутствовал.

– Вы передали мне эти бумаги.

– Но сначала я их скопировала.

– Вы идиотка, – сказал я.

– Почему? Потому что не испугалась?

– Сколько вам лет?

– Двадцать пять.

– Значит, в будущем году вам исполнится двадцать шесть. Вы станете двадцатишестилетней черной женщиной, уволенной из армии с лишением прав и привилегий. Другой карьеры вы себе не намечали. Между тем на рынке гражданской рабочей силы будет полно людей, уволенных из армии в связи с сокращением вооруженных сил, и вам придется конкурировать с теми, у кого на груди полно медалей, а карманы набиты рекомендациями. И что вы станете делать? Голодать? Пойдете работать стриптизершей?

Она не ответила.

– Вот почему вы должны предоставить мне заниматься этим делом, – закончил я.

– Вы ничего не намерены делать.

– Я рад, что вы так думаете. Это как раз и входит в мои планы.

– Что?

– Я намерен бросить вызов Уилларду, – заявил я. – В результате останется либо он, либо я.

Она ничего не сказала.

– Я работаю на армию, – сказал я. – А не на Уилларда. Я верю в армию. А в Уилларда – нет. И я не позволю ему все превратить в мусор.

Она промолчала.

– Я сказал, что ему не нужен такой враг, как я. Однако он не пожелал меня слушать.

– Большой шаг, – заметила Саммер.

– Вы сделали такой же, – сказал я.

– Почему вы решили меня исключить?

– Потому что если я проиграю, то не хочу никого тащить за собой на дно.

– Вы меня защищаете.

Я кивнул.

– Ну так не надо, – отрезала она. – Я способна сама о себе позаботиться.

Я промолчал.

– Сколько вам лет? – спросила она в свою очередь.

– Двадцать девять.

– Значит, в будущем году вам будет тридцать. Вы станете тридцатилетним белым мужчиной, уволенным из армии с лишением прав и привилегий. Другой карьеры вы себе не намечали. И если я достаточно молода, чтобы начать все сначала, у вас такой возможности нет. Вы всю жизнь провели в армии, у вас нет навыков гражданской жизни, вы никогда не жили среди гражданских лиц, вы ничего не умеете. Так что это вы оказались в тяжелом положении, а не я.

Мне нечем было крыть.

– Вам следовало поговорить со мной, – сказала она.

– Это личный выбор, – ответил я.

– Я уже сделала свой выбор, – откликнулась Саммер. – Похоже, теперь он вам известен. Детектив Кларк случайно меня выдал.

– Именно это я и имел в виду. Один случайный телефонный звонок – и вы можете оказаться на улице. Это игра по очень высоким ставкам.

– Я участвую в ней наравне с вами, Ричер. Так что введите меня в курс дела.

Пять минут спустя она знала все, что было известно мне. Одни вопросы и никаких ответов.

– Подпись Гарбера – подделка, – сказала она.

Я кивнул.

– А как насчет подписи Карбона под жалобой? Она тоже подделана?

– Может быть, – сказал я.

Вытащив из ящика копию, которую мне выдал Уиллард, я положил ее на стол и аккуратно разгладил. Потом я передал бумагу Саммер. Она сложила ее и спрятала во внутренний карман.

– Я проверю почерк, – пообещала она. – Мне это сделать проще, чем вам.

– С этого момента у нас не осталось легких путей, – сказал я. – Вам нужно действовать очень осторожно.

– Я буду стараться, – заверила меня Саммер. – Продолжайте.

Я с минуту сидел молча, только смотрел на Саммер. По ее губам скользнула улыбка. Она была крутой. Впрочем, Саммер выросла в бедной хижине в Алабаме, когда вокруг горели и взрывались церкви. Возможно, прикрывать спину от Уилларда и кучки линчевателей из «Дельты» было шагом вперед по сравнению с ее прежними проблемами.

– Благодарю вас за то, что встали на мою сторону, – сказал я.

– Вовсе нет, – возразила она. – Это не я на вашей стороне, а вы на моей.

На моем столе зазвонил телефон. Я взял трубку. Это был капрал из Луизианы, звонивший из приемной перед моим кабинетом.

– Звонок из полиции штата Северная Каролина, – сказал он. – Они просят дежурного офицера. Вы хотите с ними говорить?

– Не особенно, – ответил я. – Но у меня нет выбора.

Послышался щелчок, наступила тишина. Потом я услышал еще один щелчок. Наконец диспетчер доложил мне, что полицейский на патрульной машине нашел на обочине шоссе брошенный зеленый портфель. Внутри оказался бумажник, благодаря чему выяснилось, что владельцем портфеля является генерал Кеннет Р. Крамер, армия США. Диспетчер сказал мне, что звонит в Форт-Бэрд, поскольку это ближайшая военная база. Он также сообщил, где будет находиться портфель, если я намерен кого-то за ним послать.

Глава 12

Саммер вела машину. Мы взяли «хаммер», который я оставил у тротуара. Мы не хотели тратить время и выписывать седан. Саммер выглядела крошечной за рулем. «Хаммер» немного ограничивал ее стиль вождения. Эти машины удобны во многих случаях, но только не для езды на высокой скорости по шоссе. Двигатель ревел, шины громко шуршали. Было четыре часа дня, и уже начало темнеть.

Мы поехали на север к мотелю, где нашли Крамера, свернули на восток по «клеверному листу»,[16] а затем опять на север по автостраде I-95. Проехав пятнадцать миль, мы миновали стоянку и начали искать здание полицейского участка. Мы обнаружили его еще через двенадцать миль – длинное одноэтажное строение из кирпича, на крыше которого торчало множество радиоантенн. Здание построили лет сорок назад, и кирпич приобрел темно-коричневый цвет. Сейчас уже невозможно было определить, был ли он когда-то желтым, а потом потемнел на солнце, или был белым и почернел от выхлопов. По всей его длине шли буквы из нержавеющей стали в стиле ар-деко: «ПОЛИЦИЯ ШТАТА СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА».

Мы припарковались перед двойными стеклянными дверями. Саммер заглушила двигатель, мы с минуту посидели в тишине, а потом выбрались из машины. Пересекли узкий тротуар, открыли двери и вошли в здание. Это был типичный полицейский участок с застеленным линолеумом полом, который мыли каждый вечер, даже в тех случаях, когда он оставался чистым. Стены покрывали бесчисленные слои краски, наложенной прямо на бетонные блоки. В жарком воздухе пахло по́том и перекипевшим кофе.

За конторкой сидел дежурный. Мы были в полевой форме, а оставшийся снаружи «хаммер» стоял ровно напротив стеклянных дверей, поэтому он сразу понял, что нам нужно. Он не стал просить у нас документы и задавать лишние вопросы, даже не поинтересовался, почему генерал Крамер не приехал сам. Дежурный бросил на меня быстрый взгляд, чуть дольше его глаза задержались на Саммер, а потом он наклонился и вытащил из-под стойки портфель, который находился в прозрачном пластиковом пакете, не для вещественных доказательств, а в обычном мешке с названием магазина.

Портфель идеально подходил к дорожной сумке Крамера. Тот же цвет, дизайн, возраст и степень износа, никаких монограмм. Я открыл его и заглянул внутрь. Там лежали: бумажник, билеты на самолет, паспорт, маршрут поездки на трех сколотых скрепкой листах бумаги, книга в твердом переплете.

Повестки дня конференции не было.

Я закрыл портфель и положил на стойку. Нет, я не был удивлен, скорее слегка разочарован.

– Портфель лежал в мешке, когда его нашел полицейский?

Дежурный покачал головой, глядя на Саммер.

– Я сам положил туда портфель, – сказал он. – Хотел, чтобы он остался чистым. Не знал, как быстро за ним приедут.

– А где именно его нашли? – спросил я.

Он немного помолчал, неохотно отвел взгляд от Саммер, повернулся и провел толстым пальцем по карте. Это было крупномасштабное изображение той части автострады I-95, что проходит по Северной Каролине. На длинной и узкой, не более пяти дюймов в ширину, карте была показана каждая миля автострады, начиная с того места, где она покидала Южную Каролину, и заканчивая на границе с Виргинией. Палец на мгновение застыл, а потом переместился к точке, которая находилась примерно одиннадцатью милями южнее полицейского участка.

– Вы можете предположить, как долго портфель пролежал там?

– Пожалуй, нет, – ответил он. – Мы не проверяем это место регулярно. Он мог пролежать там месяц.

– Как его нашли?

– Полицейский случайно оказался неподалеку. Он увидел портфель из машины и остановился.

– Когда это произошло?

– Сегодня, – ответил дежурный. – В самом начале второй смены. Вскоре после полудня.

– Он не мог пролежать там месяц, – сказал я.

– А когда генерал его потерял?

– Перед Новым годом, – ответил я.

– Где?

– Портфель украли у генерала в том месте, где он остановился.

– И где он остановился?

– В мотеле, который находится в тридцати милях к югу отсюда.

– Значит, плохие парни поехали на север.

– Похоже на то, – согласился я.

Дежурный посмотрел на меня, словно спрашивая разрешения, а потом взял портфель двумя руками и взглянул на него как знаток, в руки которого попал редкий предмет искусства. Он повертел портфель, осматривая его со всех сторон.

– Январь, – сказал он. – Утром у нас сейчас выпадает роса. И бывает настолько холодно, что мы начинаем беспокоиться из-за гололеда. Поэтому мы посыпаем дорогу солью. В это время года вещи на шоссе стареют быстро. А этот портфель хоть и не новый, но непохоже, чтобы он сильно пострадал. В складках есть песок, но совсем немного. Можно с уверенностью утверждать, что портфель не лежал на обочине с начала января. Я бы сказал, что он находился там не более двадцати четырех часов. Одну ночь, не больше.

– Вы уверены? – спросила Саммер.

Дежурный покачал головой и положил портфель на стойку.

– Это лишь предположение, – ответил он.

– Хорошо, – сказал я. – Спасибо.

– Вам нужно будет расписаться, что вы забрали портфель.

Я кивнул. Он развернул лежащую на стойке книгу текущих записей. У меня над правым карманом красовалась надпись «Ричер», но я посчитал, что он не обратил на нее внимания. Он почти все время изучал нагрудные карманы Саммер. Поэтому я нацарапал в соответствующем месте «К. Крамер», взял портфель и повернулся, чтобы уйти.

– Странное ограбление, – заметил дежурный. – В бумажнике осталась кредитка и деньги. Мы переписали содержимое.

Я ничего не ответил, и мы с Саммер направились к «хаммеру».

Саммер дождалась подходящего момента, пересекла три линии и съехала с шоссе. Машина промчалась по заросшему травой склону, перебралась через сточную канаву и выехала на другую сторону автострады, ведущую на юг. Именно такие вещи «хаммер» делал превосходно.

– Как вам такая версия? – заговорила Саммер. – Прошлой ночью Вассель и Кумер покинули Бэрд в десять часов вместе с портфелем. Они поехали на север в сторону аэропорта или округа Колумбия, вытащили повестку дня и выбросили портфель из окна машины.

– Они оставались в баре или ресторане все время, пока находились в Бэрде.

– Значит, портфель им передал кто-то из тех, с кем они ужинали. Возможно, одна из женщин, входящих в список тех, кто брал «хамви».

– У них у всех алиби.

– Очень относительное. Речь идет о встрече Нового года, а на таких вечеринках обычно царит хаос.

Я посмотрел в окно. День подходил к концу, приближался вечер. Мир вокруг казался темным и холодным.

– Шестьдесят миль, – сказал я. – Портфель нашли шестьюдесятью милями севернее Бэрда. Это час. Они могли бы вытащить листы с повесткой дня и выбросить портфель гораздо раньше.

Саммер ничего не ответила.

– И они остановились бы на стоянке, чтобы это проделать. Они бы бросили портфель в мусорный бак. Так гораздо безопаснее. Выбрасывать портфель из окна автомобиля – значит привлекать к себе внимание.

– Возможно, повестки дня не существовало.

– Тогда это был бы первый случай в истории армии.

– Или она не имела существенного значения.

– Они заказали пакеты с ланчем в Ирвине. Два генерала и полковник планировали поработать во время ланча. И это также первый случай в военной истории. Поверьте мне, Саммер, это была очень важная конференция.

Она не ответила.

– Давайте еще раз развернемся, – предложил я. – Через три осевые. И поедем на север. Я хочу взглянуть на стоянку.

Стоянка для отдыха ничем не отличалась от любой другой стоянки на больших автомагистралях. Две полосы – ведущая на север и уходящая на юг – расходились, образуя между собой широкое пространство. Стоящие здесь здания из кирпича, окруженные пустыми клумбами и голыми деревьями, предназначались для тех, кто следовал как на юг, так и на север, и имели два входа с двух сторон. Еще здесь находилась бензоколонка. По бокам были отведены места для стоянки машин. Сейчас здесь было не слишком много народу. Праздники заканчивались. Семьи возвращались домой, дети снова начнут ходить в школу, а родители – на работу. Парковка была заполнена примерно на треть. Любопытно, что все старались занять первое же свободное место

на пути, не рискуя ехать дальше, хотя это позволило бы им оказаться ближе к кафе и туалетам. Может быть, такова человеческая природа – отсутствие уверенности.

Перед входом в кафе имелась небольшая полукруглая площадь. Я видел яркие неоновые рекламы внутри, над стойками. Снаружи, неподалеку от входа, стояло шесть мусорных контейнеров. Вокруг было много народу – кто-то входил в кафе, кто-то выходил.

– Слишком людное место, – заметила Саммер. – Это нам ничего не даст.

Я кивнул.

– Я забыл бы об этом в ту же секунду, если бы не миссис Крамер.

– Карбон важнее. Нам нужно выбрать главное.

– Такое ощущение, что мы сдаемся.

Мы поехали на север, и Саммер в третий раз сделала разворот через три линии, чтобы свернуть на юг. Я постарался устроиться поудобнее, насколько это вообще возможно в военном средстве передвижения. Слева развертывалась черная лента темноты. Справа, на западе, – тусклый закат. Дорога выглядела влажной. Похоже, Саммер не слишком волновало возможное оледенение дороги.

В первые двадцать минут я ничего не делал. Затем включил свет в салоне и тщательно осмотрел портфель Крамера. Я не рассчитывал, что найду что-нибудь полезное, и не ошибся. У Крамера был стандартный паспорт, выданный семь лет назад. На фотографии генерал выглядел немного лучше, чем в мотеле, после смерти, но не более того. В паспорте имелось множество печатей, говорящих о том, что он регулярно бывал в Германии и Бельгии. Будущее поле битвы и штаб НАТО соответственно. Больше он никуда не летал. Истинный специалист. В течение по меньшей мере семи лет он проводил все свое время в том месте, где находились самые крупные танковые соединения и штабы.

Билеты на самолет полностью соответствовали тому, что сказал Гарбер. Из Франкфурта в Даллес, потом в Вашингтон и Лос-Анджелес – во всех случаях имелись обратные билеты. Все билеты были самыми дешевыми, их бронировали за три дня до отлета.

Маршрутный лист совпадал с билетами. Я обратил внимание, что Крамер предпочитал сидеть у прохода. Может быть, с возрастом у него появились проблемы с мочевым пузырем. Я также нашел заказ на одиночный номер для приезжих офицеров в Форт-Ирвине, которым Крамер так и не воспользовался.

В бумажнике оказалось тридцать семь американских долларов и шестьдесят семь немецких марок мелкими купюрами. Кредитка имела срок действия на ближайшие полтора года. Он пользовался ею с 1964 года, о чем я прочитал на самой кредитке. Очень рано для армейского офицера. В те годы военные предпочитали наличные. Вероятно, Крамер неплохо разбирался в финансовых вопросах.

Я также нашел водительские права, выданные в Виргинии. Крамер назвал Грин-Вэлли в качестве места своего постоянного проживания, хотя всячески избегал туда приезжать. У него было стандартное удостоверение личности военного. В бумажнике, под пластиком, имелась фотография миссис Крамер. Ту же женщину, только намного старше, я видел лежащей на полу ее собственного дома. Фотографию сделали никак не меньше двадцати лет назад. Тогда она была хорошенькой, с длинными золотисто-каштановыми волосами, отливавшими рыжим на выцветшем от времени снимке.

Больше в бумажнике ничего не оказалось. Никаких квитанций, чеков из ресторана, телефонных номеров или клочков бумаги. Я не удивился. Генералы часто оказываются аккуратными, хорошо организованными людьми. Им необходим военный талант, но и без таланта бюрократа им не обойтись. Я не сомневался, что кабинет Крамера и его письменный стол выглядят так же, как его бумажник. Там нет ни одного ненужного предмета.

Книга в твердом переплете оказалась академической монографией о Курской битве, изданной Университетом Среднего Запада. Битва на Курской дуге произошла в июле 1943 года. Последнее серьезное наступательное сражение нацистской Германии во время Второй мировой войны и ее первое серьезное поражение. Эта битва стала крупнейшим танковым сражением в мировой истории, и едва ли когда-нибудь вновь случится нечто подобное, если только люди вроде Крамера не получат полную свободу. Меня не удивил его выбор чтения. Вероятно, он понимал, что, только читая о сотнях «тигров», «пантер» и «Т-34», с ревом несущихся сквозь клубы жаркой летней пыли, он сможет хоть как-то приблизиться к настоящему делу.

Больше ничего в портфеле не было. Лишь несколько разлохмаченных бумажных обрывков, застрявших в швах. Похоже, Крамер принадлежал к той категории людей, которые перед очередной поездкой вынимают все из портфеля, переворачивают его вверх дном и вытряхивают. Я сложил все обратно, застегнул замок и положил портфель на пол у своих ног.

– Когда вернемся, поговорите с дежурным из столовой, – сказал я. – Выясните, кто сидел за одним столом с Васселем и Кумером.

– Хорошо, – ответила Саммер.

Дальше мы ехали молча.

Мы вернулись в Бэрд к ужину и поели в офицерском клубе вместе с другими военными полицейскими. Если у Уилларда и были шпионы среди них, то они ничего не могли увидеть, кроме двух усталых людей, ничем особенным не занятых. Однако Саммер нашла момент во время перемены блюд, выскользнула из-за столика и вернулась обратно с блеском в глазах. Я доел десерт и медленно допил кофе, чтобы никто не подумал, что у меня есть какие-то срочные дела. Потом я встал и неторопливо вышел на свежий воздух. Мне пришлось простоять на холоде минут пять, и лишь после этого ко мне присоединилась Саммер. Я улыбнулся. Со стороны могло показаться, что у нас завязался тайный роман.

– Только одна женщина сидела за столом вместе с Васселем и Кумером, – сообщила она.

– Кто? – спросил я.

– Подполковник Андреа Нортон.

– Специалист по психологической войне?

– Она самая.

– Она участвовала и в новогодней вечеринке.

Саммер скорчила гримасу.

– Вы же знаете, как проходят такие вечеринки. Бар где-то в городе, сотни людей, которые приходят и уходят, шум, хаос, выпивка, постоянно исчезающие парочки.

– Где расположен бар?

– В тридцати минутах езды от мотеля.

– Значит, она должна была отсутствовать никак не меньше часа.

– Это возможно.

– Была ли она в баре в полночь? Держалась ли с кем-то за руки, распевая «Доброе старое время»? Тот, кто стоял рядом с ней, должен был это запомнить.

– Говорят, она там была. Но к этому моменту она вполне могла вернуться. Тот парень из мотеля утверждает, что «хамви» уехал в одиннадцать двадцать пять. У нее даже осталось бы пять минут. И ее появление выглядело бы вполне естественно. Ну, вы понимаете, все выползают из щелей, чтобы закончить вечеринку.

Я молча слушал ее.

– Предположим, она забрала портфель, чтобы проверить его содержимое. Там мог оставаться ее телефонный номер или фотография. Или дневник Крамера. Она не хотела скандала. Но как только она решила эти проблемы, портфель перестал представлять для нее интерес. Она была готова вернуть его по первому требованию.

– Но откуда Вассель и Кумер узнали, к кому обратиться?

– В этом замкнутом мирке трудно скрыть длительный роман.

– Не вижу логики, – возразил я. – Если всем было известно о Крамере и Нортон, зачем кому-то понадобилось поехать в дом в Виргинии?

– Ну хорошо. Возможно, они не знали. Возможно, это было просто одно из вероятных предположений в их списке. Возможно, все считали, что этот роман уже закончился.

Я кивнул.

– Что мы можем узнать у Нортон?

– Мы можем получить подтверждение того факта, что Вассель и Кумер постарались заполучить портфель прошлым вечером. Это докажет, что они его искали, и свяжет их с убийством миссис Крамер.

– Они никуда не звонили из отеля, и у них не было времени доехать туда самим. Поэтому я не вижу, как мы можем их в чем-то обвинить. Что еще у нас есть?

– Мы знаем, что случилось с документом, содержащим повестку дня. Мы знаем, что Вассель и Кумер сумели его вернуть. Армейские генералы вздохнут с облегчением, зная, что его не найдут где-нибудь в мусорном баке и он не достанется журналистам.

Я кивнул, но ничего не ответил.

– Нортон могла видеть эти бумаги, – продолжала рассуждать Саммер. – И даже прочитать их. Тогда она сможет рассказать нам, что происходит.

– Это звучит соблазнительно.

– Несомненно.

– Мы можем просто прийти к ней и спросить?

– Вы из Сто десятого. Вы можете спросить кого угодно о чем угодно.

– Я должен оставаться под радаром Уилларда.

– Ей неизвестно, что он приказал вам прекратить расследование.

– Нет, она знает. Уиллард беседовал с ней после истории с Карбоном.

– Я считаю, что мы должны с ней поговорить.

– Это будет очень непростой разговор, – сказал я. – Она может расценить это как оскорбление.

– Только в том случае, если мы сделаем все правильно.

– А у нас есть шансы?

– Возможно, мы сумеем управлять ситуацией. Она почти наверняка будет смущена и не захочет, чтобы о нашей беседе узнали ее коллеги.

– Мы не можем сильно давить на нее. Нельзя допустить, чтобы она позвонила Уилларду.

– Вы так боитесь его?

– Я боюсь того, что он может с нами сделать, используя бюрократические ресурсы. Едва ли мы сумеем чего-нибудь добиться, если нас переведут на Аляску.

– Ваш ход.

Я долго молчал. Подумал о книге в твердом переплете, которую читал Крамер. Это было похоже на 13 июля 1943 года, решающий день битвы на Курской дуге. Мы были подобны Александру Василевскому, советскому генералу. Если мы атакуем сейчас, то должны будем продолжать наступление до тех пор, пока враг не побежит и сражение не будет выиграно. Если мы станем бездействовать или попытаемся взять передышку хотя бы на несколько секунд, нам грозит поражение.

– Хорошо, давайте сделаем это, – наконец сказал я.

Мы нашли Андреа Нортон в баре офицерского клуба, и я попросил ее уделить нам несколько минут в ее кабинете. Моя просьба вызвала у нее удивление. Я сказал, что это личный вопрос. Она по-прежнему недоумевала. Уиллард сказал, что дело Карбона закрыто, и Нортон не понимала, о чем еще мы можем с ней говорить. Однако она согласилась. Мы условились встретиться в ее кабинете через тридцать минут.

Саммер и я провели эти полчаса в моем кабинете, изучая список, в котором перечислялось, кто находился на базе в момент смерти Карбона, а кто – нет. У нее была длиннющая распечатка, аккуратно сложенная в гармошку примерно в дюйм толщиной. Рядом почти со всеми именами в списке имелись какие-то пометки.

– Что это за пометки? – спросил я у Саммер. – Был человек на месте или нет?

– Был на месте, – ответила она.

Именно этого я и боялся. Я быстро пролистал распечатку большим пальцем.

– Сколько всего? – спросил я.

– Почти тысяча двести человек.

Я кивнул. Нет ничего невозможного в том, чтобы найти одного преступника среди тысячи двухсот человек. В полицейских досье содержится и большее число подозреваемых. В Корее бывали случаи, когда все военные, которые там находились, становились подозреваемыми. Но подобные случаи требуют неограниченных людских ресурсов и большого количества помощников. И еще необходимо полное сотрудничество. Подобную проверку невозможно провести за спиной у командира, втайне, действуя вдвоем.

– Невозможно, – сказал я.

– Нет ничего невозможного, – возразила Саммер.

– Нам необходим другой подход.

– Какой?

– Что убийца принес на место преступления?

– Ничего.

– Неверно, – сказал я. – Он принес себя.

Саммер пожала плечами. Провела пальцами по краю сложенных распечаток. Гармошка растянулась, а потом снова сжалась.

– Выбирайте имя, – предложила она.

– Он взял нож морской пехоты, – сказал я.

– Тысяча двести человек, тысяча двести ножей.

– Он взял монтировку или ломик.

Она кивнула.

– И йогурт, – сказал я.

Она ничего не сказала.

– Четыре вещи, – продолжал я. – Себя, нож, тупой предмет и йогурт. Где он взял йогурт?

– В холодильнике у себя в комнате, – ответила Саммер. – В кухне или буфете при столовой, в супермаркете или в небольшом магазине неподалеку от части.

Я представил себе человека, который быстро шагает, тяжело дыша и вспотев от напряжения. В правой руке у него окровавленный нож и ломик, а в левой – пустая баночка из-под йогурта. Он спотыкается в темноте, смотрит вниз, видит эту баночку, швыряет ее в траву, прячет нож в карман, а ломик под куртку.

– Нам нужно отыскать баночку от йогурта, – сказал я.

Саммер ничего не ответила.

– Он должен был ее выбросить, – сказал я. – Не слишком близко от места преступления, но и не слишком далеко.

– А это нам поможет?

– На баночке должны быть коды, срок годности и другие данные. Это приведет нас туда, где она была куплена. – Я сделал паузу. – И на ней могут сохраниться отпечатки.

– Он же был в перчатках, – возразила Саммер.

Я покачал головой.

– Я видел, как люди открывают баночки с йогуртом. Никто не станет делать это в перчатках. Там есть такой хвостик из фольги, за который нужно потянуть.

– Речь идет о территории в сто тысяч акров.

Я кивнул. Мы вернулись к исходной точке. Обычно пары телефонных звонков достаточно, чтобы организовать грандиозное прочесывание, в результате которого солдаты заглянут под каждую травинку. А потом процедуру можно повторять в течение нескольких дней, пока не будет найдено то, что требуется. Когда в твоем распоряжении армия, можно найти иголку в стоге сена. Не говоря уже о кусочке фольги, который преступник оторвал от баночки с йогуртом.

Саммер посмотрела на висящие на стене часы.

– Тридцать минут прошли, – сказала она.

Мы сели в «хаммер», чтобы доехать до офиса Нортон, и припарковались на месте, которое, вероятно, предназначалось кому-то другому. Было

девять часов. Саммер выключила двигатель, мы распахнули дверцы и вышли на холод.

Я прихватил с собой портфель Крамера.

Мы прошли по нескольким длинным коридорам и остановились перед кабинетом Нортон. Верхний свет внутри не горел. Я постучался, и мы вошли. Нортон сидела за письменным столом. Учебники заняли свои места на полках. Папки с документами, а также ручки и карандаши были куда-то убраны. На гладкой поверхности письменного стола выделялся идеальный круг света от настольной лампы.

У Нортон было три стула для посетителей. Она жестом предложила нам сесть. Саммер устроилась справа. Я сел слева и поставил портфель Крамера на центральный стул, не сводя глаз с Нортон, как призрак, явившийся на пир. Однако она даже не взглянула в сторону портфеля.

– Чем я могу вам помочь? – спросила она.

Я поправил портфель так, чтобы он стоял идеально ровно.

– Расскажите нам о вчерашнем ужине, – сказал я.

– О каком ужине?

– Вы ужинали с офицерами бронетанковых войск, которые гостили в нашей части.

– С Васселем и Кумером, – подтвердила Нортон. – А в чем дело?

– Они работали с генералом Крамером.

Она кивнула:

– Насколько мне известно.

– Расскажите нам об ужине.

– Вас интересует меню? – удивилась Нортон.

– Атмосфера, – уточнил я. – Разговоры. Настроение.

– Самый обычный ужин в офицерском клубе, – сказала она.

– Кто-то передал Васселю и Кумеру портфель.

– В самом деле? В качестве подарка?

Я не ответил.

– Я ничего такого не помню, – сказала Нортон. – И когда это произошло?

– Во время ужина, – сказал я. – Или когда они уже уходили.

Пауза получилась долгой.

– Портфель? – переспросила Нортон.

– Это сделали вы? – вмешалась в разговор Саммер.

Нортон посмотрела на нее с непонимающим видом. Она была искренне удивлена либо обладала навыками превосходной актрисы.

– Что я сделала?

– Вы передали им портфель?

– Зачем мне передавать им портфель? Я едва с ними знакома.

– Насколько хорошо вы их знаете?

– Встречалась с ними пару раз несколько лет назад.

– В Ирвине?

– Думаю, да.

– Почему вы оказались с ними за одним столом?

– Я сидела в баре. Они меня пригласили. Было невежливо отказаться.

– Вы знали о том, что они приедут? – спросил я.

– Нет, – ответила Нортон. – Понятия не имела. Я удивилась, что они не в Германии.

– Значит, вы достаточно хорошо с ними знакомы, если знаете, где они базируются.

– Крамер был командующим бронетанковых войск в Европе. Они офицеры его штаба. Меня бы удивило, если бы их база находилась на Гавайях.

Вновь наступило молчание. Я смотрел в глаза Нортон. Она ни разу не остановила взгляд на портфеле Крамера дольше чем на полсекунды. Ровно настолько, чтобы понять, что портфель принес я, и сразу же о нем забыть.

– Что здесь происходит? – осведомилась она.

Я не ответил.

– Объясните мне.

Я показал на портфель.

– Это портфель генерала Крамера. Он потерял его перед самым Новым годом, а сегодня портфель появился. Мы пытаемся выяснить, где он находился все это время.

– И где Крамер его потерял?

Саммер наклонилась вперед.

– В мотеле, – сказала она. – Во время любовного свидания с женщиной из нашей части. Женщина приехала на «хамви». Таким образом, мы ищем женщину, которая знала Крамера, имела доступ к «хамви» и отсутствовала в части перед Новым годом, а также была на вчерашнем ужине.

– Других женщин на ужине не было, – сказала Нортон.

Тишина.

Саммер кивнула.

– Мы знаем. И обещаем сохранить все, что здесь услышим, в тайне, но сначала вы должны подтвердить, что вы передали портфель.

Все молчали. Нортон смотрела на Саммер так, словно та пошутила, но суть шутки осталась ей непонятна.

– Вы полагаете, что я спала с генералом Крамером? – спросила Нортон.

Саммер не ответила.

– Так вот, это не так, – сказала Нортон. – Боже упаси.

И опять все немного помолчали.

– Я не знаю, плакать мне или смеяться, – заговорила Нортон. – Меня одолевают противоречивые чувства. Это совершенно абсурдное обвинение. Я удивлена, что вы его выдвинули.

Мы продолжали молчать. Нортон улыбнулась, словно происходящее изрядно ее забавляло. Я не увидел гнева. Она закрыла глаза, а когда вновь их открыла, мне показалось, что она стирает наш разговор из памяти.

– Из портфеля что-то исчезло? – спросила она.

Я не ответил.

– Помогите мне понять происходящее, – сказала Нортон. – Я не вижу повода для вашего странного визита. Из портфеля что-то пропало?

– Вассель и Кумер утверждают, что нет.

– Но?

– Я им не верю.

– А должны верить. Они старшие офицеры.

Я промолчал.

– А что говорит ваш командир?

– Он хочет прекратить расследование, поскольку опасается, что всплывет какой-то компромат.

– Вам стоит прислушаться к его мнению.

– Я следователь. Я должен задавать вопросы.

– Армия – это семья, – сказала Нортон. – Мы все на одной стороне.

– Вчера вечером Вассель и Кумер ушли из клуба с этим портфелем? – спросил я.

Нортон вновь прикрыла глаза. Сначала мне показалось, что она теряет терпение, но потом я сообразил, что она пытается вспомнить события вчерашнего вечера, когда она прощалась с Васселем и Кумером.

Она открыла глаза.

– Нет, у них не было портфеля, когда они уходили.

– Вы совершенно уверены?

– Да.

– А как они вели себя во время ужина?

– Они были совершенно расслаблены, – сказала Нортон. – Словно у них выдался свободный вечер и они решили отдохнуть.

– Они сказали, зачем еще раз сюда приехали?

– Вчера в полдень состоялись похороны генерала Крамера.

– Я не знал.

– Насколько мне известно, «Уолтер Рид» передал тело для похорон, а об остальном позаботился Пентагон.

– Где проходили похороны?

– На Арлингтонском кладбище, – сказала она. – Где же еще?

– Но оно в трехстах милях отсюда.

– Приблизительно, если взять по прямой.

– Так зачем же они заехали сюда поужинать?

– Они мне не объяснили, – ответила Нортон.

Я промолчал.

– Что-нибудь еще? – спросила Нортон.

Я покачал головой.

– Мотель? Неужели я похожа на женщину, которая согласится встречаться с мужчиной в мотеле?

Я не ответил.

– Вы свободны, – сказала она.

Я встал. Саммер последовала моему примеру. Я взял портфель Крамера, стоявший на стуле между нами, и вышел из кабинета вместе с Саммер.

– Вы ей поверили? – спросила у меня Саммер.

Мы сидели в «хаммере». Саммер включила двигатель, и обогреватель нагнетал в кабину застоявшийся теплый воздух, пахнущий дизельным топливом.

– Полностью, – ответил я. – Как только увидел, что она не обращает внимания на портфель. Она бы не смогла скрыть волнение, если бы видела его прежде. И я поверил ей, когда она сказала про мотель. Чтобы забраться ей под юбку, потребовалось бы снять номер в «Рице».

– Так что же нам удалось узнать?

– Ничего, – ответил я. – Ровным счетом ничего.

– Нет, мы выяснили, что Бэрд является очень привлекательным местом. Вассель и Кумер все время возвращаются сюда без всяких видимых причин.

– Продолжайте, – предложил я.

– А Нортон считает, что мы все – одна семья.

– Офицеры, – сказал я. – Чего еще вы ждали?

– Вы офицер. И я офицер.

Я кивнул.

– Я провел в Уэст-Пойнте четыре года, – сказал я. – Мне бы следовало знать это лучше. Мне бы стоило сменить имя и вернуться в качестве рядового. Три повышения – и я был бы сейчас специалистом Е-четыре. Может быть, даже сержантом Е-пять. Я сожалею, что это не так.

– Что теперь?

Я посмотрел на часы. Было почти десять.

– Спать, – ответил я. – А на рассвете мы отправимся на поиски баночки от йогурта.

Глава 13

Я никогда не ел йогурт, но видел, как это делают другие, и у меня сложилось впечатление, что каждая порция представляет собой баночку в два дюйма шириной, из чего следовало, что на квадратном ярде поместится около трехсот таких баночек. А значит, на акре – почти полтора миллиона. Таким образом, на территории Форт-Бэрда можно спрятать сто пятьдесят миллиардов баночек. Иными словами, речь шла о поисках спор сибирской язвы на стадионе «Янки».[17] Все эти вычисления я проделал, пока принимал душ и одевался в предутренней мгле.

Потом я присел на свою постель и стал ждать, когда посветлеет небо. Нет никакого резона отправляться на поиски сейчас и упустить один шанс из ста пятидесяти миллиардов из-за того, что будет слишком темно. Но пока я сидел, мне стало ясно, что мы можем увеличить наши шансы, уточнив район поисков. Очевидно, что парень с йогуртом проделал путь от А до Б. Мы знаем, где расположен пункт А – место, где убит Карбон. Выбор пункта Б достаточно ограничен. Б – это случайная дыра в ограде из колючей проволоки или место где-то возле главных зданий базы. Если мы поведем себя умно, то сможем увеличить наши шансы до одной миллионной и найти искомый предмет не через тысячу лет, а всего лишь через сто.

Если только нашу баночку не утащил в норку какой-нибудь голодный енот.

Мы встретились с Саммер в гараже военной полиции. Она была полна энергии, но мы не стали разговаривать. О чем тут говорить, если поставленную задачу решить невозможно. Однако ни один из нас не хотел в этом признаваться. Поэтому мы оба помалкивали. Мы выбрали первый попавшийся «хаммер» и выехали из гаража. Для разнообразия я сел за руль, и мы проделали такое же трехминутное путешествие, как тридцать с небольшим часов назад.

Если верить спидометру «хаммера», мы преодолели ровно полторы мили, перемещаясь на юго-запад. Наконец мы вновь оказались на месте

преступления. На некоторых деревьях еще виднелись куски желтой ленты, оставленной военной полицией. Мы остановились в десяти ярдах от места убийства и вышли из машины. Я забрался на капот и уселся на крышу над ветровым стеклом. Посмотрел на запад и на север, а потом повернулся и изучил восток и юг. Воздух оставался холодным, дул ветер. Пространство вокруг было бурым, безмолвным и бесконечным. На востоке вставало бледное солнце.

– И куда он направился? – спросил я.

– На северо-восток, – ответила Саммер.

Мне показалось, что она совершенно уверена в своем предположении.

– Почему? – спросил я.

Саммер взобралась на капот и села рядом со мной.

– У него была машина, – сказала она.

– Из чего это следует?

– Мы не нашли неподалеку никакой машины, а я сильно сомневаюсь, что они шли сюда от казарм пешком.

– Почему?

– Потому что в таком случае все произошло бы ближе к тому месту, откуда они вышли. Нужно идти не менее тридцати минут, чтобы оказаться здесь. И я не могу себе представить, чтобы плохой парень мог скрывать монтировку или ломик в течение тридцати минут, когда рядом с ним шагал Карбон. Если бы преступник спрятал оружие под одеждой, он двигался бы как робот. Карбона это насторожило бы. Значит, они приехали на машине. На машине плохого парня. Он спрятал оружие под курткой или под сиденьем. Может быть, там же находились нож и йогурт.

– Откуда они выехали?

– Не имеет значения. Для нас важно лишь то, куда потом направился плохой парень. Если он находился в машине, он бы не поехал в сторону колючей проволоки. Мы смело можем предположить, что в ней нет дыры, в которую могла бы пролезть машина. Человек или олень – да, но никак не автомобиль.

– Согласен, – сказал я.

– Он поехал обратно в казармы. Больше некуда. Нельзя просто болтаться на дороге без очевидной цели. Он вернулся по своим следам, припарковал машину и занялся обычными делами.

Я посмотрел на запад, на расстилавшийся передо мной горизонт. Потом повернулся и перевел взгляд на северо-восток. Обратно к казармам. Полторы мили вдоль дороги. Я представил себе аэродинамику баночки от йогурта. Легкий пластик, чашеобразная форма, надорванная крышка из фольги исполняет роль воздушного тормоза. Я вообразил, что сильно швыряю эту баночку. Она полетит, а потом зависнет в воздухе. Баночка преодолеет никак не больше десяти футов. Полторы мили в длину, десять футов в ширину влево, со стороны водителя. Я почувствовал, как миллионы превращаются в тысячи. А потом они вновь вернулись к миллиардам.

– Хорошая новость и плохая новость, – сказал я. – Я полагаю, что вы правы, так что нам удастся уменьшить район поисков на девяносто девять процентов. Может быть, даже больше. И это хорошо.

– Но?

– Но если он ехал в машине, стал бы он вообще выкидывать баночку?

Саммер ничего не ответила.

– Он мог просто швырнуть ее на пол, – сказал я. – Или закинуть назад.

– Нет, если машина взята в нашем гараже.

– Он мог бросить баночку в мусорный бак после того, как припарковался. Или забрать домой.

– Может быть. Тут пятьдесят на пятьдесят.

– В лучшем случае семьдесят на тридцать, – поправил я.

– Все равно нужно попытаться.

Я кивнул и спрыгнул на землю.

Был январь, и условия оказались очень неплохими для нас. Впрочем, в феврале было бы еще лучше. Вся растительность в Северном полушарии умирает к февралю. Она становится совсем редкой и слабой. Но и январь хороший месяц с этой точки зрения. Почти повсюду земля была плоской и коричневой. Цвет мертвого папоротника и палой листвы. Снега не было. Пейзаж оставался ровным и естественным. Очень хороший фон. Я пришел к выводу, что упаковка для молочного продукта должна быть белой. Или кремовой. Возможно, розовой – для клубничного или малинового йогурта. В любом случае баночка будет выделяться на сером фоне. К примеру, она не может быть черной. Никто не станет использовать черный контейнер для молочных продуктов. Значит, если баночка находится здесь и мы окажемся рядом, то обязательно ее найдем.

Мы проверили землю в десятифутовой зоне вокруг места убийства. И ничего не нашли. Тогда мы вернулись к дороге и зашагали вдоль нее на северо-восток. Саммер шла в пяти футах слева от дороги. Я шел пятью футами левее. Если каждый из нас будет контролировать землю справа и слева от себя, то вдвоем мы покроем пятнадцатифутовую полосу, при этом самую важную пятифутовую полосу между нами будем проверять в четыре глаза – ведь именно в ней, согласно моей аэродинамической теории, должна была приземлиться баночка от йогурта.

Мы шли медленно, примерно в половину скорости обычного пешехода. Я делал короткие шаги, каждый раз поворачивая голову слева направо. Повторяя эти однообразные движения, я чувствовал себя ужасно глупо. Наверное, я напоминал пингвина. Однако это был эффективный метод. Постепенно я перешел на автопилот, и земля передо мной начала сливаться в единое целое. Я уже не замечал отдельных веточек, листьев и травинок. Я лишь старался представить себе, что могло находиться в этом месте, а что – нет. И мне казалось, что предмет, которого не должно быть здесь, сразу же бросится мне в глаза.

Мы шли так минут десять. И ничего не нашли.

– Поменяемся местами? – предложила Саммер.

Мы так и сделали и зашагали дальше. Мы увидели миллионы тонн лесного хлама, и ничего больше. Армия поддерживает чистоту на своей территории. Еженедельный патруль, собирающий мусор, относится к своей работе с максимальной серьезностью. За колючей проволокой мы бы наткнулись на множество всяческого мусора. А внутри – ничего. Совсем ничего. Мы потратили еще десять минут, продвинувшись на триста ярдов, а потом остановились и вновь поменялись местами. Мы продолжали идти медленно, и я начал замерзать. Тем не менее я шагал, как маньяк, уставившись в землю.

Полторы мили – это 2640 ярдов. Я пришел к выводу, что первые и последние несколько сотен ярдов являются не самыми удачными местами для охоты. Сначала плохой парень думал только о том, чтобы побыстрее убраться с места преступления. Но по мере приближения к казармам он понял, что должен успокоиться и избавиться от всех улик. Так что нам стоило особенно тщательно осмотреть среднюю часть пути. Любой человек, обладающий здравым смыслом, остановился бы, чтобы немного отдышаться и все обдумать. Он бы открыл окно, чтобы впустить в машину прохладный ночной воздух. Я замедлил шаг и стал смотреть еще внимательнее, налево и направо, налево и направо. И ничего не заметил.

– На нем была кровь? – спросил я.

– Наверное, немного, – сказала Саммер, находившаяся справа от меня.

Я не повернул голову в ее сторону, продолжая осматривать землю.

– На перчатках, – добавила она. – Может быть, на туфлях.

– Меньше, чем он мог ожидать, – сказал я. – Если он не был врачом, то наверняка думал, что крови будет очень много.

– И что с того?

– В таком случае он не стал бы брать машину в гараже. Если он опасался перепачкать кровью машину, он не мог допустить, чтобы кто-то другой взял ее на следующий день.

– Значит, он был в своей машине и бросил баночку на заднее сиденье. И мы ничего здесь не найдем.

Я кивнул, но ничего не сказал. Мы пошли дальше.

Мы прочесали всю центральную часть, но ничего не нашли. Две тысячи ярдов прелых листьев, веток и травы, но ни одного предмета, сделанного рукой человека. Ни одного окурка, обрывка бумаги, ржавой консервной банки или пустой бутылки. Оставалось лишь снять шляпу перед энтузиазмом командира базы, который содержал ее территорию в такой чистоте. Однако мы испытали разочарование. Когда стали видны строения базы, мы остановились. Нам оставалось пройти триста ярдов.

– Я хочу вернуться и проверить среднюю часть, – сказал я.

– Хорошо, – ответила Саммер. – Поворот кругом.

Она повернулась, и мы еще раз поменялись местами. Мы решили, что будем проходить участки в триста ярдов так, чтобы каждый из нас двигался не тем путем, которым шел прежде. На то не было никаких серьезных причин, если не считать, что у нас были разные перспективы. Я был почти на фут выше, чем Саммер, и простая тригонометрия показывала, что я могу видеть на один фут дальше во всех направлениях. А она была ближе к земле и видела больше деталей.

Мы пошли обратно все тем же неспешным шагом.

Ничего на первом участке. Мы поменялись местами. Я зашагал в десяти футах от дороги. Смотрел налево и направо. Ветер дул нам в лицо, и глаза начали слезиться от холода. Я засунул руки в карманы.

Ничего и на втором участке. Мы вновь поменялись местами. Я шел в пяти футах от дороги, параллельно ей.

Ничего на третьем участке. Мы вновь поменялись местами. Я продолжал делать устные вычисления. До сих пор мы успели проверить

полосу шириной в 15 футов и длиной в 2340 ярдов. Получилось 11 700 квадратных ярдов, что немногим больше 2,4 акра. Почти два с половиной акра из ста тысяч. Шансы приблизительно один к сорока тысячам. Лучше, чем съездить в город и попытать удачу, купив лотерейный билет. Лучше, но ненамного.

Мы шли дальше. Ветер усилился, и нам стало еще холоднее. Мы ничего не видели.

А потом я кое-что заметил.

Это «кое-что» находилось далеко вправо от меня. Может быть, в двадцати футах. Не баночка от йогурта. Нечто другое. Я почти прошел мимо, потому что ничего интересного для нас просто не могло оказаться так далеко. Никакой легкий пластик с плохими аэродинамическими качествами не мог улететь так далеко от дороги, если его бросили из машины. Поэтому, когда мои глаза заметили этот предмет, мозг автоматически посчитал, что он меня не интересует.

А потом сработал чисто животный инстинкт.

Все дело в том, что предмет был похож на змею. Первобытная часть моего мозга прошептала: «Змея», – и я испытал страх, который помогал моим предкам выживать на древних ступенях эволюции. Все это промелькнуло в моем сознании за долю секунды. И я тут же прогнал страх. Современная, образованная часть моего мозга вступила в дело и сказала: «В январе тут не может быть никаких змей, дружище, слишком холодно». Я вздохнул, сделал шаг и остановился, чтобы оглянуться назад уже из чистого любопытства.

В пожухлой траве лежало нечто вытянутое и черное. Ремень? Садовый шланг? Однако он глубже провалился между коротких коричневых стеблей, чем могло бы провалиться нечто сделанное из кожи или резины. Странный предмет застрял между корней. Очевидно, он был тяжелым. Слишком тяжелым, чтобы случайно оказаться так далеко от колеи. Значит, это был металл. Литой, а не трубчатый. Нечто незнакомое. Военное оборудование редко имеет такой вид.

Я подошел поближе. Опустился на колени.

Это был ломик.

Выкрашенный в черный цвет ломик, один конец которого был испачкан засохшей кровью и волосами.

Я остался рядом с ним, а Саммер отправил за машиной. Должно быть, она бежала всю дорогу, поскольку вернулась раньше, чем я рассчитывал. Она слегка задыхалась.

– У нас есть пакеты для улик? – спросил я.

– Это не улика, – ответила Саммер. – Когда происходят несчастные случаи, улик не бывает.

– Я не собираюсь предъявлять ломик суду, – сказал я. – Просто не хочу к нему прикасаться, вот и все. Не хочу, чтобы на нем остались мои отпечатки. У Уилларда могут возникнуть нехорошие мысли.

Саммер заглянула в заднюю часть машины.

– Пакетов нет, – сказала она.

Я задумался. Обычно мы очень осторожно обращаемся с уликами, стараясь не оставлять на них своих отпечатков, волос и тканей, чтобы не направлять расследование на ложный путь. Если ты допустишь ошибку, прокурор может устроить тебе серьезные неприятности. Но сейчас мной руководили другие мотивы – мне приходилось принимать во внимание существование Уилларда. Если я допущу ошибку сейчас, меня могут посадить в тюрьму. У меня были средства, мотив и возможность, и если на оружии окажутся мои отпечатки… Это будет уже слишком. И если версия с несчастным случаем распадется, он ухватится за любую другую.

– Мы можем привести сюда специалиста, – сказала Саммер.

Она стояла у меня за спиной, и я ощущал ее присутствие.

– Нам нельзя привлекать к расследованию новых людей, – возразил я. – Я даже вас не хотел использовать.

Саммер подошла к ломику с другой стороны и присела на корточки. Потом отвела в сторону стебли травы, чтобы получше разглядеть ломик.

– Не прикасайтесь к нему, – предупредил я.

– Я и не собиралась, – ответила она.

Мы внимательно разглядывали оружие убийства. Это был обычный гвоздодер, выкованный из восьмигранного стального профиля. Новенький качественный инструмент. Он был покрыт блестящей черной краской, которую используют для автомобилей или катеров. По форме он чем-то напоминал альт-саксофон. Основная часть в три фута длиной слегка изогнута в форме буквы S, один конец немного закруглен, другой закруглен сильнее, как у буквы J. Каждый конец был расплющен и разделен на два зубца, что позволяло выдирать гвозди из деревянных поверхностей. Все линии были плавными и законченными – простой и жутковатый инструмент.

– Едва ли им часто пользовались, – заметила Саммер.

– Им вообще не пользовались, – уточнил я. – По крайней мере, для обычных работ.

Я встал.

– Нам не обязательно снимать с него отпечатки. Мы можем с уверенностью предположить, что преступник был в перчатках, когда выбрасывал ломик.

Саммер тоже поднялась на ноги.

– И нам не нужно определять группу крови, – сказала она. – Нет никаких сомнений, что кровь принадлежит Карбону.

Я ничего не ответил.

– Мы можем просто оставить ломик здесь, – предложила Саммер.

– Нет, ни в коем случае.

Я наклонился и стал развязывать правый ботинок. Вытащив шнурок, я завязал рифовым узлом его концы. У меня получилась петля диаметром пятнадцать дюймов. Я протащил петлю под ломиком и тут же поднял его, словно рыболов, гордящийся своей добычей.

– Пошли, – сказал я.

Прихрамывая, стараясь не потерять правый ботинок, я подошел к пассажирскому сиденью. Аккуратно уложил ломик на пол, чтобы не наступить на него ногой. Усевшись рядом с коробкой передач, я постарался убрать ноги подальше от ломика.

– Куда теперь? – спросила Саммер.

– В морг, – ответил я.

Я рассчитывал, что патологоанатом и его ассистенты ушли завтракать, но ошибся. Они все еще работали. С патологоанатомом мы столкнулись в вестибюле. Он куда-то спешил, держа в руке папку. Он посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на наш трофей, болтающийся на шнурке. Ему потребовалось полсекунды, чтобы понять, что это такое, и еще полсекунды, чтобы сообразить: мы все попали в крайне неудобное положение.

– Мы можем зайти позднее, – предложил я и закончил про себя: «Когда вас здесь не будет».

– Нет, – возразил он. – Давайте зайдем в мой кабинет.

Он пошел вперед. Я смотрел ему вслед. Невысокий смуглый человек с короткими ногами, деловитый и компетентный, немного старше меня. Он казался симпатичным. И я предположил, что он неглуп. Медики вообще редко бывают глупыми. Им нужно изучить множество самых разных сложных наук, прежде чем они становятся врачами. И еще я подумал, что он не склонен к нарушениям этики. Мой опыт подсказывал, что среди медиков редко встречаются люди, лишенные морали. Они в душе ученые, а ученые обычно сохраняют искренний интерес к фактам и правде. В любом случае, им присуще любопытство. Все это позитивные факторы, поскольку отношение этого парня к происходящему могло иметь далеко идущие последствия. Он мог спокойно отойти в сторону или заложить нас – ему достаточно сделать один телефонный звонок.

Его кабинет оказался простой квадратной комнатой с металлическим письменным столом и шкафами, в которых, прижимаясь друг к другу, стояли папки с документами. Здесь вообще было тесновато. На стенах висели дипломы в рамках. На полках – множество книг и учебников. Однако я не увидел сосудов с образцами или прозрачных банок с формальдегидом, содержащих что-нибудь малоприятное. Это вполне мог быть кабинет армейского юриста, вот только дипломы были из медицинских, а не юридических университетов.

Доктор сел на свой вертящийся стул. Положил папку на стол. Саммер закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Я остался стоять посреди кабинета, держа раскачивающийся на шнурке ломик. Мы посмотрели друг на друга. Каждый ждал, кто сделает первый ход.

– Карбон погиб в результате несчастного случая, – сказал патологоанатом, словно продвинул пешку на два поля вперед.

– Несомненно, – ответил я, двигая свою пешку.

– Я рад, что тут нет никаких сомнений, – сказал он.

Однако в его голосе слышалось: «Неужели вы способны поверить в такое дерьмо?»

Я услышал, как вздохнула Саммер: мы обзавелись союзником. Однако наш союзник предпочитал сохранять дистанцию. Очевидно, он хотел спрятаться за игрой в шарады. И я не мог его винить. Ему предстояло служить еще много лет, ведь армия помогла ему получить замечательное образование. Вот почему он держался так осторожно. Вот почему нам следовало уважать желания нашего нового союзника.

– Карбон упал и разбил голову, – сказал я. – Дело закрыто. В чистом виде несчастный случай, тут всем можно только посочувствовать.

– Но?

Я слегка приподнял ломик.

– У меня сложилось впечатление, что он ударился головой об эту штуку.

– Три раза?

– Возможно, он подпрыгнул. Возможно, под палой листвой лежали сучья и земля спружинила, как батут.

Патологоанатом кивнул:

– Да, в это время года земля может обладать подобными свойствами.

– Летальными свойствами, – добавил я, опуская ломик.

Теперь мне оставалось только ждать.

– Почему вы принесли это сюда? – спросил он.

– Может возникнуть вопрос о неосторожности пострадавшего, приведшей к несчастному случаю, – сказал я. – Тот, кто оставил данный предмет валяться на земле, заслуживает выговора.

Патологоанатом снова кивнул:

– Разбрасывание мусора – это серьезное нарушение устава.

– Особенно в нашей армии, – подхватил я.

– Чего вы хотите от меня?

– Ничего, – сказал я. – Мы просто хотим вам помочь, вот и все. Поскольку дело закрыто, зачем вам забивать свой кабинет гипсовыми слепками раны? Мы решили, что можем выбросить их на помойку – за вас.

Он кивнул в третий раз.

– Да, вы вполне можете это сделать, чтобы сэкономить мне время.

Какое-то время все молчали. Наконец патологоанатом отложил папку в сторону, выдвинул ящик письменного стола, вытащил оттуда несколько чистых листов бумаги и с полдюжины предметных стекол микроскопа.

– Кажется, эта штука довольно тяжелая, – сказал он мне.

– Так и есть, – ответил я.

– Может быть, вам следует положить ее сюда. Чтобы вы могли немного отдохнуть.

– Это медицинский совет?

– Вы ведь не хотите повредить связки?

– И куда мне это положить?

– На любую горизонтальную поверхность.

Я шагнул вперед и осторожно положил ломик на стол, поверх листов бумаги и предметных стекол. Потом я вытащил шнурок, развязал узел, присел на корточки, вдел шнурок обратно в правый ботинок и аккуратно завязал узел. Между тем патологоанатом провел предметным стеклышком по тому концу ломика, который был испачкан кровью и прилипшими волосами.

– Проклятье! – пробормотал он. – Я испачкал стеклышки. Какая небрежность с моей стороны!

Затем он повторил ту же ошибку с оставшимися пятью стеклышками.

– Нас интересуют отпечатки? – спросил он.

Я покачал головой.

– Мы предполагаем, что виновник был в перчатках.

– И все же следует проверить. Неосторожность пострадавшего, приведшая к несчастному случаю, – дело серьезное.

Он открыл другой ящик стола, вытащил из коробки перчатку из латекса и натянул на руку. Над столом поднялось маленькое облачко талька. Патологоанатом взял ломик и вынес его из кабинета.

Он вернулся меньше чем через десять минут. Перчатку он так и не снял. Ломик был тщательно вымыт, черная краска блестела. Инструмент выглядел совершенно новым.

– Отпечатков нет, – сказал патологоанатом.

Он положил ломик на свой стул и вытащил из ящика письменного стола обычную коричневую картонную коробку. Открыв ее, он вынул оттуда два белых гипсовых слепка. Оба длиной в шесть дюймов, и на обоих черными чернилами написано: «Карбон». Один был позитивом (он получился, когда гипс приложили к ране), а другой – негативом (второй слепок сделали из первого). Негатив показывал форму раны, оставленной оружием, а позитив – форму оружия.

Патологоанатом положил позитив на стул рядом с ломиком. Выровнял их так, чтобы они легли параллельно друг другу. Слепок имел длину примерно в шесть дюймов. Он был белым, и его покрывали маленькие

впадинки, но в остальном он совпадал с черным металлом. Полная идентичность. Та же часть, та же толщина, те же контуры.

Потом патологоанатом положил негатив на стол. Он был немного больше, чем позитив, и несколько менее аккуратным. Точная копия разбитого затылка Карбона. Доктор взял в руки ломик. Взвесил его в руке. Поднял и очень медленно опустил один раз, имитируя первый удар, а потом повторил свои действия. Наконец он произвел имитацию третьего удара, коснувшись слепка. Третий и последний удар оставил наиболее точный след. Четкая борозда длиной в три четверти дюйма в гипсе, ломик идеально в нее входил.

– Я проверю кровь и волосы, – сказал патологоанатом. – Впрочем, мы все знаем, каким будет результат.

Он вытащил ломик и еще раз опустил его вниз. И вновь инструмент четко вошел в слепок. Доктор вытащил ломик и покачал его на ладонях, словно взвешивая оружие. Потом взял его за более ровный конец и взмахнул им как битой, словно пытаясь попасть по высоко подброшенному мячу. Он вновь взмахнул ломиком, уже сильнее, – получился короткий резкий удар. Ломик казался слишком большим в его руках. Большим и тяжеловатым для него.

– Очень сильный человек, – сказал патологоанатом. – Большой замах. Крупный высокий человек, правша, в хорошей физической форме. Впрочем, под это описание подходят многие люди с базы.

– Там не было никакого человека, – возразил я. – Карбон упал и ударился головой.

Доктор улыбнулся, продолжая раскачивать на ладонях ломик.

– Он по-своему красив, – сказал он. – Звучит странно, да?

Я понимал, что он имеет в виду. Это был хороший кусок стали, в котором не было ничего лишнего. Как в кольте «детектив спешиал», или ноже морской пехоты, или таракане.

Патологоанатом спрятал ломик в длинный стальной шкафчик. Когда он задвинул ящик, металл негромко загудел.

– Пусть он останется у меня, – сказал патологоанатом. – Если вы не против. Так будет безопаснее.

– Хорошо, – сказал я.

– Вы правша? – спросил он.

– Да, – ответил я.

– Полковник Уиллард сказал мне, что это ваших рук дело, – сообщил врач. – Однако я ему не поверил.

– Почему?

– Вы удивились, увидев, кто это такой, когда я повернул его лицом к вам. Я четко зафиксировал вашу реакцию. Такие вещи невозможно имитировать.

– Вы сказали об этом Уилларду?

Он кивнул.

– Ему это не понравилось. Впрочем, мои слова не изменили его отношения. Я уверен, что он уже придумал соответствующую теорию.

– Я буду осторожен, – пообещал я.

– Ко мне заходили сержанты из группы «Дельта». Появились кое-какие слухи. Мне кажется, вам необходимо проявлять максимальную осторожность.

– Я непременно последую вашему совету, – сказал я.

– И правильно сделаете, – сказал патологоанатом.

Мы с Саммер вернулись в «хаммер». Она запустила двигатель, включила сцепление, но не сняла ногу с педали тормоза.

– К начальнику снабжения, – сказал я.

– Ломик не военного производства, – заметила Саммер.

– Он выглядит дорогим, – возразил я. – Таким дорогим, что может принадлежать Пентагону.

– Но тогда он был бы зеленым.

– Да, пожалуй, – согласился я. – Но нужно проверить. Рано или поздно нам потребуется привести все факты в систему.

Она сняла ногу с педали тормоза, и мы поехали к зданию, где работал интендант. Саммер пробыла в Бэрде гораздо дольше, чем я, и хорошо разбиралась, где находятся разные службы. Она припарковалась возле здания склада. Я знал, что внутри находится длинная стойка, за которой расположены обширные складские помещения с надписью: «Вход воспрещен». Там имелись огромные тюки с одеждой, шины, одеяла, комплекты столовых принадлежностей, шанцевый инструмент и самое разное оборудование.

Мы вошли и обнаружили за стойкой молодого парня в новенькой полевой форме. Это был веселый, пышущий здоровьем деревенский парнишка. Казалось, он работает в скобяной лавке отца и вполне доволен жизнью. Он был полон энтузиазма. Я сказал, что нас интересует строительное оборудование. Солдат вытащил справочник размером с восемь телефонных книг и отыскал нужный раздел. Я попросил его найти списки ломиков. Он лизнул палец, перевернул несколько страниц и нашел два подходящих места: «Ломы, общего назначения, длинные, с зубцами на одном конце» и «Ломы, общего назначения, короткие, с зубцами на обоих концах». Я попросил его показать образец последнего вида.

Он скрылся за рядами полок. Мы ждали. Вдыхали характерный запах старой пыли, новой резины и саржи. Солдат вернулся минут через пять с ломиком армейского образца и положил его на стойку перед нами. Саммер оказалась права. Ломик был выкрашен в зеленый цвет и не имел ничего общего с тем, что мы оставили в кабинете патологоанатома. На шесть дюймов короче, немного тоньше, и форма другая. Ломик являлся образцом военной инженерной мысли. Много лет назад был сформирован подкомитет с участием экспертов из строительных батальонов. Они обсудили размеры, вес и продолжительность службы самых разных инструментов. Рассмотрели возможные сферы их использования. Изучили проблемы, связанные с усталостью металла. Учли хрупкость металла в условиях суровой европейской зимы, а также податливость металла при жаре на экваторе. Затем сделали чертежи и объявили тендер. Заводы от Пенсильвании до Алабамы соревновались за право получить заказ. Были созданы образцы. Образцы прошли тщательное тестирование. В результате объявили победителя, выбрали краску, все параметры изделия тщательно запротоколировали. А потом об этих ломиках навсегда забыли. Однако продукт, получившийся в результате долгих подготовительных месяцев, армия будет получать тысячами единиц в год, нужен он ей или нет.

– Спасибо, солдат, – сказал я.

– Вы возьмете его с собой? – спросил он.

– Нет, мы только хотели посмотреть, – ответил я.

Мы вернулись в мой кабинет. Впереди был еще целый рабочий день, а мне нечем было заняться. Пока что новое десятилетие не слишком меня радовало. Но и горячим приверженцем девяностых годов я тоже не стал, хотя с той поры прошло уже шесть дней.

– Вы собираетесь написать отчет о несчастном случае? – спросила Саммер.

– Для Уилларда? Пока что нет.

– Он будет ждать его сегодня.

– Я знаю, – кивнул я. – Но я хочу, чтобы он еще раз обратился ко мне.

– Зачем?

– Наверное, все дело в том, что общение с ним завораживает. Вроде как смотреть на червей, ползающих по трупу.

– По трупу чего?

– Моего энтузиазма, заставляющего меня вставать по утрам.

– Одно гнилое яблоко еще ничего не значит, – сказала Саммер.

– Может быть, – ответил я. – Если оно одно.

Она промолчала.

– Ломики, – продолжил я. – У нас два разных дела, связанных с ломиками, а я не люблю совпадений. Однако я не вижу связи между этими делами. Нет никакой возможности слепить из них нечто целое. Карбон находился в миллионе миль от миссис Крамер во всех возможных смыслах. Они жили в совершенно разных мирах.

– Вассель и Кумер объединили эти миры, – заметила Саммер. – Их интересовало то, что могло находиться в доме миссис Крамер, и они были в Бэрде в ту ночь, когда убили Карбона.

– Именно это и сводит меня с ума, – сказал я. – Превосходная связь, но на самом деле ее нет. Они один раз позвонили в округ Колумбия, но находились слишком далеко от Грин-Вэлли, чтобы самим что-то сделать с миссис Крамер, а из отеля они никому не звонили. Потом они оказались здесь в ту ночь, когда убили Карбона, но оставались в офицерском клубе и ели мясо и рыбу, что могут подтвердить дюжины свидетелей.

– Когда они появились здесь в первый раз, с ними был шофер. Майор Маршалл, помните? Но во второй раз они приехали без него. Вроде как с секретной миссией.

– Нет ничего секретного в посещении бара офицерского клуба с последующим ужином. Всю ночь они находились на глазах у множества людей.

– Но почему они не взяли с собой шофера? Почему приехали вдвоем? Полагаю, Маршалл был с ними на похоронах. Но они решили проделать триста миль без него. А потом еще триста миль обратно.

– Может быть, Маршалл был чем-то занят, – предположил я.

– Он их любимчик, – возразила Саммер. – Он свободен всегда, когда им нужен.

– Но зачем они вообще сюда приехали? Слишком долгий путь ради обычного ужина.

– Они приехали за портфелем, Ричер. Нортон ошибается. По-другому быть не может. Кто-то отдал им портфель. И они с ним уехали.

– Не думаю, что Нортон ошиблась. Она меня убедила.

– Может быть, они получили портфель на стоянке. Нортон могла этого не видеть. Вряд ли она выходила на холод, чтобы помахать им рукой. Однако портфель наверняка у них. Иначе почему они со спокойным сердцем улетели в Германию?

– Просто они поставили на этом деле крест. Они не могли оставаться здесь вечно. В Германии их ждет борьба за место Крамера.

Саммер ничего не ответила.

– Так или иначе, но тут нет никакой связи, – сказал я.

– Наш мир полон случайностей.

Я кивнул.

– Таким образом, они отходят на второй план. Главным для нас остается Карбон.

– Мы вновь отправимся на поиски баночки от йогурта?

Я покачал головой.

– Она осталась в машине или была выброшена в мусорный бак.

– Нам бы она пригодилась.

– Теперь мы можем работать с ломиком. Он совсем новый. Скорее всего, его купили недавно, как и йогурт.

– У нас нет ресурсов.

– Нам поможет детектив Кларк из Грин-Вэлли. Он уже ищет свой ломик. Наверняка начал прочесывать скобяные лавки. Мы лишь попросим его расширить радиус и временные границы поисков.

– Но для него это серьезная дополнительная работа, – заметила Саммер.

– Мы должны кое-что предложить ему в обмен. Скажем, что работаем над делом, которое может ему помочь.

– Например?

Я улыбнулся.

– Мы смошенничаем. Назовем ему имя Андреа Нортон. Пусть узнает на своей шкуре, какая мы семья.

Я позвонил детективу Кларку, однако не стал называть имя Андреа Нортон. Вместо этого я несколько раз солгал. Я сказал, что вспомнил, как выглядели следы взлома на дверях миссис Крамер, сопоставил их с раной у нее на голове и пришел к выводу, что преступник орудовал ломиком. Потом я добавил, что в последнее время на Восточном побережье участились случаи взлома военных учреждений при помощи ломиков, и попросил его проделать дополнительную работу – ведь он наверняка пытается отыскать орудие убийства, которое использовали в Грин-Вэлли. Он выжидательно молчал, и тогда я рассказал ему, что у военного интенданта сейчас нет ломиков подходящего вида, а потому я убежден, что наши грабители покупают ломики в обычных магазинах. Потом я навесил ему лапши на уши – мол, зачем нам делать двойную работу, если у нас наметилась многообещающая линия расследования. Кларк продолжал молчать, как любой другой полицейский на его месте, рассчитывающий получить quid pro quo.[18] И я пообещал, что, как только у нас появится имя или данные на предполагаемого преступника, он сразу же все узнает. Кларк, уже отчаявшийся пробить эту каменную стену, тут же оживился и спросил, что именно меня интересует. Я ответил, что нам бы очень помогло, если бы он расширил зону своих поисков до трехсотмильного радиуса вокруг Грин-Вэлли и проверил все магазины скобяных товаров, начиная с сочельника и по четвертое января.

– А в чем состоит ваша многообещающая линия расследования? – спросил он.

– Не исключено, что дело миссис Крамер как-то связано с военными. Возможно, мы преподнесем вам преступника на тарелочке.

– Я бы не возражал.

– Тогда давайте сотрудничать, – сказал я. – Поможем миру вращаться.

– Идет, – ответил он.

У него был довольный голос: он получил все, что хотел. Кларк обещал расширить сферу поисков и держать меня в курсе. Я повесил трубку, и телефон тут же зазвонил. Я вновь поднял трубку и услышал женский голос. Он звучал тепло и задушевно, с легким южным акцентом. Мне назвали ряд чисел: 10–33, 10–16 из ВП Форт-Джексона, что означало: «Пожалуйста, будьте готовы принять звонок по защищенной линии от

вашего коллеги из Южной Каролины». Я ждал, держа трубку около уха и слушая электронные шорохи. Потом раздался громкий щелчок, и мой коллега из Южной Каролины сообщил, что полковник Дэвид К. Брубейкер, командир отряда специального назначения Форт-Бэрда, найден сегодня утром с двумя пулями в голове в переулке бедного района города Колумбия, штат Южная Каролина, то есть в двухстах милях от отеля с полем для гольфа в Северной Каролине, где Брубейкер проводил свой отпуск с женой. Медики утверждают, что он мертв уже день или даже два.

Глава 14

Моего коллегу из Джексона звали Санчес. Я неплохо его знал, и он мне всегда нравился. Он был умен и хорошо знал свое дело. Я включил громкую связь, чтобы Саммер могла принять участие в нашем разговоре, и мы коротко и без особого энтузиазма обсудили вопросы юрисдикции. Юрисдикция всегда оставалась серой зоной, и мы с самого начала знали, что обречены на поражение. Брубейкер находился в отпуске, он был одет в гражданское, его нашли в переулке, а потому расследованием будет заниматься полицейский участок Колумбии. С этим ничего нельзя было поделать. Полицейский участок Колумбии поставит в известность ФБР, поскольку в последнее время Брубейкер жил в отеле в Северной Каролине, что давало возможность говорить об убийстве, связанном с двумя штатами. Такие дела автоматически попадают на стол руководства ФБР.

Кроме того, все армейские офицеры являются федеральными служащими, а убийство федерального служащего считается особым преступлением, что дает возможность предъявить преступнику дополнительные обвинения, если его каким-то чудом удается поймать. Ни Санчеса, ни меня, ни Саммер совершенно не волновали различия между судами штата и федеральными судами, но мы все знали, что если ФБР начнет свое расследование, то нас сразу же отстранят. В самом лучшем случае мы могли бы рассчитывать лишь на то, что со временем нам пришлют какие-нибудь документы для ознакомления, да и то исключительно из любезности. Саммер скорчила гримасу и отвернулась. Я отключил громкую связь и дальше разговаривал только с Санчесом.

– Есть какие-то соображения? – спросил я.

– Он знал убийцу, – ответил Санчес. – Очень трудно застать врасплох солдата «Дельты», а тем более такого хорошего, как Брубейкер.

– Оружие?

– Медики пришли к выводу, что это пистолет калибра девять миллиметров. А они знают свое дело. Они видели множество

огнестрельных ранений. Судя по всему, по пятницам и субботам им приходится регулярно выезжать в эту часть города.

– Как он там оказался?

– Понятия не имею. Очевидно, с кем-то встречался. С тем, кого знал.

– Когда примерно это произошло?

– Тело успело остыть, кожа слегка позеленела, трупное окоченение полное. Они называют промежуток от двадцати четырех до сорока восьми часов. Истина, скорее всего, где-то посередине. Скажем, позапрошлой ночью. От трех до четырех утра. Мусорщики обнаружили его сегодня в десять часов утра. Они производят смену баков раз в неделю.

– Где ты был двадцать восьмого декабря?

– В Корее. А ты?

– В Панаме.

– Почему нас перевели?

– Я все еще надеюсь узнать, – ответил я.

– Происходит нечто странное, – сказал Санчес. – Из чистого любопытства я решил проверить и выяснил, что по всему миру в аналогичном положении оказалось более двадцати человек из наших. И на всех бумагах стоит подпись Гарбера, но мне кажется, что он ее не ставил.

– Я в этом уверен, – сказал я. – А у вас что-нибудь происходило до убийства Брубейкера?

– Ничего особенного. Неделя выдалась на удивление спокойной.

Мы повесили трубки. Какое-то время я сидел молча. По моим представлениям, Колумбия расположена в двухстах милях от Форт-Бэрда. Нужно двигаться на юго-запад по шоссе, пересечь границу штата, найти автостраду I-20, ведущую на запад, проехать еще немного, и ты на месте. Около двухсот миль. Позапрошлой ночью мы нашли тело Карбона. Я вышел из кабинета Андреа Нортон незадолго до двух часов ночи. Она может дать мне алиби до этого времени. Потом я появился в морге в семь часов, чтобы присутствовать на вскрытии. Это может подтвердить патологоанатом. Таким образом, у меня есть два независимых свидетеля. Однако с двух часов и до семи остается пять часов – предположительно Брубейкера убили где-то в середине этого промежутка. Мог ли я проехать двести миль туда и двести обратно за пять часов?

– В чем дело? – спросила Саммер.

– Парни из «Дельты» уже подозревают меня в убийстве Карбона. А теперь, боюсь, повесят на меня и смерть Брубейкера. Можно ли проехать четыреста миль за пять часов?

– Наверное, я сумела бы это сделать, – сказала она. – При средней скорости восемьдесят миль в час. Конечно, тут многое зависит от машины, качества дороги, плотности движения и полицейских. Вообще это возможно.

– Замечательно.

– Но на пределе возможностей.

– И очень хорошо. Убийство Брубейкера будет для них равносильно убийству бога.

– Вы намерены сообщить им эту новость?

Я кивнул.

– Думаю, это мой долг. Вопрос уважения. А вы сообщите командиру базы, хорошо?

Адъютант отряда специального назначения был настоящей задницей, но и он оказался человеком. Он застыл и сильно побледнел, когда я рассказал ему о Брубейкере, и за его реакцией таилось нечто большее, чем огорчение из-за бюрократических неприятностей. Я знал, что Брубейкер считался суровым, холодным командиром, но он всегда заботился о каждом солдате в отдельности и обо всем подразделении в целом. И являлся символом своей части. Отряд специального назначения не пользовался особой любовью в Пентагоне и на Капитолийском холме. Армия ненавидит перемены и очень долго привыкает к новшествам. С самого начала мысль о сборной команде охотников и убийц вызывала большие сомнения, но Брубейкер был одним из тех, кто сумел пробить эту идею и с тех пор постоянно ее поддерживал. Его смерть будет такой же потерей для отряда специального назначения, как смерть президента для всей нации.

– Смерть Карбона была серьезным ударом для нас, – сказал адъютант. – Но в это вообще невозможно поверить. Здесь есть какая-то связь?

Я посмотрел на него.

– Какая здесь может быть связь? Карбон погиб в результате несчастного случая.

Он ничего не сказал.

– Как Брубейкер оказался в том отеле? – спросил я.

– Он любит играть в гольф. У него дом возле Брэга, но ему нравится играть в гольф именно там.

– Где находится отель?

– Возле Роли.

– Брубейкер часто туда ездил?

– Всякий раз, как только появлялась возможность.

– А его жена играет в гольф?

– Они играют вместе, – ответил адъютант и после паузы произнес: – Играли.

Он замолчал и отвернулся.

Я представил Брубейкера. Мы никогда не встречались, но я знал, что он многим нравился. Сегодня они обсуждали, как поставить мину «клеймор»,[19] чтобы осколки вылетели под углом, обеспечивающим максимальное поражение противника. А на следующий день надевали синие рубашки с маленьким крокодильчиком на груди и играли в гольф со своими женами, держались с ними за руки и улыбались, разъезжая по полю на маленьких электрических автомобильчиках. Я знал немало таких парней. Мой отец был одним из них. Впрочем, он никогда не играл в гольф. Он наблюдал за птицами. Отец успел побывать почти во всех странах мира и видел множество разных птиц.

Я встал.

– Позвоните мне, если я понадоблюсь, – сказал я. – Ну, вы понимаете, если я что-то смогу для вас сделать.

Адъютант кивнул.

– Спасибо за визит. Лучше так, чем по телефону, – сказал он на прощание.

Я вернулся в свой кабинет. Саммер ушла. Я потратил больше часа на изучение составленных ею списков персонала. Потом решил пойти кратчайшим путем и вычеркнул из списка патологоанатома, Саммер и Андреа Нортон. Затем исключил всех женщин. Медики дали однозначную информацию относительно роста и силы преступника. Персонал офицерского клуба тоже не годился в подозреваемые. Их командир сказал, что все они были заняты работой, обслуживали гостей. Я отбросил поваров и барменов, а также стоящих на часах военных

полицейских. Я исключил всех, кто находился в госпитале. Я исключил себя. Исключил Карбона, поскольку он не кончал жизнь самоубийством.

Затем я сосчитал оставшихся подозреваемых и записал число 973 на листке бумаги. Я сидел и смотрел в пространство. Зазвонил телефон. Я взял трубку. Это снова был Санчес из Форт-Джексона.

– Мне только что позвонили из военной полиции Колумбии, – сказал он. – Они сообщили, что им удалось узнать.

– И?

– Их медицинский эксперт не совсем со мной согласен. Смерть наступила значительно раньше. Брубейкер был убит в один час двадцать три минуты позапрошлой ночью.

– Это очень точное время.

– Пуля попала в часы.

– Сломанные часы? Ну, на такие вещи нельзя полностью полагаться.

– Нет, они уверены, поскольку проделали много других тестов. Сейчас неподходящее время для оценки активности насекомых, что могло бы помочь, но содержимое желудка показывает, что смерть наступила через пять или шесть часов после плотного обеда.

– А что говорит его жена?

– Он исчез в восемь часов после плотного обеда. Вышел из-за стола и больше не вернулся.

– И что она стала делать?

– Ничего, – ответил Санчес. – Он служил в отряде специального назначения. Постоянно исчезал без предупреждения, посреди обеда, посреди ночи, на несколько дней или недель и никогда не объяснял, где был все это время. Она привыкла.

– Он говорил с кем-нибудь по телефону?

– Жена предполагает, что телефонный разговор был. Однако она не уверена. До обеда они побывали на поле для гольфа. Успели пройти двадцать семь лунок.

– Ты можешь позвонить ей сам? Она будет с тобой более откровенна, чем с обычными полицейскими.

– Пожалуй, я могу попытаться.

– Что-нибудь еще? – спросил я.

– Обе пули калибра девять миллиметров, аккуратные входные отверстия и жуткие выходные.

– Пуля с цельнометаллической оболочкой, – сказал я.

– Стреляли в упор, – добавил Санчес. – Остались следы ожогов. И сажи.

Я помолчал. Мне трудно было представить это. Два выстрела? В упор? Значит, одна из пуль проходит насквозь, делает петлю, возвращается обратно и разбивает наручные часы?

– Он поднял руки к голове?

– В него стреляли со спины, Ричер. Дважды в затылок. Бэнг, бэнг, спасибо и спокойной ночи. Вероятно, вторая пуля пробила голову и попала в часы. Нисходящая траектория. Высокий стрелок.

После паузы Санчес спросил:

– Насколько это вероятно? Ты его хорошо знал?

– Мы никогда не встречались, – ответил я.

– Он был знатоком своего дела. Настоящим профессионалом. И он умел думать, умел использовать все обстоятельства в свою пользу.

– Однако позволил выстрелить себе в затылок?

– Он знал убийцу, это точно. Не мог не знать. Иначе он не повернулся бы к нему спиной, да еще ночью, в темном переулке.

– Ты проверяешь людей из Джексона?

– Их слишком много.

– Расскажи мне об этом.

– У него были враги в Бэрде?

– Если и были, то мне они неизвестны, – ответил я. – Однако он имел врагов среди командного состава.

– Эти типы не назначают встречи посреди ночи в темных переулках.

– А где расположен переулок?

– Не в самой тихой части города.

– Может быть, кто-то что-то слышал?

– Никто и ничего, – ответил Санчес. – Полицейский участок Колумбии провел тщательное расследование, но ничего не сумел обнаружить.

– Это очень странно.

– Они гражданские. Что с них возьмешь?

Он замолчал.

– Ты уже встречался с Уиллардом? – спросил я.

– Он на пути сюда. Похоже, еще тот подонок.

– А как выглядит переулок?

– Шлюхи и продавцы наркотиков. Едва ли отцы города Колумбия напишут о подобных достопримечательностях в туристических брошюрах.

– Уиллард не любит попадать в затруднительные положения, – сказал я. – Его тревожит репутация.

– Репутация Колумбии? Какое ему до нее дело?

– Репутация армии, – сказал я. – Он не захочет, чтобы имя Брубейкера, полковника элитарной военной части, упоминалось вместе со шлюхами и продавцами наркотиков. Уиллард полагает, что Советы готовы пойти в наступление. Он считает, что нам сейчас важно быть на высоте. Только он способен видеть общую картину.

– Общая картина состоит в том, что я в любом случае не буду допущен к расследованию этого дела. А какое влияние он может оказать на полицейский участок Колумбии и на ФБР? Ведь ему придется иметь дело именно с ними.

– Будь готов к любым неприятностям, – посоветовал я.

– Нам предстоит семь тощих лет?

– Гораздо меньше.

– Откуда такая уверенность?

– Интуиция подсказывает, – ответил я.

– Тебя устроит, если я буду иметь с ними дело сам, или ты предпочитаешь, чтобы они звонили тебе? С формальной точки зрения Брубейкер служил в твоей части.

– Будет лучше, если этим займешься ты. У меня полно других забот, – сказал я.

Мы закончили разговор, и я вернулся к спискам Саммер. Девятьсот семьдесят три человека. Девятьсот семьдесят два невиновных и один преступник. Но кто именно?

Через час Саммер вернулась. Она вошла и протянула мне лист бумаги. Это была фотокопия запроса, сделанного сержантом первого класса Кристофером Карбоном четыре месяца назад. Он заказал пистолет «Хеклер и Кох П-7». Возможно, ему нравились автоматы «хеклер-кох», которыми пользовалась «Дельта», а потому он захотел иметь пистолет П-7. Он попросил, чтобы пистолет стрелял стандартными девятимиллиметровыми пулями от «парабеллума». И еще заказал четыре обоймы на 13 пуль. Самый обычный запрос, и я не сомневался, что он был удовлетворен. Тут не могло возникнуть проблем с допуском. «Хеклер-кох» использовался в немецкой армии, а Германия, насколько мне известно, состояла в НАТО. Речи о несовместимости тоже идти не могло. Девятимиллиметровые пули «парабеллум» являются стандартным снаряжением НАТО. Армия США вряд ли страдает от их недостатка. На наших складах полно таких пуль. Мы можем наполнять обоймы на тринадцать патронов миллион раз в день, каждый день до скончания времен.

– И что с того? – спросил я.

– Посмотрите на подпись, – предложила Саммер.

Она вытащила мою копию жалобы Карбона из внутреннего кармана и протянула мне. Я положил ее на стол рядом с запросом Карбона. Сравнил их.

Подписи были идентичными.

– Мы не эксперты по почеркам, – сказал я.

– Это и не нужно. Они совпадают, Ричер, поверьте мне.

Я кивнул. Оба раза было написано: «К. Карбон», и все четыре прописные буквы «К» имели характерное написание – удлиненные, с завитушками. Да и строчные буквы были одинаковыми. Подпись в целом была сделана быстро и уверенно. Четкая, гордая подпись, отработанная за долгие годы. Я знал, что любую подпись можно подделать, но в данном случае это было бы очень непросто. А тем более ночью на базе в Северной Каролине.

– Ладно, – не стал спорить я, – жалоба подлинная.

Я оставил ее на столе. Саммер перевернула ее и прочитала, хотя уже наверняка делала это не раз.

– Написано совершенно хладнокровно. Напоминает удар ножом в спину, – заметила она.

– Странно, – задумчиво сказал я. – Мы с этим парнем никогда прежде не встречались. Тут у меня нет ни малейших сомнений. И он служил в «Дельте». Едва ли среди них есть люди, склонные к пацифизму. Почему он принял мое нападение так близко к сердцу? Я ведь сломал не его ногу.

– Возможно, в этом было что-то личное. Толстый тип мог быть его другом.

Я покачал головой:

– Тогда бы он вмешался и остановил драку.

– За шестнадцать лет службы он ни разу не писал жалоб.

– Вы беседовали с людьми? – спросил я.

– С разными. С теми, кто находится здесь, а также по телефону с людьми в самых дальних уголках.

– Вы были осторожны?

– Очень. И это единственная жалоба, поданная на вас.

– Вы и это проверили?

– Вплоть до того времени, когда собака бога еще была щенком, – подтвердила Саммер.

– Вы хотели понять, каким человеком был Карбон?

– Нет, я хотела показать парням из «Дельты», что у вас с Карбоном нет ничего общего.

– Теперь вы защищаете меня?

– Ну, кто-то должен это сделать. Я только что там побывала, и они в ярости.

«Из-за Брубейкера».

– Не сомневаюсь, – сказал я.

Я представил себе их уединенную тюремную казарму, которая поначалу предназначалась для того, чтобы держать людей внутри, потом – для того, чтобы не пускать туда чужаков, а теперь она, как автоклав, сдерживает кипящие внутри страсти команды «Дельта». Я представил себе кабинет Брубейкера, тихий и пустой. И комнату Карбона.

– И где же новый П-семь Карбона? – спросил я. – Я не нашел пистолета в его комнате.

– В оружейной, – ответила Саммер. – Вычищен, смазан и заряжен. Они постоянно проверяют личное оружие. У них есть клетка внутри ангара. Вам бы следовало взглянуть на это место. Напоминает пещеру Санта-Клауса. Бронированные «хаммеры», стоящие от стены до стены, грузовики, взрывчатка, гранатометы, противопехотные мины, приборы ночного видения. Они могли бы полностью вооружить диктатуру в Центральной Африке.

– Звучит вдохновляюще, – заметил я.

– Извините, – вздохнула Саммер.

– Почему он написал жалобу?

– Не знаю, – ответила она.

Я представил себе Карбона в стрип-клубе в новогоднюю ночь. Я вошел и увидел группу из четырех мужчин – тогда я посчитал, что это сержанты. Толпа оттеснила троих в сторону, а четвертый оказался рядом со мной. Я не знал, кто окажется в клубе, а они не могли предполагать, что я туда заявлюсь. Прежде я никогда не встречал ни одного из них. Я заговорил с Карбоном совершенно случайно. Тем не менее он написал на меня жалобу из-за короткой схватки – не сомневаюсь, что он видел нечто подобное тысячи раз. Он и сам участвовал в таких драках. Покажите мне военного, который никогда не дрался с гражданскими в баре, и я скажу вам, что он лжец.

– Вы католичка? – спросил я у Саммер.

– Нет, а что?

– Мне интересно, знаете ли вы латынь.

– Не только католики знают латынь. Я ходила в школу.

– Ладно, тогда cui bono? – спросил я.

– «Кому это выгодно?» Вы говорите о жалобе?

– Всегда полезно обратиться к мотиву, – заметил я. – Так можно объяснить множество вещей. В истории, в политике, во всем.

– Все равно как «следуй за деньгами»?

– Примерно, – ответил я. – Только я не думаю, что к данному делу деньги имеют какое-то отношение. Однако у Карбона должен был иметься свой интерес. Иначе зачем он так поступил?

– Возможно, он руководствовался соображениями морали. Может быть, его заставили это сделать.

– Едва ли, если это первая жалоба за шестнадцать лет. Он наверняка видел вещи и похуже. Я лишь сломал одну ногу и один нос. Большое дело! Это армия, Саммер. Сомневаюсь, чтобы он путал армию с загородным клубом.

– Я не знаю, – повторила она.

Я протянул ей клочок бумаги с написанным на нем числом 973 и сказал:

– Это количество подозреваемых.

– Карбон находился в баре до восьми часов, – сказала Саммер. – Я проверяла. Он ушел один. И больше его никто не видел.

– А что говорят о его настроении?

– У парней из «Дельты» не бывает настроений. Слишком опасно показать, что ты похож на человека.

– Он пил?

– Одну бутылку пива.

– Значит, он просто ушел из клуба в восемь часов в самом обычном настроении?

– Получается, что так.

– Он знал парня, с которым встречался, – сказал я.

Саммер молча согласилась со мной.

– Пока вас не было, мне еще раз позвонил Санчес, – продолжал я. – Полковник Брубейкер застрелен в затылок. Стреляли дважды, в упор, со спины.

– Значит, он тоже знал человека, с которым встречался.

– Весьма вероятно, – ответил я. – В час двадцать три ночи. Пуля попала в часы. Примерно через три с половиной часа после убийства Карбона.

– Теперь у вас есть оправдание перед «Дельтой». В час двадцать три вы находились здесь.

– Да, с Андреа Нортон, – сказал я.

– Я им расскажу.

– Они не поверят.

– Как вы считаете, есть ли связь между Карбоном и Брубейкером?

– Здравый смысл подсказывает, что такая связь должна быть. Но я не вижу какая. И мне непонятны мотивы. Да, конечно, они оба были солдатами «Дельты». Однако Карбон находился здесь, а Брубейкер там. От Брубейкера многое зависело, а Карбон был обычным сержантом, который вел себя очень скромно. Может быть, Карбон был вынужден так себя вести.

– Как вы думаете, среди военных всегда были голубые?

– У нас в армии есть гомосексуалисты. И всегда были. Во время Второй мировой войны армия западных союзников насчитывала четырнадцать миллионов человек. Законы больших чисел подсказывают, что среди них было не менее миллиона голубых. И мы выиграли ту войну – во всяком случае, в учебниках истории написано, что мы одержали уверенную победу.

– Это был грандиозный шаг вперед, – заметила Саммер.

– Такой же шаг был сделан, когда в армию начали брать черных. И женщин. И все ужасно из-за этого переживали: «Плохо повлияет на мораль, плохо для сплоченности подразделений…» Это была полная ерунда тогда, и это полная ерунда теперь. Верно? Вы здесь, и у вас получается очень неплохо.

– А вы католик?

Я потряс головой.

– Моя мать научила нас латыни. Она серьезно относилась к образованию. Она многому научила меня и моего брата Джо.

– Вы должны ей позвонить.

– Зачем?

– Чтобы узнать, как ее нога.

– Может быть, позднее, – сказал я.

Я вновь занялся списками персонала, а Саммер вышла и вскоре вернулась с картой восточной части США. Она прикрепила ее к стене и отметила Форт-Бэрд красной булавкой. Потом обозначила Колумбию, штат Южная Каролина, где нашли Брубейкера. И Роли, штат Северная Каролина, где он играл в гольф с женой. Я дал ей пластиковую линейку, которую вытащил из ящика письменного стола, а она посмотрела на масштаб карты и занялась подсчетом времени и расстояний.

– Не забывайте, что большинство из нас не в состоянии водить машину так же быстро, как вы, – напомнил я.

– Никто из вас на это не способен, – ответила она.

Она измерила расстояние между Роли и Колумбией – четыре с половиной дюйма и округлила их до пяти, поскольку шоссе не было идеально прямым. Потом она приложила линейку к масштабной шкале.

– Двести миль, – сказала Саммер. – Значит, если Брубейкер уехал из Роли после обеда, он легко мог добраться до Колумбии к полуночи. То есть примерно за час до собственной смерти.

Потом она измерила расстояние от Форт-Бэрда до Колумбии. Получилось сто пятьдесят миль – меньше, чем я предполагал.

– Три часа, – прикинула Саммер. – Если не слишком напрягаться.

Она посмотрела на меня.

– Это мог сделать один и тот же человек. Если Карбон убит между девятью и десятью часами, то убийца успевал добраться до Колумбии к полуночи или к часу, чтобы покончить с Брубейкером.

Постучав пальцем по булавке, приколотой к Форт-Бэрду, она сказала:

– Карбон.

Потом перенесла палец на булавку, обозначавшую Колумбию.

– Брубейкер. Очевидная последовательность.

– Очевидное предположение, не более того, – возразил я.

Саммер не стала спорить.

– А откуда мы знаем, что Брубейкер сам вел машину? – спросил я.

– Мы предполагаем, что это так.

– У нас есть возможность уточнить это у Санчеса, – заметил я. – Узнайте, удалось ли полиции найти его машину и что говорит о машине жена.

– Хорошо, – ответила Саммер.

Она подошла к столику моего сержанта и позвонила. А я остался разбираться с ее списками. Саммер вернулась через десять минут.

– Он взял свою машину. Его жена рассказала Санчесу, что они приехали в отель на двух машинах – его и ее. Они всегда так поступали, поскольку Брубейкер мог умчаться в любой момент, а ей не хотелось от него зависеть.

– Какая у него машина? – поинтересовался я, не сомневаясь, что Саммер выяснила и этот вопрос.

– «Шевроле импала СС».

– Хорошая машина.

– Он уехал сразу после обеда, и жена решила, что он направился в Бэрд. Это было бы обычным делом. Однако машину до сих пор не нашли. Во всяком случае, так утверждает полицейский участок Колумбии и ФБР.

– Хорошо, – сказал я.

– Санчес полагает, что ему говорят далеко не все.

– Обычная практика.

– Он настаивает, но они сопротивляются.

– Так бывает всегда.

– Он позвонит нам сразу, как только что-нибудь узнает.

Телефон зазвонил через тридцать минут. Но это был вовсе не Санчес, и звонок не имел отношения к Брубейкеру и Карбону. Звонил детектив Кларк из Грин-Вэлли, штат Виргиния, расследующий убийство миссис Крамер.

– Кое-что удалось найти, – сказал он.

Кларк был очень доволен собой. Он принялся с подробностями описывать каждый свой шаг. Его действия выглядели вполне разумными. При помощи карты он выяснил все способы въезда в Грин-Вэлли с расстояния в триста миль. Потом по телефонной книге составил список магазинов скобяных товаров, находящихся на этой территории. Затем его парни начали их обзванивать, начиная от самого центра паутины. Кларк предположил, что зимой продажа ломиков идет не слишком активно. Все крупные строительные работы начинаются весной. Никто не хочет делать ремонт, когда на улице холодно. Вот почему он рассчитывал получить совсем немного сведений о продажах. Через три часа он не получил ничего. После Рождества люди покупали электросверла и отвертки. Некоторые приобретали бензопилы, чтобы пополнить запасы дров. Но никого не интересовали такие прозаические инструменты, как ломики.

Тогда Кларк решил изменить подход и стал изучать базы данных на преступников. Сначала он намеревался просмотреть отчеты о преступлениях, связанных с дверями и ломиками. Он рассчитывал, что таким образом сумеет сузить зону поисков. Однако ничего подходящего не нашлось. Тем не менее в данных НЦИП[20] он обнаружил упоминание об ограблении небольшого магазинчика скобяных товаров в Сперривилле, Виргиния. Магазин находился в отдаленном месте, в

тупике. Владелец сообщил, что кто-то разбил витрину в ночь под Новый год. Магазин был закрыт на несколько дней, а потому в кассе не оказалось денег. Насколько сумел установить хозяин, украли лишь ломик.

Саммер вернулась к висевшей на стене карте и воткнула булавку в Сперривилл, штат Виргиния. Сперривилл был маленьким городком, и головка булавки полностью его закрыла. Очередную булавку Саммер воткнула в Грин-Вэлли. Между булавками было всего четверть дюйма. Они почти касались друг друга. На самом деле расстояние между городами составляло десять миль.

– Взгляните на это, – предложила Саммер.

Я встал и подошел к карте. Сперривилл находился на изгибе извилистой дороги, идущей на юго-запад к Грин-Вэлли и дальше. В другом направлении находился лишь Вашингтон, округ Колумбия. Саммер воткнула булавку в Вашингтон и положила на нее свой маленький мизинец. Средний палец она поставила на Сперривилл, а указательный – на Грин-Вэлли.

– Вассель и Кумер, – сказала она. – Они выехали из Вашингтона, украли ломик в Сперривилле, а потом проникли в дом миссис Крамер в Грин-Вэлли.

– Если не считать того, что они этого не делали, – возразил я. – Они прилетели в аэропорт. У них не было машины. И они не звонили, чтобы ее заказать. Вы ведь сами проверяли телефонные звонки.

Ей нечего было сказать.

– К тому же они ленивые старшие офицеры, которые понятия не имеют о том, как ограбить магазин. Они бы не стали этого делать даже под угрозой смерти.

Саммер убрала руку от карты. Я вернулся к письменному столу и сложил списки в аккуратную стопку.

– Нам нужно сосредоточиться на Карбоне, – сказал я.

– Тогда нам требуется новый план, – ответила Саммер. – Детектив Кларк больше не будет искать ломики. Он нашел тот, который его интересовал.

Я кивнул:

– Нам следует вернуться к традиционным методам расследования.

– И в чем же они состоят?

– Понятия не имею. Я посещал Уэст-Пойнт. Я не оканчивал школу военной полиции.

Зазвонил телефон на моем столе. Я взял трубку. Тот же приятный голос с южным акцентом вновь произнес те же кодовые слова: 10–33, 10–16 из Джексона.

– Слушаю, – сказал я, включил кнопку громкой связи, откинулся на спинку стула и стал ждать.

Комната наполнилась электронным гулом. Потом раздался щелчок.

– Ричер? – сказал Санчес.

– И лейтенант Саммер, – ответил я. – Включена громкая связь.

– В комнате есть кто-нибудь еще?

– Нет, – ответил я.

– Дверь закрыта?

– Да. Что случилось?

– Со мной связались из полицейского участка Колумбии, вот что. Они потихоньку делятся со мной информацией. И получают от процесса огромное удовольствие.

– Почему?

– Потому что в кармане у Брубейкера нашли героин. Три пакетика. И большую пачку наличных. Они говорят, что это была неудачно завершившаяся сделка по продаже наркотиков.

Глава 15

Я родился в 1960 году, а значит, мне было семь лет во время «лета любви»,[21] тринадцать в конце наших эффективных действий во Вьетнаме и пятнадцать, когда мы окончательно оттуда ушли. Из чего следовало, что меня не коснулись проблемы американских военных с наркотиками. Годы «пурпурного тумана» прошли мимо. Я застал более позднюю, стабильную стадию. Как и многие другие солдаты, я понемногу курил травку – достаточно часто, чтобы у меня появились любимые сорта, но никогда не увлекался этими вещами настолько, чтобы попасть в списки постоянных любителей. Я употреблял марихуану лишь иногда. И я покупал, но никогда не продавал.

Однако в качестве военного полицейского я видел множество сделок по продаже наркотиков, как успешных, так и неудачных. Я давно выучил правила. И знал наверняка, что в тех случаях, когда сделка заканчивается стрельбой и трупами, в карманах у мертвеца ничего не

остается – ни денег, ни наркотиков. Это исключено. Зачем их оставлять? Если мертвец – покупатель, то продавец убегает со своими наркотиками и деньгами покупателя. Если не повезло продавцу, то покупатель получает весь товар бесплатно. Деньги он просто оставляет себе. В любом случае убийца оказывается в выигрыше – его расход составляет всего несколько пуль, ну, и нужно еще обыскать тело.

– Это чушь, Санчес, – сказал я. – Фальшивка.

– Конечно. Я и сам знаю.

– А ты им это сказал?

– Зачем? Они гражданские, но вовсе не идиоты.

– Так почему же они радуются?

– Потому что они получают зеленый свет. Если им не удастся закрыть дело, они просто его спишут. Репутация Брубейкера будет испорчена, а они выйдут сухими из воды.

– Свидетелей найти не удалось?

– Ни одного.

– Но сделано два выстрела, – возразил я. – Кто-то должен был их слышать.

– Полицейские утверждают, что никто ничего не слышал.

– Уиллард придет в ярость, – сказал я.

– Ну, это не наша проблема.

– У тебя есть алиби?

– У меня? А мне оно потребуется?

– Уиллард будет искать способы давления. Он постарается сделать все, чтобы заставить тебя подчиниться его приказам.

Санчес не стал отвечать сразу. В трубке что-то шипело. Затем он снова заговорил:

– Полагаю, я в полной безопасности. Обвинения будет выдвигать полицейский участок Колумбии, а не я.

– Будь осторожен, – предупредил я.

– Не сомневайся, – ответил он.

Я положил трубку. Саммер погрузилась в размышления. Ее лицо напряглось, и я видел, как подрагивают ее нижние веки.

– Что такое? – спросил я.

– Вы уверены, что это подстава? – спросила она.

– Очень похоже, – ответил я.

– Ладно, – кивнула она. – Хорошо.

Она все еще стояла рядом с картой. Мизинец касался булавки Форт-Бэрда, указательный палец – булавки, обозначающей Колумбию.

– Мы согласились, что наркотики подброшены. Мы в этом уверены. Теперь мы видим, что все укладывается в схему. Наркотики и деньги в кармане Брубейкера – то же самое, что ветка в заднем проходе Карбона и йогурт у него на спине. Тщательно продуманный отвлекающий маневр. Сокрытие истинного мотива. Вполне определенный modus operandi.[22] Теперь это уже не просто догадки. Один и тот же человек совершил оба преступления. Он убил Карбона здесь, сел в машину, поехал в Колумбию и расправился с Брубейкером. Видна четкая последовательность действий. Все сходится. Время, расстояния, образ мыслей преступника.

Я посмотрел на Саммер. Ее маленькая коричневая рука напоминала морскую звезду. Ногти были покрыты прозрачным лаком. Глаза блестели.

– Почему он выбросил ломик? – спросил я. – После Карбона, но перед Брубейкером?

– Потому что, как любой нормальный человек, он предпочитает пистолет, – ответила Саммер. – Но он знает, что здесь им пользоваться нельзя. Слишком много шума. В миле от центра базы, поздно вечером – мы бы все сбежались. А вот в криминальном районе большого города никто не обратит внимания на выстрелы. И тут преступник не ошибся.

– Но мог ли он быть в этом уверен?

– Нет, – ответила Саммер. – Полной уверенности у него не было. Он заранее договорился о встречах, а потому знал, куда он направляется. Но он не мог знать наверняка, какая будет обстановка на месте. Поэтому он хотел иметь запасное оружие. Однако ломик был покрыт кровью и волосами Карбона. Убийца не мог его вымыть. Он торопился. Земля замерзла. Он не нашел участка мягкой травы, чтобы обтереть ломик. Может быть, он боялся попасть в пробку по дороге на юг. Вот почему он выбросил ломик.

Я кивнул. В конечном счете от ломика следовало избавиться. Пистолет куда более надежное оружие против опасного противника. В особенности на узкой улочке – в противоположность открытому

темному месту, где он расправился с Карбоном. Я зевнул и закрыл глаза. «Открытое темное место, где он расправился с Карбоном». Глаза мои тут же открылись.

– Он убил Карбона здесь, – повторил я. – А потом сел в машину, поехал в Колумбию и прикончил там Брубейкера.

– Да, – сказала Саммер.

– Но вы установили, что у него уже была машина, – напомнил я.

– Верно, – согласилась Саммер.

– Вы предположили, что он ехал на машине вместе с Карбоном, ударил его по голове, потом надругался над ним и вернулся на базу. Тогда ваши рассуждения выглядели весьма логично. А потом мы нашли ломик и получили подтверждение.

– Благодарю вас, – сказала она.

– Мы рассудили так, что он припарковал машину и занялся своими делами.

– Правильно, – сказала Саммер.

– Однако он не мог припарковать машину и заняться своими делами. Теперь мы считаем, что он сразу поехал в Колумбию, в Южную Каролину. На встречу с Брубейкером. А эта поездка занимает три часа. Он торопился. Ему нельзя было тратить время попусту.

– Правильно, – повторила Саммер.

– Значит, он не парковал свою машину. Он даже не касался тормозов. И поехал к главным воротам. Иначе он не мог покинуть базу. Он направился прямо к главным воротам, Саммер, сразу же после убийства Карбона, между девятью и десятью часами.

– Проверьте журнал въезда и выезда, – предложила Саммер. – Там на столе есть копия.

Мы вместе проверили записи. Операция «Правое дело» в Панаме переместила готовность всех баз на территории США на один уровень по шкале DEFCON,[23] в результате чего все закрытые базы стали фиксировать уходы и приходы своих служащих в специальных журналах, все страницы которых были заранее пронумерованы в правом верхнем углу. У нас имелась очень хорошая копия страницы за 4 января. Я не сомневался, что она настоящая и полная. И точная. У военной полиции есть множество недостатков, но путаница с бумагами среди них не числится.

Саммер взяла у меня страницу и прикрепила ее на стене возле карты. Мы встали рядом и посмотрели на нее. Страница была разделена на шесть колонок: дата, время въезда, время выезда, номер автомобиля, фамилии пассажиров и причина въезда или выезда.

– Движение было слабым, – сказала Саммер.

Я ничего не ответил, поскольку не знал: девятнадцать позиций – это много или мало? Я еще не успел привыкнуть к Бэрду, и прошло много времени с тех пор, как я занимался подобной работой на других базах. Но определенно это было значительно меньше, чем обычно бывает в канун Нового года.

– В основном люди возвращались после праздников, – сказала Саммер.

Я кивнул. Четырнадцать человек въехали на базу, и не было записей о том, что впоследствии они покинули ее территорию. Значит, четырнадцать человек приступили к работе после праздников. Или они вернулись на базу по каким-то другим причинам. Среди них был и я: «1-4-90, 23.02, Ричер Дж., майор, ВНБ», то есть: «Четвертое января 1990 года, две минуты двенадцатого, Ричер Дж., майор, возвращение на базу». Из Парижа в старый офис Гарбера в Рок-Крике. Номер моего автомобиля был записан так: «Пешеход». Мой сержант тоже находилась в списке. Она приехала в девять тридцать на автомобиле с номерами Северной Каролины.

Четырнадцать человек вернулись и остались на базе.

И только пять человек покинули базу.

Трое из них просто доставили провизию. Скорее всего, большие грузовики. На базу привозят много продуктов. Нужно кормить огромное количество голодных ртов. Три грузовика в день – пожалуй, это правильная цифра. Все они прибыли в первой половине дня, а вскоре покинули территорию базы. Последний уехал в три часа дня.

Потом образовалось окно продолжительностью в семь часов.

Предпоследними в этот день покинули базу Вассель и Кумер, отужинавшие в офицерском клубе. Они проехали через ворота в 22.01. Перед этим их отметили в 18.45. Именно тогда был записан номер их автомобиля, а также имена и звания. Причина прибытия на базу – визит вежливости.

Пять выездов. Четыре я уже проверил.

Остался один.

Вот как был записан последний человек, покинувший Форт-Бэрд четвертого января: «1-4-90, 22.11, Трифонов С., сержант». Автомобиль с

номером Северной Каролины. Время въезда отсутствовало. Графа «Причина» осталась незаполненной. Из чего следовало, что сержант Трифонов находился на базе весь день или всю неделю, а потом уехал в одиннадцать минут одиннадцатого. Причина не значилась, поскольку на посту не получили указаний задавать уезжающим солдатам соответствующие вопросы. Предполагалось, что он едет выпить, или поесть, или еще как-то развлечься. Вопросы задаются при въезде, а не при выезде.

Мы проверили еще раз, чтобы не совершить ошибки. И получили тот же результат. Если не считать генерала Васселя и полковника Кумера в «меркурии гранд-маркизе», а затем сержанта по фамилии Трифонов на какой-то неизвестной машине, 4 января никто не выезжал и не выходил пешком с базы, кроме трех грузовиков, которые доставили продовольствие.

– Ладно, – сказала Саммер. – Сержант Трифонов. Кем бы он ни был. Значит, он убийца.

– Похоже на то, – сказал я.

Я позвонил на пост у ворот. Трубку взял тот же парень, с которым я разговаривал в прошлый раз, когда проверял Васселя и Кумера. Голос я узнал сразу. Я попросил его поискать записи, сделанные после 4 января, и проверить, когда сержант Трифонов вернулся в Бэрд. Я объяснил ему, что Трифонов мог объявиться в любое время после четырех тридцати утром 5 января. Мне пришлось немного подождать. В трубке было слышно, как он переворачивает шуршащие страницы журналы. Он не торопился, стараясь ничего не пропустить.

– Сэр, он вернулся ровно в пять часов. Пятого января, в пять ноль-ноль, сержант Трифонов вернулся на базу. – Я услышал, как он переворачивает еще одну страницу. – Он уехал в двадцать два часа одиннадцать минут предыдущего вечера.

– Помните что-нибудь о нем?

– Он покинул базу примерно через десять минут после старших офицеров бронетанковых войск, о которых вы спрашивали меня прежде. Помню, что он торопился. Даже не стал ждать, пока шлагбаум полностью поднимется. Проехал впритирку с ним.

– На какой машине он ехал?

– Кажется, на «корвете». Машина не новая. Но выглядела превосходно.

– Вы все еще были на посту, когда он вернулся?

– Да, сэр.

– Помните что-нибудь?

– Ничего, о чем бы стоило упомянуть. Мы перекинулись парой фраз. У него иностранный акцент.

– Как он был одет?

– В гражданское. Кожаная куртка, кажется. Я решил, что у него была увольнительная.

– А сейчас он на базе?

Я услышал, как вновь переворачиваются страницы. Представил, как солдат медленно водит пальцем по линиям.

– Больше его нет в журнале, сэр, – доложил он. – До настоящего времени. Значит, он где-то на базе.

– Хорошо, – сказал я. – Спасибо, солдат.

Я повесил трубку. Саммер взглянула на меня.

– Он вернулся в пять ноль-ноль, – сказал я. – Через три с половиной часа после того, как остановились часы Брубейкера.

– Доехал за три с половиной часа, – заметила Саммер.

– И сейчас он здесь.

– А кто он?

Я позвонил в штаб. Задал вопрос. Мне объяснили, кто он такой. Я положил трубку и посмотрел в глаза Саммер.

– Он из «Дельты». Перебежчик из Болгарии. Его взяли в качестве инструктора. Он знает вещи, которые неизвестны нашим парням.

Я встал из-за письменного стола и подошел к висящей на стене карте. Приложил собственные пальцы к булавочным головкам – мизинец на Форт-Бэрд, указательный на Колумбию, – словно пытался проверить нашу теорию на ощупь. Сто пятьдесят миль. Три часа и двенадцать минут, чтобы доехать до места, и три часа и тридцать семь минут на обратную дорогу. Я сделал устные выкладки и получил значение средней скорости. Получилось сорок семь миль в час туда и сорок одна миля в час обратно. Ночью, по пустынной дороге, в «шевроле корвете». Он мог это проделать, даже не снимая машину с ручного тормоза.

– Будем его брать? – спросила Саммер.

Я покачал головой.

– Нет, я сделаю это сам. Прямо сейчас.

– Разумно ли это?

– Наверное, нет. Но я не хочу, чтобы эти парни думали, будто они взяли меня за горло.

Саммер немного помолчала и наконец сказала:

– Я поеду с вами.

– Ладно, – ответил я.

Было пять часов дня, то есть прошло ровно тридцать шесть часов с того момента, как Трифонов вернулся на базу. Погода была сумрачной и холодной. Мы взяли оружие, наручники и пакеты для сбора улик. В гараже военной полиции мы выбрали «хаммер» с отделенным от кабины зарешеченным отделением и без внутренних ручек. За руль села Саммер. Она припарковалась у въезда на территорию «Дельты». Часовой пропустил нас внутрь. Мы пошли вдоль главного здания, пока я не нашел вход в клуб сержантского состава. Мы с Саммер остановились.

– Вы пойдете внутрь? – спросила она.

– Только на минутку.

– В одиночку?

Я кивнул:

– А потом мы зайдем в арсенал.

– Не самое разумное решение. Я бы могла пойти с вами.

– Зачем?

Она заколебалась.

– В качестве свидетеля, наверное.

– Свидетеля чего?

– Того, что они с вами сделают.

Я улыбнулся.

– Замечательно.

И распахнул дверь.

Внутри оказалось довольно много народу. В тусклом освещении медленно плыли клубы дыма. Уши сразу заложило от шума. Потом меня

увидели, и в баре стало тихо. Я пошел вперед. Люди стояли на своих местах, ни один не пошевелился, чтобы дать мне пройти. Я продирался между ними, толкая то одного, то другого. Сквозь толпу. Никто не уступал мне дорогу. Они пихали меня плечами справа и слева. Я молча отвечал тем же. Мой рост составляет шесть футов и пять дюймов, и я вешу двести тридцать фунтов. В таком соревновании у меня имелись шансы на успех.

Я прошел через вестибюль и оказался в самом баре. Произошло то же самое. Наступила тишина. Люди поворачивались в мою сторону. Смотрели на меня. Я продолжал проталкиваться вперед. В баре было тихо, я слышал лишь напряженное дыхание, глухие удары плеча о плечо и звук своих шагов. Я смотрел в дальнюю стену. На моем пути встал молодой загорелый парень с бородой. Он держал в руке кружку с пивом. Я продолжал идти прямо, он отклонился вправо, мы столкнулись, и половина содержимого его кружки выплеснулась на покрытый линолеумом пол.

– Ты разлил мою выпивку.

Я остановился. Посмотрел на пол. Взглянул парню в глаза и посоветовал:

– Ну так слижи ее языком.

С секунду мы стояли лицом к лицу. Потом я прошел мимо него. У меня зачесалась спина. Но я не собирался оборачиваться. Ни в коем случае. До тех пор, пока не услышу звук разбивающейся о стол бутылки.

Я так ничего и не услышал. Мне удалось благополучно добраться до дальней стены. Я коснулся ее рукой, как пловец стенки бассейна. Развернулся и зашагал обратно. Теперь все происходило иначе. В баре по-прежнему царила тишина. Я немного ускорил шаг. Затем стал толкать тех, кто стоял на моем пути, немного сильнее. Скорость дает преимущества. К тому моменту, когда до вестибюля оставалось десять шагов, люди начали уступать мне дорогу, делая шаг в сторону.

Я решил, что мы друг друга поняли. В вестибюле я уже не шел по прямой. Посетители также продемонстрировали минимальную вежливость. Я вышел наружу, как любой другой цивилизованный человек выходит из общественного заведения. У двери я остановился. Повернулся назад. Медленно оглядел лица людей в баре: одну группу, другую… «Одна тысяча, две тысячи, три тысячи, четыре тысячи». Потом я вновь повернулся к ним спиной и вышел на холодный свежий воздух.

Саммер снаружи не оказалось.

Я огляделся и через секунду увидел ее выходящей из служебного входа, находившегося в десяти футах от главного. Она вошла через него в бар с другой стороны. Я понял, что Саммер прикрывала мне спину.

Она посмотрела на меня и сказала:

– Теперь вы знаете.

– Что именно?

– Как чувствовали себя первые черные солдаты. И первые женщины, ставшие солдатами.

Саммер провела меня к старому авиационному ангару, в котором находился арсенал «Дельты». Она не шутила, когда говорила, что они способны вооружить африканскую диктатуру. Под потолком ангара горели яркие светильники, здесь имелся небольшой арсенал специальных средств передвижения и множество самого разнообразного ручного оружия. Похоже, Дэвид Брубейкер сумел многого добиться для своей части в Пентагоне.

– Сюда, – сказала Саммер.

Она подвела меня к проволочному загону площадью примерно в пятнадцать квадратных футов. Сооружение имело три стены и крышу и напоминало собачий вольер. Проволочная дверь была распахнута, на цепи болтался висячий замок. За дверью виднелась стойка, за которой стоял мужчина в полевой форме. Он не отдал нам честь. Не встал по стойке «смирно». Но и не стал отворачиваться от нас. Просто стоял и вполне нейтрально на меня смотрел. Очевидно, таким был этикет «Дельты».

– Чем могу помочь? – спросил он, словно был продавцом в магазине, а я зашел что-нибудь купить.

За его спиной виднелись полки с ручным оружием самого разного вида. Я насчитал пять моделей автоматов. Тут были М-16, А-1 и А-2. И пистолеты. Некоторые совсем новенькие, другие не раз побывали в деле. Они были сложены аккуратно, но без особых церемоний – инструменты профессионалов, не больше и не меньше.

На стойке лежал толстый журнал.

– Вы записываете оружие при выдаче и приеме? – спросил я.

– Как служащий на парковке, – ответил он. – Нам запрещено носить личное оружие на территории базы.

Он смотрел на Саммер. Вероятно, он уже беседовал с ней, когда она разыскивала новый П-7 Карбона.

– Каким пистолетом пользуется сержант Трифонов? – спросил я.

– Трифонов? Он предпочитает «Штейр GB».

– Покажите мне.

Он отошел к полкам с пистолетами и вернулся с черным «штейром», держа пистолет за дуло. Пистолет был смазан и вообще казался ухоженным. Я достал мешок для улик, и он молча опустил в него оружие. Я застегнул молнию и посмотрел на пистолет сквозь пластик.

– Девять миллиметров, – сказала Саммер.

Я кивнул. Это был хороший пистолет, но несчастливый. «Штейр» выпустили в надежде, что он будет принят на вооружение австрийской армией, но там предпочли «глок». В результате «штейр» стал сиротой, как Золушка. Как и Золушка, он обладал рядом замечательных качеств. Обойма содержала восемнадцать патронов – довольно много, но он весил менее двух с половиной фунтов без обоймы (превосходный результат). Разобрать и собрать пистолет можно за двенадцать секунд – довольно быстро. Но главным его достоинством являлась слабая отдача. Все автоматическое оружие использует высвобождающиеся после выстрела газы для перезарядки затвора и подачи следующего патрона. Но в реальном мире часть патронов оказываются слишком старыми или некачественными. После подрыва выделяется разное количество газов. Если газов будет недостаточно, то пистолет не сможет обеспечить автоматическую стрельбу. Ну а если газов окажется слишком много, пистолет может и вовсе взорваться у вас в руках. Однако «штейр» сконструировали так, что он справлялся с патронами самого низкого качества. Если бы я служил в частях специального назначения, вынужденных пользоваться патронами, полученными из сомнительных источников, я бы выбрал «штейр». И в таком случае мог бы быть уверен в том, что мой пистолет будет стрелять десять раз из десяти.

Сквозь пластик я нажал на рычаг, высвобождающий обойму, и вытряхнул ее из пакета. Это была обойма на восемнадцать патронов, в ней осталось шестнадцать. Я надавил на затвор – в стволе оказался еще один патрон. Видимо, Трифонов расхаживал с пистолетом, заряженным девятнадцатью патронами. Восемнадцать в магазине и один в стволе. Значит, он стрелял дважды.

– У вас есть телефон? – спросил я.

Парень из арсенала кивнул в сторону будки, стоящей в углу ангара, в двадцати футах от поста. Я зашел туда и позвонил своему сержанту. Мне ответил парень из Луизианы. Капрал. Женщина из ночной смены все

еще оставалась у себя дома, в трейлере, укладывала своего ребенка спать, принимала душ и готовилась выйти на работу.

– Соедини меня с Санчесом в Джексоне, – велел я.

Я стоял с трубкой возле уха и ждал. Одну минуту. Две.

– Что? – сказал Санчес.

– Удалось найти гильзы? – спросил я.

– Нет, – ответил он. – Преступник навел порядок на месте преступления.

– Жаль. А не то мы могли бы идентифицировать пули.

– Ты нашел парня?

– Сейчас у меня в руках его пистолет. «Штейр» с полной обоймой, в которой не хватает двух патронов.

– Кто он такой?

– Я расскажу тебе позже. Пусть гражданские немного попотеют.

– Один из наших?

– Грустно, но это так.

Санчес ничего не ответил.

– Они нашли пули? – спросил я.

– Нет, – ответил Санчес.

– Но почему? Ведь дело было в переулке, верно? Как далеко они могли улететь? Наверняка застряли где-нибудь в кирпичах.

– Тогда от них не будет никакого толку. Полностью смятые пули невозможно идентифицировать.

– Они были в оболочке, – сказал я. – Мы могли бы их взвесить.

– Пули не нашли.

– А их искали?

– Я не знаю.

– Удалось обнаружить каких-нибудь свидетелей?

– Нет.

– Машину Брубейкера нашли?

– Нет.

– Она должна быть где-то там, Санчес. Он приехал на машине в полночь или в час. И его машину легко отличить. Неужели они и машину не стали искать?

– Они что-то скрывают. Я это чувствую.

– Уиллард уже добрался до тебя?

– Жду его с минуты на минуту.

– Передай ему, что дело Брубейкера завершено, – сказал я. – И скажи, что до тебя дошел слух, будто первая смерть не была результатом несчастного случая. Это окончательно испортит ему настроение.

Я повесил трубку и вернулся к клетке. Саммер вошла внутрь и стояла плечом к плечу рядом с парнем из арсенала. Они вместе изучали журнал.

– Взгляните сюда, – сказала она.

Указательными пальцами обеих рук она ткнула в две отдельные записи. Трифонов расписался за свой личный «штейр» 4 января, в семь тридцать вечера. А сдал его 5 января, в четверть шестого утра. У него оказалась крупная неуклюжая подпись. Он был болгарином. Я подумал, что он привык к кириллице и не слишком умело пользуется латинским алфавитом.

– Зачем он брал пистолет? – спросил я.

– Мы не задаем вопросов, – ответил парень. – Мы лишь делаем бумажную работу.

Мы вышли из ангара и направились в сторону казарм. Прошли мимо стоянки. На ней стояло сорок или пятьдесят автомобилей. Типичные солдатские машины. Совсем немного иностранных марок. Я заметил несколько обычных седанов не первой молодости, но по большей части это были пикапы и большие детройтские двухдверные машины; часть из них была выкрашена в «звезды и полосы», другие имели хромированные колеса и толстые шины. Здесь стоял лишь один «корвет», красный, в отдельном ряду. Возле него оставалось три свободных места.

Мы подошли к «корвету».

Ему было лет десять. Он выглядел безупречным как внутри, так и снаружи. Машину вымыли и тщательно протерли в последние день или два. Колеса казались идеально чистыми. Черные шины блестели. На

стене ангара висел свернутый шланг. Мы подошли к машине и заглянули внутрь. Создавалось впечатление, что кто-то залил все внутри моющими средствами, а потом произвел влажную уборку, после чего тщательно пропылесосил. Это был двухместный автомобиль, но между сиденьями имелась небольшая полочка для вещей. Маленькая кабина. Маленькая, но достаточная для того, чтобы спрятать ломик. Саммер наклонилась и провела ладонью по днищу. Рука осталась чистой.

– Никакого песка на днище или крови на сиденьях.

– И никакой баночки из-под йогурта на полу, – добавил я.

– Он все вымыл.

Мы направились к воротам и заперли в «хаммер» пистолет Трифонова. Затем мы вернулись обратно.

Мне не хотелось привлекать адъютанта. Я намеревался вывести Трифонова отсюда до того, как кто-нибудь поймет, что происходит. Поэтому мы прошли через кухонную дверь столовой, я нашел стюарда и попросил разыскать Трифонова и провести его через кухню под каким-нибудь предлогом. Потом мы вышли наружу и стали ждать на холоде. Через пять минут появился стюард и сказал, что Трифонова в столовой нет.

Тогда мы отправились в казарму. Наткнулись на солдата, вышедшего из душа, и он объяснил нам, где искать Трифонова. Мы прошли мимо пустой комнаты Карбона. Там было тихо, у нас сложилось впечатление, что никто туда не входил. Трифонов жил через три двери от него. Мы подошли к его комнате. Дверь была открыта. Он сидел на постели и читал книгу.

Я не знал, чего ждать. Насколько мне известно, у Болгарии нет своих войск специального назначения. Элитарные части редко встречались в армиях Варшавского договора. В Чехословакии имелась неплохая воздушно-десантная бригада, в Польше – воздушно-десантные и военно-морские дивизионы. Советский Союз мог похвастать крутыми подразделениями десантников. В остальном в Восточной Европе все вопросы решались числом. Достаточно бросить в бойню огромное количество тел, и рано или поздно вы одержите победу, если считаете две трети своих людей расходным материалом. А они считали именно так.

Так кем же был этот парень?

Части специального назначения НАТО уделяли огромное внимание отбору, подготовке и выносливости своих солдат. В них входили парни, которые могли пробежать пятьдесят миль в полной экипировке. Они

могли целую неделю перемещаться в горах почти без сна и отдыха. В результате элитные войска НАТО состояли из жилистых невысоких парней, похожих на бегунов-марафонцев. Но болгарин оказался огромным. Таким же крупным, как я. Возможно, даже крупнее. Около шести футов и шести дюймов. И весил он примерно двести пятьдесят фунтов. Он брил голову. У него было большое квадратное лицо. В зависимости от освещения оно могло казаться либо слишком простым, либо весьма привлекательным. Однако сейчас лампа дневного света, горящая в его комнате, была к нему безжалостной. Он выглядел усталым. Глубоко посаженные глаза показались мне проницательными. Пожалуй, он выглядел на пару лет старше меня и ему недавно перевалило за тридцать. Я обратил внимание на огромные руки Трифонова. На нем была новенькая полевая форма без имени, звания и части.

– Встать, солдат, – сказал я.

Он аккуратно положил книгу на постель рядом с собой, не закрывая, корешком вверх, чтобы не потерять то место, на котором остановился.

Мы надели на него наручники и усадили в «хаммер» без всяких проблем. Он был большим, но вел себя спокойно. Казалось, он смирился с судьбой. Словно знал, что рано или поздно его предадут журналы, где записано его имя.

Мы благополучно довезли его до моего кабинета. Посадили на стул, сняли наручники, потом приковали правую руку Трифонова к ножке стула. При помощи второй пары наручников проделали ту же процедуру с левой рукой. У него были широкие запястья – у некоторых людей такие же щиколотки.

Саммер встала рядом с картой, глядя на булавки, словно хотела дать ему понять: «Мы все знаем».

Я уселся за письменный стол.

– Как вас зовут? – спросил я. – Для записи в протоколе.

– Трифонов, – ответил он.

У него был сильный акцент.

– Имя?

– Слави.

– Слави Трифонов, – повторил я. – Звание?

– Дома я был полковником. Теперь сержант.

– Где ваш дом?

– В Софии, – ответил он. – В Болгарии.

– Вы очень молоды для полковника.

– Я хорошо знаю свое дело.

– В чем оно состоит?

Он не ответил.

– У вас отличная машина, – заметил я.

– Благодарю вас, – ответил он. – Я всю жизнь мечтал о такой.

– Куда вы ездили на ней в ночь на четвертое января?

Он не ответил.

– В Болгарии нет частей специального назначения, – сказал я.

– Верно, таких частей нет, – подтвердил Трифонов.

– Так где же вы служили?

– В регулярной армии.

– И чем вы там занимались?

– Осуществлял связь между болгарской армией, болгарской тайной полицией и нашими друзьями советскими десантниками.

– Ваша квалификация?

– Я пять лет проходил подготовку в ГРУ.

– И что это значит?

Он улыбнулся.

– Полагаю, вы и сами знаете.

Я кивнул. Советское ГРУ (Главное разведывательное управление) являлось смесью военной полиции и отряда «Дельта». Они были крутыми ребятами, готовыми обратить свою ярость как внутрь страны, так и против ее внешних врагов.

– Почему вы оказались здесь? – спросил я.

– В Америке? Я жду.

– Чего именно?

– Окончания коммунистической оккупации моей страны. Думаю, теперь ждать осталось недолго. И тогда я вернусь. Я горжусь своей страной. Это прекрасное место, где живут красивые люди. Я националист.

– Что вы преподавали в «Дельте»?

– Вещи, которые сейчас устарели. Как защищаться против того, чему меня учили. Но это сражение уже закончено. Вы победили.

– Вы должны рассказать нам, где были в ночь на четвертого января.

Трифонов ничего не ответил.

– Почему вы бежали в США?

– Потому что я патриот, – ответил он.

– Вы стали им недавно?

– Нет, я всегда был патриотом. Но я чувствовал, что меня могут раскрыть.

– Как вам удалось сбежать?

– Через Турцию. Там я пришел на американскую базу.

– Расскажите мне о ночи четвертого января.

Он опять промолчал.

– У нас ваш пистолет, – продолжал я. – Вы поставили свою подпись, когда его брали. Вы покинули базу в одиннадцать минут одиннадцатого и вернулись в пять утра.

Он молчал.

– Вы дважды стреляли.

Он молчал.

– Почему вы вымыли свою машину?

– Потому что это красивая машина. Я мою ее дважды в неделю. Всегда. Я много лет мечтал о такой машине.

– Вы бывали в Канзасе?

– Нет.

– Что ж, теперь вы отправитесь именно туда. Вы не вернетесь домой в Софию. Вас переведут в Форт-Левенуэрт.

– Почему?

– Вы и сами знаете почему, – сказал я.

Трифонов не пошевелился. Он сидел совершенно неподвижно, слегка наклонившись вперед, поскольку его запястья были прикованы к ножкам стула. Я тоже не шевелился. Я не знал, как поступить дальше. Солдат из «Дельты» учат, как правильно вести себя на допросах. Они умеют сопротивляться наркотикам, терпеть избиения и любые лишения. Их инструкторам разрешается применять физическую силу. И я даже представить себе не мог, через какие испытания прошел Трифонов в ГРУ. Я больше ничего не мог с ним сделать. Конечно, я и сам применял физическую силу. Но у меня возникло ощущение, что этот парень не скажет ни слова, даже если я начну резать его на маленькие кусочки.

Поэтому я перешел к обычной полицейской стратегии. Ложь и подкуп.

– Некоторые люди считают, что Карбон позорил всех, – сказал я. – Ну, вы меня понимаете, ведь речь идет об армии. Поэтому не исключено, что мы не станем доводить расследование до конца. Если вы сейчас все расскажете, мы отправим вас обратно в Турцию. И там вы сможете дождаться того момента, когда в Болгарии больше не будет коммунистов.

– Карбона убили вы, – заявил он. – Все об этом говорят.

– Они ошибаются, – сказал я. – Меня здесь не было. И Брубейкера я не убивал. Меня там не было.

– Меня тоже, – сказал Трифонов.

Он сохранял полную неподвижность. Потом ему в голову пришла новая мысль. У него забегали глаза. Он посмотрел налево, потом направо. Взглянул на карту, возле которой стояла Саммер. Присмотрелся к булавкам. Потом перевел взгляд на Саммер и снова на меня. Его губы зашевелились. Я видел, как они произнесли: «Карбон», а потом: «Брубейкер». Он не произнес ни звука, но даже по губам я уловил его неловкий акцент.

– Подождите, – сказал он.

– Чего?

– Нет, – сказал он.

– Что «нет»?

– Нет, сэр, – сказал он.

– Расскажите мне, Трифонов, – сказал я.

– Вы думаете, что я имею какое-то отношение к смерти Карбона и Брубейкера?

– А вы не имеете?

Он снова замолк. Опустил взгляд.

– Расскажите мне, Трифонов.

Он поднял глаза.

– Это не я, – сказал он.

Я просто сидел и изучал его лицо. В течение шести долгих лет я вел самые разные расследования, и Трифонов был, наверное, тысячным парнем, который смотрел мне в глаза и говорил: «Я не убивал». Проблема состояла в том, что некоторая часть парней говорила правду. И у меня появилось ощущение, что Трифонов может принадлежать к их числу. В нем было нечто такое. У меня появилось отвратительное предчувствие.

– Вам придется это доказать, – сказал я.

– Я не могу.

– Придется. Или они выбросят ключ от вашей камеры. Они могут забыть о Карбоне, но только не о Брубейкере.

Трифонов не ответил.

– Начнем еще раз, – предложил я. – Где вы были ночью четвертого января?

Он лишь покачал головой.

– Но где-то же вы находились, – сказал я. – Это абсолютно точно. Потому что здесь вас не было. В журнале зафиксировано, когда вы выехали с базы и когда вернулись. Вы и ваш пистолет.

Трифонов молча смотрел на меня. А я смотрел на него и тоже больше ничего не говорил. Он погрузился в безнадежное молчание. Мне уже не раз доводилось видеть такое поведение. Он слегка перемещался по стулу. Едва заметно. Мелкие яростные движения сначала в одну сторону, потом в другую. Словно сражался с двумя разными противниками: одним слева и другим справа. Словно понимал, что необходимо рассказать мне, где он был, но знал, что не может этого сделать. Он явно оказался в безвыходном положении.

– Вы совершили какое-то преступление той ночью? – спросил я.

Его глубоко посаженные глаза встретились с моими. Он не отводил взгляда.

– Ладно, пришло время изменить подход. Идет ли речь о худшем преступлении, чем выстрел в голову Брубейкера? – спросил я.

Он молчал.

– Вы ездили в Вашингтон, округ Колумбия, и изнасиловали десятилетних внучек президента?

– Нет, – ответил он.

– Я кое-что вам скажу, – продолжал я. – Пожалуй, там, где вы служите, только такое преступление будет более страшным, чем прикончить Брубейкера.

Он молчал.

– Расскажите мне.

– Это частное дело, – сказал Трифонов.

– Какого рода частное дело?

Он не ответил. Саммер вздохнула и отошла от карты. Она начала понимать, что Трифонов не был в Колумбии, Южная Каролина. Она посмотрела на меня, вопросительно приподняв брови. Трифонов продолжал ерзать на стуле. Его наручники звякали, касаясь ножек стула.

– Что со мной будет? – спросил он.

– Это зависит от того, что вы совершили, – ответил я.

– Я получил письмо, – признался он.

– Получать письма – не преступление, – сообщил я.

– От друга моего друга.

– Расскажите мне о письме.

– В Софии есть один человек, – сказал он.

Трифонов сидел, наклонившись вперед, его наручники были прикованы к ножкам стула, и он рассказывал нам историю письма. Он так все излагал, что мне стало очевидно: он считает эти проблемы исключительно болгарскими. Но он ошибался. Такую же историю мог бы рассказать любой из нас.

В Софии жил человек. У него была сестра. Сестра стала неплохой гимнасткой и сбежала во время поездки в Канаду, а потом осела в Соединенных Штатах, вышла замуж за американца. Получила американское гражданство. Муж оказался дурным человеком. Сестра писала о нем брату в Болгарию длинные печальные письма. Ее избивали, насиловали, не выпускали из дома. Жизнь сестры превратилась в ад. Коммунистические цензоры пропускали ее письма, поскольку их устраивало все, что выставляло Америку в плохом свете.

У брата в Софии был друг, знакомый с диссидентскими кругами. У этого друга имелся адрес Трифонова в Форт-Бэрде, Южная Каролина. Перед тем как сбежать в Турцию, Трифонов поддерживал контакты с диссидентами. Его друг передал письмо от человека из Софии парню, который доставлял детали каких-то станков в Австрию. Из Австрии тот сумел отправить письмо Трифонову. Оно пришло в Форт-Бэрд. Трифонов получил его рано утром 2 января. На конверте значилось его имя, написанное прописными буквами на кириллице, и было приклеено множество марок.

Трифонов прочитал письмо в одиночестве у себя в комнате. Он знал, чего от него ждут. Время, расстояния и дружба спрессовались под влиянием любви к болгарам, и ему вдруг стало казаться, что речь идет о его собственной сестре, которую обижают. Женщина жила рядом с местом под названием Кейп-Фир,[24] что, по мнению Трифонова, вполне соответствовало ситуации, в которой эта женщина оказалась. Он зашел в офис какой-то компании и по карте нашел нужное место.

В следующий раз у него появилось свободное время только вечером 4 января. Он придумал план и выучил речь, суть которой сводилась к тому, что не стоит обижать болгарских женщин, имеющих рядом друзей.

– У вас осталось письмо? – спросил я.

Он кивнул:

– Но вы не сумеете его прочитать. Оно на болгарском языке.

– Как вы были одеты в тот день?

– В гражданскую одежду. Я не глуп.

– Какого рода гражданскую одежду?

– Кожаная куртка. Синие джинсы. Рубашка. Все американское. Другой гражданской одежды у меня нет.

– Что вы сделали с тем парнем?

Он покачал головой. Нет, он не будет отвечать.

– Ладно, – сказал я. – Поехали в Кейп-Фир.

Оставив Трифонова в наручниках, мы посадили его обратно в «хаммер». За руль вновь уселась Саммер. Кейп-Фир находится на Атлантическом побережье, к юго-востоку от нас, примерно в сотне миль. В «хаммере» поездка получилась утомительной. Наверное, в «корвете» ехать было бы приятнее. Впрочем, я никогда не ездил в «корвете». И не знал никого, у кого такой автомобиль имелся.

В Кейп-Фире я тоже никогда не бывал. Одно из множества мест в Америке, где я никогда не бывал. Однако я видел фильм.[25] Не помню, где именно. Может быть, в душной палатке. Черно-белый фильм с Грегори Пеком, который что-то не поделил с Робертом Митчумом. Неплохой фильм, насколько я помню, но он вызывал у меня раздражение. Зрители постоянно отпускали язвительные замечания и улюлюкали. Роберта Митчума надо было укокошить в первые же пятнадцать минут. Солдатам было совсем неинтересно целых девяносто минут смотреть на гражданских, которые трясутся от страха.

К тому моменту, как мы добрались до цели своего путешествия, совсем стемнело. Мы миновали знак перед въездом в Уилмингтон, где сообщалось, что это имеющий историческое значение живописный старый портовый город, но нам пришлось свернуть налево, следуя указаниям Трифонова. Мы ехали в темноте по каким-то болотам, а затем покатили в сторону города, носившего название Саутпорт.

– Кейп-Фир рядом с Саутпортом, – сказала Саммер. – Это остров в океане. Кажется, там есть мост.

Однако мы остановились, не доехав до побережья. Мы даже не добрались до самого Саутпорта. Трифонов остановил нас, когда мы проезжали мимо трейлерной стоянки. Это была большая прямоугольная площадка осушенной земли. Как будто кто-то осушил часть болота, чтобы создать озеро, и получилась территория размером с два футбольных поля. Площадку окружали дренажные канавы. Сюда даже дотянули столбы электропередач. На стоянке находилось около сотни трейлеров. В свете наших фар было видно, что некоторые из них представляют собой причудливые сооружения двойного размера с дополнительными пристройками и маленькими садиками, окруженные оградой. Некоторые были самыми обычными и довольно потрепанными. А два или три были сброшены со своих оснований и покинуты владельцами. Мы находились в десяти милях от океанского побережья, а океанские шторма захватывают большие куски суши.

– Вот здесь нужно свернуть направо, – сказал Трифонов.

Мы оказались на центральной дороге, от которой отходили более узкие дорожки. Трифонов объяснял нам, куда следует сворачивать, пока мы не преодолели весь лабиринт и не остановились возле видавшего лучшие времена трейлера цвета зеленого лайма. Краска облупилась, а крыша из толя потеряла прежнюю форму. Однако из трубы шел дым, а за окнами виднелся голубоватый свет телевизора.

– Ее зовут Елена, – сказал Трифонов.

Мы оставили его в «хаммере». Я постучал в дверь, и она почти сразу распахнулась. Открывшая нам женщина идеально подходила под определение «избитая». Она была в жутком состоянии. Старые пожелтевшие синяки вокруг глаз и на челюсти, нос сломан. Она стояла так, что было видно – все тело у нее до сих пор болит, возможно, даже ребра сломаны. На ней был тонкий домашний халатик и мужские туфли. Однако она недавно принимала душ, и ее волосы были аккуратно причесаны. В ее глазах я увидел свет. Может быть, гордость или удовлетворение тем, что ей удалось выжить. Она с беспокойством посмотрела на нас. Бедность, боль и чужая страна – все это давило на нее.

– Чем я могу вам помочь? – спросила она.

У нее был такой же акцент, как у Трифонова, но не столь ярко выраженный и гораздо более привлекательный.

– Нам нужно с вами поговорить, – мягко сказала Саммер.

– О чем?

– О том, что сделал для вас Слави Трифонов, – сказал я.

– Он ничего не сделал, – возразила она.

– Но вам известно его имя.

Она немного подумала и сказала:

– Пожалуйста, заходите.

Наверное, я ожидал увидеть разгром. Пустые бутылки на полу, полные пепельницы, грязь и беспорядок. Но в трейлере было чисто, здесь царил безупречный порядок. Все стояло на своих местах. Пожалуй, немного холодно, но в остальном весьма симпатично. Елена была в трейлере одна.

– Вашего мужа нет? – спросил я.

Она покачала головой.

– Где он?

Она не ответила.

– Полагаю, он в больнице, – сказала Саммер. – Я не ошиблась?

Елена молча посмотрела на нее.

– Мистер Трифонов помог вам, – сказал я. – А теперь в помощи нуждается он сам.

Она молчала.

– Если его не было здесь, значит, он совершил преступление в другом месте. Такова ситуация. Поэтому вы должны нам все рассказать.

Она не отвечала.

– Это очень, очень важно, – настаивал я.

– А если все плохо в любом случае? – спросила она.

– Эти две вещи невозможно сравнивать, – сказал я. – Поверьте мне. Ни при каких обстоятельствах. Поэтому просто расскажите, что произошло. Хорошо?

Она не стала отвечать сразу. Я прошел внутрь трейлера. Телевизор был включен на канал Пи-би-эс, но Елена приглушила звук. Пахло моющими средствами. Ее муж исчез, и она начала новую жизнь с генеральной уборки и образовательной телевизионной программы.

– Я не знаю, что именно произошло, – наконец заговорила она. – Мистер Трифонов пришел и увел моего мужа с собой.

– Когда?

– Позапрошлым вечером, в полночь. Он сказал, что получил письмо от моего брата из Софии.

«В полночь. Он уехал из Бэрда в 22.11 и оказался здесь через час и сорок пять минут. Сто миль, средняя скорость пятьдесят пять миль в час, в „корвете“». Я посмотрел на Саммер. Она кивнула: «Легко».

– Как долго он здесь находился?

– Всего несколько минут. Он вел себя официально. Представился и объяснил мне, что делает и почему.

– И все?

Она кивнула.

– Как он был одет?

– В кожаную куртку и джинсы.

– На какой машине он приехал?

– Я не знаю, как она называется. Красная и низкая. Спортивный автомобиль. Очень шумная выхлопная труба.

– Хорошо, – сказал я.

Мы с Саммер переглянулись и направились к двери.

– Мой муж вернется? – спросила она.

Я представил себе Трифонова таким, каким в первый раз его увидел. Шесть футов и шесть дюймов, двести пятьдесят фунтов, бритая голова. Широкие запястья, сверкающие глаза и пять лет с ГРУ.

– Очень сильно в этом сомневаюсь, – ответил я.

Мы сели в «хаммер». Саммер включила двигатель. Я повернулся назад и заговорил с Трифоновым сквозь проволочное заграждение.

– Где вы оставили ее мужа? – спросил я.

– На дороге в Уилмингтон, – ответил он.

– Когда?

– В три часа утра. Я остановился у телефона-автомата и позвонил в «девять-один-один». Однако я не назвал своего имени.

– Вы провели с ним три часа?

Он задумчиво кивнул.

– Я хотел, чтобы он хорошо меня понял.

Саммер выехала со стоянки трейлеров и повернула на запад, а потом на север в сторону Уилмингтона. Мы проехали мимо туристической рекламы на окраине и стали искать больницу. Через четверть мили мы ее увидели. Здание было двухэтажным и имело въезд с широким навесом для машин «скорой помощи». Саммер припарковала «хаммер» на стоянке, зарезервированной для кого-то с индийской фамилией, и мы вышли. Я отпер заднюю дверь, выпустил Трифонова, снял с него наручники и положил в карман.

– Как фамилия этого типа? – спросил я.

– Пиклес, – ответил Трифонов.

Мы втроем вошли в больницу, и я показал сидевшему за стойкой санитару свой жетон. На самом деле он не дает никаких привилегий в мире гражданских людей, но санитар отреагировал так, словно я

обладаю неограниченной властью. Впрочем, почти все гражданские ведут себя подобным образом, увидев жетон.

– Меня интересует раннее утро пятого января, – сказал я. – Где-то после трех часов. Вы кого-нибудь принимали?

Санитар перебрал несколько алюминиевых дощечек, стоявших в стопке справа от него. Вытащил две из них и посмотрел на меня.

– Мужчина или женщина?

– Мужчина.

Он поставил одну из дощечек обратно, а вторую положил перед собой.

– Джон Доу,[26] – сказал он. – Нищий без документов и страховки, утверждает, что его зовут Пиклес. Полицейские нашли его на дороге.

– Это наш парень, – сказал я.

– Ваш парень? – удивился он, глядя на мою форму.

– Возможно, мы сумеем оплатить его счет, – сказал я.

Это ему понравилось. Он посмотрел на стопку дощечек, словно подумал: «Один есть, осталось еще двести».

– Он в послеоперационном отделении, – сказал санитар и указал в сторону лифта. – Второй этаж.

Он остался за стойкой. Мы втроем поехали наверх. Вышли из лифта и, глядя на указатели, пошли в послеоперационное отделение. Медсестра у двери остановила нас. Я показал ей свой жетон и сказал:

– Пиклес.

Она махнула рукой на закрытую дверь на противоположной стороне коридора.

– Только пять минут, он в очень плохом состоянии.

Трифонов улыбнулся. Мы вошли в тускло освещенную палату. На постели лежал мужчина. Он спал. Я не смог определить, какого он роста, поскольку он весь был покрыт гипсом. Ноги поставлены на вытяжение, на коленях повязки, которые используются при огнестрельных ранениях. К длинной осветительной панели, находящейся на уровне глаз, прикреплены рентгеновские снимки. Я включил свет и посмотрел. На каждом снимке имелась дата и подпись: «Пиклес». Я нашел снимки рук, ребер, груди и ног. Человеческое тело содержит около двухсот десяти костей, и у меня сложилось впечатление, что большая их часть

сломана. Больнице пришлось изрядно раскошелиться только на рентгеновские снимки.

Я выключил свет и дважды стукнул по ножке кровати. Лежащий на ней человек зашевелился и проснулся. Его глаза постепенно приспособились к тусклому освещению – и тут он увидел Трифонова. Другого алиби Трифонову не требовалось. В глазах мужчины отразился бесконечный ужас.

– Вы оба выйдите за дверь, – приказал я.

Саммер вывела Трифонова из палаты, а я подошел к постели.

– Как поживаешь, болван? – спросил я.

Парень по имени Пиклес сильно побледнел. Он потел и дрожал под слоями гипса.

– Это сделал тот человек, – сказал он. – Тот, который только что был здесь. Это все он.

– Что он с тобой сделал?

– Выстрелил мне в ноги.

Я кивнул. Посмотрел на повязки для огнестрельных ранений. Трифонов выстрелил ему в коленные чашечки. Два колена, две пули. Два недостающих патрона в обойме.

– Спереди или сбоку? – спросил я.

– Сбоку, – ответил он.

– Спереди хуже, – заметил я. – Тебе повезло. Впрочем, ты этого не заслуживаешь.

– Я ничего не делал.

– Неужели? Я только что видел твою жену.

– Иностранная сука.

– Не говори так.

– Это все ее вина. Она не хотела делать то, что я ей велел. Женщина должна слушаться мужчину. Так написано в Библии.

– Заткнись, – сказал я.

– Вы что, ничего не собираетесь делать?

– Собираюсь, – ответил я. – Смотри.

Я взмахнул рукой, словно собирался согнать с простыни муху. И несильно ударил его по правому колену. Он закричал, а я направился к двери. Когда я вышел из палаты, сестра посмотрела на меня.

– Он в очень плохом состоянии, – объяснил я.

Мы спустились вниз на лифте и вышли через главный вход, что позволило нам больше не встречаться с дежурным санитаром у стойки. До «хаммера» мы шли молча. Я открыл заднюю дверцу для Трифонова, но прежде, чем он забрался внутрь, протянул ему руку.

– Приношу свои извинения, – сказал я.

– У меня будут неприятности? – спросил он.

– Только не от меня. Я всегда уважал таких парней, как ты. Но тебе повезло. Ты мог бы повредить бедренную артерию, и он бы истек кровью. Тогда все было бы по-другому.

По его лицу промелькнула улыбка. Он сохранял спокойствие.

– Я прошел пятилетнюю подготовку в ГРУ, – сказал он. – Я знаю, как убивать людей. И что нужно делать, чтобы они остались живы.

Глава 16

Мы вернули Трифонову оружие и высадили его возле ворот «Дельты». Вероятно, он сдал пистолет, а потом вернулся в свою комнату и вновь взялся за книгу. Продолжил читать с того места, на котором остановился, когда мы пришли. Мы поставили «хаммер» в гараж военной полиции. И вновь оказались в моем офисе. Саммер сразу же направилась к копии страницы журнала, где были записаны приезды и отъезды с базы за 4 января. Страничка все еще была пришпилена к стене рядом с картой.

– Вассель и Кумер, – сказала она. – Только они покинули базу в это время той ночью.

– Они отправились на север, – сказал я. – Если вы хотите сказать, что они выбросили портфель в окно, значит, они двинулись на север. А не на юг, в Колумбию.

– Ладно, – сказала Саммер. – Значит, Карбона и Брубейкера убили разные люди. И между убийствами нет никакой связи. А мы понапрасну потратили кучу времени.

– Добро пожаловать в реальный мир, – сказал я.

Реальный мир оказался еще более неприятным местом, когда через двадцать минут на моем столе зазвонил телефон. Это был мой сержант. Женщина с маленьким сыном. Звонил Санчес из Форт-Джексона. Она нас соединила.

– Уиллард был здесь и уехал, – сказал он. – В это просто невозможно поверить.

– Я тебе говорил.

– Он устроил истерику.

– Но ты же жаростойкий.

– Благодарение Господу.

Я немного помолчал, прежде чем спросить:

– Ты рассказал ему о моем парне?

Теперь помолчал он.

– Ты же меня просил. А что, не стоило?

– Это были пустые хлопоты. Многообещающая жила оказалась пустой.

– Ну, он направляется к тебе. Уехал два часа назад. Он будет весьма разочарован.

– Замечательно, – пробормотал я.

– Что вы собираетесь делать? – поинтересовалась Саммер.

– Что есть Уиллард по сути своей? – спросил я.

– Карьерист, – ответила она.

– Верно, – сказал я.

Технически в армии есть двадцать шесть различных званий. Солдат начинает службу со звания Е-1 – рядовой, и если он не совершает никаких глупостей, то через год автоматически становится Е-2, а еще через год или даже немного раньше, если он хорошо знает свое дело – Е-3, рядовым первого класса. Далее лестница простирается до пятизвездного генерала армии, хотя мне известны лишь два человека – Джордж Вашингтон и Дуайт Эйзенхауэр, – которым удалось забраться так высоко. Если считать сержанта Е-9, старшего сержанта и старшего сержанта армии за три шага и если прибавить четыре ступени уоррент-офицеров, тогда майор вроде меня имеет семь ступеней над собой и восемнадцать под собой. Таким образом, будучи майором, я имею значительный опыт неподчинения – своего неподчинения по

отношению к вышестоящим и неподчинения нижестоящих по отношению ко мне. Когда миллион человек распределены по двадцати шести ступеням служебной лестницы, неподчинение становится истинным искусством. И все это происходит один на один.

Поэтому я отослал Саммер и стал ждать Уилларда. Саммер возражала. В конце концов мы сошлись на том, что один из нас должен сохранять свободу действия. Она отправилась пообедать, а мой сержант принесла мне сэндвич. Ростбиф со швейцарским сыром, белым хлебом, майонезом и горчицей. Ростбиф был розовым. Потом сержант налила мне кофе. Я принялся за вторую чашку, когда появился Уиллард.

Он сразу же вошел в мой кабинет и не стал закрывать дверь. Я не встал, не отдал честь. И продолжал пить кофе. Он это стерпел, в чем я не сомневался. Он выбрал иную тактику. Ему было известно, что у меня есть подозреваемый, который позволит забрать дело Брубейкера у полицейского участка Колумбии и разорвать связь между полковником элитарной части и продажей наркотиков. Поэтому он решил вести себя дружелюбно. Или просто хотел наладить отношения с одним из своих подчиненных. Он сел и поддернул брюки, всем своим видом показывая, что хочет говорить со мной откровенно, словно мы только что вместе пережили одно и то же событие.

– Замечательная поездка в Джексон, – сказал он. – Превосходная дорога.

Я ничего не ответил.

– Только что купил классический «Понтиак GTO», – не унимался он. – Прекрасный автомобиль. Я поставил полированную выхлопную трубу. Смотрится классно.

Я ничего не ответил.

– Тебе нравятся сильные машины?

– Нет, – ответил я. – Я предпочитаю ездить на автобусе.

– Так не словишь кайф.

– Ладно, тогда скажу по-другому. Меня вполне устраивает размер моего пениса. Мне не нужна компенсация.

Он побледнел. Потом покраснел. Стал такого же цвета, как «корвет» Трифонова. И посмотрел на меня, как по-настоящему крутой парень.

– Расскажи, как идет расследование по делу Брубейкера.

– Это не мое дело.

– Санчес сказал мне, что ты нашел преступника.

– Ложная тревога, – ответил я.

– Ты уверен?

– Совершенно.

– И кто был под подозрением?

– Ваша бывшая жена.

– Что?!

– Кто-то сказал мне, что она спала с половиной полковников нашей армии. Постоянно этим занималась, в качестве хобби. Тогда я решил, что Брубейкер мог входить в их число. Ну, вероятность ведь была пятьдесят на пятьдесят.

Уиллард молча смотрел на меня.

– Шучу, – сказал я. – Это был никто. Пустая жила.

Он отвернулся, с трудом сдерживая ярость. Я встал и закрыл дверь кабинета. Вернулся к своему столу. Сел. И пристально посмотрел на Уилларда.

– Твоя дерзость неслыханна, – сказал Уиллард.

– Так подайте жалобу, Уиллард. Обратитесь к высшему командованию и сообщите им, что я оскорбил ваши чувства. Посмотрим, поверят ли вам. А заодно узнаем, поверит ли кто-нибудь, что вы не в силах решить такую проблему самостоятельно. Интересно, как эта жалоба ляжет в ваше досье. И как это повлияет на ваше повышение, если вопрос о нем будет поднят.

Уиллард заерзал на своем стуле. Переместил тело сначала в одну сторону, потом в другую. Наконец его взгляд остановился на карте, которую повесила на стену Саммер.

– Что это такое? – спросил он.

– Карта, – ответил я.

– Чего?

– Восточной части Соединенных Штатов.

– А что обозначают булавки?

Я не ответил.

Он встал и подошел к стене. Поочередно коснулся булавочных головок пальцем. Вашингтон, Сперривилл, Грин-Вэлли. Затем Роли, Форт-Бэрд, Кейп-Фир и Колумбия.

– И что все это означает? – спросил Уиллард.

– Обычные булавки, – ответил я.

Уиллард вытащил булавку из Грин-Вэлли, штат Виргиния.

– Миссис Крамер, – сказал он. – Я велел тебе оставить это дело в покое.

Он вытащил все остальные булавки и швырнул их на пол. Затем увидел копию страницы журнала въезда и выезда с базы. Просмотрел ее и остановился на Васселе и Кумере.

– Я говорил тебе, чтобы ты и их оставил в покое!

Он сдернул список со стены. Липкая лента сорвала немного краски. Потом Уиллард сделал то же самое с картой. И вновь на пол посыпались куски краски. Булавки оставили маленькие дырочки в штукатурке. Они и сами по себе выглядели как карта. Или созвездие.

– Ты проделал дыры в стене, – заявил он. – Я не потерплю, чтобы армейское имущество портили. Это непрофессионально. Что могут подумать посетители?

– Они подумают, что на стене висела карта, – сказал я. – А вы сорвали карту и устроили здесь беспорядок.

Он бросил смятую карту на пол.

– Ты хочешь, чтобы я сходил в расположение «Дельты»?

– Вы хотите, чтобы я сломал вам спину?

Уиллард долго молчал.

– Тебе следует поразмыслить о своем продвижении по службе, – сказал наконец он. – Думаешь, ты сумеешь стать подполковником, пока я нахожусь здесь?

– Нет, – ответил я. – Я так не думаю. Однако мне не кажется, что вы будете здесь долго находиться.

– Подумай еще раз. Это превосходная ниша. Армии всегда будут нужны полицейские.

– Но ей не всегда будут нужны такие невежественные кретины, как вы.

– Ты говоришь со старшим офицером.

Я оглядел кабинет.

– А что я такого сказал? Я не вижу свидетелей.

Он ничего не смог возразить.

– У вас возникла проблема власти, – сказал я. – Будет любопытно наблюдать, как вы попытаетесь с ней справиться. Может быть, мы разрешим эту проблему как мужчина с мужчиной, в спортивном зале? Хотите попробовать?

– У тебя здесь есть защищенный факс? – спросил Уиллард.

– Естественно, – ответил я – В соседнем кабинете. Вы проходили мимо, когда шли ко мне. Что с вами? Вы не только глупы, но и слепы?

– Завтра ровно в девять ноль-ноль будь рядом с ним. Я пришлю тебе письменные приказы.

Он бросил на меня последний свирепый взгляд. Потом вышел из кабинета и с такой силой захлопнул дверь, что стена затряслась, а поток воздуха поднял карту и листок, брошенные Уиллардом, на целый дюйм от пола.

Я остался сидеть за своим столом. Позвонил брату в Вашингтон, но он не ответил. Может быть, позвонить матери? Но потом я понял, что этого делать не стоит. Она сразу поймет, что я хочу спросить: «Ты жива?»

Поэтому я встал, поднял карту с пола и разгладил ладонью. Вновь прикрепил ее к стене. Подобрал все семь булавок и воткнул на прежние места. Рядом я прикрепил листок с записью приездов и отъездов. Но потом снова снял листок. Это было бесполезно. Я смял листок и выбросил в мусорную корзину. А карту оставил на стене. Мой сержант принесла мне еще кофе. Интересно, где сейчас отец ее ребенка? Может, он такой же мерзавец, как Пиклес? В таком случае он уже давно похоронен в болоте. Или в нескольких болотах, расчлененный на части. Зазвонил телефон, и сержант взяла трубку, немного послушала и передала ее мне.

– Детектив Кларк, – сказала она. – Из Виргинии.

Я переместил телефонный шнур через стол и уселся на свое место.

– У нас наметился прогресс, – сообщил Кларк. – Ломик из Сперривилла – это точно орудие преступления, совершенного у нас. Мы получили аналогичный экземпляр из магазина, и наш медицинский эксперт говорит, что все сходится.

– Хорошая работа, – сказал я.

– Поэтому я звоню, чтобы предупредить вас, что больше не могу продолжать поиски. Мы нашли наше орудие, и у нас нет возможности напрягать бюджет.

– Конечно, – сказал я. – Мы это предвидели.

– Так что теперь вы остаетесь одни, дружище. Я сожалею.

Я ничего не ответил.

– А какие новости у вас? Вы еще не раздобыли имя для меня?

Я улыбнулся. «Можешь забыть про имя, дружище, – подумал я. – Нет quo – нет guid». Впрочем, имени не было с самого начала.

– Я дам вам знать, – пообещал я.

Саммер вернулась минут через тридцать, и я предложил ей отдохнуть остаток вечера. Мы договорились встретиться во время завтрака в офицерском клубе. Ровно в девять часов, когда придут приказы Уилларда. Я собирался устроить долгую неторопливую трапезу – много яиц и много кофе – и вернуться в свой кабинет примерно к десяти пятнадцати.

– Вы переместили карту, – заметила Саммер.

– Уиллард ее сорвал, а я повесил на место.

– Он опасен.

– Может быть, – сказал я. – А может быть, и нет. Время покажет.

Она отправилась в свою комнату, а я пошел к себе. Мое жилище находилось в ряду домиков для офицеров-холостяков и очень напоминало номер в мотеле. На базе была широкая улица, названная в честь одного из давно умерших обладателей Почетной медали Конгресса,[27] от нее ответвлялась улица поменьше, на которой стоял мой домик. Через каждые двадцать ярдов были расставлены столбы с уличными фонарями. Фонарь, ближайший к моей двери, не горел. Его разбили камнем. На тротуаре валялись осколки стекла. В тени стояли трое парней. Я прошел мимо первого. Это был загорелый бородатый сержант из «Дельты». Он постучал по циферблату своих часов указательным пальцем. Второй последовал его примеру. Третий улыбнулся. Я вошел в дом и закрыл за собой дверь. Но не услышал, чтобы они ушли. Спал я паршиво.

Однако утром около моего дома никого не оказалось. Я благополучно добрался до офицерского клуба. В девять часов народу здесь было

немного, что меня вполне устраивало. К сожалению, еда на стойках буфета успела изрядно остыть. И все же я решил, что это неплохо. Я был в большей степени одиночкой, чем гурманом. Мы с Саммер уселись друг напротив друга за маленький столик, стоящий в центре зала. Вдвоем мы съели почти все, что осталось. Саммер уплела примерно фунт кукурузной каши и два фунта бисквитов. Она была маленькой, но поесть любила. Черт возьми, тут не оставалось ни малейших сомнений. Мы не торопясь выпили кофе и вошли в мой офис в десять двадцать. Внутри царила паника. Звонили все телефоны. Капрал из Луизианы выглядел встревоженным.

– Не берите трубку, – сказал он. – Это полковник Уиллард. Он хочет услышать немедленное подтверждение, что вы получили его приказы. Он в ярости.

– И в чем состоят эти приказы?

Он вернулся к своему столу и взял лист бумаги из факсового аппарата. Телефоны продолжали звонить. Я не стал брать в руки листок, а прочитал распоряжения Уилларда через плечо капрала. Они состояли из двух абзацев. Уиллард приказал мне проверить записи в журнале интенданта. Далее я должен был установить, что находится на складе, а что отсутствует без всяких на то оснований. Затем мне следовало составить список всех отсутствующих предметов и сделать письменные предположения о том, где они могут находиться. К работе я должен был приступить незамедлительно. Кроме того, Уиллард хотел, чтобы я позвонил ему и доложил о получении приказа.

Классическое наказание бессмысленной работой. В трудные старые времена приказывали покрасить уголь в белый цвет, наполнить мешки песком, пользуясь чайными ложками, или вымыть пол зубной щеткой. Уиллард продемонстрировал современный эквивалент подобной работы в военной полиции. Чтобы сделать эту никому не нужную работу, потребуется две недели. Я улыбнулся.

Телефоны продолжали надрываться.

– Я в глаза не видел этого приказа, – заявил я. – Меня здесь нет.

– А где вы?

– Скажи ему, что кто-то уронил обертку от жевательной резинки возле офиса командира базы. Скажи, что я не мог допустить, чтобы имущество военной базы подвергалось такому оскорблению. И скажи, что я иду по следу с самого рассвета.

Мы с Саммер вышли на тротуар, подальше от трезвонящих телефонов.

– Вот мерзавец! – сказал я.

– Вы должны залечь на дно, – посоветовала Саммер. – Он будет вас искать.

Я посмотрел по сторонам. Было холодно. Серые здания, серое небо.

– Давайте устроим выходной, – предложил я. – Поедем куда-нибудь.

– У нас есть незаконченные дела.

Я кивнул. Карбон, Крамер, Брубейкер.

– Здесь нельзя оставаться, – сказал я. – Поэтому заниматься делом Карбона мы не можем.

– Хотите съездить в Колумбию?

– Это не наше дело, – возразил я. – Все, что возможно, там сделает Санчес.

– Для пляжа слишком холодно, – задумчиво произнесла Саммер.

Я снова кивнул. Мне вдруг захотелось, чтобы стало тепло. Я бы с удовольствием посмотрел на Саммер на пляже. В бикини. И лучше всего в самом крошечном бикини.

– Нам нужно работать, – сказала она.

Я посмотрел на юг и на запад, за здания базы. На горизонте виднелись голые холодные деревья. Немного ближе высилась грустная сосна. Карбона мы нашли чуть дальше.

Карбон.

– Давайте съездим в Грин-Вэлли, – предложил я. – Навестим детектива Кларка. Попросим показать собранные им материалы по ломику. Он сделал за нас первую часть работы. Быть может, мы сумеем ее завершить. Четырехчасовая поездка сейчас будет очень своевременной.

– И четыре часа на обратный путь.

– Мы можем устроить ланч. Или даже обед. Можем позволить себе самовольную отлучку.

– Нас найдут.

Я покачал головой.

– Никто меня не найдет, – ответил я. – Никогда.

Я остался ждать на тротуаре, а Саммер через пять минут вернулась в зеленом «шевроле», которым мы уже пользовались прежде. Она подъехала ко мне и опустила стекло.

– Разумно ли это? – спросила она.

– Ничем другим мы не располагаем, – ответил я.

– Нет, я имею в виду совсем другое. На выезде с базы запишут время – десять тридцать. Уиллард может это проверить.

Я ничего не ответил.

– Спрячьтесь в багажнике, – с улыбкой предложила Саммер. – Вылезете оттуда, как только мы минуем пост.

Я покачал головой.

– Я не стану прятаться. Во всяком случае, из-за такого придурка, как Уиллард. Если он проверит журнал, я отвечу, что охота за человеком, бросившим на землю обертку от жвачки, вынудила меня покинуть штат. Или даже страну. Мы можем поехать на Таити.

Я сел рядом с Саммер, отодвинул до отказа пассажирское сиденье и вновь стал думать о бикини. Саммер сняла ногу с тормоза и поехала к воротам. На выезде она остановила «шевроле». К нам подошел рядовой военной полиции. Он записал номер нашей машины и имена. Посмотрел на заднее сиденье. Потом кивнул своему партнеру, и шлагбаум начал медленно подниматься. Это был толстый шест в красно-белую полоску с противовесом. Саммер дождалась, когда он займет вертикальное положение, а потом так нажала на газ, что машина пулей вылетела с базы в голубом облаке жженой резины с задних колес «шевроле». Государство оплатит все.

По мере того как мы продвигались на север, погода улучшалась. На смену серым тучам пришло зимнее солнце. Мы ехали в армейской машине, поэтому в ней не было радио. Пустая панель на том месте, где в гражданской машине стоял бы приемник со средними и короткими волнами и магнитофоном. Мы изредка перебрасывались отдельными фразами, а остальное время молчали. Странное это ощущение – быть свободным. Почти всю свою жизнь я провел там, где приказывали мне быть военные. И сейчас я чувствовал себя как прогульщик школьных уроков. Вокруг был огромный мир. Он занимался своими делами, не слишком упорядоченными, лишенными дисциплины, а я на короткое время стал его частью. Я сидел, откинувшись на спинку, и смотрел на меняющиеся, как в калейдоскопе, картинки, подобные бликам солнца на бегущей речной воде.

– Вы носите бикини или цельный купальник? – спросил я.

– А почему вы спрашиваете?

– Просто хотел проверить, – сказал я. – Я думал о пляже.

– Слишком холодно.

– В августе будет теплее.

– Думаете, вы еще будете здесь в августе?

– Нет, – ответил я.

– Жаль, – сказала она. – Вы так и не узнаете, что я ношу.

– Вы можете прислать мне фотографию.

– Вопрос только, куда?

– Скорее всего, в Форт-Левенуэрт, – ответил я. – В крыло для особо опасных преступников.

– Нет, серьезно, где вы будете?

– Понятия не имею, – сказал я. – До августа еще восемь месяцев.

– А какое место службы понравилось вам больше всего?

Я улыбнулся и ответил ей так, как отвечал всем, кто задавал мне такой вопрос:

– Здесь и сейчас.

– Несмотря на то, что на вас точит когти Уиллард?

– Уиллард – это чепуха. Он уйдет отсюда раньше меня.

– Но почему он вообще здесь оказался?

Я поудобнее устроился на сиденье.

– Мой брат считает, что тот, кто за этим стоит, копирует действия крупных корпораций. Невежды не делают вложений в существующее положение.

– Тип, который обучен писать алгоритмы расходования топлива, в первую же неделю службы получает двух мертвых военных. И не хочет вести расследование.

– Поскольку это старомодный образ мышления. Нужно двигаться вперед. Видеть общую картину.

Она улыбнулась. Мы ехали все дальше. Свернули на шоссе, ведущее в Грин-Вэлли. Мы мчались к цели на огромной скорости.

Здание полицейского участка Грин-Вэлли находилось в северной части города. Я не ожидал, что оно окажется таким большим, да и сам Грин-Вэлли был достаточно крупным городом. Город располагался вокруг довольно симпатичного центра, который мы уже видели, но дальше он уходил на север – здесь вплоть до Сперривилла господствовали торговые центры и небольшие фабрики.

Полицейский участок выглядел достаточно просторным – в нем могли бы работать от двадцати до тридцати полицейских. Так строят в тех местах, где земля стоит дешево. Длинное низкое здание с одноэтажным центром и двумя крыльями. Крылья пристроили под прямыми углами, так что все сооружение имело П-образную форму. Фасады были бетонными, но выполненными так, чтобы казалось, будто они сложены из камня. Перед зданием находилась лужайка, а с двух сторон – площадки для парковки. В центре лужайки стоял флагшток. На нем грустно висел потрепанный государственный флаг США – ветра совсем не было. В бледном солнечном свете здание производило двойственное впечатление – смесь великолепия и легкого запустения.

Мы припарковались справа, между двумя белыми полицейскими патрульными машинами. Потом вышли на бледный солнечный свет и направились к главному входу. Там мы обратились к дежурному и спросили у него, как найти детектива Кларка. Он куда-то позвонил и жестом предложил нам пройти в левое крыло. Мы прошли по грязноватому коридору и оказались в помещении размером с баскетбольную площадку. Очевидно, здесь работали детективы. Маленький деревянный барьер отделял линию четырех стульев для посетителей, далее перед проходом располагался столик дежурного. Впереди виднелся кабинет лейтенанта и три пары черных письменных столов, на которых стояли телефоны и были разложены какие-то бумаги. Вдоль стен выстроились шкафчики с документами. Окна давно следовало бы вымыть, а жалюзи сменить.

Дежурного за столиком не было. В комнате сидели двое детективов, оба в спортивных твидовых куртках, оба к нам спиной. Одним из них оказался Кларк. Он с кем-то говорил по телефону. Я постучал по столу. Оба детектива обернулись. Кларк на мгновение удивленно замолчал, а потом помахал нам рукой, предлагая входить. Мы взяли стулья и уселись по разные стороны от его стола. Он продолжал говорить по телефону. Пока мы ждали, я осмотрелся. Стены кабинета лейтенанта были сделаны из стекла начиная от уровня пояса и выше. Там стоял большой письменный стол, но сам лейтенант отсутствовал. Однако на его столе я заметил два гипсовых оттиска, очень похожих на те, что

сделал наш патологоанатом. Я не стал подходить, чтобы посмотреть на них. Посчитал, что это будет невежливо.

Кларк закончил разговор, повесил трубку и что-то записал в желтом блокноте. Потом тяжело вздохнул и отодвинул свое кресло немного назад, чтобы видеть нас обоих одновременно. Он молчал. Кларк прекрасно понимал, что мы здесь вовсе не с визитом вежливости. Однако он не хотел спрашивать прямо, есть ли у нас для него имя, чтобы не выглядеть глупо в том случае, если нам будет нечего ему ответить.

– Мы проезжали мимо, – объяснил я.

– Понятно, – ответил он.

– Нам нужна небольшая помощь, – сказал я.

– Какого рода?

– Не могли бы вы передать нам ваши записи о ломике? Вам ведь теперь они не нужны. Вы нашли свой ломик.

– Записи?

– Вы составили списки всех магазинов, торгующих скобяными изделиями. И я подумал, что мы сэкономили бы время, если бы продолжили с того места, на котором вы остановились.

– Я мог бы послать вам эти сведения факсом, – сказал он.

– Вероятно, их довольно много. Мы не хотели вас затруднять.

– Меня могло не быть на месте.

– Мы все равно проезжали мимо.

– Ладно, – сказал Кларк. – Записи о ломиках.

Он крутанулся на своем кресле, встал и подошел к одному из шкафов. Вытащив оттуда зеленую папку толщиной примерно в полдюйма, он бросил ее на стол. Папка упала с неслабым стуком.

– Удачи вам, – пожелал Кларк и сел на прежнее место.

Я кивнул Саммер, чтобы она взяла папку. Она открыла ее. В ней было полно бумаг. Она пролистала их и скорчила гримасу. Это был очень длинный список мест от Нью-Джерси до Северной Каролины. Там имелись имена, адреса и телефоны. Возле первых девяноста стояли какие-то отметки. Оставалось еще около четырехсот адресов.

– Будьте внимательны, – сказал Кларк. – В некоторых местах этот инструмент называется ломиком, а в некоторых – фомкой. Убедитесь, что они понимают, о чем идет речь.

– Эти ломики бывают разных размеров?

– Самых разных размеров. Наш довольно большой.

– А могу я на него взглянуть? Или он уже сдан на хранение?

– Это не улика, – сказал Кларк. – Мы не нашли орудия преступления. Это просто аналогичный инструмент из магазина в Сперривилле. Мы не можем воспользоваться им в суде.

– Однако он подходит к вашим слепкам.

– Как перчатка.

Кларк встал, вошел в кабинет лейтенанта, взял со стола слепки, вернулся к нам и положил их на стол. Они были идентичны нашим. Позитив и негатив, как и у нас. Голова миссис Крамер была заметно меньше, чем голова Карбона. А потому протяженность контакта была меньше. Таким образом, след от смертельного удара получился немного короче, но был таким же глубоким и уродливым. Кларк провел пальцем по оставленному следу.

– Очень сильный удар, – сказал он. – Мы ищем высокого сильного мужчину, правшу. Вы видели кого-нибудь похожего?

– Всякий раз, когда смотрюсь в зеркало, – ответил я.

Слепок самого оружия убийства получился немного короче нашего. Однако в остальном он выглядел аналогичным образом. Такие же небольшие ямочки, связанные с дефектами гипса, но такой же гладкий и прямой след.

– Можно взглянуть на сам ломик? – спросил я.

– Конечно, – ответил Кларк.

Он наклонился и открыл ящик письменного стола. Он не стал его закрывать и отодвинулся в сторону, чтобы мы могли получше рассмотреть ломик. Я увидел точно такой же черный изогнутый кусок металла, какой мы нашли вчера утром. Та же форма, те же размеры, цвет и все остальное. Такой же блеск и точность. Близнец этого ломика я оставил в кабинете патологоанатома в морге Форт-Бэрда.

Мы проехали десять миль, отделявшие нас от Сперривилла. Я просмотрел список Кларка и нашел адрес магазина скобяных товаров. Он находился на пятой строчке, ближе к Грин-Вэлли. Однако я не увидел галочки возле телефонного номера. Рядом стояла карандашная надпись: «Телефон не отвечает». Вероятно, владелец был как раз занят переговорами со страховой компанией и со стекольщиком. Позднее

люди Кларка позвонили в магазинчик еще раз, но в данный момент они были поглощены работой с НЦИП.

Сперривилл – небольшой городок, поэтому мы просто кружили по нему в поисках нужного адреса. Мы нашли группу магазинов на довольно короткой улице, и после того, как оказались на ней в третий раз, обнаружили название нужной нам улицы на зеленой табличке. Она указывала в узкий тупик. Мы проехали между двух строений, обшитых вагонкой, и увидели небольшой дворик, где располагался интересующий нас магазин, похожий на маленький одноэтажный сарай, покрашенный так, чтобы никто не усомнился, что перед ним магазин. В таких заведениях обычно работают муж и жена. На старой вывеске значилась фамилия владельцев. И никаких намеков на связь с какой-либо крупной фирмой. Классический американский мелкий бизнес, переживающий взлеты и падения и переходящий от поколения к поколению.

Превосходное место для ночного ограбления. Тихое, изолированное, невидимое для пешеходов с главной улицы, без жилых помещений на втором этаже. На фасадной стене была витрина, правее находилась входная дверь. В стекле до сих пор оставалось отверстие в форме полумесяца, временно закрытое фанерной заплаткой, аккуратно вырезанной по размеру. Отверстие, видимо, пробили ногой. Оно находилось совсем рядом с дверью. Высокий мужчина мог до самого плеча просунуть левую руку сквозь дыру и без особых усилий отодвинуть защелку. Тем не менее ему следовало действовать очень аккуратно и медленно сгибать локоть, чтобы не порвать одежду. Я представил себе, как он стоит в темноте, прижавшись левой щекой к холодному стеклу, и, тяжело дыша, шарит внутри рукой.

Мы припарковались у входа в магазин. Вышли из машины и с минуту изучали витрину. Там было выложено множество разных предметов. Однако тот, кто разместил их там, не собирался в скором времени переезжать на Пятую авеню. Возможно, он даже не видел ее знаменитых праздничных витрин. Здесь не пытались привлечь покупателей при помощи рекламных трюков. Все аккуратно лежало на полочках, снабженное одинаковыми бирками с ценой. Казалось, витрина говорила: «Вот что у нас имеется. Если есть желание, заходите и покупайте». Однако складывалось впечатление, что товар здесь предлагался качественный. Были и некоторые необычные вещи. Я даже не знал, для чего они предназначены. В инструментах я разбирался не слишком хорошо, практически не пользовался ими, за исключением ножей. Но не сомневался, что свои товары владельцы магазина выбирали тщательно.

Мы вошли. Над дверью висел колокольчик, который сразу же зазвенел. Внутри все было таким же аккуратным и хорошо организованным, как и

на витрине: товары тщательно разложены на полках и прилавках, пол из широких досок. Я уловил слабый запах машинного масла. Царила тишина. Никаких покупателей. За прилавком стоял мужчина лет шестидесяти или даже семидесяти и смотрел на нас – звонок предупредил его о нашем приходе. Хозяин магазинчика был среднего роста, худощавый и слегка сутулый. Он носил круглые очки и вязаный шерстяной жакет, которые придавали ему умный вид, и возникало ощущение, что он никогда не держал в руках инструментов более крупных, чем отвертка. При взгляде на него создавалось впечатление, что продавать инструменты лишь немногим хуже, чем читать курс в университете об их конструкции, истории и развитии.

– Чем я могу вам помочь? – спросил хозяин.

– Мы пришли из-за украденного ломика, – сказал я. – Или фомки, если вам так больше нравится.

Он кивнул.

– Ломик. «Фомка» звучит как-то неуклюже.

– Ладно. Мы пришли из-за украденного ломика, – сказал я.

Он улыбнулся.

– Вы представляете армию. У нас что, введено военное положение?

– Мы ведем параллельное расследование, – объяснила Саммер.

– Вы из военной полиции?

– Да, – ответила Саммер и назвала наши имена и звания.

Хозяин назвал свое имя, которое соответствовало надписи у входа.

– Нам нужны сведения о рынке ломиков, – сказал я.

На его лице появилось выражение вежливого интереса.

Так реагирует научный эксперт, когда ты задаешь ему вопросы об отпечатках пальцах, а не о ДНК. У меня сложилось впечатление, что в производстве ломиков уже давно не происходило ничего нового.

– С чего мне начать? – спросил он.

– Сколько видов ломиков существует?

– Дюжины, – ответил он. – Есть по меньшей мере шесть производителей, с которыми я имею дело лично. И множество других, чья деятельность меня не интересует.

Я посмотрел по сторонам.

– Потому что вы продаете только качественный товар.

– Совершенно верно, – подтвердил он. – Я не могу конкурировать с большими магазинами лишь по цене. А потому должен предлагать все самого лучшего качества, в том числе и обслуживание.

– И вы нашли свою нишу, – сказал я.

Хозяин снова кивнул.

– Дешевые ломики поставляет Китай, – сказал он. – Массовое производство, чугун, низкосортная кованая сталь. Это меня не интересует.

– Так что же вы продаете?

– Я импортирую небольшое количество титановых ломиков из Европы, – ответил он. – Они очень дорогие и невероятно прочные. И что самое важное, легкие. Их производят для полиции и пожарников. Или для подводных работ, где возможна коррозия. И для всех, кто нуждается в небольшом, прочном и надежном инструменте.

– Однако украли другой ломик.

Старик покачал головой.

– Титановыми ломиками интересуются только специалисты. Для остальных я предлагаю товар попроще.

– Что вы можете о нем рассказать?

– У нас маленький магазин, – сказал он. – Я должен очень тщательно отбирать товар. В некотором смысле это непросто, но, с другой стороны, доставляет мне удовольствие, поскольку я обладаю свободой выбора. Я сам принимаю решения. Вот почему для ломика я выбираю сталь с высоким содержанием углерода и хрома. Затем возникает вопрос о том, должна ли сталь быть отпущенной один раз или дважды. Честно говоря, я всегда предпочитаю двойной вариант, для прочности. И мне хотелось бы, чтобы зубцы были плоскими – для удобства и в то же время обладали повышенной прочностью – для надежности. Ведь в некоторых ситуациях речь идет о безопасности для жизни. Представьте себе человека на стропильной балке, у которого обламывается зубец. Этот человек просто упадет.

– Да, пожалуй, – согласился я. – Значит, нужна сталь соответствующего сорта, дважды отпущенная, и нужны прочные зубцы. Что же вы выбираете?

– Ну, что касается данного инструмента, я иду на компромисс. Мой основной производитель не делает ломики короче чем в восемнадцать

дюймов. Но мне, разумеется, нужны также ломики длиной в двенадцать дюймов.

Вероятно, он прочел на моем лице, что я ничего не понимаю, потому что пояснил:

– Для гвоздей с большой шляпкой и балок. Если вы работаете внутри пространства в шестнадцать дюймов, вам не удастся воспользоваться ломиком длиной в восемнадцать, верно?

– Конечно, – ответил я.

– Поэтому я беру двенадцатидюймовые ломики у другого производителя, хотя сталь там отпущена только один раз. Однако с точки зрения твердости вполне допустимо. Когда рычаг составляет всего двенадцать дюймов, нагрузка существенно уменьшается.

– Ясное дело, – сказал я.

– Кроме упомянутого ломика и фирменных титановых я делаю ломики на заказ в одной очень старой компании в Питтсбурге, которая называется «Фортис». Они производят для меня две модели: восемнадцатидюймовые и трехфутовые. У обеих моделей диаметр поперечного сечения три четверти дюйма. Высокое содержание углерода в дважды отпущенной стали, зубцы особой твердости и высококачественная краска.

– Именно такой трехфутовый ломик у вас украли, – подхватил я.

Он посмотрел на меня так, словно я был ясновидящим.

– Детектив Кларк показал мне образец украденного ломика, – объяснил я.

– Понятно, – сказал он.

– Скажите, насколько редким является ломик фирмы «Фортис» длиной в три фута?

На лице хозяина появилась гримаса разочарования.

– Я продаю один такой ломик в год, – сказал он. – Два, если очень повезет. Они дорогие. А в последнее время людей все меньше интересует качество. Я бы сказал, не следует метать бисер перед свиньями.

– И в других местах такая же ситуация?

– В других местах? – переспросил он.

– В других магазинах вашего региона. Там такая же ситуация с ломиками «Фортис»?

– Прошу прощения, – сказал он. – Возможно, я выразился недостаточно ясно. Эти ломики делают для меня. По моим собственным чертежам. Это мой личный заказ.

Я изумленно посмотрел на него.

– Иными словами, такой ломик можно купить только в вашем магазине?

Он кивнул:

– Таковы преимущества независимости.

– То есть это эксклюзивная вещь?

– Они уникальны, – подтвердил хозяин.

– Когда вы в последний раз продали такой ломик?

– Около девяти месяцев назад.

– Скажите, со временем краска сходит?

– Я понимаю, о чем вы спрашиваете, – сказал старик. – Ответ на ваш вопрос – да, конечно. Так что если вы нашли ломик, который выглядит как новый, значит, это и есть тот, что украли перед Новым годом.

Идя по стопам детектива Кларка, мы позаимствовали еще один ломик. Он был смазан машинным маслом и обернут в бумагу. Мы положили его, как трофей, на заднее сиденье «шевроле». Потом мы поели в машине. Сэндвичи купили в кафе, расположенном в сотне ярдов к северу от магазина.

– Какие три новых факта у нас появились? – спросил я.

– Первый: миссис Крамер и Карбон убиты одним и тем же орудием. Второй: мы сойдем с ума, пытаясь связать два этих убийства между собой.

– И третий?

– Я не знаю.

– Третий состоит в том, что преступник очень хорошо знал Сперривилл. Вы сумели бы найти этот магазин в темноте и в спешке, если бы впервые попали в город?

Мы посмотрели вперед через ветровое стекло. Вход в переулок было трудно разглядеть, хотя мы и знали, что он находится именно там. К тому же сейчас было светло.

Саммер закрыла глаза.

– Нужно сосредоточиться на орудии, – сказала она. – Забыть обо всем остальном. Представить его себе. Ломик, сделанный на заказ. Уникальная вещь. Его вынесли из переулка, который находится перед нами. Потом он оказался в Грин-Вэлли в два часа ночи первого января. А затем в Форт-Бэрде в девять вечера четвертого января. Ломик проделал путешествие. Мы знаем, где оно началось, и нам известно, где закончилось. Однако мы не представляем себе, что происходило в середине, тем не менее в процессе ломик побывал в одном месте. Он прошел через главные ворота Форт-Бэрда. Мы не выяснили когда, но мы не сомневаемся, что он через них проходил.

Она открыла глаза.

– Мы должны вернуться туда и снова посмотреть журнал. Он мог вернуться не ранее шести часов утра первого января, поскольку Форт-Бэрд находится в четырех часах езды от Грин-Вэлли. А самое позднее время прохода через ворота базы – восемь вечера четвертого января. Этот промежуток охватывает восемьдесят шесть часов. Нам нужно проверить всех, кто возвращался на базу за это время. Мы точно знаем, что он побывал на базе, и у нас нет сомнений, что он не сам туда попал.

Я ничего не ответил.

– Мне очень жаль, – сказала Саммер. – В списке будет много имен.

Мне уже больше не казалось, что я прогуливаю школу. Мы вернулись на шоссе и направились на восток в поисках автострады I-95. Свернув на нее, мы помчались на юг, в сторону Бэрда. Обратно к Уилларду и телефону. И к рассерженным ребятам из «Дельты». Перед въездом на территорию Северной Каролины нас накрыла серая туча. Небо потемнело, и Саммер включила фары. Мы миновали здание полицейского участка, потом то место, где нашли портфель Крамера, и еще через одну милю – площадку для отдыха. Затем мы оказались возле развязки, рядом с которой находился мотель Крамера. Вскоре и он остался у нас за спиной, и мы проехали последние тридцать миль, отделявшие нас от Форт-Бэрда. Часовой записал в журнал, что мы вернулись в 19.30. Я попросил скопировать для нас всю информацию в журнале начиная с 6.00 первого января и до 20.00 четвертого января и немедленно доставить копию этого восьмидесятишестичасового кусочка жизни в мой кабинет.

В моем кабинете было очень тихо. Утренняя свистопляска давно закончилась. На пост заступила сержант, у которой был маленький

ребенок. Она выглядела усталой. Я сообразил, что она мало спит. Всю ночь ей приходится работать, а днем она занята с ребенком. Тяжелая жизнь. Она заварила кофе. Наверное, нуждалась в нем не меньше меня. Возможно, даже больше.

– Ребята из «Дельты» проявляют беспокойство, – сказала она. – Они знают, что вы арестовали болгарина.

– Я его не арестовывал. Просто задал несколько вопросов.

– Они не пожелали заметить разницу. Эти типы несколько раз заходили сюда и спрашивали, где вас найти.

– Они были вооружены?

– Этим парням не требуется оружие. Им следовало бы запретить покидать собственную территорию. И вы это можете сделать. Вы ведь исполняете обязанности командира военной полиции.

Я покачал головой.

– Что-нибудь еще?

– Вам нужно позвонить полковнику Уилларду до полуночи, в противном случае он будет считать, что вы находитесь в самовольной отлучке. Он сказал, что подаст рапорт.

Я кивнул. Это был очевидный следующий ход Уилларда. Обвинение в самовольной отлучке не будет иметь отрицательных последствий для Уилларда как моего командира. Виноват всегда тот, кто сбежал из части.

– Что-нибудь еще? – повторил я свой вопрос.

– Санчес хочет десять-шестнадцать, – сказала она. – С Форт-Джексоном. Кроме того, звонил ваш брат.

– Он оставил сообщение? – спросил я.

– Нет.

– Понятно, – сказал я.

Я подошел к своему столу. Взял телефон. Саммер сразу направилась к карте. Коснулась пальцами булавок, провела линию от Вашингтона до Сперривилла, от Сперривилла до Грин-Вэлли, от Грин-Вэлли до Форт-Бэрда. Я набрал номер Джо. Он ответил после второго гудка.

– Я звонил маме, – сказал он. – Она пока держится.

– Она сказала «скоро», Джо. Но из этого не следует, что мы должны нести постоянное дежурство.

– Это произойдет быстрее, чем мы думаем. И быстрее, чем мы хотим.

– Как она?

– Не лучшим образом.

– Ты в порядке?

– У меня все неплохо, – ответил Джо. – А ты?

– Для меня это не самый лучший год.

– Теперь твоя очередь звонить ей, – сказал он.

– Я позвоню, – пообещал я. – Через несколько дней.

– Позвони завтра, – велел он.

Он повесил трубку, и я с минуту сидел молча. Потом вновь поднял трубку и попросил сержанта соединить меня с Санчесом из Форт-Джексона. Я держал в руке трубку и ждал. Саммер внимательно смотрела на меня.

– Постоянное дежурство? – спросила она.

– Она ждет, когда ей снимут гипс, – сказал я. – Ей это не нравится.

Саммер еще несколько мгновений смотрела на меня, а потом вернулась к карте. Я включил громкую связь и положил трубку на стол. Раздался щелчок, и я услышал голос Санчеса.

– Я тут донимал полицейских из Колумбии относительно машины Брубейкера, – сказал он.

– Они до сих пор ее не нашли? – спросил я.

– Нет, – ответил Санчес. – И даже не пытаются. Я никак не мог этого понять. Поэтому я не отставал от них.

– И?

– И они кинули мне еще один кусок.

– Какой?

– Брубейкер убит не в Колумбии, – сказал он. – Его привезли туда и бросили.

Глава 17

Санчес рассказал нам, что медицинские эксперты из Колумбии обнаружили некоторые противоречия в состоянии тела Брубейкера и пришли к мнению, что он умер за три часа до того, как его тело оставили

в переулке. После смерти наступает цианоз крови. Сердце останавливается, кровяное давление падает, жидкая кровь скапливается в нижних частях тела под воздействием силы тяжести. В результате через некоторое время на коже возникают фиолетовые пятна. Затем в промежутке от трех до шести часов после смерти цвет кожи перестает меняться, как на проявившейся фотографии. У человека, умершего на спине, будет бледная грудь и фиолетовая спина. А у того, кто лежит лицом вниз, все наоборот. Но в случае с Брубейкером цианоз распространился по всему телу. Медицинские эксперты Колумбии сделали вывод, что он был убит, после чего тело пролежало на спине около трех часов, а потом его выбросили в переулке – лицом вниз. Они уверены, что временной промежуток составил три часа, поскольку именно за такое время начинают фиксироваться трупные пятна. Они утверждают, что у него есть такие ранние пятна на спине и поздние пятна на груди. Кроме того, они сказали, что на спине осталась полоса мертвой плоти, которая подвергалась сильному нагреванию.

– Он лежал в багажнике автомобиля, – догадался я.

– Над глушителем, – уточнил Санчес. – За три часа тело успело сильно нагреться.

– Это многое меняет.

– И объясняет, почему его «шевроле» не удалось найти в Колумбии.

– А также объясняет отсутствие свидетелей, гильз и пуль, – добавил я.

– И что же теперь нам искать?

– Три часа в машине? – спросил я – Ночью, по пустым дорогам? Получается круг радиусом в двести миль.

– Довольно большой круг, – заметил Санчес.

– Приблизительно сто двадцать пять тысяч квадратных миль, – прикинул я. – Произведение числа «пи» на квадрат радиуса. Что предпринимают по этому поводу полицейские из Колумбии?

– Они выронили это дело из своих рук, как горячую картофелину. Теперь им занимается ФБР.

– И что Бюро думает о наркотиках?

– Они настроены скептически. Полагают, что героин не наш профиль. Марихуана или амфетамины – это мы можем.

– Я бы не отказался от небольшой порции двух последних, – проворчал я.

– С другой стороны, они знают, что парни из «Дельты» много путешествуют. Пакистан, Южная Америка. А героин поступает именно оттуда. Поэтому они оставляют эту версию про запас, на случай если расследование зайдет в тупик, – именно так собиралась поступить и полиция Колумбии.

– Пустая трата времени. Героин? Такой человек, как Брубейкер, скорее умрет.

– Они полагают, что так оно и произошло.

Санчес отсоединился, и я положил трубку.

– Скорее всего, это произошло на севере, – предположила Саммер. – Брубейкер выехал из Роли. Его машину следует искать где-то в тех местах.

– Это не наше дело, – сказал я.

– Согласна, этим должно заниматься ФБР.

– Не сомневаюсь, что они так и поступили.

В дверь постучали. Я впустил капрала, который принес стопку листов. Он отдал честь и положил бумаги на мой стол. Отошел на шаг назад и вновь отсалютовал.

– Копии записей в журнале убытия и прибытия. С первого по четвертое января, как вы приказали.

Он развернулся кругом, вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Я посмотрел на кипу бумаг. Листов семь на глазок. Не так уж и плохо.

– Займемся делом, – сказал я.

Нам вновь помогла операция «Правое дело». Повышенный уровень боеготовности привел к тому, что множество увольнений были отменены. В общем-то без особо уважительных причин, поскольку ситуация в Панаме не была такой уж серьезной, но военные работают именно так. Зачем нужно понятие уровней «готовности обороны», если их нельзя применять? Зачем устраивать небольшие драмы за рубежом, если вся армия не почувствует этого на своей шкуре?

С другой стороны, нельзя отменять увольнительные, если не позаботиться о том, чтобы люди могли заполнить свое время. Отсюда появление дополнительных тренировок и тестов. Большинство из них были довольно напряженными и начинались рано. В результате мы получили неожиданный подарок: почти все, кто выезжал с базы праздновать Новый год, вернулись сравнительно рано. Вероятно, они

приехали на базу около трех или четырех часов утра, поскольку после шести поток возвращающихся превратился в тоненький ручеек.

За восемнадцать оставшихся часов первого января на базу вернулось девятнадцать человек. В том числе мы с Саммер, после поездки в Грин-Вэлли и визита в «Уолтер Рид». Себя мы сразу вычеркнули из списка.

Второго января кроме нас на базу вернулось шестнадцать человек. А третьего января – всего двенадцать. И семнадцать до 20.00 четвертого января. Всего шестьдесят две фамилии за промежуток в восемьдесят шесть часов. Девять из них – гражданские водители фургонов, доставлявших продовольствие. Мы их вычеркнули. Одиннадцать фамилий встречались дважды. Эти люди возвращались, снова уезжали и опять возвращались. Как регулярные пассажиры автобуса, купившие сезонные билеты. Одним из них была мой ночной сержант. Мы ее вычеркнули, поскольку она являлась женщиной, к тому же невысокого роста. Мы вычеркнули все повторные возвращения.

Осталось проверить сорок одного человека. Во всех случаях у нас была фамилия, звание и инициалы. По этим данным мы не могли установить, кто из них мужчина, а кто женщина. И не знали, каковы их рост и сила. Не говоря уже о том, кто из них правша.

– Я займусь выяснением пола, – предложила Саммер. – У меня остались полные списки. Там можно узнать имена.

Я кивнул. Потом снял трубку и напугал патологоанатома, предложив встретиться у него в морге.

Я доехал на нашем «шевроле» до его офиса, поскольку не хотел, чтобы меня увидели с ломиком в руках. Припарковавшись у входа в морг, я стал ждать. Патологоанатом появился через пять минут – он шагал со стороны офицерского клуба. Наверное, я помешал ему закончить десерт. Или – еще того хуже – он не доел основное блюдо. Я выбрался из машины, прихватив с заднего сиденья ломик. Патологоанатом скользнул по нему взглядом и повел меня внутрь. Похоже, он понял, чего я хочу. Он открыл свой кабинет, включил свет и сразу выдвинул ящик письменного стола. Оттуда он достал ломик, которым убили Карбона. Положил его на письменный стол. Я пристроил рядом взятый взаймы новенький экземпляр. Он были совершенно идентичны.

– А что, существует много видов ломиков? – поинтересовался патологоанатом.

– Гораздо больше, чем можно подумать, – ответил я. – Мне довелось выслушать целую лекцию на эту тему.

– Эти два выглядят совершенно одинаковыми.

– Так и есть. Две горошины из одного стручка. Можете не сомневаться. Они сделаны на заказ. Уникальные предметы.

– Вы были знакомы с Карбоном?

– Очень поверхностно, – ответил я.

– Как он держался?

– В каком смысле.

– Он сутулился?

Я вспомнил тускло освещенный бар, потом яркий свет на парковке и покачал головой.

– Он не был достаточно высоким, чтобы сутулиться, – сказал я. – Карбон был жилистым крепким парнем с прямой спиной. Из тех, что стоят на передней части стопы, а не на пятках. Настоящий атлет.

– Хорошо.

– Почему?

– Удар был направлен по нисходящей. Не рубящий удар сверху вниз, а горизонтальный замах с последующим резким снижением. Рост Карбона составлял семьдесят дюймов. Рана находилась на расстоянии шестидесяти пяти дюймов от земли, если считать, что он не сутулился. Но удар нанесен сверху. Значит, убийца был высоким.

– Вы это уже говорили прежде, – напомнил я.

– Нет, действительно высоким, – сказал он. – Я провел небольшое исследование. Все зарисовал. Убийца должен быть рослым, примерно шесть футов и четыре или даже пять дюймов.

– Как я, – сказал я.

– И таким же массивным, как вы. Очень непросто так сильно проломить череп.

Я вновь представил место преступления: небольшие холмики, поросшие сухой травой, кое-где валяются ветки деревьев, но в остальном земля плоская. Так что один человек не мог оказаться стоящим выше другого. Местность не давала такой возможности.

– Шесть футов и четыре или пять дюймов, – сказал я. – Вы готовы стоять до конца?

– В суде?

– Это был несчастный случай, – сказал я. – Мы не собираемся обращаться в суд. Разговор идет между нами. Будут ли напрасной тратой времени поиски человека, имеющего рост менее шести футов и четырех дюймов?

Патологоанатом несколько раз вздохнул.

– Шесть и три дюйма, чтобы наверняка, – сказал он. – Нужно учесть возможные погрешности измерений. Я готов утверждать, что его рост был не менее шести футов и трех дюймов. Можете быть в этом уверены.

– Хорошо, – сказал я.

Он проводил меня до двери, выключил свет и запер свой кабинет.

Когда я вернулся, Саммер сидела за моим столом. Она уже закончила сортировать подозреваемых по признакам пола. Это не заняло много времени. Списки личного состава были алфавитными и четкими, как почти все бумаги в армии.

– Тридцать три подозреваемых мужского пола, – подытожила Саммер. – Двадцать три – рядовые и сержанты, десять – офицеры.

– Кто они?

– Всего понемногу. Для «Дельты» и рейнджеров увольнительные были полностью отменены, но у них были вечерние пропуска. Очевидно, Карбон и сам первого января покидал территорию базы.

– Мы можем его вычеркнуть.

– Хорошо, у нас остается тридцать два человека, – сказала она. – Один из них – патологоанатом.

– И его следует вычеркнуть.

– Тогда тридцать один. Вассель и Кумер также в списке. Они заехали на базу первого числа и уехали в тот же день. А потом явились четвертого января в семь часов.

– Вычеркните их, – велел я. – Они ужинали в столовой. Ели рыбу и мясо.

– Двадцать девять, – сказала Саммер. – Двадцать два рядовых и сержантов и семь офицеров.

– Отлично. А теперь сходите в штаб и принесите их медицинские карты.

– Зачем?

– Чтобы узнать рост.

– Я не смогу это сделать в отношении водителя, который привез Васселя и Кумера первого января. Майор Маршалл у нас не числится. Там нет его медицинской карты.

– Его не было здесь в ночь смерти Карбона, – сказал я. – Вычеркивайте его.

– Двадцать восемь, – отметила Саммер.

– Значит, нам нужно двадцать восемь медицинских карт.

Саммер протянула мне листок бумаги. Я взял его. Именно на нем я написал число 973. Число подозреваемых в начале расследования.

– Мы продвигаемся вперед, – сказала она.

Я кивнул. Она улыбнулась, встала и направилась к двери. Я занял освободившееся место за письменным столом. Стул еще хранил тепло ее тела. Некоторое время я наслаждался этим ощущением, пока оно не исчезло. Потом я взял телефон и попросил моего сержанта связать меня с интендантом. У нее ушло несколько минут на то, чтобы его найти. Судя по всему, она вытащила его из столовой. Получалось, что я уже второму человеку испортил обед. Впрочем, я и сам еще ничего не ел.

– Да, сэр, – сказал интендант.

Я уловил в его голосе некоторое раздражение.

– У меня есть к вам вопрос, шеф, – сказал я. – И только вы знаете на него ответ.

– И что же это?

– Средний рост и средний вес мужчины, солдата американской армии.

Он ничего не ответил, но я почувствовал, что его раздражение исчезает. Армия покупает миллионы комплектов военной формы в год, ботинок – в два раза больше, и все это входит в фиксированный бюджет, так что я не сомневался, что он знает все с точностью до полудюйма и полуунции. Он не мог позволить себе не знать.

– Никаких проблем, – заговорил интендант. – Мужское население Америки в возрасте от двадцати до пятидесяти имеет средний рост пять футов и девять с половиной дюймов, а вес – сто семьдесят восемь фунтов. Из-за того что в армии слишком много латиноамериканцев, средний рост уменьшается на целый дюйм и составляет пять футов восемь с половиной дюймов. А из-за суровой подготовки, которую проходят наши солдаты, средний вес увеличивается на три фунта и составляет сто восемьдесят один фунт, поскольку мышцы тяжелее жира.

– Это цифры нынешнего года?

– Нет, прошлогодние, – ответил он. – Нынешний год только начался.

– А в каких пределах меняется рост?

– Что вас интересует?

– Сколько парней имеют рост шесть футов и три дюйма или выше?

– Один из десяти, – сразу ответил он. – В армии в целом таких людей около девяноста тысяч. Целый стадион. На базе нашего масштаба таких парней около ста двадцати человек. Половина «Боинга».

– Ладно, шеф, большое спасибо, – сказал я и повесил трубку.

Один из десяти. Саммер вернется с двадцатью восемью медицинскими картами. Девять из десяти будут слишком маленькими, чтобы нас интересовать. Значит, из двадцати восьми подозреваемых, если нам повезет, останется только два. Три, если удача от нас отвернется. Два или три, а ведь начинали мы с девятисот семидесяти трех. Я улыбнулся. «Мир несовершенен, Уиллард», – подумал я.

Мир несовершенен, это точно, но неприятности случились у нас, а не у Уилларда. Средние значения сыграли с нами злую шутку, и, когда Саммер вернулась с медицинскими картами, выяснилось, что все оставшиеся двадцать восемь человек невысокие. Самым высоким оказался парень в шесть футов и один дюйм, но он был совсем худым и весил всего сто шестьдесят фунтов, к тому же он носил воротничок католического священника.

Когда я был ребенком, мы целый месяц прожили в бунгало, расположенном за пределами базы. В нем не было обеденного стола. Моя мать вызвала людей, и стол нам доставили. Его привезли в плоской коробке. Я попытался помочь матери его собрать. Все части были на месте. Имелась ламинированная столешница, четыре хромированные ножки и четыре больших стальных болта. Однако способа собрать все детали вместе не существовало. Никаких шансов. Некая необъяснимая конструкция. Ничего не удавалось никуда вставить. Мы оба стояли на коленях и пытались что-нибудь придумать. Потом сидели на полу по-турецки, а вокруг танцевали пылинки и бегали тараканы. Гладкий хром холодил руки. Края столешницы в тех местах, где заканчивался ламинат, были шершавыми. Мы не могли соединить их вместе. Пришел Джо и тоже потерпел поражение. Потом ничего не получилось у моего отца. В течение месяца мы ели на кухне. Мы все еще пытались собрать стол, когда пришло время уезжать. Сейчас у меня появилось ощущение, что я продолжаю возиться с тем столом. Ничего не сходилось. Поначалу

все выглядело хорошо, а потом возникали трудности, и мы всякий раз терпели поражение.

– Ломик не вошел на базу сам, – сказала Саммер. – Кто-то из двадцати восьми человек его принес. Это очевидно. Ломик не мог попасть на базу другим способом.

Я ничего не ответил.

– Хотите пообедать? – спросила Саммер.

– Когда я голоден, мне лучше думается, – ответил я.

– У нас кончились идеи для обдумывания.

Я кивнул. Собрал все двадцать восемь медицинских карт в аккуратную стопку. Сверху положил исходный список Саммер, содержавший тридцать три имени. Тридцать три минус Карбон, поскольку он не мог сам принести ломик и покончить жизнь самоубийством с его помощью. И минус патологоанатом, поскольку он не был убедительным подозреваемым, к тому же он был низким и ему не хватало умения обращаться с ломиком. Минус Вассель и Кумер, а также их водитель Маршалл, у которых имелись превосходные алиби. Вассель и Кумер объедались в нашем клубе, а Маршалл так и не появился.

– Почему там не было Маршалла? – спросил я.

– Я все время об этом думаю, – встрепенулась Саммер. – Получается, что Вассель и Кумер что-то от него скрывали.

– Они лишь ужинали, ничего больше.

– Но ведь Маршалл почти наверняка был с ними на похоронах Крамера. Значит, они сказали ему, что поедут сюда без него. Иными словами, приказали выйти из машины и отправиться домой.

Я представил себе длинную колонну черных правительственных седанов на Арлингтонском национальном кладбище, под свинцовым январским небом. Представил саму церемонию, складывание флага, ружейный салют. А потом – медленную процессию людей, возвращающихся к своим машинам: они идут с непокрытыми головами, пряча подбородки в воротники, потому что холодно и, возможно, идет снег. Я представил себе Маршалла, придерживающего заднюю дверь сначала для Васселя, потом для Кумера. Вероятно, он отвез их на стоянку перед Пентагоном и вылез из машины, молча наблюдая, как Кумер перебирается на водительское сиденье.

– Нам следует с ним поговорить, – сказал я. – Выяснить, что именно они ему сказали. Какую причину привели. Должно быть, возникла

некоторая неловкость. Любимчик не мог не почувствовать себя обделенным.

Я поднял трубку и поговорил с моим сержантом. Попросил ее найти телефон майора Маршалла, штабного офицера 12-го корпуса, откомандированного в Пентагон. Она обещала, что сообщит мне номер, как только его найдет. Мы с Саммер сидели и молча ждали. Я смотрел на висящую на стене карту. Пожалуй, стоит вытащить булавку из Колумбии. Она искажает общую картину. Брубейкера убили в другом месте. Севернее, южнее, восточнее или западнее.

– Вы собираетесь звонить Уилларду? – спросила у меня Саммер.

– Наверное, – ответил я. – Скорее всего, завтра.

– А не сегодня до полуночи?

– Я не доставлю ему такого удовольствия.

– Это рискованно.

– Я защищен, – сказал я.

– Никакая защита не продержится вечно.

– Не имеет значения. Скоро за мной придут ребята из «Дельты». И тогда все остальное будет иметь лишь академический интерес.

– Позвоните Уилларду сегодня вечером, – сказала Саммер. – Таков мой совет.

Я посмотрел на нее.

– Совет друга, – продолжала она. – Самовольная отлучка – это серьезное дело. Зачем вам лишние неприятности?

– Ладно, – не стал возражать я.

– Тогда позвоните ему сейчас, зачем откладывать?

– Ладно.

Я потянулся к телефону, но в этот момент в кабинет заглянула мой сержант. Она сказала, что майор Маршалл больше не служит на территории Соединенных Штатов. Его пребывание здесь закончилось, Маршалла отозвали в Германию. Он улетел с базы Эндрюс утром пятого января.

– По чьему приказу? – спросил я.

– Генерала Васселя, – ответила сержант.

– Хорошо, – сказал я.

Она закрыла дверь.

– Пятого января, – повторила Саммер.

– Наутро после смерти Карбона и Брубейкера, – задумчиво проговорил я.

– Он что-то знает.

– Но его нет в Штатах.

– А зачем еще было его так поспешно прятать?

– Это совпадение.

– Вы не любите совпадений.

Я кивнул.

– Верно. Давайте слетаем в Германию.

Глава 18

Учитывая, что Уиллард ни за что на свете не согласился бы санкционировать мою зарубежную поездку, я зашел в кабинет начальника военной полиции и взял со стола стопку командировочных бланков. Я принес их к себе в кабинет и подписал собственным именем, а на месте командира сделал весьма похожую подделку подписи Леона Гарбера.

– Мы нарушаем закон, – заметила Саммер.

– Это наша битва на Курской дуге, – ответил я. – Мы не можем сейчас остановиться.

Она явно колебалась.

– Ваш выбор, – сказал я. – Я не буду на вас давить.

Она промолчала.

– Документы вернутся сюда не раньше чем через месяц, – добавил я. – К этому моменту здесь не будет либо Уилларда, либо нас. Нам нечего терять.

– Хорошо, – сказала она.

– Тогда идите собирайте вещи, – сказал я. – На три дня.

Она ушла, а я попросил своего сержанта выяснить, кто будет исполнять обязанности командира военной полиции в мое отсутствие. Она вскоре

вернулась и назвала имя – это была женщина-капитан, которую я видел в офицерском клубе, та, со сломанной рукой. Я написал ей записку с объяснениями. Ей предстояло принять на себя командование на ближайшие три дня. Потом я взял трубку и позвонил Джо.

– Я отправляюсь в Германию, – сообщил я.

– Хорошо, – сказал он. – Приятного тебе полета.

– Я не могу побывать в Германии и не заехать на обратном пути в Париж. Ну, ты понимаешь, при нынешних обстоятельствах.

Он ответил после некоторых колебаний:

– Верно, ты должен заехать.

– У меня нет выбора, – сказал я. – Однако я не хочу, чтобы она подумала, что я беспокоюсь о ней больше, чем ты. Это было бы неправильно. Поэтому ты тоже должен приехать.

– Когда?

– Закажи билет на самолет, который вылетает в Париж через два дня вечером. Я встречу тебя в аэропорту Шарля де Голля. И мы навестим ее вместе.

Саммер уже ждала меня на тротуаре возле моего домика. Мы отнесли наши сумки в «шевроле». Мы оба надели полевую форму, поскольку решили, что будет лучше всего воспользоваться самолетом, вылетающим с базы Эндрюс. На гражданский рейс мы уже опоздали, и нам не хотелось ждать всю ночь. Мы сели в машину и направились к воротам. Нас записали в журнал. Естественно, за рулем сидела Саммер. Она сразу же поставила ногу на газ, и мы помчались вперед. Наша машина ехала на десять миль в час быстрее, чем все остальные автомобили, движущиеся в том же направлении.

Я сидел и смотрел на дорогу. Следил за обочинами, торговыми центрами и движением. Мы проехали на север тридцать миль и миновали мотель, где нашли тело Крамера. Через «клеверную» развязку выбрались на автостраду I-95 и помчались на север. Проскочили мимо стоянки для отдыха. Миновали то место, где был брошен портфель Крамера. Я закрыл глаза.

Мне удалось проспать всю дорогу до базы Эндрюс. Мы приехали туда гораздо позже полуночи. Припарковавшись на стоянке с ограниченным доступом, мы обменяли подорожные на два места в транспортном самолете С-130, вылетавшем во Франкфурт в три часа утра. Мы уселись

на обитых винилом скамьях в зале ожидания, освещенном лампами дневного света. Здесь было полно самых разных людей. Военные постоянно куда-то перемещаются. В любое время дня и ночи кто-то куда-то вылетает. Никто не разговаривал. Здесь всегда молчат. Все сидят и ждут, усталые и мрачные.

За тридцать минут до вылета к нам подошел один из членов команды транспортного самолета, отвечающий за погрузку. Мы вышли на летное поле и направились к трапу самолета. В центральном отсеке большую часть места занимали грузовые поддоны. Мы устроились на откидных сиденьях, спиной к фюзеляжу. Честно говоря, я бы предпочел лететь первым классом в «Эр Франс». На транспортных самолетах нет стюардесс, и здесь нельзя заказать кофе.

Мы поднялись в воздух с небольшим опозданием и взяли курс на запад, по ветру. Затем сделали медленный полный разворот над округом Колумбия и полетели на восток. Я ощущал движение. Иллюминаторов не было, но я знал, что мы находимся над Вашингтоном. Где-то внизу спал Джо.

Когда мы поднялись на большую высоту, фюзеляж стал очень холодным, и потому мы все наклонились вперед, опираясь локтями о колени. Шум не позволял разговаривать. Я смотрел на поддон с боеприпасами для танков до тех пор, пока не заснул. Конечно, мне было неудобно, но в армии быстро овладеваешь искусством спать в любом месте. Я просыпался не менее десяти раз, но большую часть полета мне удалось продремать. Рев двигателей и низкое давление навевали сон. Я сумел неплохо отдохнуть – можно считать, что процентов на шестьдесят я находился в постели.

Мы провели в воздухе восемь часов, после чего самолет начал снижаться. Здесь не было системы внутренней связи, и пилот не сделал бодрящего сообщения. Лишь двигатели зашумели иначе, и я ощутил боль в ушах. Люди вокруг поднимались со своих мест и потягивались. Саммер повернулась спиной к алюминиевому контейнеру и стала тереться об него, словно кошка. Она прекрасно выглядела. Короткие волосы сохранили прическу, глаза блестели. Она была полна решимости, хотя понимала, что ее ждет либо провал, либо успех.

Потом все вновь уселись на свои места и приготовились к посадке. Шасси коснулось земли, взревели двигатели, началось торможение. Грузовые поддоны слегка сместились вперед, но крепления были надежными. Затем пилот выключил двигатели, и мы еще некоторое время катились по полю. Наконец спустили трап, и мы увидели сумрачное небо. В Германии было пять часов дня, на шесть часов больше, чем на Восточном побережье, и на один час больше, чем по

Гринвичу. Мне ужасно хотелось есть. В последний раз я ел сэндвичи в Сперривилле. Мы с Саммер поднялись со своих мест, взяли сумки и встали в очередь. Вместе с остальными пассажирами мы медленно спустились на бетон. Погода была холодная. Такая же, как в Северной Каролине.

Мы находились в той части франкфуртского аэропорта, которая предназначалась для военных. На автобусе нас отвезли к зданию аэропорта. Теперь мы были предоставлены сами себе. Некоторых пассажиров поджидал транспорт, но только не нас. Мы встали в очередь на такси вместе с гражданскими лицами. Очередь медленно продвигалась вперед. Когда мы наконец сели в такси, я протянул водителю наши подорожные и попросил доставить нас на базу 12-го корпуса. Он с радостью согласился. Он обменяет подорожные на твердую американскую валюту на любой военной базе, а на обратном пути наверняка сумеет прихватить пару парней, которые захотят отправиться во Франкфурт, чтобы весело провести там вечер. Никаких тебе порожних рейсов. Он неплохо зарабатывал на армии США, как и многие другие немцы в течение последних четырех с половиной десятилетий. Он ездил на «мерседес-бенце».

Поездка заняла тридцать минут. Мы ехали на восток по пригородам, похожим на многие другие места в Западной Германии, с множеством зданий цвета бледного меда, построенных в пятидесятые годы. Сейчас у них появились новые соседи, уходящие на восток и запад – по этому маршруту прежде летали бомбардировщики. Ни одна страна так не проигрывала войну, как Германия в середине двадцатого века. Как и все, я видел фотографии, сделанные в 1945 году. Слово «поражение» не могло достоверно описать то, что здесь тогда творилось. «Армагеддон» подходило куда больше. Целая страна была растоптана огромной неумолимой силой. Свидетельства тому навсегда останутся в архитектуре. И под зданиями. Всякий раз, когда телефонная компания выкапывала траншею для прокладки кабеля, они находили черепа и кости, чашки, снаряды и ржавые фаустпатроны. Всякий раз, когда начинали копать землю, чтобы залить новый фундамент, на строительной площадке появлялся священник. Я родился в Берлине, в окружении американцев и многих квадратных миль разрушенного города. «Они сами это начали», – часто повторяли мы.

Пригородные улицы были аккуратными и чистыми. Здесь часто встречались скромные магазинчики с жилыми помещениями на верхних этажах. В витринах магазинов было полно блестящих предметов. Уличные знаки были черно-белыми, в них использовался архаичный готический шрифт, который мне с трудом удавалось прочитать. Тут и там появлялись маленькие американские дорожные знаки. Стоило проехать несколько сотен ярдов, как такой знак

попадался снова. Мы следовали за стрелками, указывающими дорогу к базе 12-го корпуса. Вскоре городская зона закончилась, и мы покатили среди полей. Казалось, база окружена чем-то вроде гигантского рва. Восточная часть неба впереди нас стала совсем темной.

База 12-го корпуса выглядела превосходно. В тридцатых годах какой-то нацистский промышленник построил среди полей фабрику, занимавшую тысячу акров. Здание, где находились офисы, производило сильное впечатление, далее шли ряды низких металлических ангаров, которые тянулись на сотни метров. Ангары были полностью разбомблены во время войны, но офисное здание пострадало лишь частично. Здесь в 1945 году расположился усталый бронетанковый дивизион армии Соединенных Штатов. Затем сюда привезли худых франкфуртских женщин в выцветших ситцевых платьях и платочках. Им предстояло разбирать завалы в обмен на кормежку. Женщин снабдили лопатами и тачками. Потом армейский инженерный корпус привел в порядок офисное здание и с помощью бульдозеров очистил территорию. С тех пор Пентагон вложил сюда огромные средства.

К 1953 году тут выросла лучшая военная база в Германии. Здания построили из нового кирпича, весь периметр окружили колючей проволокой. Появились флагштоки, будки для часовых и казармы, просторные столовые, медицинская клиника и магазин для военных. Все здания были выровнены и обращены фасадами к востоку. База была готова начать сражение за «Фулда гэп».[28]

Когда мы прибыли сюда через тридцать семь лет, было слишком темно, чтобы что-то разглядеть. Но я знал, что существенных изменений произойти не могло. Да, танки теперь другие, но не более того. «Шерман-М4», одержавшие победу во Второй мировой войне, давно исчезли, остались лишь два, стоящие в виде памятников у ворот базы. Их поместили на гранитный пандус, так что пушки смотрели вверх – казалось, они все еще в движении, преодолевают подъем. К тому же их эффектно подсвечивали. Танки были выкрашены зеленой краской, их бока украшали белые звезды. Теперь они выглядели гораздо лучше, чем во время войны. За ними начинался длинный проезд с выкрашенным в белый цвет бордюром, который выходил к ярко освещенному фасаду офисного здания, где располагался штаб. За штабом находись танковые ангары, там стояли ровными рядами «Абрамс-М1А1». Тут были сотни танков, и каждый стоил почти четыре миллиона долларов.

Мы вышли из такси и направились к главным воротам. Мой жетон позволил нам войти внутрь. Он является пропуском на любую американскую базу – меня бы остановили разве что во внутренних помещениях Пентагона.

– Вы бывали здесь прежде? – спросила Саммер.

Я на ходу покачал головой:

– Я бывал в Гейдельберге, вместе с пехотой. Множество раз.

– Это рядом?

– Довольно близко, – ответил я.

К входной двери вели широкие каменные ступени. В целом это строение напоминало здание законодательного органа в каком-нибудь небольшом американском штате. Мы поднялись по ступенькам и вошли внутрь. Здесь царил безупречный порядок. Сразу же у двери, за столиком, сидел солдат. Не из военной полиции. Обычный солдат из 12-го корпуса. Мы показали ему наши жетоны.

– Вы можете нас разместить? – спросил я.

– Никаких проблем, сэр, – заверил меня он.

– Две комнаты, – сказал я. – На одну ночь.

– Я предупрежу кого следует, – пообещал он. – Идите по указателям.

Он махнул рукой в сторону коридора. Там находились двери, ведущие внутрь комплекса. Я посмотрел на часы. Они показывали ровно полдень. Время Восточного побережья. Шесть вечера в Западной Германии. Уже стемнело.

– Мне нужно повидать командира военной полиции, – сказал я. – Он у себя в кабинете?

Дежурный поднял трубку, получил ответ и указал нам на широкую лестницу, ведущую на второй этаж.

– Дальше вам нужно будет свернуть направо, – сказал нам вслед дежурный.

Мы поднялись по лестнице и свернули направо. Там начинался длинный коридор с кабинетами по обе стороны. Двери были сделаны из твердой древесины с застекленной верхней половиной. Мы нашли ту, которая нам была нужна, и вошли. За столиком сидел сержант, за его спиной виднелась вторая дверь. Такое помещение имелось и в Бэрде. Та же краска, пол, мебель, температура и запах. Такой же кофе в таком же кофейном автомате. Да и таких сержантов я немало повидал в своей жизни. Спокойный, деловитый, терпеливый, готовый поверить в то, что он сам здесь всем управляет, – вполне возможно, что так оно и было. Как только мы вошли, он сразу же поднял на нас взгляд. Ему потребовалось полсекунды, чтобы понять, кто мы такие и что нам нужно.

– Вероятно, вы хотите увидеть майора, – сказал он.

Я кивнул. Он поднял трубку и позвонил во внутренний кабинет.

– Заходите, – предложил сержант.

Мы вошли в дверь у него за спиной, и я увидел внутри парня по фамилии Сван. Я очень неплохо его знал. Последний раз мы встречались на Филиппинах три месяца назад, где он должен был прослужить год.

– Только не говори мне, что тебя перевели сюда двадцать девятого декабря, – сказал я.

– Я едва не отморозил себе зад, – ответил он. – У меня были с собой только летние вещи. У Двенадцатого корпуса ушло три дня, чтобы найти для меня зимнее обмундирование.

Я не удивился. Сван был невысоким и широким в плечах. Более всего он напоминал куб. Наверное, он проходил отдельной строкой в записях местных интендантов.

– Ты здесь начальник военной полиции? – спросил я.

Он покачал головой:

– Временно исполняю обязанности.

– А приказ подписан Гарбером?

– Якобы да.

– Ты понял, что все это значит?

– Даже близко не подобрался.

– Я тоже, – вздохнул я.

Он пожал плечами, словно хотел сказать: «Послушай, это же армия, что тут поделаешь?»

– Это лейтенант Саммер, – представил я свою спутницу.

– Спецподразделение? – спросил Сван.

Саммер покачала головой.

– Но она надежный товарищ, – сказал я.

Сван протянул свою короткую руку, и они обменялись рукопожатием.

– Мне нужно повидать парня по имени Маршалл, – продолжал я. – Он майор. Офицер из штаба Двенадцатого корпуса.

– У него неприятности?

– У кого-то определенно возникли проблемы. Я надеюсь, что Маршалл поможет мне выяснить, у кого именно. Ты его знаешь?

– Никогда о нем не слышал, – ответил Сван. – Я только что сюда прибыл.

– Я знаю, – кивнул я. – Двадцать девятого декабря.

Сван улыбнулся, пожал плечами – «ну что тут поделаешь?» – и поднял телефонную трубку. Он попросил сержанта отыскать Маршалла и сказать ему, что я хочу с ним встретиться, когда ему будет удобно. Пока мы ждали, я огляделся по сторонам. Кабинет Свана выглядел временным – как и мой в Северной Каролине. На стене висели такие же часы. Электрические, без секундной стрелки. Они шли беззвучно. Часы показывали десять минут седьмого.

– Здесь что-нибудь происходит? – спросил я.

– Ничего особенно интересного, – ответил Сван. – Пилот вертолета пошел по магазинам в Гейдельберге и попал под машину. Ну, еще умер Крамер. Это многое изменило.

– Кто примет командование?

– Думаю, Вассель.

– Я с ним встречался, – сказал я. – Он не произвел на меня впечатления.

– Это отравленная чаша. Все меняется. Ты бы послушал, что говорят парни! Они в жутком настроении.

– Очевидно, все должно измениться, – откликнулся я. – Так я слышал.

Зазвонил телефон. Сван с минуту слушал, а потом положил трубку.

– Маршалла нет на базе, – сообщил он. – Он участвует в ночных учениях. Вернется только утром.

Саммер посмотрела на меня. Я пожал плечами.

– Вы можете поужинать со мной, – предложил Сван. – Среди этих кавалеристов у меня пока нет приятелей. Встретимся в офицерском клубе через час?

Мы отнесли наши сумки в комнаты для командированных офицеров. Моя комната очень походила на номер в мотеле, где умер Крамер, только здесь было почище. Стандартный номер в американском мотеле. Очевидно, какой-то крупный владелец сети мотелей получил контракт

много лет назад. И они доставили сюда по воздуху необходимую водопроводную арматуру и все остальное, вплоть до раковин и унитазов.

Я побрился, принял душ и надел свежую форму. За пять минут до истечения часа, назначенного Сваном, я постучал в дверь номера Саммер, и она открыла дверь. Она выглядела свежей и отдохнувшей. У нее был такой же номер, только здесь появились типично женские запахи. Я уловил приятный аромат туалетной воды.

Мы быстро отыскали офицерский клуб, который занимал половину крыла на нижнем этаже. Просторное помещение с высокими потолками и изящными гипсовыми украшениями. Здесь был большой холл, бар и собственно обеденный зал. Мы нашли Свана в баре. Рядом с ним сидел подполковник с пехотным знаком на куртке. Это выглядело несколько странно на базе бронетанковых войск. На табличке над нагрудным карманом я прочитал: «Саймон». Он представился. У меня сложилось впечатление, что он собирается с нами ужинать. Саймон сказал, что он офицер связи и представляет здесь пехоту. Он также рассказал, что в Гейдельберге служит офицер из бронетанкового корпуса, исполняющий такие же обязанности.

– Вы уже давно здесь? – спросил я.

– Два года, – ответил он, и меня это порадовало.

Мне требовалось мнение человека, разбирающегося в здешней обстановке, а Сван знал о том, что здесь происходит, не больше, чем я о Форт-Бэрде. Вероятно, Сван сообразил, что мне нужно, и обеспечил необходимое, не дожидаясь моей просьбы. Сван был из таких редких людей.

– Приятно с вами познакомиться, подполковник, – сказал я и кивнул Свану, показывая, что оценил его заботу.

Мы выпили холодного американского пива из высоких бокалов, а потом перешли в обеденный зал. Сван заранее заказал для нас столик. Стюард посадил нас на удобные места в углу. Я сел так, чтобы иметь возможность наблюдать за всем залом. Однако мне не удалось найти ни одного знакомого лица. Ни Васселя, ни Кумера здесь не было.

Меню оказалось совершенно стандартным. Мы могли бы находиться в офицерском клубе в любой точке земного шара. В офицерских клубах не принято знакомить с местной кухней. Они устроены таким образом, чтобы ты мог чувствовать себя как дома. Здесь армия старалась воссоздать свой кусочек Америки. Вы могли выбрать рыбу или мясо. Рыба, скорее всего, была европейской, а мясо привезли через Атлантику. Какой-нибудь политик из южных штатов заключил выгодную сделку с Пентагоном.

Мы немного поболтали о всяких мелочах. Пожаловались на нехватку денег и дополнительных льгот. Поговорили про общих знакомых. Упомянули «Правое дело» в Панаме. Подполковник Саймон рассказал нам, что два дня назад побывал в Берлине и сумел раздобыть кусочек Стены. Он заявил, что собирается поместить его в пластиковый куб, чтобы передать по наследству своим детям.

– Вы знаете майора Маршалла? – спросил я у Саймона.

– Довольно хорошо, – ответил он.

– Чем он занимается?

– Вы задаете этот вопрос как официальное лицо? – уточнил он.

– Ну, не совсем, – ответил я.

– Он склонен к стратегическому планированию. Из тех, кто думает о будущем. Генерал Крамер хорошо к нему относился. Стараясь держать его рядом с собой, сделал офицером разведки.

– А он когда-нибудь служил в разведке?

– Формально – нет. Однако он занимался разными вещами.

– Значит, он был членом команды Крамера? Я слышал, что Крамера, Васселя и Кумера упоминали вместе, но имя Маршалла не возникало.

– Он в команде, – сказал Саймон. – Тут нет ни малейших сомнений. Но вы же знаете, как ведут себя старшие офицеры. Им нужен человек, но они не станут признавать это вслух. Они понемногу злоупотребляют его услугами. Он постоянно что-то приносит для них, выполняет обязанности шофера, но, когда возникают серьезные проблемы, они спрашивают у него совета.

– Теперь, когда Крамера больше нет, Маршалл может получить повышение? К примеру, занять место Кумера?

Саймон поморщился.

– Так должно бы быть. Он настоящий фанатик танков, как и все они. Но никому не известно, что произойдет. Крамер умер в очень неудачный момент.

– Мир меняется, – заметил я.

– Да, и он не будет прежним, – сказал Саймон. – Мир Крамера по большому счету подходит к концу. Крамер закончил Уэст-Пойнт в тысяча девятьсот пятьдесят втором году, а строительство баз, подобных этой, было завершено к пятьдесят третьему году, и они оставались центром вселенной почти сорок лет. Эти базы настолько хорошо

оборудованы, что вы даже представить себе не можете. Вы знаете, кто сделал больше других здесь, в Германии?

– И кто же?

– Не бронетанковые войска и не пехота. Это всецело заслуга армейского инженерного корпуса. Прежде танки Шермана весили тридцать восемь тонн и имели ширину девять футов. Теперь у нас на вооружении «Абрамс-М1А1», которые весят семьдесят тонн, а их ширина составляет одиннадцать футов. И все эти годы инженерные войска напряженно работали. Они расширяли дороги на протяжении сотен миль по всей Западной Германии. Они укрепляли мосты. Черт побери, они строили мосты и дороги. Дюжины мостов. Если вы хотите держать семидесятитонные танки в полной боевой готовности для отправки на восток, нужно позаботиться о том, чтобы иметь дороги и мосты для их переброски.

– Понятно, – сказал я.

– Это миллиарды долларов, – продолжал Саймон. – Естественно, они знали, какие именно мосты и дороги необходимы. Они знали, с чего мы начинали и к чему стремились. Они играли в военные игры, они изучали карты, они готовили бетон и арматуру для укрепления мостов. А потом построили военные базы во всех ключевых точках. Надежно защищенные топливные резервуары, арсеналы, мастерские, сотни мастерских по всем возможным маршрутам. Так что мы здесь окопались в буквальном смысле слова. Поля холодной войны, Ричер, стоят на камне.

– Многие люди скажут, что мы вложили деньги и одержали победу, – сказал я.

Саймон кивнул.

– И они окажутся правы. Но что будет дальше?

– Будут новые вложения, – ответил я.

– Совершенно верно, – сказал он. – Как и в военно-морском флоте, когда большие линейные корабли пришлось сменить на авианосцы. Конец одной эры знаменует начало другой. Танки «Абрамс» подобны линейным кораблям. Они великолепны, но они устарели. Мы можем использовать их только по специально проложенным дорогам, по направлениям, которые были предопределены много лет назад.

– Но они мобильны, – вмешалась Саммер. – Ведь это же танки.

– Не слишком мобильны, – возразил Саймон. – Где будет следующее сражение?

Я пожал плечами. Жаль, что с нами не было Джо. Он хорошо разбирался в геополитике.

– На Ближнем Востоке? – предположил я. – Может быть, в Иране или Ираке. Обе эти страны поднимают голову, а значит, столкновения с ними не миновать.

– Или на Балканах, – сказал Сван. – Когда Советы наконец рухнут, может сказаться сорокапятилетнее давление, и с котла сорвет крышку.

– Ладно, – сказал Саймон, – возьмем для примера Балканы. Может быть, все начнется в Югославии. Они только и ждут подходящего момента. А что делать нам?

– Использовать воздушно-десантные войска, – ответил Сван.

– Хорошо, – кивнул Саймон. – Мы пошлем Восемьдесят второй и Сто первый. Мы сумеем перебросить туда три легковооруженных батальона в течение недели. Но что мы будем делать потом? Мы лишь ускорим рост напряженности, и ничего больше. Нам придется ждать прибытия тяжелого вооружения. Вот вам первая проблема. Танки «Абрамс» весят семьдесят тонн. Их невозможно перевозить по воздуху. Нужно грузить танки на поезда и доставлять на корабли. Но это еще полбеды, поскольку речь идет не только о танке. На каждую тонну танкового веса требуется четыре тонны топлива и другого оборудования. Такой танк потребляет галлон топлива на полмили. А еще необходимы запасные двигатели, боеприпасы и целая команда обслуживающего персонала. Очень серьезные перевозки. Все равно что сдвинуть железную гору. Чтобы переправить на кораблях достаточное количество танков, которые обеспечат перевес в силе, необходимо никак не меньше шести месяцев подготовки – слишком долго.

– А наши десантники за это время окажутся по уши в дерьме, – заметил я.

– И вы мне об этом рассказываете! – проворчал Саймон. – Это ведь мои парни, и я о них тревожусь. Легковооруженные десантники против любых видов вражеской бронетанковой техники обречены на полный разгром. Это будут очень напряженные шесть месяцев. С каждым днем ситуация будет ухудшаться. А что произойдет, когда прибудут наши бронетанковые части? Их сгрузят с кораблей, и они застрянут, пройдя два квартала. Дороги окажутся недостаточно широкими, мосты – недостаточно прочными. Они завязнут в портовой грязи и будут издали наблюдать, как гибнет наша пехота.

Все молчали.

– Или взять Ближний Восток, – продолжал Саймон. – Мы все знаем, что Ирак хочет вернуться в Кувейт. Предположим, они начнут агрессию

против Кувейта. Если речь идет о далеких перспективах, то мы обязательно победим, поскольку пустыня для танков примерно то же самое, что европейские степи, только там немного жарче и больше песка. Наши военные планы должны сработать. Но так ли это? Опять наша пехота должна будет ждать шесть долгих месяцев. Кто даст гарантию, что иракцы не растопчут их в первые же две недели?

– Поддержка с воздуха, – сказала Саммер. – Атаки вертолетов.

– Хотелось бы, чтобы это было так, – вздохнул Сван. – Самолеты и вертолеты чертовски сексуальны, но они не способны побеждать сами по себе. Никогда не побеждали и никогда не победят. Только сапоги, шагающие по земле, одерживают победу.

Я улыбнулся. Отчасти это были обычные рассуждения пехотинца, гордящегося своими товарищами. Но в чем-то он был прав.

– И что же будет дальше? – спросил я.

– То же самое, что случилось с военно-морским флотом в тысяча девятьсот сорок первом году, – ответил Саймон. – За одну ночь линейные корабли стали историей, а на первый план вышли авианосцы. Поэтому для нас сейчас необходима интеграция. Мы должны понять, что наши легкие части слишком уязвимы, а тяжелые – медлительны. Нам следует отказаться от прежнего разделения на легкие и тяжелые части и объединить бригады быстрого реагирования с бронетехникой легче двадцати тонн, которую можно грузить на транспортные самолеты «С-сто тридцать». Нам нужно быстрее прибывать на позиции и воевать умнее. Мы больше не можем рассчитывать на битвы между заранее расставленными стадами динозавров.

Потом он улыбнулся:

– И прежде всего нам необходимо поставить во главе всех сил пехоту.

– Вы когда-нибудь беседовали на эту тему с людьми вроде Маршалла?

– С их стратегами? Никаких шансов.

– А что они думают о будущем?

– Понятия не имею. Мне все равно. Будущее принадлежит пехоте.

На десерт подавали яблочный пирог, а потом мы выпили кофе. Он, как всегда, был превосходно сварен. Мы вернулись к текущим проблемам. Стюарды бесшумно двигались по залу. Еще один вечер в офицерском клубе, в четырех тысячах миль от другого клуба, где мы были еще вчера.

– Маршалл вернется на рассвете, – сказал мне Сван. – Ищите машину разведчиков в арьергарде первой колонны.

Я кивнул. Прикинул, что рассвет во Франкфурте в январе наступит примерно в 7.00. И мысленно поставил свой будильник на шесть часов утра. Подполковник Саймон пожелал нам спокойной ночи и ушел. Саммер отодвинула стул назад и растянулась на нем, насколько это было возможно для человека такого маленького роста. Сван наклонился вперед, опираясь на локти.

– Как ты думаешь, на этой базе много наркотиков? – спросил я.

– Тебе нужны наркотики? – удивился он.

– Коричневый героин, – ответил я. – Не для личного пользования.

Сван кивнул.

– Ребята говорят, что рабочие из Турции могут достать героин. Один из их дельцов вполне на это способен, я уверен.

– Ты когда-нибудь встречал типа по имени Уиллард? – спросил я.

– Нового босса? – уточнил он. – Я получил сообщение о его назначении. Никогда с ним не встречался. Но некоторые местные ребята его знают. Он был фанатом разведки, связанной с бронетанковыми войсками.

– Он писал алгоритмы, – сказал я.

– Для чего?

– Потребление горючего советскими танками «Т-восемьдесят». Рассказывал нам о том, какую подготовку они получают.

– А теперь он командир Сто десятого? – изумился Сван.

Я кивнул:

– Понимаю, это звучит странно, но тем не менее.

– Как ему удалось?

– Очевидно, он кому-то понравился.

– Нам необходимо выяснить кому. Пора начать рассылать письма с угрозами.

Я снова кивнул. В армии почти миллион человек, здесь вертятся миллиарды долларов, а все определяется тем, кому кто нравится. Ну что тут можно поделать?

– Я иду спать, – заявил я.

Моя комната была такой типичной, что я забыл, где нахожусь, уже через минуту после того, как закрыл за собой дверь. Я повесил форму в шкаф, принял душ и забрался в постель. Запах моющего средства тоже был мне хорошо знаком – армия пользуется им повсюду. Я подумал о своей матери в Париже и о Джо в Вашингтоне. Моя мать почти наверняка уже в постели. Джо все еще работает. Я сказал себе: «Шесть часов утра» – и закрыл глаза.

Рассвет наступил в 6.30, а я уже стоял рядом с Саммер возле восточных ворот базы. В руках мы держали чашки с кофе. Земля замерзла, утренний туман еще не успел рассеяться. Небо оставалось серым, и пейзаж был окрашен в пастельный светло-зеленый цвет. Как это часто бывает в Европе, земля была ровной, лишь изредка попадались небольшие холмики. Кое-где виднелись маленькие аккуратные рощицы. От заснувшей на зиму земли поднимались холодные органические запахи. Было очень тихо.

Широкая, покрытая бетоном дорога выходила из ворот, сворачивала на северо-восток, в сторону России, и вскоре пряталась в тумане. Бордюр был местами поцарапан танковыми гусеницами. Кое-где виднелись выбоины. Танк совсем непросто развернуть.

Мы ждали. Вокруг нас царила тишина.

Какой звук лучше всего характеризует двадцатое столетие? На эту тему можно спорить. Кто-то скажет, что это голос двигателя самолета. Шум одинокого истребителя, ползущего по лазурному небу 1940-х годов. Или вой пролетающего низко над головой реактивного самолета, от которого дрожит земля. Или «вап-вап-вап» вертолета. Или рев взлетающего «Боинга-747». Или тяжелые удары бомб, падающих на город. Все эти звуки подойдут. Все они характерны именно для двадцатого века. Прежде они никогда не раздавались. Никогда, во всей истории человечества. Некоторые безумные оптимисты могут выступать за песни «Битлз», за их голоса, поющие «Yeah, yeah, yeah» и перекрывающие вопли зрителей. Но песни и крики не годятся. Музыка и желание присутствовали от начала времен. Их изобрели не после 1900 года.

Нет, истинной подписью двадцатого века будет скрежет и позвякивание гусениц танков по вымощенной улице. Этот звук мы слышали в Варшаве, Сталинграде и Берлине. Потом он повторился в Будапеште и Праге, в Сеуле и Сайгоне. Это грубый звук. Звук, вызывающий страх. Он указывает на непреодолимую мощь. На холодное отчуждение и равнодушие. Грохот приближающихся танков говорит о том, что их невозможно остановить. О том, что ты слаб и бессилен перед могучими машинами. Потом одна гусеница останавливается, а другая продолжает

двигаться, танк поворачивается и с ревом начинает двигаться на тебя. Вот это и есть настоящий звук двадцатого века.

Мы услышали колонну «Абрамсов» 12-го корпуса задолго до того, как увидели ее. Шум шел из тумана – позвякивание гусениц и вой двигателей, скрежет переключающихся передач. Мы чувствовали ногами, как каждая следующая пластина гусениц сходила с траков и ложилась на землю. Слышали хруст камешков, раздавленных гусеницами.

А потом мы их увидели. Передний танк вынырнул из тумана. Он мчался вперед, двигатели ревели. Танки шли ровной колонной, один за другим, словно армада, вырвавшаяся из ада. Великолепное зрелище. Танк «Абрамс-М1А1», доведенный до совершенства, подобен акуле. Это неоспоримый король джунглей. Ни один танк на земле не способен с ним сравниться. Он защищен броней, сделанной из обедненного урана, заключенного между листовыми стальными пластинами. Броня делает танк практически неуязвимым. Снаряды и ракеты отскакивают от нее. Но главный трюк этого танка состоит в том, чтобы остановиться на таком расстоянии, где ни один вражеский снаряд или ракета не могут до него добраться. Танк стоит и наблюдает, как вражеские снаряды не долетают до него и падают в грязь. Потом он слегка перемещает свою могучую пушку и стреляет, а через секунду в полутора милях от него вражеские боевые единицы взрываются и разлетаются на куски. Это полное и безусловное преимущество над врагом.

Передний танк проехал мимо нас. Шириной в одиннадцать футов, длиной в двадцать шесть футов и высотой в девять с половиной футов. Семьдесят тонн. От воя двигателя закладывало уши, а от массы танка дрожала земля. Гусеницы скрежетали по бетону. Шум оглушал. Гора металла загораживала небо. Раскачивалось дуло пушки. От выхлопов двигателей все заволокло сизым дымом.

Колонна состояла из двадцати танков. Они въехали в ворота, и вскоре рев и вибрация стали стихать, наступила пауза, и из тумана вынырнула машина разведки. Это был «стреляй и беги», бронированный «хаммер», вооруженный противотанковой ракетной установкой. В нем сидело два человека. Я встал у них на пути и поднял руку. Я не был знаком с Маршаллом и видел его всего один раз, да и то в темноте возле пропускного пункта Форт-Бэрда. Тем не менее я был уверен, что ни один из парней в «хаммере» не являлся Маршаллом. Насколько я помнил, Маршалл был крупным и смуглым, а эти двое оказались невысокими, что характерно для солдат бронетанковых войск. Внутри «Абрамса» не слишком много места.

«Хаммер» остановился передо мной, и я подошел к кабине со стороны водителя. Саммер направилась к другой двери. Водитель опустил стекло и посмотрел на меня.

– Я ищу майора Маршалла, – сказал я.

Водитель и пассажир были капитанами. Оба в танковых комбинезонах из номекса,[29] вязаных подшлемниках и кевларовых шлемах с встроенными наушниками и микрофонами. У того, кто сидел на пассажирском сиденье, из кармана на рукаве торчало несколько ручек. К бедрам у него были пристегнуты планшеты с листами бумаги, заполненными записями. Пожалуй, в каждом было по десятку листов.

– Маршалла здесь нет, – ответил водитель.

– И где же он?

– А кто его спрашивает?

– Прочитайте, – сказал я.

На мне была полевая форма: дубовые листья на воротнике и трафаретная надпись «Ричер».

– Какая часть? – спросил водитель.

– Вам это знать ни к чему.

– Маршал отправился в Калифорнию, – ответил он. – Срочное развертывание в Форт-Ирвине.

– Когда?

– Я точно не знаю.

– А вы постарайтесь вспомнить.

– Кажется, вчера вечером.

– Не слишком определенно.

– Я действительно не знаю точно.

– А что случилось в Ирвине?

– И об этом мне ничего неизвестно.

Я кивнул и отступил на шаг.

– Проезжайте, – сказал я.

Их «хаммер» двинулся вперед, а Саммер подошла ко мне. Пахло дизельным топливом и выхлопом, а на бетоне после того, как по нему проехали танки, появились свежие белые отметины.

– Напрасно потраченное время, – сказала Саммер.

– Может быть, и нет, – ответил я. – Тут многое зависит от того, когда Маршалл уехал. Если после звонка Свана, это кое о чем нам скажет.

Мы попытались выяснить, когда именно Маршалл покинул базу. Нас отсылали из одного кабинета в другой, и кончилось тем, что мы попали в кабинет на втором этаже, где сидел генерал Вассель. Самого генерала на месте не оказалось. Мы поговорили с еще одним капитаном. Создавалось впечатление, что он отвечает за решение всех административных вопросов.

– Майор Маршалл улетел на гражданском рейсе в двадцать три ноль-ноль, – сообщил он. – Из Франкфурта в аэропорт Даллеса. С семичасовой посадкой в международном аэропорту Лос-Анджелеса. Я сам подписывал ему документы.

– Когда?

– Перед его отбытием.

– И во сколько это было?

– Он покинул базу за три часа до рейса.

– В восемь часов?

Капитан кивнул.

– Ровно в восемь.

– Мне сказали, что он должен был участвовать в ночных маневрах.

– Верно. Однако планы изменились.

– Почему?

– Я точно не знаю.

«Я точно не знаю», – похоже, такую формулировку особенно любят в 12-м корпусе.

– А что случилось в Ирвине? – спросил я.

– Я точно не знаю.

Я улыбнулся.

– Когда Маршалл получил приказ?

– В семь часов.

– В письменном виде?

– В устном.

– От кого?

– От генерала Васселя.

– Вассель поставил свою подпись на документах?

– Да, он их подписал.

– Мне нужно с ним поговорить, – сказал я.

– Генерал улетел в Лондон.

– В Лондон? – переспросил я.

– На срочную встречу с британским министром обороны.

– Когда он уехал?

– Он отбыл в аэропорт вместе с майором Маршаллом.

– А где полковник Кумер?

– В Берлине, – ответил капитан. – Он поехал искать сувениры.

– Только не говорите мне, я сам догадаюсь. Он уехал в аэропорт вместе с Васселем и Маршаллом?

– Нет, – ответил капитан. – Он сел на поезд.

– Замечательно, – сказал я.

Мы с Саммер позавтракали в офицерском клубе. Мы выбрали тот же угловой столик, за которым ужинали накануне вечером, и сели рядом, спиной к стене, чтобы иметь возможность наблюдать за залом.

– Ладно, – сказал я. – В восемнадцать десять Сван звонит, чтобы узнать, где находится Маршалл, и через пятьдесят минут Маршалл получает приказ отправиться в Ирвин, а через час покидает базу.

– Между тем Вассель отправляется в Лондон, – добавила Саммер. – А Кумер мчится в Берлин.

– На ночном поезде, – сказал я. – Кто добровольно поедет на ночном поезде?

– Всякий, кому есть что скрывать, – заметила Саммер.

– «Кроме меня и моей обезьяны».

– Что?

– «Битлз», – объяснил я. – Один из звуков двадцатого столетия.

Саммер посмотрела на меня, как на ненормального.

– Так что же они скрывают? – спросила она.

– Это вы скажите мне.

Она положила руки на стол ладонями вниз и сделала глубокий вдох.

– Я вижу лишь часть, – сказала она.

– Я тоже.

– Повестка дня конференции, – продолжила Саммер. – Оборотная сторона того, о чем говорил вчера подполковник Саймон. У Саймона слюнки текут при мысли о том, как пехота собьет спесь с бронетанковых войск. Вероятно, Крамер это предвидел. Генералы с двумя звездами редко бывают глупыми. Значит, на конференции в Ирвине, назначенной на первое января, речь шла именно об этом. Они не хотели ослабления своих позиций. Не хотели терять своих преимуществ.

– Кто же согласится от них отказаться, – подхватил я.

– Уж поверьте мне, – сказала она. – Как капитаны линейных кораблей в недалеком прошлом.

– И какой же была повестка дня?

– Частично оборона, частично агрессия, – ответила Саммер. – Это очевидный подход. Аргументы против создания объединенных частей, насмешки над легкой бронетехникой, обоснование необходимости использования накопленного опыта.

– Согласен, – сказал я. – Однако этого недостаточно. Пентагон постоянно сидит по уши в подобном бумажном дерьме. «За», «против», «если», «но» и «однако» – смертельно скучное дело. Но в повестке дня было что-то еще, что заставило их пойти на самые крайние меры, лишь бы заполучить обратно экземпляр Крамера. Что именно?

– Я не знаю.

– Я тоже, – вздохнул я.

– И почему они убежали прошлой ночью? – спросила Саммер. – К данному моменту они наверняка уничтожили не только копию Крамера,

но и все остальные экземпляры. Теперь ничто не мешает им лгать сколько угодно и даже попытаться подсунуть вам фальшивку: мол, вот она, пожалуйста, проверяйте.

– Они убежали из-за миссис Крамер, – сказал я.

Саммер кивнула:

– Я по-прежнему считаю, что ее убили Вассель и Кумер. Крамер умер, мяч оказался на их стороне, и в сложившихся обстоятельствах они поняли, что им необходимо спрятать концы в воду. Миссис Крамер устранили, как побочные неприятности.

– Все это звучит весьма логично, – ответил я. – Вот только ни один из них не выглядит достаточно высоким и сильным.

– Однако они оба выше и сильнее, чем миссис Крамер. Добавьте сюда ощущение опасности, адреналин, панику – с учетом всего этого выводы медицинской экспертизы могут оказаться неоднозначными. Да и вообще нам неизвестно, насколько хороши в своем деле специалисты из Грин-Вэлли. Предположим, какой-нибудь семейный доктор проработал пару лет коронером – что может знать такой эксперт?

– Согласен, – сказал я. – Но я все равно не понимаю, как это могло произойти. Вычтем время, которое необходимо, чтобы доехать из Вашингтона, еще десять минут на поиски магазина и его ограбление – остается десять минут на все. К тому же у них не было машины и они никуда не звонили, чтобы ее заказать.

– Они могли поймать такси. Или взять машину в городе. Прямо из вестибюля отеля. Нам ее никогда не отыскать. Канун Нового года – самый напряженный вечер в году.

– Это была бы долгая поездка, – продолжал рассуждать я. – Пришлось бы заплатить приличную сумму. Такие вещи водитель может запомнить.

– Канун Нового года, – повторила Саммер. – Вашингтонские такси возят клиентов во все три соседних штата, в самые невероятные места назначения. Мы не должны отбрасывать такую возможность.

– Сомневаюсь, – возразил я. – Кто станет брать такси, планируя ограбить магазин, а потом влезть в чужой дом?

– Водитель может ничего не узнать. Вассель, или Кумер, или они оба пешком доходят до переулка в Сперривилле и через пять минут возвращаются с ломиком иод курткой. И так же поступают с домом миссис Крамер. Такси они могли оставить на улице. Не забывайте, все происходило с тыльной стороны дома.

– Слишком велик риск. Водитель из Вашингтона читает газеты, как любой другой человек. Возможно, даже больше, пока стоит в пробках. Он может обратить внимание на заметку о событиях в Грин-Вэлли и вспомнить своих пассажиров.

– Они не думали, что рискуют. И не рассчитывали, что об этом появится заметка в газете. Они предполагали, что миссис Крамер не останется дома, а поедет в больницу. А два мелких ограбления в Сперривилле и Грин-Вэлли не способны заинтересовать вашингтонскую прессу.

Я вспомнил, как несколько дней назад детектив Кларк сказал: «Мои люди прошлись по улице, опрашивая местных жителей. Там появлялись какие-то машины».

– Может быть, – сказал я. – Может быть, нам следует проверить такси.

– Худшая ночь в году, – вздохнула Саммер. – Как и для алиби.

– И все же это кажется невероятным, – сказал я. – Кому придет в голову использовать такси для подобных дел?

– Для этого нужны стальные нервы.

– Если у них стальные нервы, то почему они сбежали от нас вчера?

Саммер ненадолго затихла.

– Все это выглядит бессмысленным, – признала она. – Невозможно бегать бесконечно. Вассель и Кумер не могут этого не понимать. Значит, рано или поздно им придется остановиться и перейти в контратаку.

– Согласен. И сделать это они должны были здесь, на своей территории. Я не понимаю, почему они поступили иначе.

– Не хотели рисковать. Ведь на карту поставлена их профессиональная деятельность. Вам следует быть крайне осторожным.

– И не только мне, но и вам, – сказал я.

– Нападение – лучшая защита, – парировала Саммер.

– Вы правы.

– Значит, мы пустимся за ними в погоню?

– Разумеется.

– И за кем в первую очередь?

– За Маршаллом, – ответил я. – Я хочу видеть именно Маршалла.

– Почему?

– Из практических соображений, – ответил я. – Тот, кого отправили дальше всех, по-видимому, считается у них самым слабым звеном.

– Выезжаем прямо сейчас? – спросила Саммер.

Я покачал головой.

– Нет, сначала мы слетаем в Париж. Я должен повидать маму.

Глава 19

Мы собрали вещи и зашли попрощаться к Свану. У него появились для нас новости.

– Я должен арестовать вас обоих, – сообщил он.

– Почему? – спросил я.

– Вы находитесь в самовольной отлучке. Уиллард выписал на вас приказ.

– Что, по всему миру?

Сван покачал головой.

– Нет, только на эту базу. Они нашли вашу машину в Эндрюсе, и Уиллард поговорил с транспортниками. Так он узнал, что вы полетели сюда.

– Когда ты получил телекс?

– Час назад.

– А когда мы покинули базу?

– За час до этого.

– И куда мы направились?

– Понятия не имею. Вы не сказали. Я думал, что вы вернетесь на базу.

– Благодарю, – сказал я.

– И лучше не говорите мне, куда вы направляетесь на самом деле.

– В Париж, по личному делу, – ответил я.

– Что происходит?

– Я и сам желал бы знать.

– Хочешь, чтобы я вызвал такси?

– Это было бы замечательно.

Десять минут спустя нас уже увозил другой «мерседес-бенц».

Чтобы долететь из Франкфурта-на-Майне до Парижа, мы могли выбирать между «Люфтганзой» и «Эр Франс». Я выбрал «Эр Франс». Решил, что у них лучше кофе, а Уиллард прежде всего начнет проверять «Люфтганзу». Пожалуй, именно этого нужно ожидать от такого болвана.

Мы обменяли еще две поддельные подорожные на два билета на десятичасовой рейс. Время до отлета мы провели в зале ожидания. Наша военная форма не слишком выделялась в толпе. Здесь было полно людей в американской военной форме. Я заметил несколько представителей военной полиции 12-го корпуса. Но меня это не встревожило. Скорее всего, они просто оказывали обычную поддержку гражданским полицейским. Они не искали нас. У меня было такое чувство, что телекс Уилларда будет оставаться на столе у Свана еще пару часов.

Мы сели в самолет и засунули наши сумки на полки над головой. Пристегнули ремни. В самолете было не менее дюжины военных. Париж – популярное место отдыха для тех, кто служит в Германии. Погода по-прежнему оставляла желать лучшего. Но не настолько, чтобы рейс задержали. Мы взлетели вовремя, пронеслись над серым городом и помчались на юго-запад над пастельными полями и огромными лесными массивами. Потом мы поднялись над облачным покровом и больше не видели землю.

Полет получился коротким. Мы начали спуск, когда я пил вторую чашку кофе. Саммер выбрала сок. Она немного нервничала. Точнее, была отчасти возбуждена и отчасти встревожена. Судя по всему, она никогда прежде не бывала в самовольной отлучке. Я видел, что это ее мучает. Честно говоря, меня это тревожило ничуть не меньше. Ситуация усложнялась. Я прекрасно обошелся бы без лишних неприятностей. Однако меня не удивил факт их появления. Уиллард сделал очевидный следующий шаг. Теперь меня и Саммер будут преследовать по всему миру – нас объявили в розыск.

Мы приземлились в аэропорту Шарля де Голля и вышли из самолета в одиннадцать тридцать. Очередь на такси оказалась огромной, и мы направились к челночному автобусу. Здесь очередь шла быстро, и вскоре мы уже сидели в маленьком автобусе, под завязку набитом пассажирами. В Париже было теплее, чем во Франкфурте, светило бледное солнце, и я знал, что город будет выглядеть превосходно.

– Вы бывали здесь раньше? – спросил я.

– Нет, – ответила Саммер.

– Не смотрите по сторонам до тех пор, пока мы не окажемся внутри Périphérique.

– А что это такое?

– Кольцевая дорога. За ней начинается настоящий Париж.

– Ваша мать живет именно там?

Я кивнул.

– На одной из лучших улиц города. Там расположены все посольства. Рядом с Эйфелевой башней.

– Мы едем прямо туда?

– Завтра, – сказал я. – А сегодня мы будем туристами.

– Почему?

– Я должен подождать брата. Я не могу пойти туда один. Мы придем к матери вместе.

Саммер ничего не сказала. Только взглянула на меня. Автобус наконец поехал. Она всю дорогу смотрела в окно. И по отражению ее лица в стекле я видел, что она со мной согласна. Внутри Périphérique было лучше.

Мы вышли на площади Оперы и постояли на тротуаре, ожидая, пока остальные пассажиры разойдутся по своим делам. Я решил, что нам прежде всего следует выбрать отель, оставить там сумки и уж потом отправляться дальше.

Мы пошли на юг по рю де ла Пэ, через Вандомскую площадь, к Тюнльри, а там повернули направо и вышли прямо на Елисейские Поля. Возможно, существуют и лучшие места, по которым можно не торопясь гулять с хорошенькой женщиной под бесцветным зимним солнцем, но сейчас ни одно из них не приходило мне в голову. Мы свернули налево на рю Марбеф и вышли на авеню Георга V, как раз напротив отеля «Георг V».

– Вам это подходит? – спросил я.

– А нас впустят? – спросила Саммер.

– Есть только один способ проверить.

Мы перешли улицу, и швейцар в высокой шляпе открыл для нас дверь. На лацкане у девушки за стойкой имелось несколько маленьких флажков – по одному для каждого языка, которым она владела. Я

заговорил по-французски, что ее порадовало. Я дал ей две подорожные и попросил два номера. Она не колебалась и сразу же выдала нам два ключа, словно мы заплатили ей миллиард золотом или кредитной картой. «Георг V» из таких мест. Они много чего видели. Ну а если что-то их и удивит, они все равно не признаются.

Оба номера, которые дала нам девушка-полиглот, выходили окнами на юг. Из окон была частично видна Эйфелева башня. Один номер был оформлен в голубых тонах, в нем была гостиная и ванная комната величиной с теннисный корт. Другой, в желтых тонах, находился в этом же коридоре через три двери, и в нем имелся балкон с перилами из кованого металла.

– Выбирайте, – предложил я.

– Я хочу номер с балконом, – сказала Саммер.

Мы положили свои сумки, приняли душ и встретились в вестибюле через пятнадцать минут. Я уже настроился на ужин, но у Саммер появились другие идеи.

– Я хочу купить одежду, – сказала она. – Туристы не носят военную форму.

– А этот турист носит, – возразил я.

– Ну так сломайте эту традицию. Поживите немного без формы. Куда нам лучше всего пойти?

Я пожал плечами. В Париже невозможно пройти двадцать ярдов и не наткнуться по меньшей мере на три магазина, торгующие одеждой. Но почти во всех из них вам придется выложить ваш месячный заработок за одну вещь.

– Давайте попробуем в «Бон марше», – сказал я.

– Что это такое?

– Универмаг. Его название означает «дешевый», в буквальном смысле, – ответил я.

– Универмаг, который называется «Дешевый»?

– Самое подходящее для меня место, – сказал я.

– А еще что-нибудь?

– «Самаритянин». На реке, у Понт-Нёф. Там есть терраса с видом на город.

– Давайте пойдем туда.

Это была долгая прогулка вдоль берега реки до конца острова Сите. Она заняла у нас час, поскольку мы часто останавливались, чтобы посмотреть по сторонам. Мы прошли мимо Лувра. Прогулялись вдоль маленьких зеленых палаток, установленных на набережной.

– А что означает Понт-Нёф? – спросила Саммер.

– Новый мост, – ответил я.

Она посмотрела на древнее каменное сооружение.

– Это старейший мост в Париже, – пояснил я.

– Почему же его называют новым?

– Когда-то давно он был новым.

Мы шагнули в теплое нутро магазина. Как и во всех подобных заведениях, первым был отдел косметики, и воздух наполняли ароматы духов. Мы поднялись на второй этаж, где продавали женскую одежду. Я уселся в удобное кресло и предоставил Саммер сделать покупки самостоятельно. Ее не было около получаса. Она вернулась полностью преображенной. Черные туфли, черная узкая юбка до колен с разрезом, бело-серый бретонский свитер и серый шерстяной жакет. И берет. Она выглядела на миллион долларов. Форму и башмаки ей упаковали в фирменный пакет «Самаритянина».

– Теперь ваша очередь, – сказала Саммер.

Она повела меня в мужской отдел. Единственные брюки моего размера, которые у них нашлись, были алжирской подделкой американских голубых джинсов, что предопределило цвет. Я купил также светло-синий пуловер и короткую черную куртку.

Армейские ботинки я сохранил, они хорошо подходили к джинсам и куртке.

– Купите берет, – сказала Саммер, и я купил берет.

Он был черным, с кожаной отделкой. Я расплатился американскими долларами по очень приличному курсу, переоделся в новую одежду и убрал форму в пакет. Посмотрел в зеркало, поправил берет, сдвинув его набок самым нахальным образом, и вышел из кабинки.

Саммер ничего не сказала.

– Теперь ужин.

Мы поднялись наверх, в кафе на девятом этаже. На открытой террасе сидеть было слишком холодно, но мы устроились возле окна, откуда

открывался превосходный вид: собор Нотр-Дам на востоке и башня Монпарнас на юге. Солнце еще не зашло. Это был великий город.

– Как Уиллард нашел нашу машину? – спросила Саммер. – Откуда он мог знать, где ее искать? Соединенные Штаты – большая страна.

– Он ее и не искал, – ответил я. – Ему просто сказали, где она находится.

– Кто?

– Вассель, – ответил я. – Или Кумер. Сержант Свана упомянул по телефону мое имя. Как только они отправили с базы Маршалла, кто-то из них позвонил Уилларду и сказал, что я в Германии и вновь их преследую. Они наверняка спросили Уилларда, почему он позволил мне прилететь в Германию, и велели ему меня отозвать.

– Они не могут диктовать специальному отделу военной полиции.

– Уиллард сделал это возможным. Я только что сообразил, что они старые приятели. Сван почти прямо это сказал, но я в тот момент пропустил его слова мимо ушей. Уиллард был связан с бронетанковым корпусом еще со времен своей службы в разведке. С кем он разговаривал все эти годы? С кем обсуждал потребление топлива советскими танками? С офицерами бронетанкового корпуса, вот с кем. Тогда они и подружились. Именно поэтому он так возбудился, когда стало известно, что умер Крамер. Его вовсе не беспокоило, что армия США будет поставлена в неудобное положение. Нет, он сочувствовал бронетанковым войскам.

– Потому что он с ними близок.

– Верно. Вот почему Вассель и Кумер сбежали вчера вечером. На самом деле они вовсе не сбежали. Просто дали возможность Уилларду спокойно разобраться с нами.

– Уиллард знал, что он не подписывал наши подорожные.

Я кивнул:

– Это точно.

– Значит, у нас теперь серьезные неприятности. Мы находимся в самовольной отлучке и путешествуем по украденным подорожным.

– С нами все будет в порядке.

– Интересно, каким образом?

– Как только мы получим результат.

– А мы его получим?

Я ничего не ответил.

После ужина мы перебрались на другой берег реки и долгой кружной дорогой вернулись обратно в отель. С пакетами из «Самаритянина» мы выглядели как обычные туристы. Нам не хватало только фотоаппарата. Мы поглазели на витрины на бульваре Сен-Жермен и заглянули в Люксембургский сад. Мы видели Дом Инвалидов и Военную школу. Потом мы зашагали по авеню Боске и оказались в пятидесяти шагах от квартиры моей матери. Я не стал говорить об этом Саммер. Мы вновь перешли через Сену по мосту Альма и выпили кофе в бистро на авеню Нью-Йорк. Потом мы поднялись на холм к отелю.

– Время сиесты, – сказала Саммер. – Потом обед.

Я с удовольствием согласился вздремнуть. На меня навалилась усталость. Я улегся на постель в голубом номере и заснул через несколько минут.

Саммер разбудила меня два часа спустя, позвонив по телефону из своего номера. Она хотела узнать, известны ли мне какие-нибудь рестораны. Париж полон ресторанов, но я был одет, как идиот, а в кармане у меня имелось меньше тридцати долларов. Поэтому я выбрал знакомое мне кафе на рю Берне. Там никого не смутят мои джинсы и пуловер, и к тому же там не придется платить целое состояние за обед. Кафе находилось достаточно близко, так что мы могли отправиться туда пешком – значит, не нужно будет брать такси.

Мы встретились в вестибюле. Саммер по-прежнему выглядела великолепно. Ее юбка и жакет прекрасно подходили не только для дневной прогулки, но и для посещения ресторана. Она оставила берет в номере. А я свой надел. Мы зашагали в сторону Елисейских Полей. Неожиданно Саммер сделала странную вещь. Она взяла меня за руку. Становилось темно, нас окружали гуляющие парочки, и я подумал, что это движение показалось ей естественным. Да и для меня оно стало естественным. Лишь через минуту я понял, что произошло. Точнее, только через минуту я понял: здесь что-то не так. У нее на это ушло такое же время. В конце концов она слегка смутилась и отпустила мою ладонь.

– Извините, – сказала она.

– Не стоит извиняться, – сказал я. – Мне было приятно.

– Так получилось само собой, – сказала она.

Вскоре мы свернули на рю Верне. Нашли кафе. Для январского вечера было еще рано, и владелец легко отыскал для нас столик в углу. На

столике стояли цветы и зажженная свеча. Мы заказали воду и pichet[30] красного вина, чтобы выпить перед тем, как сделать заказ.

– Вы чувствуете себя здесь как дома, – заметила Саммер.

– Не совсем, – сказал я. – Я нигде не чувствую себя как дома.

– Вы очень неплохо говорите по-французски.

– Я и по-английски неплохо говорю. Но из этого не следует, что я чувствую себя как дома, к примеру, в Южной Каролине.

– Однако в некоторых местах вам нравится больше, чем в других.

Я кивнул:

– Да, это хорошее место.

– А вы никогда не думали о будущем?

– Вы говорите, как мой брат. Он хочет, чтобы я строил планы.

– Все должно измениться.

– Полицейские будут нужны всегда, – сказал я.

– Полицейские, которые совершают самовольные отлучки?

– Все, что нам нужно, – это получить результат, – сказал я. – Миссис Крамер или Карбон. Может быть, Брубейкер. У нас есть три вишенки. Три шанса.

Она ничего не ответила.

– Расслабьтесь, – посоветовал я. – Мы исчезли из того мира на сорок восемь часов. Давайте постараемся получить удовольствие. Нам не станет легче, если мы будем тревожиться. Мы ведь в Париже.

Саммер кивнула. Я внимательно наблюдал за ней. Видел, как она пытается отбросить сомнения. В свете свечи ее глаза стали особенно выразительными. Казалось, она смотрит на множество неприятностей, наваленных перед ней, точно картонные коробки. И я увидел, как одним движением плеча она заталкивает их в дальний уголок чулана.

– Выпьем вина, – предложил я. – Получим удовольствие.

Моя рука лежала на столе. Она протянула свою руку и сжала мою ладонь.

– У нас всегда есть Северная Каролина, – сказала она.

Мы заказали по три блюда каждый. И потратили три часа, чтобы ими насладиться. Мы старались не говорить о работе. Саммер спросила меня о моей семье. Я кое-что рассказал ей о Джо и совсем немного о нашей матери. Саммер вспомнила о своих братьях, сестрах и кузенах – очень скоро я в них запутался. Большую часть времени я просто наблюдал за ее лицом в мягком сиянии свечи. Ее кожа имела медный оттенок, временами проявлявшийся на фоне чистой черноты эбенового дерева. Ее глаза были подобны углям. Подбородок был изящным, как тонкий фарфор. Она казалась удивительно маленькой и хрупкой для солдата. Но потом я вспомнил ее значки снайпера. У нее их было больше, чем у меня.

– Вы познакомите меня с вашей мамой? – спросила она.

– Если хотите, – ответил я. – Но она очень больна.

– Дело не в сломанной ноге?

Я покачал головой.

– У нее рак.

– И все плохо?

– Хуже не бывает.

Саммер кивнула.

– Я поняла, что у вашей матери проблемы. Вы выглядели расстроенным с того момента, как вернулись из Франции.

– В самом деле?

– Это вас тревожило.

– Гораздо больше, чем я предполагал.

– Разве вы ее не любите?

– Конечно люблю. Но никто не живет вечно. Такие вещи не должны быть неожиданностью.

– Мне не стоит идти с вами. Будет лучше, если вы придете к ней вдвоем с Джо.

– Ей нравится знакомиться с новыми людьми.

– Но она может плохо себя чувствовать.

– Посмотрим. Возможно, она захочет сходить куда-нибудь поесть.

– Как она выглядит?

– Ужасно.

– Тогда она не захочет встречаться с новыми людьми.

Мы немного посидели молча. Официант принес чек. Мы пересчитали наши наличные и заплатили поровну, оставив хорошие чаевые. На обратном пути в отель мы держались за руки. Это казалось естественным. Мы остались вдвоем в море неприятностей, какие-то из них были общими, а какие-то – личными. Швейцар в высокой шляпе открыл перед нами дверь и пожелал нам bonne nuit – доброй ночи. Мы поднялись наверх на лифте, стоя рядом, но не прикасаясь друг к другу. Когда мы вышли из лифта на нашем этаже, Саммер нужно было повернуть налево, а мне – направо. Возникла некоторая неловкость. Мы оба молчали. Я видел, что она хочет пойти со мной, а я дьявольски хотел пойти с ней. Я уже представил себе ее комнату. Желтые стены, аромат духов. Кровать. Я представил, как снимаю с нее новый свитер через голову. Расстегиваю молнию на новой юбке. И слышу шорох, с которым она падает на пол. Я пришел к выводу, что у юбки должна быть шелковая подкладка.

Я знал, что это будет неправильно. Но мы и так находились в самоволке. Мы и так были в полном дерьме. А этим мы могли принести друг другу утешение и радость, не говоря уже обо всем остальном.

– В какое время завтра утром? – спросила Саммер.

– Мне нужно встать рано, – ответил я. – Я должен быть в аэропорту в шесть.

– Я поеду с вами. За компанию.

– Благодарю.

– Мне это будет приятно.

Мы еще немного постояли.

– Придется встать в четыре, – сказала Саммер.

– Да, наверное, около четырех, – ответил я.

Мы продолжали стоять.

– Ну тогда спокойной ночи, – сказала она.

– Спокойной ночи, – ответил я.

Я повернул направо. Не стал оборачиваться. И услышал, как дверь ее номера открылась, а потом закрылась через секунду после моей.

Было одиннадцать часов. Я лег в постель, но не заснул. Наверное, целый час я лежал и смотрел в потолок. В окна проникал свет города, холодный, желтый и неясный. Я видел отсветы пульсирующих огней Эйфелевой башни – золотые вспышки, иногда быстрые, иногда медленные, вызывающие тревогу. Каждую секунду они меняли ритм и интенсивность. Я слышал скрежет тормозов на далекой улице и лай маленькой собачки, звук шагов одинокого прохожего под моим окном и гудение далекого клаксона. Потом город затих, и на меня навалилась тишина. Она выла, точно сирена. Я поднял руку. Посмотрел на часы. Полночь. Я уронил руку на постель, и меня вдруг пронзило такое ощущение одиночества, что стало трудно дышать.

Я включил свет, перекатился к краю кровати и снял телефонную трубку. Под кнопками имелась короткая инструкция: «Чтобы позвонить в номера других гостей, нажмите тройку и номер комнаты». Я нажал тройку и набрал номер комнаты Саммер. Она взяла трубку после первого гудка.

– Ты не спишь? – спросил я.

– Не сплю, – ответила она.

– Хочешь, чтобы я составил тебе компанию?

– Да, – ответила она.

Я натянул джинсы и футболку и босым вышел в коридор. Постучал в ее дверь. Саммер открыла, протянула руку и втащила меня внутрь. Она была полностью одета, в юбке и свитере. Она поцеловала меня, не отходя от двери, и я ответил на ее поцелуй. Дверь за нами закрылась. Я слышал, как щелкнул замок. Мы двинулись к постели.

Она была в темно-красном нижнем белье из шелка или атласа. Я повсюду ощущал аромат ее духов. Им была полна комната и ее тело. Она была маленькой и изящной, быстрой и сильной. В ее окно проникал тот же свет города. Но теперь он нес тепло, давал мне энергию. Я видел на потолке огни Эйфелевой башни. Наш ритм стал совпадать с ритмом меняющегося света – то медленным, то быстрым, не знающим покоя. Потом мы отвернулись от света и лежали, сгоревшие дотла, совсем рядом и молча, словно не совсем понимая, что произошло.

Я проспал час и проснулся в том же положении. У меня возникло сильное ощущение, будто я что-то потерял и что-то приобрел, но я не мог это объяснить. Саммер спала, продолжая прижиматься ко мне. От нее хорошо пахло. Она дарила тепло. Изящная, сильная и умиротворенная. Ее дыхание было медленным. Моя левая рука

обнимала ее за плечи, а правая лежала на талии. Ее ладонь сжимала мою ладонь.

Повернув голову, я некоторое время наблюдал за игрой света и тени на потолке. Я услышал далекий шум мотоцикла по другую сторону от Триумфальной арки. Потом лай собаки. В остальном в городе царила тишина. Два миллиона людей спали. Джо находился в самолете, возможно, пролетал над Гренландией. Я не смог представить свою мать. Я закрыл глаза и попытался снова заснуть.

В четыре часа сработал будильник у меня в голове. Саммер продолжала спать. Я осторожно высвободил руку и немного помассировал плечо, чтобы восстановить циркуляцию крови, а потом выскользнул из постели и прошлепал по ковру в ванную. Вернувшись оттуда, я надел джинсы и футболку и поцелуем разбудил Саммер.

– Проснись и пой, лейтенант, – сказал я.

Она высоко подняла руки и потянулась. Простыня упала до талии.

– Доброе утро, – сказала она.

Я снова ее поцеловал.

– Мне нравится Париж, – заявила она. – Здесь было хорошо.

– И мне тоже.

– Очень хорошо.

– В вестибюле через полчаса, – сказал я.

Я вернулся в свою комнату и заказал кофе в номер. Когда кофе принесли, я уже успел побриться и принять душ. Чтобы забрать поднос с кофе, пришлось повязать вокруг пояса полотенце. Потом я надел свежую военную форму, налил себе первую чашку кофе и посмотрел на часы. Было четыре двадцать утра в Париже, или семь двадцать вечера на Восточном побережье – достаточно рано, чтобы оставаться на рабочем месте упорно работающему парню. Еще раз прочитав инструкцию на телефоне, я набрал нужную цифру, чтобы выйти на междугороднюю линию, и единственный номер, который я знал наизусть, – коммутатор в Рок-Крике, Виргиния. Оператор взял трубку после первого гудка.

– Это Ричер, – сказал я. – Мне нужен номер старшего офицера военной полиции Форт-Ирвина.

– Сэр, получен приказ полковника Уилларда, в котором говорится, что вам следует немедленно вернуться на базу.

– Я вернусь, как только представится такая возможность. Но сейчас мне нужен номер телефона.

– Сэр, где вы сейчас находитесь?

– В сиднейском борделе, в Австралии, – сказал я. – Дай мне номер в Ирвине.

Он сообщил мне номер. Я повторил его дважды, а потом нажал девятку и набрал номер Ирвина. После второго гудка мне ответил сержант Кельвина Франца.

– Мне нужен Франц, – сказал я.

Раздался щелчок, и наступила тишина. Я приготовился к долгому ожиданию, но тут трубку взял Франц.

– Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал, – сказал я.

– Например?

– У вас находится парень из Двенадцатого корпуса, Маршалл. Ты его знаешь?

– Нет.

– Мне нужно, чтобы он оставался у вас до тех пор, пока я к вам не приеду. Это очень важно.

– У меня есть только один способ помешать человеку покинуть базу – арестовать его.

– Просто скажи ему, что я звонил из Берлина. Этого будет достаточно. Пока Маршалл думает, что я нахожусь в Германии, он будет оставаться в Калифорнии.

– Почему?

– Потому что ему сказали, чтобы он вел себя именно так.

– Он тебя знает?

– Не лично.

– Значит, мне будет непросто с ним разговаривать. Не могу же я подойти к парню, которого не знаю, и сказать: «Привет! Послушай, парень по фамилии Ричер, которого ты никогда не видел, хочет, чтобы ты знал, что он застрял в Берлине».

– Ну так прояви некоторую ловкость, – сказал я. – Скажи, что я просил тебя задать ему вопрос, поскольку сам не могу добраться до Калифорнии.

– Какой вопрос?

– Спроси его о дне похорон Крамера. Был ли он на Арлингтонском кладбище? Что еще он делал в тот день? Почему не поехал с Васселем и Кумером в Северную Каролину? И как они ему объяснили, что сами поведут машину?

– Это четыре вопроса.

– Совершенно верно. Твоя задача состоит в том, чтобы задать их от моего имени, поскольку я якобы не собираюсь лететь в Калифорнию.

– А как мне с тобой связаться?

Я посмотрел на телефон и прочитал ему номер «Георга V».

– Это Франция, а не Германия, – проворчал Франц.

– Маршаллу это знать не обязательно, – сказал я. – Я буду здесь позднее.

– Когда ты вернешься в Калифорнию?

– Надеюсь, что в ближайшие сорок восемь часов.

– Ладно. Что-нибудь еще?

– Да, – сказал я. – Позвони моему сержанту в Форт-Бэрд и попроси подготовить досье генерала Васселя и полковника Кумера. Прежде всего меня интересует, имел ли кто-то из них какое-либо отношение к городу Сперривилл в Виргинии. Может, родился там, или вырос, или там живет его семья, – любая связь, которая указывала бы, что они могут хорошо знать город. И попроси ее придержать информацию до моего возвращения.

– Хорошо. Больше тебе ничего не нужно?

– Да, и еще скажи ей, чтобы она позвонила детективу Кларку в Грин-Вэлли и попросила прислать факсом текст опроса, который провели его люди в новогоднюю ночь. Она поймет, что я имею в виду.

– Я рад, что хоть кто-то это понимает, – проворчал Франц.

Наступила пауза, пока он записывал мои слова.

– Ну, теперь все? – проворчал он.

– На данный момент, – ответил я и повесил трубку.

Я спустился в вестибюль на пять минут позже Саммер.

Она уже ждала меня, поскольку все делала быстрее, чем я. Впрочем, ей не пришлось бриться, вероятно, она никому не звонила и не заказывала кофе. Как и я, она вновь переоделась в военную форму. Каким-то образом она умудрилась начистить башмаки. Они сверкали.

У нас не осталось денег на такси до аэропорта, а потому пришлось в предутренних сумерках пешком дойти до площади Оперы и сесть там на автобус. На сей раз в нем было гораздо меньше людей, но сиденья оставались ужасно неудобными. Мы еще успели взглянуть на спящий город, а потом автобус повез нас по унылым пригородам.

Мы приехали в аэропорт Шарля де Голля чуть раньше шести. Здесь уже было много народу. Наверное, аэропорты живут по собственному расписанию. В шесть часов утра здесь гораздо больше народу, чем днем: люди толпились повсюду, они садились в машины и автобусы или выходили из них. Путешественники с покрасневшими глазами тащили тяжелые чемоданы и сумки. Казалось, началось переселение народов.

Табло прибытия показывало, что самолет Джо уже приземлился. Мы с трудом протолкнулись к соответствующим воротам и заняли свое место среди встречающих. Я решил, что Джо выйдет одним из первых и сразу же направится к выходу, к тому же он прилетит без багажа. Никаких задержек.

Мы увидели, как из ворот выходят последние пассажиры предыдущего рейса. По большей части семьи с маленькими детьми или те, кто привез с собой большой багаж. Встречающие с надеждой повернулись к ним, но тут же потеряли всякий интерес, как только поняли, что это не те, кого они ждут. Некоторое время я наблюдал за встречающими. Их лица быстро менялись. Сначала оживление, а потом равнодушие. Улыбка появлялась и исчезала. Иногда они лишь переносили вес тела с одной ноги на другую.

Последние пассажиры предыдущего рейса смешались с первыми из рейса Джо. Впереди шли бизнесмены с портфелями и чемоданами на колесиках. Кроме того, я увидел женщин в дорогой одежде, на высоких каблуках и в темных очках. Модели? Актрисы? Девушки по вызову? Еще я заметил людей, представляющих правительство, французов и американцев. Они заметно отличались от всех остальных. Умный и серьезный вид, многие в очках, однако их одежда не отвечала высшим стандартам. Дипломаты нижнего уровня. Не следовало забывать, что они прилетели из Вашингтона.

Джо оказался примерно двенадцатым в очереди. Он был в том же пальто, что в прошлый раз, но сменил костюм и галстук. Джо выглядел хорошо. Он шел быстро и нес в руках небольшую черную сумку. Джо

был заметно выше всех остальных. Выйдя из ворот, он остановился и посмотрел по сторонам.

– Он похож на тебя, – сказала Саммер.

– Но я же симпатичный человек, – сказал я.

Тут и Джо меня заметил, поскольку и я был на голову выше всех остальных. Я показал ему на свободный пятачок чуть в стороне. Он стал пробираться сквозь толпу в нужном направлении, и вскоре мы уже стояли рядом.

– Лейтенант Саммер, – сказал он. – Рад с вами познакомиться.

Я не заметил, чтобы Джо смотрел на ее форму, где было сказано: «Саммер, Армия США», или на знаки различия на воротнике. Вероятно, он запомнил ее имя и звание из нашего предыдущего разговора.

– Ты в порядке? – спросил я.

– Устал, – ответил Джо.

– Хочешь позавтракать?

– Давайте поедем в город.

Очередь на такси вытянулась примерно на милю и продвигалась вперед очень медленно. Мы сразу же направились к стоянке автобуса. На один мы немного опоздали, но оказались первыми в очереди на следующий. Он приехал через десять минут. Джо потратил это время, расспрашивая Саммер о ее впечатлениях о Париже. Она подробно отвечала, умолчав лишь о событиях, которые начали происходить в полночь. Я стоял на тротуаре, повернувшись спиной к дороге и наблюдая за восточной частью неба над крышей здания аэропорта. Быстро приближался рассвет. Нас ждал солнечный день. Десятое января, лучшая погода для этого месяца за последние десять лет.

Мы вошли в автобус и заняли три места рядом напротив багажного отсека. Саммер села между нами. Сиденья из твердого пластика были маленькими и неудобными. Ноги девать некуда. Колени Джо доходили почти до его ушей, а во время движения голова болталась из стороны в сторону. Он выглядел бледным. Не самый лучший прием мы ему оказали, посадив в неудобный автобус после долгого перелета через Атлантику. Мне стало немного стыдно. Впрочем, я был таких же размеров, и у меня возникли те же проблемы. И мне самому не довелось выспаться ночью. К тому же я стал банкротом. В любом случае лучше ехать, чем стоять в очереди на такси в течение часа.

Джо заметно оживился, когда закончились пригороды и мы оказались в черте города. Солнце уже взошло, и город окрасился в цвета золота и

меда. В кафе появились посетители, а по тротуарам спешили люди с длинными батонами и газетами в руках. Законодательство ограничивало рабочую неделю парижан тридцатью пятью часами, и они проводили оставшиеся сто тридцать три часа, получая удовольствие от безделья. Вид довольных жизнью людей действовал успокаивающе.

Мы вышли на том же месте на площади Оперы. Зашагали на юг тем же путем, что и неделю назад, перебрались через реку по мосту Конкорд, свернули на запад по набережной Орсе, а потом на авеню Рапп. Мы дошли до рю де л'Университе, откуда была видна Эйфелева башня, и тут Саммер остановилась.

– Я схожу посмотрю на башню, – сказал она. – А вы, ребята, навестите вашу маму.

Джо посмотрел на меня: «Она знает?» Я кивнул: «Знает».

– Благодарю, лейтенант, – сказал он. – Мы посмотрим, как она себя чувствует. Если у нее будет подходящее настроение, вы могли бы присоединиться к нам во время ланча.

– Позвоните мне в отель, – предложила она.

– А ты знаешь, где он находится? – спросил я.

Она повернулась и показала на север.

– Нужно перейти через мост, подняться на холм и свернуть налево. И дальше по прямой.

Я улыбнулся. Она хорошо ориентировалась. На лице у Джо появилось легкое недоумение. Он видел, куда она показала, – Джо прекрасно знал, что там находится.

– «Георг Пятый»? – спросил он.

– Почему бы и нет? – откликнулся я.

– И все это на деньги армии?

– Более или менее, – ответил я.

– Потрясающе.

Саммер встала на цыпочки, поцеловала меня в щеку и пожала руку Джо. Мы остались стоять, подставив спину слабому зимнему солнцу и глядя, как она идет в сторону башни. Туда же двигалось некоторое количество туристов. Мы видели, как раскладывают свои товары продавцы сувениров. Удаляясь от нас, Саммер становилась все меньше.

– Она очень милая, – заметил Джо. – Где ты ее нашел?

– В Форт-Бэрде.

– Ты уже понял, что там происходит?

– Я сумел приблизиться к разгадке.

– Надеюсь. Ты занимаешься этим уже почти две недели.

– Помнишь того типа, о котором я тебя спрашивал? Уилларда? Он ведь мог некоторое время прослужить в бронетанковых войсках?

Джо кивнул:

– Я уверен, что он отчитывался непосредственно перед ними. Передавал всю собранную информацию их разведке.

– Помнишь какие-нибудь имена?

– В бронетанковых войсках? Пожалуй, нет. Я никогда не обращал особого внимания на Уилларда. Его работа не имела существенного значения. Он находился где-то на обочине.

– А о человеке по фамилии Маршалл ты когда-нибудь слышал?

– Не помню такого, – ответил Джо.

Я больше ничего не стал говорить. Джо обернулся и посмотрел на юг. Поплотнее запахнул пальто и повернул лицо к солнцу.

– Пойдем, – сказал он.

– Когда ты ей звонил? – спросил я.

– Позавчера. Теперь твоя очередь.

Мы бок о бок пошли по авеню. Люди никуда не спешили, и мы старались не выделяться из общего потока.

– Хочешь сначала позавтракать? – спросил я. – Мы ведь не хотим ее разбудить.

– Сиделка нас впустит.

Мы прошли мимо почты. На тротуаре кто-то бросил машину. Видимо, произошло столкновение. У автомобиля было разбито крыло и спущено колесо. Нам пришлось сойти с тротуара, чтобы обойти брошенную машину. Впереди, ярдах в сорока, мы увидели большой черный автомобиль.

Мы уставились на него.

– Un corbillard, – произнес Джо.

Катафалк.

Мы попытались сообразить, у какого здания он припаркован. Прикинули расстояние. С того места, где мы остановились, это было трудно сделать. Я посмотрел вверх на крыши. Сначала я увидел семиэтажный фасад «Белль Эпок» из известняка. Потом орнамент на шестиэтажном здании, в котором жила моя мать. Я опустил взгляд. Катафалк стоял перед парадной дома, где жила наша мать.

Мы побежали.

На тротуаре стоял мужчина в черной шелковой шляпе. Входная дверь в дом была распахнута настежь. Мы посмотрели на мужчину в шляпе и вошли через дверь, выходящую во двор. На пороге мы заметили консьержку. В руке она держала платочек, а в глазах у нее стояли слезы. Она не обратила на нас внимания. Мы устремились к лифту. Поднялись на пятый этаж. Лифт ехал мучительно медленно.

Дверь в квартиру нашей матери также была открыта. Я увидел троих мужчин в черных пальто. Мы вошли. Мужчины в пальто посторонились, ничего не сказав. Из кухни появилась девушка с блестящими глазами. Она была бледна. Увидев нас, она остановилась. Потом повернулась и пошла к нам через комнату.

– Что? – спросил Джо.

Она не ответила.

– Когда? – спросил я.

– Прошлой ночью, – ответила она. – Все произошло легко и быстро.

Очевидно, мужчины в пальто поняли, кто мы такие, и сразу вышли в коридор. Они двигались почти бесшумно. Джо сделал неуверенный шаг и сел на диван. Я остался стоять посреди комнаты.

– Когда? – повторил я свой вопрос.

– В полночь, – ответила девушка. – Во сне.

Я закрыл глаза. И открыл их минуту спустя. Девушка оставалась на прежнем месте.

– Вы были с ней? – спросил я.

– Все время.

– А врач?

– Она его отослала.

– Что произошло?

– Она сказала, что ей стало лучше. И легла спать в одиннадцать. Она проспала час, а потом перестала дышать.

Я посмотрел в потолок.

– Ей было больно?

– В конце – нет.

– Но она сказала, что ей лучше.

– Ее время пришло. Я видела такое раньше.

Я посмотрел на нее, а потом отвел глаза.

– Вы хотите на нее взглянуть? – спросила девушка.

– Джо? – позвал я.

Он покачал головой и остался сидеть на диване. Я шагнул к спальне. Рядом с кроватью на подставке, обитой бархатом, стоял гроб из красного дерева. Внутри он был выстлан белым шелком. И оставался пустым. Тело моей матери лежало в постели. Голова покоилась на подушке, руки были сложены на груди поверх покрывала. Ее глаза были закрыты. Я с трудом ее узнал.

Совсем недавно Саммер спросила у меня: «Вас расстраивает вид мертвых людей?»

«Нет», – ответил я.

«Почему?»

«Не знаю».

Я не видел тела своего отца. Когда он умер, меня не было рядом. У него были проблемы с сердцем. В госпитале делали все, что могли, но с самого начала у него не осталось никаких шансов. Я прилетел утром на похороны и в тот же день улетел обратно.

«Похороны, – подумал я. – Джо с этим справится».

Я стоял возле кровати моей матери пять долгих минут с открытыми сухими глазами. Потом повернулся и вышел в гостиную. В ней вновь собралось много народу. Вернулись служащие морга. Рядом с Джо на диване в напряженной позе сидел старик. Возле него стояли две трости. У него были редкие седые волосы и строгий черный костюм с маленькой ленточкой в петлице. Красное, белое и синее, может быть, Croix de guerre[31] или Médaille de la Résistance.[32] Он держал на костлявых коленях картонную коробку, перевязанную потускневшим красным шпагатом.

– Это месье Ламонье, – сказал Джо. – Друг семьи.

Старик схватил свои трости и попытался встать, чтобы пожать мне руку, но я сам подошел к нему. Ему было лет семьдесят пять или даже восемьдесят. Он был стройным, высохшим и довольно высоким для француза.

– Вы тот, кого она называла Ричером, – сказал он.

Я кивнул.

– Да, это я. Но я вас не помню.

– Мы не встречались. Однако я знал вашу мать много лет.

– Спасибо, что зашли.

– И вам тоже, – ответил он.

«Туше», – подумал я и спросил:

– А что в коробке?

– Вещи, которые она отказывалась хранить здесь, – ответил старик. – Но ее сыновья должны увидеть их в такой момент.

Он протянул мне коробку, словно это было нечто драгоценное. Я взял ее – она оказалась достаточно тяжелой. Наверное, там лежит книга, решил я. Может быть, старый, переплетенный в кожу дневник. И еще какие-то вещи.

– Джо, – сказал я, – пойдем позавтракаем.

Мы шагали быстро и без всякой цели. Свернули на улицу Сен-Доминик и, не останавливаясь, прошли мимо двух кафе в начале улицы Экспозисьон, пересекли авеню Боске, а потом как-то случайно повернули налево на улицу Жана Нико. Джо остановился у табачной лавки и купил сигареты. Если бы я мог, то улыбнулся бы. Улицу назвали в честь человека, открывшего никотин.

Мы закурили, а потом зашли в первое попавшееся кафе. Нам надоело ходить. Теперь мы могли поговорить.

– Тебе не следовало меня ждать, – сказал Джо. – Ты мог бы повидать ее в последний раз.

– Я почувствовал, когда это произошло, – сказал я. – В полночь, прошлой ночью. Я ощутил удар.

– Ты мог бы находиться рядом с ней.

– Теперь уже слишком поздно.

– Я бы посчитал это правильным.

– Но она бы так не посчитала, – возразил я.

– Нам следовало остаться здесь неделю назад.

– Она не хотела, чтобы мы остались, Джо. Это не входило в ее планы. Она предпочла быть одна. Да, она была нашей матерью. Но этим ее жизнь не ограничивалась.

Он ничего не возразил. Официант принес кофе и маленькую соломенную корзину с круассанами. Казалось, он уловил наше настроение. Поставив ее на стол, он тихо отошел.

– Ты позаботишься о похоронах? – спросил я.

Он кивнул:

– Похороны будут через четыре дня. Ты можешь остаться?

– Нет, – ответил я. – Но я вернусь.

– Хорошо, – сказал Джо. – Я задержусь примерно на неделю. Вероятно, нам придется продать квартиру. Или ты хочешь ее сохранить?

Я покачал головой.

– Нет. А ты?

– Едва ли я смогу ею пользоваться.

– Я не должен был приходить к ней один, – сказал я.

Джо промолчал.

– Мы видели ее на прошлой неделе, – сказал я. – Мы провели вместе много времени. Было хорошо.

– Ты думаешь?

– Нам было весело. Она хотела, чтобы было так, и приложила для этого столько усилий. Помнишь, она выбрала «Полидор»? Ведь она сама не хотела есть.

Он пожал плечами. Мы молча выпили кофе. Я попытался съесть круассан, он был свежим, но у меня не было аппетита. Я положил его обратно.

– Жизнь, – сказал Джо. – Какая это непонятная вещь! Человек проживает шестьдесят лет, совершает разные поступки, узнает о самых

разных вещах, чувствует самые разные вещи, а потом все кончается. Словно ничего и не было.

– Мы всегда будем ее помнить.

– Нет, мы будем помнить только отдельные части. Те части, которыми она захотела поделиться с нами. Это верхушка айсберга. А обо всем остальном знала только она. Значит, остального не существует. С этого момента.

Мы молча выкурили еще по одной сигарете. Потом медленно пошли обратно, шагая плечом к плечу. Что-то сгорело в нас, с чем-то мы примирились.

Гроб уже находился в катафалке, когда мы вновь подошли к ее дому. Наверное, в лифте пришлось ставить его вертикально. Консьержка стояла на тротуаре рядом со стариком с медальной ленточкой в петлице. Он опирался на свои трости. Чуть в стороне я заметил сиделку. Служащие морга замерли, опустив глаза.

– Они отвезут ее в depot mortuare, – сообщила сиделка.

В похоронный зал.

– Хорошо, – сказал Джо.

Я не стал больше задерживаться. Попрощался с сиделкой и консьержкой, пожал руку старику. Потом кивнул Джо и зашагал по улице. По мосту Альма я перешел на другой берег Сены и по авеню Георга V дошел до отеля. Поднялся на лифте и вернулся в свой номер. Под мышкой у меня оставалась коробка, которую мне вручил старик. Я положил ее на кровать и замер, не представляя, что делать дальше.

Я все еще стоял на том же месте двадцать минут спустя, когда зазвонил телефон. Это был Кельвин Франц из Форт-Ирвина. Ему пришлось дважды повторить свое имя. После первого раза я не понял, кто это такой.

– Я говорил с Маршаллом, – сказал он.

– С кем?

– С твоим парнем из Двенадцатого корпуса.

Я ничего не ответил.

– Ты в порядке?

– Извини, – сказал я. – Я в порядке. Ты поговорил с Маршаллом.

– Он ездил на похороны Крамера. Отвозил Васселя и Кумера туда и обратно. И он утверждает, что после этого расстался с ними, поскольку у него весь день были важные встречи в Пентагоне.

– Но?

– Я ему не поверил. Он мальчик на побегушках. Если бы Вассель и Кумер захотели, чтобы он их возил, он бы так и делал, несмотря на любые встречи.

– И?

– И поскольку я знал, что ты будешь ко мне приставать, если я не проверю, я проверил.

– И?

– Наверное, он встречался с самим собой в туалете, поскольку никто и нигде его не видел.

– Что же он делал на самом деле?

– Понятия не имею. Но чем-то он был занят, тут у меня нет никаких сомнений. Уж очень у него все гладко получается. Я хочу сказать, что все это происходило шесть дней назад. Черт возьми, кто помнит про встречи шестидневной давности? Но он утверждает, что все помнит.

– Ты сказал ему, что я в Германии?

– Похоже, он это знал.

– А ты сказал ему, что я задержусь в Германии?

– Похоже, он уверен, что ты не собираешься в ближайшее время лететь в Калифорнию.

– Эти ребята давно дружат с Уиллардом, – сказал я. – Он обещал, что не подпустит меня к ним. Он управляет Сто десятым отделом, словно это частная армия Двенадцатого корпуса.

– Кстати, я сам проверил Васселя и Кумера, поскольку мне стало любопытно. Нет никаких оснований считать, что кто-то из них имеет какое-то отношение к Сперривиллу в Виргинии.

– Ты уверен?

– Совершенно. Вассель из Миссисипи, а Кумер из Иллинойса. Ни один из них никогда не жил и не служил возле Сперривилла.

Я немного подумал.

– Они женаты? – спросил я.

– Женаты? – удивился Франц. – Да, у них есть жены и дети. Но это местные девушки. У них нет родственников в Сперривилле.

– Ладно, – сказал я.

– Что ты намерен делать? – спросил Франц.

– Я полечу в Калифорнию.

Я положил трубку и направился по коридору к номеру Саммер. Постучался в дверь и стал ждать. Саммер открыла дверь. Она уже вернулась с прогулки.

– Мама умерла прошлой ночью, – сказал я.

– Я знаю, – ответила Саммер. – Твой брат только что звонил мне. Он хотел, чтобы я проверила, все ли с тобой в порядке.

– Все нормально, – отозвался я.

– Я сожалею, – сказала Саммер.

Я пожал плечами.

– Это не было неожиданностью.

– Когда она умерла?

– В полночь. Она перестала сопротивляться.

– Я чувствую себя ужасно. Тебе следовало повидать ее вчера. Не надо было проводить весь день со мной. И ходить по магазинам.

– Я видел ее на прошлой неделе. Мы прекрасно провели время. Так даже лучше.

– А я бы на твоем месте хотела провести с ней как можно больше времени.

– Всегда можно о чем-то сожалеть, – сказал я. – Я мог бы зайти к ней вчера днем. И теперь жалел бы, что не остался до вечера. А если бы досидел до вечера, то жалел бы, что не остался до полуночи.

– В полночь ты был со мной. И я чувствую себя отвратительно.

– Не нужно, – сказал я. – Я отношусь к этому иначе, как и моя мать. Ведь она была француженкой. Если бы она знала, какой у меня был выбор, она бы потребовала, чтобы я остался с тобой.

– Ты это просто так говоришь.

– Ну, она не отличалась особой терпимостью, но всегда хотела, чтобы я был счастлив.

– Она сдалась, потому что осталась одна?

Я покачал головой.

– Она хотела остаться одна, чтобы иметь возможность сдаться.

Саммер промолчала.

– Мы улетаем, – сказал я. – Ночным самолетом.

– В Калифорнию?

– Сначала на Восточное побережье. Я должен там кое-что проверить.

– Что именно? – спросила Саммер.

Я не ответил. Она бы рассмеялась, а сейчас я не был к этому готов.

Саммер собрала свою сумку, и мы вместе вернулись в мой номер. Я сел на кровать и стал теребить шпагат коробки, которую вручил мне месье Ламонье.

– Что это? – спросила Саммер.

– Коробку принес один старик. Он сказал, что эти вещи мы должны были бы найти у нее в доме.

– А что в коробке?

– Я не знаю.

– Так открой ее.

Я подтолкнул коробку к Саммер.

– Ты открой.

Я смотрел, как ее маленькие ловкие пальцы развязывают тугой узел. Прозрачный лак блестел на свету. Саммер распутала шпагат и сняла крышку. Неглубокая коробка была из толстого твердого картона, такие теперь не делают. Внутри находилось три предмета. Коробочка поменьше, похожая на футляр для драгоценностей. Она также была из картона, но заклеена синей бумагой с водяными знаками. Еще там лежала книга. И устройство для разрезания сыра – проволока с двумя рукоятками из темного твердого дерева на концах. Во Франции такую штуку можно увидеть в любой épicerie.[33] Только здесь кто-то поменял струну. Проволока показалась мне слишком толстой для сыра. Она

больше походила на рояльную струну. И металл покрылся коррозией, словно его хранили много лет.

– Что это такое? – спросила Саммер.

– Похоже на гарроту, – ответил я.

– Книга на французском, – сказала Саммер. – Я не могу ничего прочитать.

Она передала книгу мне. Обычная книга в тонкой суперобложке. Не роман. Мемуары. Уголки страниц были загнуты и потемнели от времени. От книги слегка пахло плесенью. Заголовок имел какое-то отношение к железным дорогам. Я открыл книгу и заглянул внутрь. После титульной страницы была помещена карта железных дорог Франции в 1930-е годы. В первой главе говорилось о том, что все ветки сходятся на севере в Париже, а потом веером расходятся на юг. Невозможно отправиться путешествовать, не проехав через столицу. Франция – сравнительно небольшая страна с огромным городом. Большинство наций поступают так же. Столица всегда остается в центре паутины.

Я посмотрел в конец. Там имелась фотография автора, месье Ламонье, только на сорок лет моложе. Однако я сразу его узнал. Под фотографией было написано, что он потерял обе ноги во время сражений в мае 1940 года. Я вспомнил, как напряженно он сидел на диване в гостиной моей матери. Вспомнил его трости. Вероятно, у него были протезы. Деревянные ноги. То, что я принял за костлявые колени, являлось сложным шарниром. Далее в книге говорилось, что он создал Le Chemin de Fer Humain – Человеческую железную дорогу. Президент де Голль наградил его медалью «За участие в движении Сопротивления» и британским крестом Святого Георга, а также американской медалью «За выдающиеся заслуги».

– Что это такое? – спросила Саммер.

– Похоже, я только что встретил старого героя французского Сопротивления, – ответил я.

– А какое он имеет отношение к твоей матери?

– Может быть, она и Ламонье были когда-то друг в друга влюблены.

– И он решил рассказать об этом вам с Джо? О том, каким замечательным человеком он был? В такой момент? Не кажется ли тебе, что это слишком эгоистично?

Я почитал еще немного. Как и в большинстве французских книг, в ней использовалась причудливая грамматическая конструкция – простое

прошедшее время, которое встречается только в письменной речи. Если французский язык не является для вас родным, то при чтении возникают некоторые трудности. Первая часть книги показалась мне не особенно захватывающей. В ней с подробностями рассказывалось, что пассажиры, прибывающие на Северный вокзал с севера и желающие продолжать движение на юг, вынуждены пересекать Париж пешком или на машине, чтобы добраться до другого вокзала – Аустерлиц или Лионского и пересесть на поезд, направляющийся на юг.

– Здесь идет речь о чем-то, называемом Человеческой железной дорогой, – сказан я. – Только людей пока что упоминается мало.

Я передал книгу Саммер, и она принялась ее листать.

– Книга подписана, – сказала она.

Саммер показала мне первую пустую страницу с выцветшей надписью. Синие чернила, аккуратный почерк. Кто-то написал: «À Béatrice de Pierre». «Беатрис от Пьера».

– Твою мать звали Беатрис? – спросила Саммер.

– Нет, – ответил я. – Ее звали Жозефин. Жозефин Мутье, а потом Жозефин Ричер.

Саммер вернула мне книгу.

– Мне кажется, я слышала о Человеческой железной дороге, – сказала она. – Это было во время Второй мировой войны. Речь шла о спасении экипажей бомбардировщиков, сбитых над Бельгией и Голландией. Местное сопротивление находило их и передавало по цепочке до самой границы с Испанией. Потом они могли вернуться домой и вновь начать воевать. Это было важно, поскольку обученные экипажи представляли огромную ценность. Не говоря уже о том, что это избавляло людей от многих лет в лагерях военнопленных.

– Это объясняет медали Ламонье, – сказал я. – По одной от всех союзных правительств.

Я положил книгу на постель и подумал о том, что пора собирать вещи. Наверное, мне нужно просто выбросить джинсы и другие покупки, сделанные в «Самаритянине». Мне они не понадобятся. Я не хотел, чтобы они у меня оставались. Потом я снова посмотрел на книгу и увидел, что некоторые страницы отличаются от других. Я снова открыл книгу и обнаружил фотографии, в большинстве студийные портреты. Но имелись и репортажные снимки, сделанные во время войны: военные союзных армий в подвалах, освещенных свечами, а также небольшие группы мужчин в крестьянской одежде, идущих по проселочным дорогам, или пиренейские проводники, ведущие беглецов по

заснеженным горам. На одной из фотографий были засняты двое мужчин и молодая девушка, еще совсем ребенок. Она держала обоих мужчин за руки и весело улыбалась. Они шагали по городской улице. Почти наверняка это был Париж. Под фотографией я прочитал: «Béatrice de service à ses travaux». «Беатрис выполняет свою работу». На вид Беатрис было лет тринадцать.

Я почти не сомневался, что Беатрис – это моя мать.

Я полистал страницы и нашел ее среди студийных фотографий. Наверное, это была школьная фотография. Здесь маме было лет шестнадцать. Надпись гласила: «Béatrice en 1947». «Беатрис в 1947 году». Еще немного полистав книгу, я понял основные идеи Ламонье. Имелись две главные тактические проблемы в функционировании Человеческой железной дороги. Нет, им не приходилось искать спасшихся летчиков. Те прямо-таки дюжинами падали с неба над Нидерландами каждую безлунную ночь. Если Сопротивлению удавалось первым добраться до летчиков, у них появлялся шанс спастись. Если вермахт опережал Сопротивление, шансов у летчиков не оставалось. Тут все упиралось в удачу. Итак, если летчикам везло и Сопротивление успевало раньше немцев, их прятали, доставали гражданскую одежду, фальшивые документы, покупали билеты на поезда, а потом сажали на поезд, идущий в Париж, откуда они могли попасть домой.

Может быть.

Первая тактическая проблема состояла в том, чтобы не попасться во время проверки документов в поезде. Светловолосые парни из Америки, рыжие мальчишки из Шотландии и любые другие люди, не похожие на усталых темноволосых французов, сразу же выделялись в толпе. Они не владели французским языком. Было придумано множество ухищрений. Они делали вид, что спят, болеют, что они глухие или немые. Все разговоры вели их проводники.

Вторая проблема возникала уже в Париже. В Париже было полно немцев. Повсюду проверяли документы. Иностранцы сразу же бросались в глаза. Частные машины исчезли. Такси было очень трудно найти. Не хватало бензина. Мужчины, идущие по улицам в сопровождении других мужчин, сразу же привлекали к себе внимание. И тогда проводниками стали женщины. Ламонье придумал очередную увертку – он стал использовать юных девушек. Такая девушка встречала летчиков на Северном вокзале и провожала их до Лионского. Она смеялась и резвилась, держала их за руки, выдавая беглецов за своих старших братьев или кузенов. Она вела себя естественно и обезоруживающе. Она проводила беглецов через посты, словно они превращались в призраков. Ей было тринадцать лет.

У всех были кодовые имена. У нее – Беатрис. У него – Пьер.

Я посмотрел на коробочку, оклеенную синей бумагой. Открыл ее. Внутри лежала медаль «За участие в движении Сопротивления». Красивая красно-бело-синяя ленточка. Сама медаль была золотой. Я перевернул ее и увидел выгравированное имя: «Joséphine Moutier». Моя мать.

– Она никогда тебе не рассказывала? – спросила Саммер.

Я покачал головой:

– Ни слова. Никогда.

Потом я посмотрел на коробку. Но при чем здесь гаррота?

– Позвони Джо. Скажи ему, что мы сейчас придем. И попроси его задержать Ламонье.

Мы вошли в квартиру моей матери через пятнадцать минут. Ламонье был там. Возможно, он и не собирался уходить. Я протянул коробку Джо и предложил ознакомиться с ее содержимым. Он разобрался быстрее, чем я, поскольку начал с медали. Имя на обороте дало ему подсказку. Он пролистал книгу и поднял глаза на Ламонье, когда узнал его на фотографии. Потом быстро прочитал текст. Взглянул на остальные фотографии. Затем на меня.

– Она тебе что-нибудь об этом говорила? – спросил он.

– Никогда. А тебе?

– Никогда, – ответил Джо.

Я посмотрел на Ламонье.

– Зачем нужна была гаррота?

Ламонье не ответил.

– Расскажите нам, – попросил я.

– Ее раскрыли, – сказал он. – Мальчик из ее школы. Ее сверстник. Неприятный мальчик, сын коллаборационистов. Он издевался над ней и мучил ее, обещая донести.

– И что же он сделал?

– Сначала ничего. Все это ужасно нервировало вашу маму. Потом он потребовал, чтобы в обмен на его молчание она совершила кое-что недостойное. Естественно, ваша мать отказалась. Тогда он пригрозил, что донесет. Она сделала вид, что согласилась на его требования. Они договорились встретиться под мостом Инвалидов поздно ночью. Ей

пришлось незаметно выскользнуть из дома. Но прежде она прихватила из кухни устройство для резки сыра. Она вставила в него струну из отцовского рояля. Этой струны до сих пор там не хватает. Она встретилась с этим мальчишкой и задушила его.

– Что? – прошептал Джо.

– Она его задушила.

– Но ей было тринадцать лет.

Ламонье кивнул:

– В таком возрасте у мальчиков нет преимущества в физической силе перед девочками.

– Ей было тринадцать лет и она убила человека?

– То были отчаянные времена.

– Но как это произошло? – спросил я.

– Она воспользовалась гарротой. Как и планировала. Этот инструмент прост в обращении. Необходимо лишь хладнокровие и решимость. А потом она при помощи старой струны сырорезки привязала к его поясу груз. И спихнула его в Сену. Он исчез, а ей больше не грозила опасность. Человеческая железная дорога снова могла действовать.

Джо посмотрел на него.

– И вы позволили ей это сделать?

Ламонье пожал плечами.

– Я ничего не знал, – ответил он. – Она только потом рассказала мне обо всем. Наверное, я попытался бы ей запретить. Но я ничего не мог сделать сам. У меня не было ног. Я не мог спуститься под мост и не сумел бы оказать сопротивление мальчишке. У меня имелся человек, который убивал, но он находился в другом месте. Кажется, в Бельгии. Я не мог рисковать и ждать, когда он вернется. Поэтому в конечном счете я не стал бы ей запрещать. То были отчаянные времена, а мы делали очень важную и нужную работу.

– Неужели это произошло на самом деле? – спросил Джо.

– Я в этом уверен, – сказал Ламонье. – Потом рыбы проели ремень мальчишки. Труп всплыл через несколько дней ниже по течению. Мы прожили трудную неделю. Но никто к нам не пришел.

– Как долго она на вас работала? – спросил я.

– Весь тысяча девятьсот сорок третий год, – ответил он. – Она была очень хороша. Но постепенно ее лицо примелькалось. Сначала это даже помогало. Такая юная и невинная. Кто мог ее в чем-то заподозрить? А потом оно начало мешать. Она стала известна среди les boches.[34] Сколько братьев, кузенов и дядей могла иметь одна девочка? И мне пришлось отказаться от ее услуг.

– Это вы ее завербовали?

– Она сама предложила свои услуги. И настаивала до тех пор, пока я не согласился.

– Сколько человек вы спасли?

– Восемьдесят, – ответил Ламонье. – Она была моим лучшим парижским проводником. Поразительная женщина. Даже страшно подумать, каковы были бы для нее последствия в случае провала. В течение целого года она жила под страшной угрозой, но ни разу не отказалась мне помочь.

Мы все помолчали.

– А как вы начали этим заниматься? – наконец спросил я.

– Я был инвалидом войны, – ответил он. – Одним из многих. В плену нас держать было бы слишком хлопотно по медицинским соображениям. Работать мы не могли. Поэтому нас оставили в Париже. Но мне хотелось что-то делать. Сражаться с ними я не мог. И тогда я стал организатором. Для этого не требуется физической силы. И я знал, что экипажи бомбардировщиков ценились на вес золота. Я решил, что буду переправлять их домой.

– Почему наша мать прожила всю жизнь и ни разу об этом не упомянула?

Ламонье вновь пожал плечами. Устало, неуверенно, все еще не в силах понять ушедшие годы.

– Причин много, – сказал он. – В тысяча девятьсот сорок пятом году Франция была страной конфликтов. Некоторые участвовали в Сопротивлении, другие стали коллаборационистами, часть людей оставалась в стороне. Многие хотели начать новую жизнь. А ее преследовал стыд из-за того, что она убила мальчика, так мне кажется. Она не могла об этом забыть. Я говорил ей, что у нее не было выбора. Говорил, что она поступила правильно. Но она предпочла обо всем забыть. Мне пришлось умолять ее принять медаль.

Джо, я и Саммер сидели молча.

– Я хотел, чтобы ее сыновья знали правду, – сказал напоследок Ламонье.

Мы с Саммер вернулись в отель. Нам не хотелось разговаривать. Я чувствовал себя как человек, неожиданно узнавший, что его усыновили. «Вы совсем не тот, за кого я вас принимала». Всю свою жизнь я считал, что мою судьбу определил отец и его карьера морского пехотинца. Теперь я ощутил значимость другой половины генов.

Мой отец не убивал врага, когда ему было тринадцать лет. А моя мать сделала это. Она жила в отчаянные времена и делала то, что было необходимо. И тут мне стало ее ужасно не хватать. В этот момент я понял, что мне всегда будет ее не хватать. Я чувствовал себя опустошенным. Я потерял то, о существовании чего не догадывался.

Мы отнесли наши сумки в вестибюль и выписались из отеля. Мы сдали ключи, а девушка-полиглот приготовила длинный подробный счет. Я должен был его подписать. Как только я его увидел, то сразу понял, что у меня будут серьезные неприятности. Счет оказался космическим. Мне казалось, армия сможет закрыть глаза на то, что я подделал подорожные, чтобы добиться положительного результата в расследовании. Но теперь у меня возникли сомнения. Я понял, что тарифы «Георга V» заставят их изменить точку зрения. Как если бы к нанесению ранения добавлялось оскорбление. Мы провели в отеле одну ночь, но с нас взяли за две, поскольку мы слишком поздно выписались. Кофе, который я заказал в номер, стоил столько же, сколько наша трапеза в бистро. Мой телефонный звонок в Рок-Крик обошелся мне как обед из трех блюд в лучшем ресторане города. Мой звонок Францу в Калифорнию стоил еще дороже. Звонок Саммер Джо (а Джо находился не более чем в миле от нашего отеля) по цене равнялся чашке кофе, доставленной в номер. И с нас взяли деньги за входящие звонки: один – от Франца, а другой – от Джо, когда он просил Саммер проверить, все ли со мной в порядке. Последнее проявление заботы обойдется правительству США в пять долларов. Никогда прежде мне не доводилось видеть такой огромный счет за проживание в отеле.

Девушка-полиглот напечатала два экземпляра. Я подписал один из них, она вложила другой в фирменный конверт «Георга V» и протянула мне. «Для вашего архива», – сказала она. «Для моего суда военного трибунала», – подумал я и убрал конверт во внутренний карман. И вынул его шесть часов спустя, когда, наконец, сообразил, кто и что сделал, и с кем, и почему, и как.

Глава 20

Мы проделали знакомый путь к площади Оперы и сели на автобус, идущий в аэропорт. Я в шестой раз оказался в таком автобусе за

последнюю неделю. И в шестой раз здесь было так же неудобно, как и в первый. Именно неудобства заставили меня задуматься.

Мы купили билет на рейс «Эр Франс». Обменяли две подорожные на два билета до Даллеса на ночной самолет, вылетающий в одиннадцать часов вечера. Нам предстояло долгое ожидание. Мы перекинули сумки через плечо и направились в бар. Саммер молчала. Мне кажется, она просто не знала, что сказать. Но по правде говоря, со мной все шло своим чередом. Моя жизнь проходила так, как и должна была проходить. Рано или поздно каждый из нас становится сиротой. Этого невозможно избежать. Так случалось с тысячами поколений, и переживать было бесполезно.

Мы выпили по бутылке пива и решили чего-нибудь съесть. Я пропустил завтрак и ланч, да и Саммер, наверное, ничего не ела. Мы прошли мимо маленьких магазинчиков, освобожденных от налогов, и обнаружили местечко, похожее на обычное бистро. Подсчитав оставшиеся доллары, мы изучили меню. Выяснилось, что мы можем заказать по одному блюду, плюс сок для Саммер и кофе для меня. Мы выбрали steak frites и получили солидный кусок мяса с тонко нарезанными длинными брусочками жареного картофеля и майонезом. Во Франции всюду превосходно кормят. Даже в аэропорту.

Через час мы переместились к воротам. Мы пришли слишком рано, и там было совсем мало людей. Всего несколько транзитных пассажиров, закончивших делать покупки или потративших все деньги – вроде нас. Мы уселись подальше от них и уставились в пространство.

– Ужасно не хочется возвращаться обратно, – призналась Саммер. – Когда уезжаешь, можно забыть о своих неприятностях.

– Все, что нам нужно, – это получить результат, – повторил я.

– Мы его не получим. Прошло десять дней, а у нас ничего нет.

Десять дней со дня смерти миссис Крамер, шесть дней после гибели Карбона. Пять дней с того момента, как «Дельта» дала мне неделю на то, чтобы снять с себя подозрение в убийстве.

– У нас ничего нет, – продолжала Саммер. – Мы не сумели сделать даже простых вещей. Не нашли женщину из мотеля Крамера, хотя что тут сложного?

Я кивнул. Саммер была права. Действительно, что тут сложного?

Постепенно подтянулись другие пассажиры, и за сорок минут до вылета мы оказались на борту. Нам с Саммер достались места за пожилой парой, сидевшей в последнем ряду перед выходом. Мне бы очень хотелось поменяться с ними местами. Лишнее пространство не

помешало бы. Мы взлетели по расписанию, и в течение первого часа мне становилось все более и более неудобно сидеть. Стюардесса принесла еду, но я не смог бы поесть, даже если бы захотел: мне не хватало места, чтобы пошевелить локтями и орудовать вилкой и ложкой.

Одна мысль привела к другой.

Я подумал о Джо, прилетевшем прошлой ночью. Он наверняка купил самые дешевые билеты – тут не могло быть никаких сомнений. Государственный служащий не станет летать по личным делам иначе. Всю ночь он провел в неудобном кресле, только ему было еще хуже, поскольку Джо на дюйм выше меня. И я снова почувствовал себя отвратительно из-за того, что ему пришлось ехать из аэропорта в автобусе. Я вспомнил жесткие пластиковые сиденья, его сгорбленную фигуру и то, как дергалась его голова всякий раз, когда автобус потряхивало. Мне следовало приехать на такси из города и оставить водителя ждать. Нужно было найти где-то деньги.

Одна мысль привела к другой.

Я представил себе Крамера, Васселя и Кумера, вылетевших из Франкфурта в канун Нового года. «Американ эрлайнз». «Боинг», такой же тесный, как любой другой пассажирский самолет. Им всем пришлось рано встать. Долгий перелет до Вашингтона. Я представил, как они шагают по летному полю, усталые, не выспавшиеся, недовольные.

Одна мысль привела к другой.

Я вытащил из кармана счет из «Георга V». Открыл конверт. Прочитал его один раз. Потом второй. Внимательно изучил каждую строку.

Счет из отеля, самолет, автобус до города.

Автобус до города, самолет, счет из отеля.

Я закрыл глаза.

И задумался о том, что мне сказали Санчес, адъютант «Дельты», детектив Кларк, Андреа Нортон и Саммер. Я вспомнил толпу встречающих, которую мы видели в аэропорту Шарля де Голля. Я подумал о Сперривилле, штат Виргиния. И о доме миссис Крамер в Грин-Вэлли.

В конце концов кости домино легли на свои места, причем таким образом, что теперь все действующие лица стали выглядеть паршиво. И хуже всех – я сам, поскольку совершил слишком много ошибок, в том числе одну очень серьезную, которая наверняка еще вернется ко мне и больно укусит за задницу.

Я был так занят размышлениями о прошлых ошибках, что совсем не подумал о будущем. И о контрмерах. О том, что меня может ждать после посадки. Мы приземлились в два часа утра, вышли в общий зал и угодили в ловушку, приготовленную Уиллардом.

Шесть дней назад они стояли на том же месте. Военные полицейские. Двое старших уоррент-офицеров третьей категории и один четвертой. Я заметил их. Они увидели нас. Секунду я размышлял о том, как Уилларду удалось это сделать. Неужели он послал людей во все аэропорты страны, где они дежурят день и ночь? Или он отслеживал наши подорожные по всей Европе? Неужели он мог сделать это самостоятельно? Или он привлек ФБР? Армию? Интерпол? НАТО? Я не сумел догадаться. И сделал для себя довольно глупую зарубку на память – когда-нибудь выяснить, как он это проделал.

Потом я еще секунду потратил, чтобы решить, что делать дальше.

Сейчас мне не нужна была задержка. Если я окажусь в руках Уилларда, то ничего не сумею сделать. Мне требовалась свобода передвижения и действий в течение ближайших двадцати четырех или даже сорока восьми часов. Потом я сам отправлюсь на встречу с Уиллардом. С радостью. Потому что к этому моменту я смогу отвесить ему пощечину и арестовать.

Старший уоррент-офицер четвертой категории подошел к нам, двое его коллег немного отстали.

– Я получил приказ арестовать вас обоих и надеть наручники.

– Забудьте о приказе, – сказал я.

– Я не могу, – сказал он.

– Попытайтесь, – сказал я.

– Не могу.

Я кивнул.

– Ладно, тогда попробуем договориться. Если вы попытаетесь надеть на меня наручники, я сломаю вам руки. А если вы проводите нас к машине, мы мирно пойдем с вами.

Он задумался. У него и его людей было оружие. У нас – нет. Но никому не хочется стрелять в аэропорту. Тем более в безоружных людей из собственной части. Это ляжет тяжким грузом на их совесть. Не говоря уже о горах бумаги, которые придется исписать. Кулачной драки он тоже

не хотел – втроем против двоих. Я был слишком большим, а Саммер слишком маленькой, чтобы драка получилась честной.

– Ладно. Договорились? – на всякий случай спросил он.

– Да, – солгал я.

– Тогда пошли.

В прошлый раз он шел впереди, а его псы следовали сзади. Я очень рассчитывал, что он снова поступит так. Офицеры третьей категории считали себя крутыми сукиными детьми и были недалеки от истины, но меня гораздо больше беспокоил Четвертая Категория. Он выглядел как настоящий офицер. Однако у него не было глаз на затылке. И я рассчитывал, что он пойдет первым.

Так и вышло. Саммер и я последовали за ним с сумками в руках, а двое остальных полицейских замыкали шествие. Четвертая Категория повел нас вперед. Мы вышли из здания аэропорта и оказались на свежем воздухе. Здесь он сразу свернул за ограничительную черту, где они припарковались в прошлый раз. Было два часа ночи, и, к счастью для нас, людей вокруг не оказалось. Лишь желтый свет фонарей разгонял темноту. Шел дождь, земля стала влажной.

Мы пересекли двойную осевую и миновали стоянку автобусов. И зашагали в темноту. Неподалеку стоял зеленый «шевроле». Мы свернули к нему, пошли по дорожке. В другое время нам пришлось бы пропускать проезжающие машины, но сейчас здесь никого не было. Два часа ночи.

Я уронил сумку и оттолкнул Саммер в сторону. Резко остановился и ударил правым локтем в лицо полицейского, находившегося справа от меня. И тут же, не отрывая ноги от земли, словно на уроке гимнастики, развернулся и врезал левым локтем второму офицеру третьей категории. Затем я сделал шаг вперед, чтобы встретить Четвертую Категорию – он услышал шум и повернулся ко мне. Я нанес ему прямой удар левой в грудь. Мы двигались на встречных курсах, и удар его потряс. Я тут же добавил хук правой в челюсть, и он упал на землю. Затем я повернулся к паре офицеров третьей категории, чтобы проверить, чем они заняты. Оба лежали на спине. Лица испачканы кровью. Носы сломаны, зубы слегка повреждены. Эффект неожиданности. Нужно этим воспользоваться. Я был доволен. Они знали свое дело, но я оказался лучше. Я проверил Четвертую Категорию. Он не проявлял особой активности. Присев на корточки рядом с его помощниками, я вытащил обе «беретты» у них из кобуры. Затем забрал третью «беретту» у командира. Переложил все три пистолета в одну руку. Другой рукой нашарил ключи от машины в правом кармане одного из помощников и бросил их Саммер. Она выглядела слегка ошеломленной.

Передав ей три пистолета, я поднял командира полицейских за воротник и поволок его к ближайшей автобусной остановке. Потом вернулся за его помощниками и перетащил их туда же. Уложил всех троих лицом вниз. Они были в сознании, но еще не успели полностью прийти в себя. Тяжелые удары в голову оказывают в реальной жизни куда более серьезное воздействие, чем в кино. Я и сам тяжело дышал, почти задыхался. Адреналин кипел в крови. Несколько запоздалая реакция. Драки всегда оказывают влияние на обе стороны.

Я присел на корточки рядом с командиром.

– Приношу свои извинения, шеф, – сказал я. – Но вы встали у меня на пути.

Он молча на меня смотрел. Его лицо выражало смесь эмоций: гнев, шок, уязвленную гордость, смущение.

– А теперь послушай, – продолжал я. – Послушай меня внимательно. Ты нас не видел. Нас здесь не было. Мы так и не появились. Вы ждали-ждали, и все зря. А когда вы вернулись на стоянку, оказалось, что какой-то наглый вор угнал вашу машину. Вот как все произошло. Ты согласен?

Он попытался ответить, но у него не получилось произнести что-нибудь осмысленное.

– Да, я понимаю, – продолжал я. – Звучит не слишком убедительно, и вы будете выглядеть довольно глупо. Но какие возможны варианты, если станет известно, что вы нас упустили? Что вы не надели на нас наручники, хотя получили такой приказ?

Он не ответил.

– Вот что ты должен рассказать, – продолжал я свои наставления. – Мы не прилетели, а вашу машину украли. Придерживайтесь этой версии до конца, иначе я расскажу, что с вами разобралась лейтенант. Девушка весом в девяносто фунтов. Это всем понравится. Все придут в восторг. Ты ведь понимаешь, какие слухи будут о тебе ходить после этого до конца твоей карьеры в армии?

Он молчал.

– Твой выбор, – сказал я.

Он пожал плечами, продолжая молчать.

– Я приношу свои искренние извинения, – сказал я.

Мы оставили их на остановке, подхватили свои сумки и побежали к машине. Саммер отперла дверцу, мы сели, и она включила двигатель. Через мгновение мы уже выезжали со стоянки.

– Не нужно спешить, – посоветовал я.

Когда мы подъехали к автобусной остановке, я открыл стекло и выбросил все три «беретты» на тротуар. Их рассказу никто не поверит, если исчезнет не только машина, но и оружие. Пистолеты упали неподалеку от военных полицейских, и все трое поползли к ним.

– А теперь жми! – сказал я.

Саммер от души нажала на газ, двигатель взревел, и через секунду мы уже были далеко от автобусной остановки. Она продолжала давить на газ, и мы покинули аэропорт со скоростью девяносто миль в час.

– Ты в порядке? – спросил я.

– Пока да, – ответила Саммер.

– Извини, что мне пришлось тебя толкнуть.

– Надо было просто убежать и затеряться в толпе.

– Нам нужна машина, – сказал я. – Меня тошнит от езды на автобусах.

– Но теперь мы перешли черту.

– Это уж точно, – согласился я.

Я посмотрел на часы. Было почти три часа утра. Мы ехали на юг. Мчались в никуда. Нам требовалось выбрать цель.

– Ты знаешь номер моего телефона в Бэрде? – спросил я.

– Конечно, – ответила Саммер.

– Хорошо. Тогда остановись у первого же телефона.

Через пять миль Саммер заметила ярко освещенную круглосуточную автозаправку. Мы остановились. Здесь имелся небольшой магазинчик, но он был закрыт. По ночам нужно платить за бензин через пуленепробиваемое окно. Рядом с заправкой находился телефон-автомат – алюминиевый ящик, приделанный к стене. Саммер набрала номер моего офиса в Форт-Бэрде. Я услышал один гудок, и мой сержант взяла трубку. Женщина, которая дежурила по ночам. Та, у которой был маленький ребенок.

– Ричер, – сказал я.

– Вы в полном дерьме, – сообщила она.

– И это хорошая новость, – ответил я.

– А какова плохая новость?

– Вам придется присоединиться ко мне. Кто сидит с вашим ребенком?

– Знакомая девушка, которая живет рядом, в соседнем трейлере.

– Она может задержаться на час?

– Зачем?

– Я хочу с вами встретиться, чтобы вы мне кое-что принесли.

– Это будет вам кое-что стоить.

– Сколько?

– Два доллара в час. Для девушки-соседки.

– У меня нет двух долларов. Именно это я и хотел попросить вас привезти. Деньги.

– Вы хотите, чтобы я дала вам денег?

– В долг, – сказал я. – На пару дней.

– Сколько?

– Все, что у вас есть.

– Когда и где?

– Когда вы закончите дежурство. После шести. В кафе, которое расположено по соседству со стрип-клубом.

– Что еще я должна принести?

– Распечатку телефонных разговоров, – сказал я. – Все звонки, сделанные из Форт-Бэрда, начиная с нуля часов новогодней ночи и до третьего января. И телефонную книгу с армейскими телефонами. Мне необходимо поговорить с Санчесом, Францем и другими людьми. А еще мне понадобится личное досье майора Маршалла. Он из Двенадцатого корпуса. Нужно, чтобы кто-то прислал копию досье факсом.

– Что-нибудь еще?

– Я хочу знать, где Вассель и Кумер парковали свою машину, когда приезжали сюда ужинать четвертого января. И узнайте, заметил ли это кто-нибудь.

– Хорошо, – сказала она. – Теперь все?

– Нет. Я хочу знать, где был майор Маршалл второго и третьего января. Отыщите писаря, который занимается подорожными, и постарайтесь выяснить, выписывал ли кто-нибудь подорожные для Маршалла. А еще мне нужен номер телефона отеля «Джефферсон» в Вашингтоне.

– Очень много работы всего за три часа.

– Именно поэтому я обращаюсь к вам, а не к тому парню, который работает днем. Вы лучше.

– Вот этого не надо, – заявила она. – Лесть вам не поможет.

– Надежда умирает последней, – ответил я.

Мы вернулись в машину, выехали на шоссе и направились на восток, к автостраде I-95. Я попросил Саммер ехать медленно. В противном случае, учитывая, как она ездит по пустым дорогам, мы оказались бы в кафе значительно раньше сержанта, а это в мои планы не входило. Сержант появится там в шесть тридцать. Я собирался приехать после нее, примерно в шесть сорок. Мне требовалось убедиться в том, что она не донесла на меня и что нас не поджидает засада. Такой вариант был не слишком вероятным, но полностью его исключить я не имел права. Я хотел проехать мимо и проверить. Глупо было бы сидеть и пить кофе, когда появится Уиллард.

– Зачем тебе все это? – спросила Саммер.

– Я знаю, что произошло с миссис Крамер, – ответил я.

– Откуда?

– Догадался. Мне бы следовало это сделать с самого начала. Однако я плохо думал. И мне не хватило воображения.

– Но воображать какие-то события еще недостаточно.

– Вот тут ты ошибаешься, – возразил я. – Иногда ничего другого не требуется. Иногда у следователя больше ничего нет. Ты должен представить себе, что люди могли сделать. Как они думали и как действовали. Нужно просто представить себя на их месте.

– На чьем месте?

– Васселя и Кумера, – ответил я. – Мы знаем, кто они такие. Мы знаем, какие они. А потому можем предсказать, что они сделали.

– И что они сделали?

– В канун Нового года они встали рано утром и вылетели из Франкфурта… Они надели парадную форму, надеясь, что сумеют получить билеты получше. Возможно, им сопутствовал успех с «Американ эрлайнз», когда они вылетали из Германии. Но не обязательно. В любом случае они не могли знать наверняка. И должны были приготовиться провести восемь часов на самых дешевых местах.

– И что с того?

– Захотят ли типы вроде Васселя и Кумера стоять в длинной очереди на такси в аэропорту? Или поехать в город на автобусе, в котором ужасно неудобно сидеть?

– Нет, не захотят, – ответила Саммер.

– Совершенно верно, – продолжал я свои рассуждения. – Они постараются этого избежать. Они слишком важные персоны, им и в голову не придет терпеть неудобства. Ни при каких обстоятельствах. Таких типов должна встречать машина с шофером.

– И кто это?

– Маршалл, – ответил я. – Вот кто. Он их мальчик на побегушках. Он уже ждал их в аэропорту. Возможно, он же встречал и Крамера. Сел ли Крамер в автобус фирмы «Херц», чтобы доехать до их офиса и взять напрокат машину? Я так не думаю. Я считаю, что его отвез Маршалл. А потом доставил Васселя и Кумера в отель «Джефферсон».

– И?

– И остался с ними, Саммер. Полагаю, у него был там зарезервирован номер. Может быть, они хотели, чтобы он утром отвез их в аэропорт. Он собирался ехать с ними. И в Ирвин тоже. Или им требовалось срочно с ним поговорить. Только они трое – Вассель, Кумер и Маршалл. Может быть, им легче было это сделать без Крамера. А с Маршаллом было о чем поговорить. Он стал ездить в командировки в ноябре. Ты сама мне рассказала. Именно в ноябре Стена начала разрушаться. Именно в ноябре появились первые признаки опасности. Поэтому он прилетел сюда в ноябре, чтобы держать руку на пульсе и знать, каковы новые веяния в Пентагоне. Такова моя догадка. Так или иначе, но Маршалл провел ночь в отеле «Джефферсон» вместе с Васселем и Кумером. Я в этом уверен.

– Хорошо, и что с того?

– Маршалл находился в отеле, а его машина стояла на парковке. И знаешь что? Я проверил наш счет в Париже. Они за все берут огромные деньги. В особенности за телефонные звонки. Но не за все звонки. Звонки из одного номера в другой не включаются в счет. Ты позвонила

мне в шесть относительно обеда. Потом я позвонил тебе в полночь, поскольку мне стало одиноко. Эти вызовы не показаны в счете. Ты нажимаешь тройку – звонок бесплатный. Но стоит нажать девятку, и сразу включается компьютер. В счете Васселя и Кумера не упомянуто никаких звонков, и мы решили, что они никому не звонили. Однако звонки были. Это очевидно. Из одного номера в другой. Васселю позвонили из Германии, и он тут же позвонил в номер Кумера, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. А потом один из них позвонил в номер Маршалла. Они призвали своего мальчика на побегушках, и очень скоро тот уже сидел в машине.

– Так это сделал Маршалл?

Я кивнул:

– Они отправили его в ночь, чтобы он все исправил.

– И мы можем это доказать?

– У нас есть с чего начать, – ответил я. – Я уверен в трех вещах. Во-первых, когда мы позвоним в отель «Джефферсон», то обнаружим, что на имя Маршалла был зарезервирован номер. Во-вторых, из досье Маршалла мы узнаем, что он когда-то жил в Сперривилле, штат Виргиния. И в-третьих, в досье наверняка сказано, что он высокий и сильный правша.

Саммер задумалась. Ее веки задрожали.

– И этого будет достаточно? – спросила она. – Раскрытия убийства миссис Крамер будет достаточно, чтобы вывести нас из-под огня?

– На этом дело не закончится, – заверил я ее.

Я смотрел на Саммер, ведущую машину на небольшой скорости, и мне казалось, что я попал в параллельную вселенную. Мы ехали по шоссе, и мир медленно проплывал мимо нас. Мощный двигатель «шевроле» работал с заметной ленцой. Шины почти не шуршали. Мы проезжали мимо знакомых мест. Здание полиции, место, где найден портфель Крамера, стоянка для отдыха. Мы медленно прокатили по «клеверной» развязке, и я еще раз увидел заправку, маленькое кафе, парковку и мотель. Все вокруг превратилось в странную смесь желтого света, тумана и темных теней, но я сумел все хорошо разглядеть. Никаких признаков засады. Саммер свернула на стоянку и сделала неторопливый круг. Рядышком стояли три огромных грузовика, похожие на выбросившихся на берег китов, и два старых седана, вероятно, оставленные здесь очень давно. Во всяком случае, такой у них был вид: облупившаяся краска, спущенные шины, сломанные рессоры. И еще я заметил старенький «форд»-пикап с детским сиденьем сзади. Я решил, что это машина

моего сержанта. Других автомобилей на стоянке не было. Шесть сорок утра, мир оставался темным, тихим и спокойным.

Мы поставили машину немного в стороне, чтобы она не бросалась в глаза, и через парковку направились к кафе. Окна слегка запотели. Внутри все было залито белым светом. Здание немного напоминало картину Хоппера.[35] Мой сержант сидела в угловой кабинке. Мы вошли и сели рядом с ней. Она подняла с пола хозяйственную сумку, которая была плотно чем-то набита.

– Начнем с главного.

Засунув руку в сумку, сержант вытащила пулю и поставила ее на стол передо мной. Стандартная девятимиллиметровая пуля от «парабеллума», какими пользуются войска НАТО. В металлической оболочке. Для пистолета или автомата. На блестящей медной поверхности было что-то нацарапано. Я взял пулю. Посмотрел на нее и увидел одно слово. Не слишком аккуратное, написанное от руки. Я прочитал его: «Ричер».

– Пуля с моим именем, – сказал я.

– От «Дельты», – сказала сержант. – Доставлена вчера, лично.

– Кем?

– Молодым парнем с бородой.

– Замечательно, – сказал я. – Напомните мне, чтобы я не забыл лягнуть его в зад.

– Только не нужно шутить. Они сильно недовольны.

– Они ищут не там, где нужно.

– И вы можете это доказать?

Я не стал отвечать сразу. Знать и иметь доказательства – это не одно и то же. Я бросил пулю в карман и положил руки на стол.

– Возможно, смогу.

– И вы знаете, кто убил Карбона? – спросила Саммер.

– Будем двигаться шаг за шагом, – ответил я.

– Вот ваши деньги, – сказала сержант. – Это все, что у меня есть.

Она вытащила из сумки сорок семь долларов и разложила их на столе.

– Благодарю, – ответил я. – Будем считать, что я должен вам пятьдесят. Три доллара процентов.

– Пятьдесят два, – уточнила она. – Не забывайте о девушке, сидящей с моим ребенком.

– Что у вас еще?

Она вытащила из сумки сложенную гармошкой распечатку. Вдоль края шли аккуратные дырочки. На бумаге я разглядел линии и цифры.

– Распечатки телефонных звонков, – сказала сержант.

Следующим появился листок бумаги с номером 202 на нем.

– Отель «Джефферсон», – сказала сержант.

Далее последовал рулон факсовой бумаги.

– Личное досье майора Маршалла, – продолжала сержант.

Затем она вручила мне армейскую телефонную книгу. Она оказалась толстой и зеленой – в ней имелись телефоны наших баз по всему миру. Сержант добавила еще один рулон факса – результаты опроса соседей миссис Крамер, проведенного людьми детектива Кларка в Грин-Вэлли.

– Франц из Калифорнии сказал, что вы хотели это получить, – сказала сержант.

– Превосходно, благодарю. Благодарю за все.

Она кивнула.

– Вам и вправду не стоит забывать, что я лучше, чем мой дневной сменщик. Кое-кому нужно будет сказать, чтобы мне сохранили место, когда начнутся сокращения.

– Я им скажу, – пообещал я.

– Не стоит, – проворчала сержант. – Это мне не поможет. К тому времени вы либо будете мертвы, либо вас посадят в тюрьму.

– Однако вы принесли мне все это, а значит, вы по-прежнему в меня верите, – заметил я.

Сержант ничего не ответила.

– А где Вассель и Кумер парковали свою машину? – спросил я.

– Четвертого января? – уточнила сержант. – Никто точно не знает. Первый ночной патруль видел штабную машину, оставленную в дальнем конце парковки. Но вам не стоит рассчитывать на их показания. Они не запомнили номеров. А второй ночной патруль вообще ничего не помнит. Получается, что их показания противоречат друг другу.

– Что еще запомнил парень из первого патруля?

– Он назвал эту машину штабной.

– Это был черный «гранд маркиз»?

– Машина была черной, – сказала сержант. – Но все штабные машины черные или зеленые. В черной машине нет ничего уникального.

– Но она стояла в стороне от других?

Сержант кивнула.

– Да, отдельно, и в дальнем конце парковки. Однако парень из второго патруля этого не подтвердил.

– Где был майор Маршалл второго и третьего января?

– Это оказалось совсем не трудно узнать, – ответил она. – Две подорожные. Он летал во Франкфурт второго января и обратно – третьего.

– Провел одну ночь в Германии?

Она снова кивнула.

– Слетал туда и обратно.

Мы немного посидели молча. К нам подошел бармен из-за стойки. Я посмотрел на лежащие на столе сорок семь долларов и заказал кофе и яйца на два доллара. Саммер поняла намек и попросила принести ей сок и бисквит. Ничего дешевле в меню попросту не нашлось, но нам нужно было перекусить.

– Я вам больше не нужна? – спросила сержант.

Я кивнул.

– И большое вам спасибо.

Саммер пришлось встать, чтобы выпустить сержанта.

– Поцелуйте за меня своего сынишку, – сказал я.

Мой сержант застыла возле стола. Одни кости и сухожилия. Твердая, как клюв дятла. Она пристально смотрела на меня.

– Моя мать только что умерла, – сказал я. – Наступит день, и ваш сын будет вспоминать такие дни, как этот.

Она молча кивнула, повернулась и пошла к двери. Через минуту я увидел, как она садится в свой пикап – одинокая фигурка за рулем. Она скрылась в утреннем тумане. Дым из выхлопной трубы вскоре рассеялся.

Я разложил все бумаги по порядку и начал с досье Маршалла. Качество факсовой передачи было невысоким, но читаемым. Обычная масса информации. На первой же странице я обнаружил, что Маршалл родился в сентябре 1958 года. Следовательно, ему тридцать один год. Он никогда не был женат. Он обвенчан с армией, решил я. Его рост составлял шесть футов и четыре дюйма, вес – двести двадцать фунтов. Армия должна знать такие вещи для успешной работы интендантов. Из досье я выяснил, что Маршалл правша. Армия должна это знать, поскольку снайперские ружья делаются для правшей. Левши обычно не становятся снайперами. Людей начинают классифицировать с того момента, как они становятся военными.

Я перевернул страницу.

Маршалл родился в Сперривилле, штат Виргиния, он ходил там в детский сад и закончил школу.

Я улыбнулся. Саммер смотрела на меня, и я видел в ее глазах вопросы. Я разделил страницы на две части, передал ей просмотренные мною и ткнул пальцем в самые важные места. Потом я протянул ей листок с телефоном отеля «Джефферсон».

– Найди телефон.

Она нашла его возле двери, на стене. Я видел, как она засунула в него два четвертака, набрала номер, произнесла несколько слов и стала ждать. Потом еще немного поговорила и снова стала ждать. Послушала, скормила автомату еще пару монет. Разговор получился долгим. Наверное, ее звонок перевели в другое место. Наконец она повесила трубку и вернулась ко мне. Ее лицо было мрачным, но удовлетворенным.

– Он снимал там номер, – сказала она. – Он сам его зарезервировал за день до приезда. Точнее, три номера: для себя, Васселя и Кумера. В счет была включена плата за парковку.

– А ты разговаривала со сторожем с парковки?

Она кивнула.

– Черный «меркурий гранд-маркиз». Он появился сразу после ланча, уехал без двадцати час в новогоднюю ночь, вернулся обратно в двадцать минут четвертого, а окончательно исчез первого января, после завтрака.

Я полистал бумаги и нашел факс от детектива Кларка в Грин-Вэлли. Опрос жителей. Там довольно часто упоминались разные автомобили. В канун Нового года многие отправлялись на вечеринки или

возвращались домой. В два часа ночи кто-то видел у дома миссис Крамер машину, похожую на такси.

– Штабную машину легко спутать с такси, – заметил я. – Ну, ты понимаешь: черный седан, хорошее состояние, но не новый, с большим пробегом – очень похоже на «краун викторию».

– Весьма вероятно, – сказала Саммер.

– Эта версия определенно заслуживает доверия.

Мы расплатились по чеку, оставив доллар чаевых, после чего сосчитали оставшиеся деньги. Мы решили, что есть придется только самое дешевое, поскольку нам потребуется бензин. И деньги для телефонных переговоров. Возможны и другие расходы.

– Куда теперь? – спросила Саммер.

– На противоположную сторону улицы. В мотель. Нам нужно весь день скрываться. Еще немного поработаем, а потом будем спать.

Мы оставили нашу машину в таком месте, где она не привлекала бы внимания, и пешком отправились к мотелю. Разбудили худого парня за стойкой и сказали, что нам нужен номер.

– Один? – спросил он.

Я кивнул. Саммер не стала возражать. Она знала, что мы не можем позволить себе два номера. И тут не было для нас ничего нового. В Париже все получилось хорошо – если говорить о постельных делах.

– Пятнадцать долларов, – сказал дежурный.

Я отдал ему деньги, и он улыбнулся, передавая мне ключ от номера, в котором умер Крамер. Наверное, решил пошутить. Я ничего не сказал. У меня не было оснований возражать. Номер, где умер человек, даже лучше номеров, которые сдавались на несколько часов.

Мы нашли номер, я отпер дверь, и мы вошли. Номер производил такое же мрачное впечатление, как и в первый раз. Тело, естественно, убрали, но в остальном здесь ничего не изменилось.

– Это не «Георг Пятый», – заметила Саммер.

– Черт возьми, с тобой не поспоришь, – проворчал я.

Мы поставили наши сумки на пол, и я положил бумаги, принесенные сержантом, на постель. Покрывало оказалось слегка влажным. Я немного повозился со стоящим под окном обогревателем и включил его.

– Что дальше? – спросила Саммер.

– Распечатки телефонных звонков, – сказал я. – Я ищу разговор с кодом девятьсот девятнадцать.

– Это местный звонок. Форт-Бэрд имеет такой же код.

– Замечательно, – проворчал я. – Тут, наверное, миллион местных звонков.

Я разложил распечатку на постели и начал ее просматривать. Местных звонков оказалось вовсе не миллион. Но их насчитывались сотни. Я начал с полуночи Нового года и постепенно продвигался вперед. Звонки, которые делались по одному и тому же номеру из разных мест, я игнорировал. Я решил, что это номера такси, клубов или баров. И еще я пропускал звонки с таким же междугородным кодом, что и Форт-Бэрд, – это были звонки тех, кто снимал дома где-то рядом с базой. Люди поздравляли друг друга с Новым годом. Я сосредоточился на номерах, которые выпадали из общего ряда. На тех, что соответствовали другим городам в Северной Каролине. В первую очередь меня интересовал номер в другом городе, по которому звонили только один раз, через тридцать или сорок минут после наступления полуночи. Я искал именно его. Я терпеливо просматривал распечатку, один номер за другим, страницу за страницей. Я не торопился. У меня был целый день.

Я нашел его в третьей гармошке. Он был зафиксирован в ноль тридцать две. Через тридцать две минуты после того, как 1989 год стал 1990-м. Именно в то время, которое я себе представлял. Разговор продолжался почти пятнадцать минут, что также соответствовало моим ожиданиям. Серьезный претендент. Однако я продолжал просматривать список дальше. Проверил следующие двадцать или тридцать минут. Больше мне не попалось ничего заслуживающего внимания. Я вернулся обратно и приставил палец к выбранному номеру. Вот моя главная ставка. Или единственная надежда.

– У тебя есть ручка? – спросил я.

Саммер вытащила ручку из кармана.

– А четвертаки остались? – спросил я.

Она показала мне пятьдесят центов. Я записал найденный номер на листок рядом с номером отеля «Джефферсон» и передал Саммер.

– Позвони по этому номеру, – попросил я. – Выясни, кто отвечает. Тебе придется перейти через улицу в кафе. Телефон в мотеле испорчен.

Она отсутствовала семь минут. Я потратил это время на чистку зубов. У меня имелась теория: если у тебя нет времени на сон, душ неплохо его заменит. Если нет времени на душ, то лучше всего почистить зубы.

Когда я поставил зубную щетку в стаканчик на полочке в ванной, в номер вернулась Саммер. Она принесла с собой холодный влажный воздух.

– Курортный отель с полем для гольфа в Роли, – сообщила она.

– Меня это вполне устраивает, – ответил я.

– Именно там Брубейкер отдыхал вместе с женой, – сказала Саммер.

– Наверное, он танцевал, – сказал я. – Как ты думаешь? В двенадцать тридцать, в новогоднюю ночь? Дежурному почти наверняка пришлось искать его в зале, прежде чем Брубейкер взял трубку. Вот почему разговор продолжался четверть часа. Большая часть времени ушла на ожидание.

– Кто ему звонил?

На распечатке имелись коды, показывающие, с какого телефона производился звонок. Однако они ничего для меня не значили. Обычные цифры и буквы. Но мой сержант снабдила меня ключом. На последнем листе имелась расшифровка кодов. Она сказала правду: дневной сержант хуже. Впрочем, она была сержантом Е-5, а он – капралом Е-4. Именно благодаря сержантам в армии Соединенных Штатов стоит служить.

Я воспользовался ключом.

– Звонили из телефона-автомата с территории казарм «Дельты», – сказал я.

– Значит, какой-то парень из «Дельты» позвонил своему командиру, – сказала Саммер. – И как это может нам помочь?

– Время является ключевым фактором, – ответил я. – Наверное, речь шла о чем-то срочном, верно?

– Кто звонил?

– Не будем торопиться, – сказал я.

– Ты закрываешься от меня.

– Вовсе нет.

– Ты ничего не говоришь.

Я промолчал.

– Твоя мать умерла, тебе больно, и ты замыкаешься в себе. Так нельзя поступать. Ты не можешь все делать в одиночку, Ричер. Нельзя прожить всю жизнь одному.

Я потряс головой.

– Дело не в этом, – возразил я. – У меня есть лишь догадки. Я боюсь спугнуть удачу. Я делаю слишком рискованные ставки. И не хочу упасть лицом в грязь, тем более перед тобой. Ты перестанешь меня уважать.

Она ничего не ответила.

– Хотя ты и так уже потеряла ко мне уважение, – продолжал я. – После того как увидела меня голым.

Саммер молча посмотрела на меня, а потом улыбнулась.

– Но тебе придется к этому привыкнуть, – не унимался я. – Потому что это случится вновь. Более того, прямо сейчас. У нас выходной.

Кровать была ужасной. Продавленный матрас, влажные простыни. Или даже хуже, чем просто влажные. В таком месте, как это, они почти наверняка не меняли простыни после смерти Крамера. Конечно, Крамер не ложился в постель, но он умер на этой кровати. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако Саммер это не тревожило. К тому же она не видела Крамера, бледного и неподвижного.

Но потом я подумал: «А что ты хочешь за пятнадцать долларов?» И очень скоро Саммер отвлекла мое внимание от простыней. Она вообще сильно меня отвлекла. Конечно, мы устали, но не настолько, чтобы потерять интерес к жизни. Во второй раз у нас получилось очень неплохо. Таков мой опыт. Второй раз часто бывает лучшим. Ты его ждешь, и тебе это еще не успело наскучить.

Потом мы спали, как дети. Обогреватель постепенно поднял температуру воздуха в комнате, и мы согрелись. Простыни перестали быть влажными. Шум проезжающих по шоссе машин действовал успокаивающе, как белый шум. Мы находились в безопасности. Никто не станет нас здесь искать. Крамер сделал удачный выбор. Превосходное убежище. Мы устроились в выемке матраса и крепко обнялись. Перед тем как окончательно погрузиться в сон, я подумал, что это лучшая постель из всех, где мне доводилось спать.

Мы проснулись очень нескоро и очень голодные. Было уже больше шести вечера. Снаружи стемнело. Январские дни проходили один за другим, но мы не обращали на них внимания. Мы приняли душ, оделись

и перешли на другую сторону улицы, чтобы поесть. С собой я прихватил армейский телефонный справочник.

Мы выбрали самые дешевые блюда, содержащие максимальное количество калорий, но все равно потратили почти восемь долларов на двоих. Я сэкономил часть денег на кофе. В кафе позволяли бесплатно брать добавку кофе, и я воспользовался этим на полную катушку. Потом я устроился возле висящего на стене телефона, нашел в справочнике нужный номер и позвонил Санчесу в Джексон.

– Говорят, ты в полном дерьме, – с ходу заявил он.

– Временно, – ответил я. – Ты слышал что-нибудь новое по Брубейкеру?

– Что именно тебя интересует?

– Удалось найти его машину?

– Да, ее нашли. Очень далеко от Колумбии.

– Давай я попробую угадать, – предложил я. – Это место находится в часе езды на север от Форт-Бэрда и к юго-востоку от Роли. Как насчет Смитфилда, Северная Каролина?

– Черт возьми, откуда ты знаешь?

– Интуиция, – сказал я. – Это должно быть неподалеку от пересечения девяносто пятой и федеральной семидесятой. Где-нибудь на главной улице города. Они не считают, что его убили именно там?

– Тут нет никаких сомнений. Он убит в своей машине. Кто-то застрелил его с заднего сиденья. Ветровое стекло рассыпалось на куски, оно все было покрыто кровью и мозгом. Убийца даже не обтер рулевое колесо. Из чего следует, что после убийства Брубейкера никто не пытался вести машину. Таким образом, его прикончили в собственном автомобиле, в Смитфилде, Северная Каролина.

– Гильзы нашли?

– Нет. И никаких других серьезных улик.

– У них есть какие-то версии?

– Убийство произошло на большой парковочной площадке. Днем там всегда много машин, но по ночам пусто. Они полагают, что там произошла встреча людей, приехавших на двух машинах. Сначала туда прибыл Брубейкер, а потом рядом с его автомобилем остановилась другая машина, и люди, приехавшие в ней, пересели к нему, один на пассажирское сиденье, а другой назад. Потом они о чем-то поговорили, и тот тип, что сидел сзади, вытащил пистолет и выстрелил. Кстати,

именно из-за этого остановились часы Брубейкера. Они полагают, что левая рука Брубейкера лежала на руле, как обычно у людей, сидящих в своих машинах. Так или иначе, его убили, вытащили наружу и засунули в багажник другой машины, затем отвезли в Колумбию и там бросили.

– С наркотиками и деньгами в карманах.

– Никто до сих пор не знает, как там оказались деньги и наркотики.

– Почему же убийцы оставили машину Брубейкера на стоянке? – спросил я. – Выглядит довольно глупо: тело отвезли в Южную Каролину, а машину бросили на месте преступления.

– Никто не знает, почему они так поступили. Может быть, не хотели вести машину, полную крови и с разбитым ветровым стеклом. Или все дело в том, что плохие парни действительно иногда ведут себя глупо.

– У тебя есть записи показаний миссис Брубейкер о телефонных переговорах, которые вел ее муж?

– После обеда четвертого января?

– Нет, раньше. В новогоднюю ночь. Примерно через полчаса после того, как все взялись за руки и спели «Доброе старое время».

– Может быть. Я сделал тогда подробные записи. Могу пойти посмотреть.

– Поторопись, – попросил я. – Мне нужно платить за разговор.

Я услышал, как он положил трубку на стол. До меня донеслись какие-то скребущие звуки. Я ждал. Бросил в автомат еще пару четвертаков. Мы уже потратили два доллара на телефонные разговоры. Плюс двенадцать за еду и пятнадцать за номер. У нас осталось восемнадцать долларов, из которых мы очень скоро потратим еще десять. Я уже начал жалеть, что армия покупает «шевроле» с такими мощными восьмицилиндровыми двигателями. Маленький автомобиль с четырьмя цилиндрами, вроде того, что взял напрокат Крамер, довез бы нас до нужного места за восемь долларов.

Санчес взял трубку.

– Итак, новогодняя ночь, – сказал он. – Жена сказала, что ему пришлось прервать танец примерно в ноль тридцать. Брубейкер был этим недоволен.

– Он сказал что-нибудь относительно звонка?

– Нет. Но она говорит, что после этого он стал танцевать лучше. Как будто его охватило возбуждение. Словно он вышел на след.

– Она сделала такой вывод на основании того, как он стал танцевать?

– Они были женаты много лет, Ричер. Она хорошо знала мужа.

– Ладно, спасибо, Санчес. Мне нужно идти.

– Будь осторожен.

– Я всегда осторожен.

Я повесил трубку и вернулся к нашему столику.

– Куда теперь? – спросила Саммер.

– А теперь мы пойдем туда, где девушки снимают одежду, – ответил я.

Нам потребовалось пройти несколько десятков шагов от стоянки до входа в бар. Машин вокруг было немного. Только через пару часов людей станет значительно больше. Местные еще сидят дома, ужинают, смотрят спортивные новости по телевизору. Парни из Форт-Бэрда заканчивают ужинать в столовой, принимают душ, переодеваются, объединяются по два или по три человека, решают, кто поведет машину. Однако я внимательно смотрел по сторонам. Я не хотел наткнуться на парней из «Дельты». Только не сейчас, в темноте. Я не мог терять время.

Мы вошли в бар. За стойкой стоял другой бармен. Друг или родственник толстяка. Я видел его в первый раз. А он не знал меня. Мы с Саммер были в походной военной форме без обозначения части. Он не мог знать, что мы служим в военной полиции. Поэтому не испытал отрицательных эмоций, когда увидел нас. Он прикинул, что может рассчитывать на небольшое увеличение наличности в кассе. Мы прошли мимо него.

Заведение было заполнено едва ли на одну десятую. И это все меняло. Оно казалось огромным, холодным и пустым, похожим на заводской цех. В результате музыка звучала слишком громко и раздражала больше, чем обычно. Вокруг было полно свободного пространства. Целые акры. Сотни незанятых стульев. Выступала только одна девушка, на главной сцене. Ее освещал теплый алый свет, но она выглядела холодной и безжизненной. Я видел, что Саммер смотрит на нее, видел, как она содрогнулась. Сто лет назад я сказал ей: «И что вы станете делать? Голодать? Пойдете работать стриптизершей?» Сейчас, лицом к лицу, такая возможность выглядела не слишком привлекательной.

– Зачем мы сюда пришли? – спросила Саммер.

– Потому что здесь содержится ключ ко всему, – сказал я. – Мой самый большой промах.

– И в чем он состоял?

– Сейчас увидишь.

Я подошел к двери в раздевалку и дважды постучал. Незнакомая девушка приоткрыла дверь и высунула голову наружу. Возможно, она была голой.

– Мне нужна девушка по имени Распутница, – сказал я.

– Ее здесь нет.

– Она здесь, – возразил я. – Ей нужно отработать за Рождество.

– Она занята.

– Десять долларов, – сказал я. – Десять долларов за разговор. И никаких прикосновений.

Девушка исчезла, дверь захлопнулась. Я отошел немного в сторону, чтобы она сначала увидела Саммер. Мы ждали довольно долго. Наконец дверь распахнулась и появилась Распутница в облегающем платье, розовом и блестящем. На каблуках она казалась высокой. Я встал между ней и раздевалкой. Она повернулась и увидела меня. Увидела, что оказалась в ловушке.

– Пара вопросов, и ничего больше, – сказал я.

Сейчас она выглядела лучше, чем во время нашей предыдущей встречи. За десять дней синяки почти сошли. Она наложила густой макияж. Других следов неприятностей я не увидел. Глаза казались пустыми. Наверное, она только что приняла дозу. Укололась между пальцами ног. Все, что угодно, лишь бы пережить еще один вечер.

– Десять долларов, – сказала она.

– Давай присядем, – предложил я.

Мы выбрали столик как можно дальше от динамиков. Здесь было сравнительно тихо. Я вытащил из кармана банкноту в десять долларов и показал девушке. Однако продолжал крепко держать ее в руке.

– Ты меня помнишь? – спросил я.

Она кивнула.

– Помнишь ту ночь?

Она снова кивнула.

– Ладно. А теперь перейдем к делу. Кто тебя ударил?

– Тот самый солдат, с которым ты говорил перед этим, – ответила она.

Глава 21

Я продолжал крепко держать банкноту, задавая один вопрос за другим. Она рассказала нам, что после того, как я снял ее со своего колена, она отправилась на поиски девушек, чтобы кое-что у них уточнить. Она успела шепотом переговорить с большинством из них. Ни одна ничего не знала. Более того, они ничего не слышали. Никто не рассказывал о девушках, у которых вышли какие-то неприятности в мотеле. Она зашла еще в одну комнату, но и там ничего не знали. Тогда она заглянула в раздевалку. Там оказалось пусто. Дела шли хорошо, все были на сцене или отправились с клиентами в мотель. Она понимала, что должна продолжать задавать вопросы. Но все помалкивали. Распутница не сомневалась, что кто-то должен был что-нибудь услышать, если что-то плохое действительно случилось. Она решила, что нужно бросить это дело и избавиться от меня. Но тут в раздевалку вошел солдат, с которым я разговаривал. Она дала довольно четкое описание Карбона. Как у большинства шлюх, у нее была хорошая память на лица. Повторным клиентам нравится, когда их узнают. Это позволяет им чувствовать себя особенными. Тогда клиенты дают больше чаевых.

Она рассказала нам, что Карбон предупредил ее, чтобы она ничего не говорила военным полицейским. Она даже повторила, подчеркивая важность его слов: «Ничего не говори никаким военным полицейским». А чтобы она серьезно отнеслась к его словам, он дважды ударил ее по лицу – быстро и больно. Она никак не ожидала такого поворота событий, и удары произвели на нее впечатление. Она явно выделяла их среди других полученных ею оплеух, как подлинный знаток. Взглянув на нее, я понял, что ее били часто.

– Ты уверена, что это был солдат, а не хозяин? – настойчиво спросил я.

Она посмотрела на меня так, словно я спятил.

– Хозяин никогда нас не бьет, – заявила она. – Мы же его кормим.

Я отдал десять долларов, и мы ушли, оставив ее одиноко сидеть за пустым столиком.

– И что это значит? – спросила Саммер.

– Все, – ответил я.

– Откуда ты знаешь?

Я пожал плечами. Мы вернулись в номер мотеля, который снимал Крамер, и стали собирать свои вещи, чтобы в последний раз отправиться в путь.

– Я смотрел на все с неверной точки зрения, – сказал я. – И начал понимать это в Париже. Еще когда мы ждали Джо в аэропорту, я обратил внимание на толпу встречающих. Они наблюдали за выходящими из ворот людьми и были готовы приветствовать одних, не обращая внимания на всех остальных. Так оно и происходило в баре в ту ночь. Я вошел в бар – крупный высокий человек – и сразу привлек к себе внимание. На долю секунды я вызвал у них интерес. Однако они меня не знали, и им не понравилось, что я военный полицейский, а потому почти все отвернулись, я перестал для них существовать. Это было едва уловимо, на языке тела. Карбон стал исключением. Он повернулся ко мне. Тогда я решил, что это произошло случайно, но я ошибся. Я считал, что это я его выбрал, а на самом деле мы выбрали друг друга.

– Наверняка это случайность. Он же тебя не знал, – сказала Саммер.

– Да, меня он не знал, но он увидел жетон военной полиции. Карбон прослужил в армии шестнадцать лет. Он сразу понял, кто зашел в бар.

– Поэтому он к тебе и повернулся?

– Это была реакция после некоторого размышления. Он отвернулся, а потом передумал, словно ему в голову пришла новая мысль. Он хотел, чтобы я к нему подошел.

– Почему?

– Потому что ему требовалось узнать, зачем я пришел в бар.

– И ты ему сказал?

Я кивнул.

– Да, вспоминая наш разговор, я понимаю, что так оно и произошло. Без подробностей. Я лишь хотел, чтобы парни не беспокоились, а потому объяснил, что это не связано с посетителями бара. Сказал, что меня интересуют кое-какие вещи, пропавшие из мотеля, и, возможно, кто-то из местных девушек что-то об этом знает. Карбон был толковым парнем. И очень ловким. Он подцепил меня, словно рыбку, и выяснил все, что его интересовало.

– А почему это могло его заинтересовать?

– Однажды я кое-что сказал Уилларду. Я сказал, что некоторые вещи происходят для того, чтобы завести кое-кого в тупик. Карбон хотел, чтобы я оказался в тупике. Такова была его цель. Он быстро соображал.

В «Дельту» не берут глупых парней. Он нашел Распутницу, напугал ее, чтобы заставить молчать на случай, если она что-то знает. А потом вышел и дал мне понять, что это сделал хозяин. Ему даже не пришлось лгать. Он просто предоставил мне самому сделать нужный ему вывод. Он запустил меня, точно заводную игрушку, и подтолкнул в нужном ему направлении. И я туда пошел. Я двинул хозяину в ухо и устроил драку на улице. И за всем этим наблюдал Карбон. Он видел, как я сломал ногу парню, – он знал, что все произойдет именно так, – а потом подал жалобу. Он все сделал так, как было нужно ему. Карбон заткнул девушке рот, и у него имелись все основания считать, что мне будет не до расследования, поскольку я буду вынужден защищаться от его обвинений. Очень ловкий парень. Жаль, что я не был знаком с ним прежде.

– Но почему он хотел, чтобы ты зашел в тупик? Какими были его мотивы?

– Он не хотел, чтобы я узнал, кто взял портфель.

– Почему?

Я уселся на постель.

– Почему мы не сумели найти женщину, с которой встречался здесь Крамер?

– Не знаю.

– Потому что женщины не было, – ответил я. – Крамер встречался с Карбоном.

Саммер непонимающе уставилась на меня.

– Крамер тоже был голубым, – объяснил я. – У него был роман с Карбоном.

– Карбон забрал портфель, – продолжал я. – Забрал из этого самого номера. У него не было выбора, он должен был сохранить в тайне свои отношения с Крамером. Когда мы размышляли о неизвестной женщине, мы предположили, что она и сама как-то связана с этими тайнами. Возможно, именно так обстояло дело с Карбоном. А может, это Крамер начал хвастаться о конференции в Ирвине. Стал рассказывать, как бронетанковые войска будут отстаивать свое место под солнцем. И Карбон заинтересовался. Или встревожился. В течение шестнадцати лет он был пехотинцем. Ну а у парней из «Дельты» очень сильно развито чувство верности своей части. Возможно, он был верен ей больше, чем своему любовнику.

– Я в это не верю, – сказала Саммер.

– А зря, – сказал я. – Все сходится. Андреа Нортон очень многое нам рассказала. Сознательно или бессознательно – не знаю. Мы ее обвинили, а она совершенно не встревожилась, помнишь? Ее наши обвинения скорее позабавили. Или даже смутили. Нортон – сексопатолог, она была знакома с Карбоном, может быть, она что-то почувствовала. Или, наоборот, не почувствовала сексуального интереса к себе с его стороны. И пока мы представляли ее в постели с Крамером, она не понимала, о чем мы вообще говорим. Поэтому она на нас и не рассердилась. Просто ничего не связывалось. К тому же мы знаем, что брак Крамера давно стал фикцией. У них не было детей. Он пять лет не жил дома. Детектив Кларк из Грин-Вэлли не понимает, почему Крамер не развелся с женой. Он даже однажды спросил у меня: ведь развод никак не повлияет на карьеру генерала? Я сказал, что не повлияет. Но другая сексуальная ориентация очень даже может повлиять. Тут сомнений нет. Генерал-гомосексуалист – это уже слишком. Вот почему он не разводился – в качестве прикрытия для армии. Это как фотография подружки в бумажнике Карбона.

– У нас нет доказательств.

– Но мы можем подойти очень близко. В бумажнике Карбона была не только фотография подружки, но и презерватив. Ставлю один доллар против десяти, он из той же пачки, что и тот, который в госпитале Уолтера Рида сняли с тела Крамера. И ставлю еще один доллар против десяти, что, подняв старые документы, мы обнаружим место и время их знакомства. Какие-нибудь совместные маневры, как мы и думали с самого начала. К тому же Карбон отвечал за средства передвижения в «Дельте». Мне сказал об этом их адъютант. Он имел доступ ко всем «хамви» в их конюшне и мог пользоваться ими в любое время. И ставлю третий доллар против десяти, что в канун Нового года Карбон брал «хамви» и один уехал с базы.

– Значит, в конечном счете его убили из-за портфеля? Как и миссис Крамер?

Я покачал головой.

– Нет, их убили не только из-за портфеля.

Саммер лишь посмотрела на меня.

– Не торопись, – сказал я. – Давай двигаться шаг за шагом, не забегая вперед.

– Но у него был портфель. Ты сам это сказал. Карбон сбежал с портфелем.

– Да. И он просмотрел его содержимое, как только вернулся на базу. Обнаружил повестку дня конференции. Прочитал ее. И то, что он в ней нашел, заставило его сразу же позвонить своему командиру.

– Он звонил Брубейкеру? И как он это сделал? Он же не мог ему сказать: «Знаете, я спал с генералом, и вот что я обнаружил…»

– Он мог сказать, что нашел документы в другом месте. На тротуаре, к примеру. Однако меня не удивит, если Брубейкер с самого начала знал о связи Карбона и Крамера. Такое вполне возможно. «Дельта» – это настоящая семья, а Брубейкер был командиром, который всегда держал руку на пульсе. Так что он мог знать. Возможно, он даже этим пользовался в разведывательных целях. Эти парни постоянно конкурируют друг с другом. А Санчес сказал мне, что Брубейкер всегда пользовался любыми рычагами, до которых ему удавалось добраться. Возможно, Брубейкер молчал до тех пор, пока Карбон передавал ему содержание своих разговоров с Крамером.

– Это ужасно.

Я кивнул.

– Все равно что быть шлюхой. Я уже говорил тебе, здесь не будет победителей. Все окажутся в дерьме.

– Кроме нас. Если мы добудем результаты.

– С тобой все будет в порядке. А со мной – нет.

– Почему?

– Подожди – и увидишь.

Мы отнесли наши сумки в «шевроле», который по прежнему стоял в дальнем углу парковки. Мы положили сумки в багажник. Машин стало больше. Вечер набирал обороты. Я посмотрел на часы. Почти восемь на Восточном побережье, пять на Западном. Я стоял неподвижно, пытаясь принять решение. «Если мы остановимся, чтобы передохнуть хотя бы на секунду, нас раздавят».

– Мне нужно сделать еще два звонка, – сказал я.

Я захватил с собой телефонный справочник армии, и мы вновь зашагали к кафе. Я извлек мелочь из всех карманов, получилась небольшая кучка. Саммер нашла у себя четвертак и десятицентовик. За стойкой нам разменяли мелочь на четвертаки. Я позвонил Францу в Форт-Ирвин, скормив автомату сразу несколько четвертаков. Пять часов дня, середина рабочего дня.

– Я сумею войти на вашу базу? – спросил я.

– А почему нет?

– Уиллард меня преследует. Возможно, он предупредил всех о моем возможном появлении.

– Со мной он еще не связывался.

– Может быть, ты выключишь своей телекс на день или два?

– Когда твое РВП?[36]

– Завтра. Точнее, пока не знаю.

– Твои приятели уже здесь. Только что приехали.

– У меня нет никаких приятелей.

– Вассель и Кумер. Они явились из Европы.

– Зачем?

– Проводить учения.

– Маршалл все еще у вас?

– Конечно. Он ездил в лос-анджелесский международный аэропорт, чтобы их встретить. Они приехали все вместе. Как одна большая счастливая семья.

– Мне нужно, чтобы ты сделал для меня две вещи, – сказал я.

– Ты хотел сказать, еще две вещи.

– Я хочу, чтобы ты прислал кого-нибудь встретить нас в тот же аэропорт. Завтра я полечу туда первым утренним рейсом из Вашингтона.

– А вторая вещь?

– Мне нужно, чтобы ты нашел человека, который установил бы, где находится штабная машина, на которой здесь ездили Вассель и Кумер. Это «меркурий гранд-маркиз». Маршалл взял его в канун Нового года. А сейчас он либо в гараже Пентагона, либо в Эндрюсе. Я хочу, чтобы кто-то нашел эту машину и провел самый тщательный осмотр. Нужна бригада криминалистов.

– Что им следует искать?

– Все, что угодно.

– Хорошо, – сказал Франц.

– До встречи завтра, – попрощался я и повесил трубку.

Перевернув несколько страниц справочника, я добрался от «Ф» (Форт-Ирвин) до «П» (Пентагон). Там я отыскал телефон офиса начальника штаба.

– Вассель и Кумер в Ирвине, – сообщил я Саммер.

– Что они там делают? – спросила она.

– Прячутся, – ответил я. – Они думают, что мы все еще в Европе. Они знают, что Уиллард контролирует аэропорты. Для нас они легкая добыча.

– А они тебе нужны? – спросила Саммер. – Они не знали о миссис Крамер. Это очевидно. Они были поражены, когда ты рассказал им о ее гибели. Я полагаю, что они могли организовать ограбление, но не убийство.

Я кивнул. Она была права. В тот вечер они действительно сильно удивились. Кумер побледнел и спросил: «Это было ограбление?» Вопрос, заданный человеком с отягощенной совестью. Из чего следовало, что к этому моменту Маршалл не рассказал им всей правды. Самую плохую новость он оставил при себе. Он вернулся в отель в Вашингтоне в двадцать минут четвертого утра и сообщил им, что портфеля там нет, но скрыл смерть миссис Крамер. Только у меня в кабинете Вассель и Кумер поняли, что произошло. Им предстояло веселое возращение домой. Наверняка разговор получился жестким.

– Все сходится на Маршалле, – сказала Саммер. – Он просто запаниковал.

– Формально речь идет о сговоре, – возразил я. – С точки зрения закона все трое несут ответственность.

– Это будет очень непросто доказать.

– Ну, это уже вопрос, который будет решать суд.

– У нас недостаточно улик. Дело может развалиться.

– Они этим не ограничились, – сказал я. – Поверь мне. Удар, нанесенный Маршаллом по голове миссис Крамер, далеко не главная их проблема.

Я бросил в чрево телефона еще несколько четвертаков и набрал номер офиса начальника штаба в самом Пентагоне. Мне ответила женщина, у которой был настоящий вашингтонский голос. Не слишком высокий и не слишком низкий, хорошо поставленный, приятный и почти лишенный акцента. Старший администратор, задержавшийся на работе.

Я прикинул, что ей должно быть около пятидесяти, светлые волосы начали седеть, лицо покрыто ровным слоем пудры.

– Запишите мои слова, – сказал я ей. – Я майор военной полиции Ричер. Меня недавно перевели из Панамы в Форт-Бэрд, Северная Каролина. Я буду стоять у поста «Е» вашего здания сегодня ровно в полночь. Начальнику штаба решать, встретится он там со мной или нет.

Я замолчал.

– Это все? – спросила женщина.

– Да, – ответил я и повесил трубку.

Оставшуюся мелочь я бросил в карман. Закрыл телефонную книгу и сунул под мышку.

– Пошли, – сказал я.

Мы заехали на заправку и купили бензин на последние восемь долларов. Потом мы покатили на север.

– Значит, начальнику штаба решать, встречаться с тобой или нет? – спросила Саммер. – Проклятье, что это еще такое?

Мы находились на автостраде I-95, в трех часах езды от Вашингтона. Или в двух с половиной, с учетом того, что за рулем сидела Саммер. Уже совсем стемнело, движение стало напряженным. Все пришли в себя после праздников. Люди вновь начали работать.

– Происходит нечто очень серьезное, – сказал я. – Иначе зачем Карбон позвонил Брубейкеру во время новогодней вечеринки? Карбон не решился бы на звонок, если бы дело было пустяковым. Значит, все вышло на иной уровень и вовлечены тяжеловесы. Все указывает на это. Кто же еще мог в один день переместить двадцать специалистов из военной полиции по всему миру?

– Ты майор, – сказала Саммер. – Как и Франц, Санчес и все остальные. Любой полковник мог тебя перевести.

– Но одновременно перевели и всех начальников военной полиции. Их попросту убрали с дороги, чтобы дать возможность кому-то действовать свободно. К тому же большинство начальников военной полиции сами являются полковниками.

– Ладно, тогда это мог сделать любой бригадный генерал.

– С поддельными подписями на приказах?

– Кто угодно может подделать подпись.

– И рассчитывать, что подлог сойдет ему с рук? Нет, это провернули те люди, уверенные в своей безнаказанности. Неприкасаемые.

– Начальник штаба?

Я покачал головой.

– Нет, его заместитель, как мне кажется. Сейчас заместителем является человек, служивший в пехоте. Мы можем предположить, что он достаточно умен. На такие должности не ставят болванов. Мне кажется, он увидел знаки. Увидел, как падает Берлинская стена, хорошенько подумал и пришел к выводу, что очень скоро упадет все остальное. Весь нынешний порядок.

– И?

– И начал тревожиться из-за шагов, которые способны предпринять бронетанковые войска. Неких неожиданных и драматических шагов. Как мы уже говорили, этим парням есть что терять. Я думаю, что заместитель начальника штаба предвидел неприятности. Он переместил всех нас, для того чтобы иметь нужных людей в нужных местах, в надежде, что мы сумеем их остановить. И мне кажется, у него имелись все основания для тревоги. Очевидно, руководство бронетанковых войск сообразило, какая им грозит опасность, и они решили нанести упреждающий удар. В их планы не входит создание объединенных частей под командованием пехотных офицеров. Они хотят, чтобы все осталось как есть. Вот почему я считаю, что на конференции в Ирвине должны были произойти драматические события, нечто очень серьезное. Вот почему они так встревожились, когда возникла вероятность того, что повестка конференции попадет в чужие руки.

– Но изменения происходят постоянно. Им невозможно противостоять.

– Однако никто не хочет признать данный факт, – сказал я. – Никогда не хотел прежде и никогда не захочет в будущем. Если обратиться к военно-морским силам, то я гарантирую, что ты найдешь миллион тонн бумаг, написанных пятьдесят лет назад, где говорится, что линейные корабли незаменимы, а авианосцы представляют собой бесполезные куски железа, не имеющие будущего. Там будут стостраничные монографии, сочиненные адмиралами, отдавшими линкорам сердце и душу, слепо уверенными, что только им известен верный путь.

Саммер ничего не ответила. Я улыбнулся.

– Обратись к нашим архивам, и ты почти наверняка найдешь какую-нибудь докладную записку от деда Крамера, в которой тот утверждает, что танки никогда не заменят лошадей.

– Так что же они планировали?

Я пожал плечами.

– Мы не видели повестки дня. Но мы можем сделать разумные предположения. Очевидно, дискредитация главных противников. Использование компромата. Почти наверняка тайный сговор с оборонной промышленностью. Если они сумеют убедить ключевых производителей выступить с заявлением, что легкая бронетанковая техника не способна гарантировать безопасность, это поможет. Они могут начать соответствующую пропаганду. Могут начать рассказывать обычным американцам, что их сыновьям и дочерям придется воевать в консервных банках, легко пробиваемых пулей из винтовки. Они могут попытаться напугать Конгресс. Могут сказать, что флот транспортных самолетов С-сто тридцать, способных быстро производить переброску войск, обойдется стране в сотни миллиардов долларов.

– Это самые обычные вещи.

– Возможно, они приготовили что-то еще. Мы пока не знаем. Сердечный приступ Крамера сорвал их планы. На данный момент.

– Ты думаешь, они все начнут сначала?

– А как бы поступила ты? Если бы тебе было что терять?

Саммер сняла одну руку с руля и положила к себе на колени. Потом слегка повернулась и посмотрела на меня. Ее веки чуть подрагивали.

– В таком случае зачем тебе встречаться с начальником штаба? – спросила Саммер. – Если ты прав, то на твоей стороне его заместитель. Он перевел тебя в Форт-Бэрд. И значит, должен защищать.

– Это шахматная партия, – сказал я. – Бой с переменным успехом. Хороший парень, плохой парень. Хороший парень перевел меня сюда, плохой отослал Гарбера прочь. Переместить Гарбера сложнее, чем меня, значит, плохой парень имеет более высокий ранг, чем хороший. А единственный человек, который имеет более высокий ранг, чем заместитель начальника штаба, – это сам начальник штаба. Они постоянно сменяются, но мы знаем, что заместитель из пехоты, а начальник штаба из бронетанковых войск. Очевидно, он сделал ставку.

– Иными словами, начальник штаба – плохой парень?

Я кивнул.

– Так зачем же ты потребовал встречи с ним?

– Потому что мы в армии, Саммер, – ответил я. – И мы должны противостоять врагам, а не друзьям.

Чем ближе мы подъезжали к Вашингтону, тем меньше разговаривали. Я знал свои сильные и слабые стороны и был настолько молод и глуп, чтобы считать себя равным любому противнику. Однако противостояние с начальником штаба – это уже совсем другой уровень. Этот человек находился на недосягаемой высоте. Выше не было никого. За время моей службы сменилось три начальника штаба, но я никогда не встречался ни с одним из них. И даже не видел никого из них. Впрочем, точно так же я не видел ни заместителя начальника штаба, ни помощника министра, ни еще кого-либо из тех, кто вращается в высших кругах. Они оставались в своем закрытом мире. Каким-то образом они отличались от всех остальных смертных.

Тем не менее они начинали свою карьеру как самые обычные люди. Теоретически я бы мог быть одним из них. Я учился в Уэст-Пойнте, как и они. Но в течение многих десятилетий Уэст-Пойнт был лишь превосходной школой для подготовки инженеров. Чтобы стать старшим офицером, нужно было получить направление в другое место, получше. Например, в Университет Джорджа Вашингтона, Стэнфорд, Гарвард, Йель, Массачусетский технологический институт, Принстон или даже Оксфорд либо Кембридж в Англии. Нужно было получить стипендию Родса.[37] Нужно было получить степень магистра или доктора в области экономики, политики или международных отношений. Или стать «другом Белого дома».[38] Именно здесь моя карьера стала двигаться в другом направлении. Сразу после Уэст-Пойнта.

Я посмотрел на себя в зеркало и увидел человека, который лучше умеет разбивать головы, чем читать книги. Такое же мнение обо мне сложилось и у других людей. Сортировка начинается с того самого момента, как вы попадаете в армию. Они пошли своим путем, я – своим. Они оказались в кольце «E» Пентагона и в Западном крыле Белого дома, а не в темных переулках Сеула и Манилы. Если они попадут на мою территорию, то будут ползать на брюхе. А как я себя поведу на их территории, мы еще посмотрим.

– Я пойду туда один, – сказал я.

– Нет, – возразила Саммер.

– Ты можешь называть это как пожелаешь: совет друга или прямой приказ старшего офицера. Однако ты останешься в машине. Без вариантов. Если потребуется, я прикую тебя наручниками к рулю.

– Мы все делали вместе.

– Однако мы должны действовать разумно. Речь не идет о том, чтобы навестить Андреа Нортон. Это очень рискованное дело. Нет никакого смысла обоим идти в огонь.

– А ты бы остался в машине? Если бы оказался на моем месте?

– Я бы спрятался под днищем, – ответил я.

Она ничего не сказала, лишь продолжала так же быстро вести машину. Мы выехали на кольцевую автодорогу. И начали долгий путь в сторону Арлингтона.

Пентагон охранялся несколько более строго, чем обычно. Возможно, кого-то тревожили остатки сил Норьеги, находящиеся в двух тысячах миль отсюда. Однако мы въехали на парковку без особых проблем. На ней было совсем мало машин. Саммер описала медленный круг и остановилась возле главного входа. Она заглушила двигатель и поставила машину на ручной тормоз. Ее движения были более резкими, чем нужно. Наверное, она хотела мне что-то показать. Я посмотрел на часы. До полуночи оставалось пять минут.

– Мы будем продолжать спорить? – спросил я.

Саммер пожала плечами и сказала:

– Удачи тебе! Устрой ему настоящий ад.

Я вышел из машины. Было холодно. Я закрыл за собой дверь и несколько мгновений стоял неподвижно. Темная громада здания нависала надо мной. Говорят, это самый большой офисный комплекс в мире, и сейчас я в это поверил. Я зашагал вперед. К входным дверям вел длинный пандус. Затем я оказался в вестибюле величиной с баскетбольную площадку. Мой жетон военного полицейского из особого отряда позволил мне его преодолеть. Затем я двинулся в самое сердце комплекса. Пять концентрических коридоров, идущих по периметру пятиугольника, называют кольцами. Каждый из них охраняется. Мой жетон позволял пройти через «B», «C» и «D». Однако ничто на земле не помогло бы мне проникнуть в кольцо «E». Я остановился перед часовым и кивнул ему. Он кивнул в ответ. Он привык видеть людей, которые ждали здесь.

Я прислонился к стене. От гладкого гранита веяло холодом. В здании царила тишина. Я слышал лишь шум воды в трубах, шорох кондиционеров и дыхание часового. Пол был покрыт линолеумом, в котором отражались лампы дневного света.

Я ждал. Со своего места я видел часы над кабинкой часового. Большая стрелка перевалила через двенадцать. Прошло еще пять минут. Потом десять. Я ждал. У меня возникло предположение, что начальник штаба решил проигнорировать мою просьбу о встрече. Эти парни – настоящие политики. Возможно, они играют в слишком хитрую для моего

понимания игру. Возможно, у них больше мудрости и терпения. Возможно, это уже не моя лига.

Или женщина с задушевным голосом попросту посчитала мой звонок не стоящим внимания.

Я ждал.

Когда прошло пятнадцать минут, я услышал звук далеких шагов. Кто-то приближался к будке часового – достаточно быстро, но и не слишком торопясь. Занятой человек, который не забывает о собственном достоинстве. Пока что я его не видел. Звук шагов доносился до меня из-за угла, заранее предупреждая о чьем-то приближении.

Я слушал и смотрел на то место, где должен был появиться этот человек, – именно там в линолеуме отражался свет ламп. Звук приближался. Наконец из-за угла вышел мужчина и оказался в яркой полосе света. Он продолжал идти ко мне, ритм его шагов не изменился. Он подошел ближе. Это был начальник штаба в вечерней форме. Короткий синий китель, суженный в талии. Синие брюки с двумя золотыми полосами. Галстук-бабочка. Золотые запонки. Золотые галуны и шитье на рукавах и плечах. Он был весь покрыт золотыми знаками различия, значками и орденскими лентами. Седые волосы, рост пять футов и девять дюймов, вес сто восемьдесят фунтов. Средние показатели по всей армии.

Начальник штаба остановился в десяти футах от меня, я встал по стойке «смирно» и отдал ему честь. Чистый рефлекс. Как у католика при встрече с Папой. Он не стал салютовать в ответ, а лишь посмотрел на меня. Может быть, существовал протокол, запрещающий отдавать честь в вечерней форме. Или когда ты без головного убора в Пентагоне. Или он был плохо воспитан.

Он протянул мне руку для рукопожатия.

– Приношу свои извинения за опоздание. Хорошо, что вы меня дождались. Я был в Белом доме. На важном обеде с представителями иностранных держав.

Я пожал его руку.

– Давайте пройдем в мой кабинет, – предложил начальник штаба.

Он провел меня мимо часового, мы свернули налево и немного прошли вперед. Потом мы оказались в приемной, и я увидел женщину с запоминающимся голосом. Она выглядела так, как я и предполагал. Но при личной встрече ее голос звучал еще приятнее.

– Кофе, майор? – предложила она.

Кофе был уже приготовлен. Вероятно, она включила автомат в одиннадцать пятьдесят три, чтобы он был готов к двенадцати. Что ж, здесь все делается вовремя. Она дала мне блюдечко и чашку из прозрачного костяного фарфора, и я испугался, что раздавлю их, как яичную скорлупу. Она была в темном гражданском костюме, еще более строгом, чем военная форма.

– Сюда, – сказал начальник штаба и провел меня в свой кабинет.

Моя чашка слегка звякнула о блюдце. Кабинет оказался на удивление скромным. Такие же гранитные стены, как и во всем здании. И такой же стальной письменный стол, как в кабинете у патологоанатома в Форт-Бэрде.

– Садитесь, – предложил он. – Если вы не против, то постарайтесь побыстрее. Уже поздно.

Я молчал. Он смотрел на меня.

– Я получил ваше сообщение, – сказал он. – Получил и понял.

Я продолжал молчать. Он попытался разрядить напряжение.

– Парни из окружения Норьеги все еще гуляют на свободе, – сказал он. – Как вы полагаете, почему?

– Тридцать тысяч квадратных миль, – ответил я. – Там есть где спрятаться.

– Мы сумеем их поймать?

– Несомненно, – сказал я. – Их обязательно кто-нибудь продаст.

– А вы циник, – заметил он.

– Я реалист.

– Что вы хотите мне сказать, майор?

Я сделал глоток кофе. Освещение было приглушенным. Я вдруг сообразил, что нахожусь внутри одного из самых охраняемых зданий, поздно ночью, лицом к лицу с самым могущественным военным страны. И я намерен выдвинуть очень серьезное обвинение. А единственный человек, который знает, что я здесь, вполне возможно, уже сидит в камере.

– Две недели назад я был в Панаме, – сказал я. – А потом меня перевели.

– Почему это произошло? – спросил он.

Я сделал вдох.

– Полагаю, заместитель начальника штаба хотел, чтобы определенные люди оказались в определенном месте, поскольку он опасался, что могут возникнуть серьезные проблемы.

– Какого рода проблемы?

– Внезапное выступление ваших старых друзей из бронетанковых войск.

Он долго молчал.

– А у него имелись основания для опасений?

Я кивнул:

– На первое января назначили конференцию в Ирвине. Думаю, повестка дня была достаточно спорной, возможно, незаконной или даже попахивала предательством.

Начальник штаба молчал.

– Однако произошла осечка, – продолжал я. – Из-за смерти генерала Крамера. А затем возникли неожиданные осложнения. И тогда вмешались вы, переместив полковника Гарбера из Сто десятого особого отдела и поставив на его место человека некомпетентного.

– А зачем мне так поступать?

– Чтобы все шло своим чередом, а расследование зашло в тупик.

Он помедлил еще несколько мгновений, а потом улыбнулся.

– Хороший анализ, – сказал он. – Коллапс советской системы должен привести к росту напряжения внутри армии Соединенных Штатов. Это напряжение найдет выражение в самых разных внутренних заговорах и планах. Одновременно сделано все, чтобы задушить все эти заговоры и планы в самом зародыше. Как вы сказали, возникшее напряжение привело к ряду ходов и контрходов на самой верхушке.

Я молчал.

– Как в партии в шахматы, – сказал он. – Ход делает мой заместитель, а я ему отвечаю. Это неизбежно. Полагаю, вы ищете двух конкретных людей, один из которых имеет более высокое звание.

Я посмотрел ему в глаза и спросил:

– Я ошибаюсь?

– Только в двух деталях, – ответил он. – Очевидно, вы правы в том, что грядут огромные перемены. ЦРУ немного запоздало, оно недооценило быстроту, с которой разваливается коммунистическая система, поэтому у нас меньше года на размышления. Тем не менее, уж поверьте мне, мы

все обдумали. И оказались в уникальном положении. Мы подобны боксеру тяжелого веса, который годами готовился к матчу за титул чемпиона мира, а однажды утром проснулся и обнаружил, что его предполагаемый противник мертв. Все сильно смущены. Однако мы неплохо сделали домашнюю работу.

Начальник штаба наклонился, выдвинул нижний ящик письменного стола и достал оттуда огромную папку, больше трех дюймов в толщину. Он со стуком бросил ее на стол. На зеленом картоне было написано карандашом длинное слово: «Трансформация».

– Ваш первый просчет состоял в том, что фокус вашего внимания находился слишком близко, – сказал он. – Вам следовало отойти назад и взглянуть на происходящее с другой перспективы. Сверху. Изменятся не только бронетанковые войска. Изменится все. Очевидно, мы начнем формировать мобильные объединенные части. Но если кто-то думает, что речь пойдет о пехотных частях, которым придадут легкую технику, то он серьезно ошибается. Будет реализована совершенно новая концепция. Мы получим части, каких не существовало прежде. Может быть, в них будут входить также боевые вертолеты и мы передадим командование парням в небесах. Может быть, предстоит электронная война и главными станут парни с компьютерами.

Я молча слушал.

Он положил ладонь на папку.

– Моя точка зрения такова: в результате изменений пострадают все. Да, бронетанковые войска в некотором смысле будут уничтожены. Тут нет ни малейших сомнений. Но такие же процессы произойдут с пехотой и артиллерией, транспортом и перевозками, да и со всеми остальными. Конечно, кто-то пострадает больше. В том числе военная полиция. Все должно измениться, майор. Все камни будут перевернуты.

Я опять промолчал.

– Нет, это не бронетанковые войска против пехоты, – продолжал он. – Вы должны это понять. Такой подход является слишком упрощенным. На самом деле все против всех. Боюсь, что победителей не будет. Однако не будет и проигравших. Вы можете смотреть на проблему именно с такой точки зрения. Мы все в одной лодке.

Начальник штаба убрал руку с папки.

– А в чем состоит моя вторая ошибка? – спросил я.

– Это я перевел вас из Панамы, – сказал он. – Я, а не мой заместитель. Он ничего об этом не знает. Я лично выбрал двадцать человек и перевел их туда, где они были больше всего нужны. Я распределил их по разным

местам, поскольку не знал, с какой стороны ждать первой реакции. Легкие части или тяжелые? Предсказать было невозможно. Как только их командиры начнут думать, они сообразят, что могут потерять все. К примеру, вас я отправил в Форт-Бэрд, поскольку меня немного тревожил Дэвид Брубейкер. Он был очень активным человеком.

– Однако первый шаг сделали бронетанковые войска? – спросил я.

Он кивнул.

– Судя по всему. Если вы так утверждаете. Я всегда считал, что шансов было поровну. Признаюсь, я немного разочарован. Это были мои парни. Однако я не намерен их прикрывать. Я двигался вперед и вверх. Они остались позади. И я не стану мешать фишки, которые уже легли.

– Тогда почему вы перевели Гарбера?

– Я его не переводил.

– Кто же это сделал?

– А кто стоит выше меня?

– Никто, – ответил я.

– Хотелось бы мне, чтобы это было так.

Я опять промолчал.

– Сколько стоит винтовка М-шестнадцать? – спросил он.

– Не знаю, – ответил я. – Думаю, не очень много.

– Мы получаем их по четыреста долларов, – сказал он. – А сколько стоит танк «Абрамс-М1А1»?

– Около четырех миллионов.

– А теперь подумайте о крупных оборонных подрядчиках, – продолжал он. – На чьей они стороне? На стороне легких частей или тяжелых?

Я не стал отвечать – очевидно, вопрос был риторическим.

– Так кто же имеет более высокий чин, чем я? – повторил он свой вопрос.

– Министр обороны, – ответил я.

Начальник штаба кивнул.

– Мерзкий маленький человечек. Политикан. Политические партии принимают вклады на ведение избирательных кампаний. Оборонные

подрядчики способны заглядывать в будущее ничуть не хуже других людей.

Я молчал.

– Вам нужно о многом подумать, – сказал начальник штаба.

Он вернул тяжелую зеленую папку на прежнее место, а на стол положил более тонкую папку с надписью «Аргон».

– Вы знаете, что такое аргон? – спросил он.

– Инертный газ, – ответил я. – Используется в огнетушителях. Создает инертный слой вокруг огня и не дает ему распространяться.

– Именно по этой причине я и выбрал такое название. Операция «Аргон» состояла в том, чтобы переместить вас на новое место службы в конце декабря.

– А почему вы решили воспользоваться подписью Гарбера?

– Как вы уже говорили несколько в другом контексте, я хотел, чтобы все шло своим чередом. Приказы, отданные военной полиции начальником штаба, заставили бы многих приподнять брови. И все стали бы соблюдать осторожность. Или ушли бы в глубокое подполье. Ваша работа стала бы заметно сложнее. И я не сумел бы добиться своей цели.

– Вашей цели?

– Естественно, я хотел предотвратить все возможные неприятности. Такова главная цель. Но меня разбирало любопытство, майор. Я хотел знать, кто выступит первым.

Он вручил мне папку.

– Вы следователь особого отдела, – сказал он. – По своему статусу Сто десятый отдел обладает огромной властью. Вы имеете возможность арестовать любого солдата в любом месте, в том числе и меня в моем кабинете, если решите, что в этом есть необходимость. Прочитайте досье «Аргон». Я думаю, что буду оправдан. Если вы согласитесь, то занимайтесь своими делами в другом месте.

Он встал из-за стола. Мы вновь пожали друг другу руки. Потом он вышел из кабинета, оставив меня одного в сердце Пентагона, посреди ночи.

Тридцать минут спустя я уже сидел в машине рядом с Саммер. Она выключила двигатель, чтобы сэкономить бензин, поэтому внутри было холодно.

– Ну? – сказала она.

– Одна критическая ошибка, – сказал я. – За этим стояли не заместитель начальника штаба и начальник штаба. Это был сам начальник и министр обороны.

– Ты уверен?

Я кивнул.

– Я видел досье. Там содержались приказы за последние девять месяцев. Разные документы, разные машинки, разные ручки – такое невозможно подделать за четыре часа. С самого начала это была инициатива начальника штаба, и он оставался верен своему долгу.

– И как он ко всему этому отнесся?

– Очень неплохо, если учесть все факторы, – ответил я. – Но не думаю, что он захочет мне помочь.

– С чем?

– С проблемами, которые у меня возникли.

– С какими?

– Подожди – и увидишь.

Она посмотрела на меня.

– Куда теперь?

– В Калифорнию, – ответил я.

Глава 22

Двигатель «шевроле» уже работал с перебоями, когда мы подъезжали к Национальному аэропорту. Мы оставили машину на долговременной стоянке и пешком пошли к зданию аэропорта. Нам пришлось пройти целую милю. Автобусов мы не нашли. Наступила середина ночи, в аэропорту было совсем мало людей. Нам пришлось разбудить служащего. Я отдал ему последние из украденных мной подорожных, и он зарезервировал для нас билеты на утренний рейс в Лос-Анджелес. Нам предстояло долгое ожидание.

– Какова наша миссия? – спросила Саммер.

– Сделать три ареста, – ответил я. – Вассель, Кумер и Маршалл.

– По какому обвинению?

– Серия убийств, – сказал я. – Миссис Крамер, Карбон и Брубейкер.

Она посмотрела на меня.

– И ты можешь это доказать?

Я потряс головой.

– Я точно знаю, что произошло. Я знаю когда, как, где и почему. К сожалению, я ничего не могу доказать. Остается рассчитывать, что я сумею получить признания.

– Мы их не получим.

– Мне удавалось получать признания прежде, – сказал я. – Для этого есть разные способы.

Она вздрогнула.

– Это армия, Саммер, – сказал я. – А не компания женщин, собравшихся шить лоскутные одеяла.

– Расскажи мне о Карбоне и Брубейкере.

– Мне нужно поесть, – сказал я. – Я голоден.

– У нас нет денег, – напомнила Саммер.

Впрочем, почти все кафе закрылись. Оставалось надеяться, что нас покормят в самолете. Мы отнесли наши сумки в зал ожидания и устроились возле окна, за которым сгустилась темнота. Твердые сиденья с жесткими ручками не позволяли лечь и поспать.

– Расскажи мне, – попросила Саммер.

– Это все еще серия сомнительных предположений, основывающихся друг на друге.

– И все же.

– Ладно, начнем с миссис Крамер. Зачем Маршалл отправился в Грин-Вэлли?

– Самое очевидное место.

– Вовсе нет. Туда он должен был заявиться в последнюю очередь. Крамер там практически не бывал в последние пять лет. Его штаб наверняка это знал. Они множество раз путешествовали с ним. Однако они приняли решение, и Маршалл отправился в Грин-Вэлли. Почему?

– Потому что Крамер сказал им, что направляется именно туда?

– Верно, – сказал я. – Он сказал им, что едет к жене, чтобы скрыть факт своей встречи с Карбоном. Однако зачем ему вообще было что-то им говорить?

– Не знаю.

– Потому что существуют люди, которым ты должен что-то сказать.

– Что это за люди? – спросила Саммер.

– Предположим, ты богатый человек, путешествующий со своей любовницей. Если ты проводишь одну ночь отдельно, тебе необходимо дать ей какие-то объяснения. И если ты говоришь ей, что тебе нужно повидать жену исключительно для того, чтобы соблюсти внешние приличия, она будет вынуждена согласиться. Потому что подобные вещи предполагаются. Они – часть сделки.

– Но Крамер не имел любовницы. Он был голубым.

– У него был Маршалл.

– Не может быть! – воскликнула Саммер.

– Поверь мне. Крамер изменял Маршаллу. Маршалл был его постоянным партнером. Их связывали давние отношения. Маршалл не работал в разведке, но Крамер назначил его на эту должность, чтобы иметь возможность держать при себе. Однако Крамеру этого оказалось мало. Он где-то познакомился с Карбоном и начал с ним встречаться. В канун Нового года Крамер сказал Маршаллу, что собирается навестить жену, и Маршалл ему поверил. Как поверила бы любовница богатого человека. Вот почему Маршалл отправился в Грин-Вэлли. Он не сомневался, что Крамер поехал именно туда. Маршалл был единственным человеком на свете, уверенным, что он это точно знает. Именно он сказал Васселю и Кумеру, куда уехал Крамер. Но Крамер ему солгал. Так часто бывает между людьми, живущими вместе.

Саммер долго молчала, глядя в темноту за окном.

– И это повлияло на то, что там произошло? – спросила она.

– В какой-то степени, – ответил я. – Я думаю, миссис Крамер говорила с Маршаллом. Должно быть, она его узнала, ведь она бывала в Германии. Вероятно, ей было известно, что связывает Маршалла и ее мужа. Жены генералов обычно бывают умными. Может быть, она даже знала, кто являлся другим партнером Крамера. Она могла сказать, что-нибудь вроде: «Тебе все равно его не удержать». И тогда Маршалл вышел из себя и ударил ее ломиком. Возможно, именно по этой причине он ничего не рассказал Васселю и Кумеру. Потому что дополнительные неприятности не имели ни малейшего отношения к ограблению. Вот

почему я предположил, что миссис Крамер умерла не только из-за портфеля. Видимо, Маршалл убил ее еще и потому, что она стала его дразнить и он не выдержал насмешек.

– Все это лишь догадки.

– Миссис Крамер мертва. И это факт.

– Но остальное – догадки.

– Маршаллу тридцать один год, он никогда не был женат.

– Это ничего не доказывает.

– Я знаю, – сказал я. – Знаю. Нигде нет никаких доказательств. Доказательства вообще птица редкая.

Саммер некоторое время молчала.

– А что произошло потом?

– Потом Вассель, Кумер и Маршалл всерьез взялись за поиски портфеля. Они имели перед нами преимущество, поскольку знали, что им нужен мужчина, а не женщина. Маршалл второго января полетел в Германию и осмотрел кабинет и квартиру Крамера. Там он и обнаружил след, ведущий к Карбону. Дневник, письмо или фотографию. Или номер телефона в записной книжке. Все, что угодно. Он вылетел сюда третьего января, они составили план, позвонили Карбону и начали его шантажировать. И договорились о встрече на следующую ночь. Обмен портфеля на письмо или фотографию. Карбон согласился. Он был очень доволен, поскольку не хотел, чтобы о его связи с Крамером стало известно. К тому же он уже рассказал Брубейкеру о повестке дня конференции. Карбону нечего было терять, но он мог многое выиграть. Возможно, ему уже доводилось попадать в подобные ситуации. Не исключено, что несколько раз. Бедняга был голубым и служил в армии шестнадцать лет. Однако на сей раз для него все закончилось печально. Во время обмена Маршалл убил его.

– Маршалл? Маршалла здесь даже не было!

– Он был, – возразил я. – Ты сама об этом догадалась. Ты кое-что мне сказала, когда мы уезжали с базы, чтобы встретиться с детективом Кларком относительно ломика. Помнишь, когда Уиллард преследовал меня телефонными звонками, ты мне кое-что предложила?

– Что я предложила?

– Маршалл прятался в багажнике машины, Саммер. Кумер сидел за рулем, Вассель на пассажирском сиденье, а Маршалл – в багажнике. Так они миновали ворота. Они остановились на дальнем конце парковки

офицерского клуба. Кумер открыл багажник, но Маршалл придерживал крышку, чтобы оставаться там еще два часа. Потом Вассель и Кумер вошли в клуб и сделали все, чтобы получить надежное алиби. Маршалл почти два часа просидел в багажнике, придерживая крышку, пока вокруг не стало тихо. Тогда он вылез и уехал. Вот почему первый ночной патруль помнит машину на стоянке, а второй – нет. Сначала машина там была, а потом Маршалл на ней уехал. Маршалл встретился с Карбоном в условленном месте, и они вместе поехали в лес. Карбон держал в руках портфель. Маршалл открыл багажник и протянул Карбону конверт или что-то другое. Карбон повернулся к лунному свету, чтобы проверить, что ему принесли. Даже осторожный солдат «Дельты» должен был поступить именно так. Ведь вся его карьера находилась под угрозой. Тем временем Маршалл подошел к нему сзади и нанес удар ломиком. И не только из-за портфеля. Он получил бы его в любом случае. Обмен уже состоялся. Вне всякого сомнения, Карбон не стал бы болтать о том, что произошло. Частично Маршалл ударил его из-за ревности к Крамеру. Это один из мотивов убийства. После этого Маршалл забрал конверт и портфель и бросил их в багажник. Остальное мы знаем. Маршалл с самого начала решил, как он поступит, а потому заранее подготовился к тому, чтобы оставить ложные улики. Потом он поехал в сторону базы, а по дороге выбросил ломик. Припарковал машину на прежнем месте и снова забрался в багажник. Вассель и Кумер вышли из клуба, сели в машину и уехали.

– А что потом?

– Они ехали и ехали. Все трое были возбуждены. Но Вассель и Кумер уже знали, что сделал их любимчик с миссис Крамер. Их охватили тревога и страх. Им никак не удавалось найти подходящее место, чтобы остановиться и выпустить сообщника из багажника. Вдруг он весь в крови? Первое безопасное место они обнаружили только после того, как целый час ехали от базы на север. Ты помнишь стоянку для отдыха? Они припарковались как можно дальше от остальных машин, Маршалл выбрался из багажника и отдал им портфель. И они возобновили свое путешествие. Они потратили шестьдесят секунд на изучение портфеля, а потом выбросили его в окно, проехав милю.

Саммер молчала. Она размышляла. Я видел, как дрожат ее веки.

– Но все это лишь теория, – наконец сказала она.

– Ты можешь как-то иначе объяснить все, что нам известно?

Она надолго задумалась. Потом покачала головой и спросила:

– А как насчет Брубейкера?

В этот момент объявили посадку на наш рейс. Мы взяли сумки и встали в очередь. Снаружи все еще было темно. Я принялся считать остальных пассажиров. У меня оставалась надежда, что в самолете окажутся свободные места и можно будет рассчитывать на дополнительный завтрак. Но нет. Похоже, почти все места будут заняты. Очевидно, в январе Лос-Анджелес выглядел особенно привлекательным для обитателей Вашингтона. Вероятно, люди охотно назначают в это время года встречи на Западном побережье.

– Так как же насчет Брубейкера? – вновь спросила Саммер.

Мы двинулись по проходу и нашли наши места. Одно из них оказалось у окна. У прохода уже сидела монахиня. Она была старой. Оставалось надеяться, что она не обладает острым слухом. Мне совсем не хотелось, чтобы наш разговор кто-то услышал. Она встала, чтобы нас пропустить. Я устроился у окна, а Саммер – рядом с монахиней. Мы пристегнули ремни. Немного помолчали. Я смотрел в иллюминатор. Самолет медленно покатил по полю на взлетную полосу и через две минуты уже находился в воздухе.

– С Брубейкером у меня нет полной ясности, – сказал я. – Каким образом он связался с Васселем и Кумером? Кто кому позвонил первым? Он знал повестку дня через тридцать минут после наступления Нового года. Учитывая, каким активным человеком был Брубейкер, можно предположить, что он первым вступил в контакт в Васселем или Кумером и немного на них надавил. Или они решили, что события начали развиваться по худшему для них сценарию. Они могли сообразить, что Карбон все рассказал своему боссу. Поэтому я не уверен, кто проявил инициативу. Не исключено, что обе стороны стремились встретиться. Возможно, они обменялись взаимными угрозами, а потом Вассель и Кумер предложили найти выход, который устроил бы всех.

– А такое было возможно? – спросила Саммер.

– Кто знает? – ответил я. – Новые объединенные части будут весьма необычными. Брубейкер от этого должен был только выиграть, поскольку его подразделение и сейчас использует весьма необычные методы ведения военных действий. Возможно, Вассель и Кумер обманули его, предложив стратегический альянс. Так или иначе, но они назначили встречу на вечер четвертого января. Вероятно, место выбрал Брубейкер. Должно быть, он проезжал там множество раз, когда ездил из Форт-Бэрда в отель с полем для гольфа. Естественно, он чувствовал себя уверенно. Брубейкер не позволил бы Маршаллу сесть у себя за спиной, если бы испытывал какие-то сомнения.

– А откуда ты знаешь, что сзади сидел именно Маршалл?

– Протокол, – сказал я. – Полковник беседует с генералом и другим полковником. Вассель должен был сидеть на переднем сиденье, а Кумер сзади, так, чтобы Брубейкер мог повернуться и видеть обоих. Ну а на Маршалла Брубейкер просто не обращал внимания. Он ведь всего лишь майор. Кого в такой ситуации будет интересовать майор?

– Они собирались его убить? Или это произошло случайно?

– Собирались, тут не может быть никаких сомнений. У них был план. Удаленное место, где они намеревались бросить тело, героин, который Маршалл привез из Германии, заряженный пистолет. Так что по чистой случайности мы оказались правы. Те же самые люди, что убили Карбона, выехали из главных ворот Форт-Бэрда и разобрались с Брубейкером. Они гнали всю дорогу.

– Они дважды оставляли ложный след, – сказала Саммер. – Героин, тело, отвезенное на юг, а не на север.

– Работа любителей, – возразил я. – Медики в Колумбии должны были заметить цианоз и ожоги от выхлопной трубы. Васселю и Кумеру просто безумно повезло: медики не сказали нам об этом сразу. К тому же они оставили машину Брубейкера на севере. Удивительное проявление глупости.

– Наверное, они просто устали. Стресс. Напряжение, бесконечная езда. Они приехали с Арлингтонского кладбища, побывали в Смитфилде, вернулись в Колумбию, а потом обратно в аэропорт. Почти восемнадцать часов. Стоит ли удивляться, что они совершали ошибки? Однако им все это сошло бы с рук, если бы ты выполнил приказ Уилларда.

Я кивнул.

– У нас совсем нет улик, – продолжала Саммер. – Дело сразу развалится. Нет даже косвенных улик. Одни лишь предположения.

– Именно по этой причине нам необходимы признания.

– Нам нужно очень хорошо подумать, прежде чем предъявлять обвинения. При таком слабом подборе доказательств в тюрьму отправишься ты. За причинение беспокойства.

За моей спиной послышался легкий шум, и появилась стюардесса с завтраками. Она вручила один завтрак монахине, один Саммер и один мне. Трапеза оказалась жалкой. Холодный сок, ветчина и сэндвич с сыром. И все. Я решил, что кофе принесут потом. Во всяком случае, я на это рассчитывал. Я прикончил свой завтрак секунд за тридцать. Саммер финишировала через пару секунд после меня. Монахиня даже не прикоснулась к пище. Маленький поднос так и остался стоять перед ней. Я ткнул Саммер под ребра.

– Спроси, собирается ли она это есть, – сказал я.

– Не могу, – проворчала Саммер.

– Она должна заниматься благотворительностью, – заявил я. – В этом суть ее деятельности.

– Не могу, – повторила Саммер.

– Можешь.

Она вздохнула.

– Ладно, подожди минутку.

Однако она слишком долго тянула с этим. Монахиня развернула обертку и принялась за сэндвич.

– Проклятье, – пробормотал я.

– Сожалею, – сказала Саммер.

Я посмотрел на нее.

– Что ты сказала?

– Я сказала: «Сожалею».

– Нет, до этого. Последнее, что ты сказала.

– Я сказала, что не могу к ней обратиться.

Я потряс головой.

– Нет, до того, как принесли завтрак.

– Я сказала, что у нас совсем нет улик.

– Нет, еще раньше.

Я видел, как она вспоминает наш разговор.

– Я сказала, что Васселю и Кумеру все это сошло бы с рук, если бы ты выполнил приказ Уилларда.

Я кивнул. С минуту размышлял над ее словами. Потом закрыл глаза.

Я снова открыл их в Лос-Анджелесе. Самолет коснулся земли, и меня разбудил скрежет шасси по бетону. Затем взревела обратная тяга, началось торможение, и меня бросило вперед на ремень. Снаружи уже начинался рассвет, казавшийся коричневым, как это часто здесь бывает. По внутренней трансляции объявили, что в Калифорнии сейчас семь

часов утра. В течение двух суток мы постоянно двигались на запад, и каждые двадцать четыре часа для нас превращались в двадцать восемь. Мне удалось поспать, и я не чувствовал усталости, но по-прежнему хотелось есть.

Мы выбрались из самолета и направились в зал выдачи багажа. Именно здесь водители встречают прилетевших. Я огляделся по сторонам и увидел, что Кельвин Франц никого не прислал. Он приехал сам. Я сразу обрадовался. Мы попали в хорошие руки.

– У меня для тебя новости, – сказал он.

Я представил его Саммер. Он пожал ей руку и забрал у нее сумку. Я решил, что это не только жест вежливости, но и способ побыстрее посадить нас в свой «хаммер». Его машина была припаркована в запрещенном месте. Однако полицейские держались от нее подальше. Камуфляжная черно-зеленая окраска «хаммера» всегда производила на них такое действие. Мы сели в машину. Я пропустил Саммер на переднее сиденье. Это был не просто жест вежливости – мне хотелось растянуться сзади. В самолете было очень неудобно сидеть.

– Нашли «гранд-маркиз», – сказал Франц.

Он включил мощный дизельный двигатель, и мы отъехали от тротуара. Ирвин находился к северу от Барстоу, примерно в тридцати милях езды через город. Я прикинул, что Франц потратит около часа, учитывая, что утром дороги будут забиты машинами. Саммер с интересом наблюдала за его манерой вождения. Я уловил в ее глазах одобрение. У нее бы ушло на такую поездку не более тридцати минут.

– Машину обнаружили в Эндрюсе, – сказал Франц. – Они ее там бросили.

– Когда Маршалла отправили в Германию, – добавил я.

Франц кивнул, не отводя взгляда от дороги.

– Так и было написано в журнале убытия и прибытия. Припаркована Маршаллом, с отметкой Управления военных сообщений в декларации. Наши парни передали эти сведения в ФБР. Так быстрее. Система взаимных одолжений. Бюро работало всю ночь. Сначала с неохотой, но потом они заинтересовались. Оказалось, что это связано с делом, которое они расследуют.

– С делом Брубейкера, – сказал я.

Франц кивнул.

– На коврике в багажнике обнаружены кровь и кусочки мозга Брубейкера. Их соскребли бумажными салфетками, но недостаточно тщательно.

– Что-нибудь еще? – спросил я.

– Еще очень многое. Там найдены другие следы крови, совсем немного, возможно, с рукава или лезвия ножа.

– Кровь Карбона, – сказал я. – Она осталась после предыдущей поездки Маршалла в багажнике. А нож нашли?

– Нет, – ответил Франц. – Но внутри багажника полно отпечатков Маршалла.

– Иначе и быть не могло, – заметил я. – Он провел в нем несколько часов.

– Под ковриком нашли личный знак, – сказал Франц. – Вероятно, цепочка была порвана и он оказался в багажнике.

– Личный знак Карбона? – спросил я.

– Совершенно верно.

– Любители. Что-то еще?

– В основном обычные вещи. Машина была довольно грязной. Волосы, волокна, старые обертки, банки от содовой, ну и все в таком же духе.

– А баночка от йогурта?

– Одна, – ответил Франц. – В багажнике.

– Клубничный или малиновый?

– Клубничный. С отпечатками Маршалла. Такое впечатление, что он решил перекусить.

– Он открывал баночку, – сказал я. – Но йогурт Маршалл не ел.

– Там еще оказался пустой конверт, – продолжал Франц. – Адресованный Крамеру в Двенадцатый корпус, в Германию. Авиапочта, с прошлогодней маркой. Обратного адреса нет. Такое впечатление, что прежде в нем лежала фотография.

Я ничего не ответил. Франц посмотрел на меня в зеркало.

– Это хорошие новости? – спросил он.

Я улыбнулся.

– Если раньше у нас были только предположения, то теперь появились косвенные улики.

– Гигантский скачок для всего человечества,[39] – сказал Франц.

Потом я перестал улыбаться и отвернулся. И начал думать о Карбоне, Брубейкере и миссис Крамер. И о миссис Ричер. В начале января 1990 года по всему миру умирали люди.

Дорога до Ирвина заняла более часа. Наверное, об автострадах Лос-Анджелеса говорят правду. На базе все выглядело как обычно. Все были чем-то заняты. База расположилась на большом участке пустыни Мохаве, и здесь по очереди жили полки бронетанковых войск, которые участвовали в учениях, когда сюда прибывали другие части. Тут всегда царила напряженная атмосфера учений. Погода обычно оставалась солнечной, и люди неизменно получали удовольствие, играя с большими дорогими игрушками.

– Ты хочешь сразу заняться делом? – спросил Франц.

– А ты за ними приглядываешь?

Он кивнул:

– Очень осторожно.

– Тогда давай сначала позавтракаем.

Офицерский клуб был превосходным местом назначения для людей, умирающих от голода после завтрака на местных авиалиниях. Буфетная стойка растянулась, наверное, на милю. Здесь было такое же меню, как в Германии, но апельсиновый сок и фрукты выглядели в Калифорнии более естественно. Я съел столько же, сколько средняя пехотная рота, а Саммер и того больше. Франц уже позавтракал. Я вливал в себя кофе до тех пор, пока влезало. Потом отодвинулся от стола и глубоко вздохнул.

– Отлично, а теперь за дело.

Мы отправились в кабинет Франца, и он позвонил своим парням. Он сказали, что Маршалл ушел из-под наблюдения, но Вассель и Кумер продолжают сидеть в гостевых комнатах для офицеров. Франц отвез нас туда на своем «хаммере». Мы вышли на тротуар. Ярко светило солнце. Воздух был теплым и пыльным, и я уловил запах растущих повсюду шипастых пустынных растений.

Мне показалось, что гостевые комнаты для офицеров строил тот же подрядчик, что и базу 12-го корпуса в Германии. Ряды одинаковых комнат с небольшим двориком посредине. С одной стороны находились общие помещения, комната с телевизором, стол для настольного

тенниса, гостиная. Мы вошли вместе с Францем в гостиную, где Вассель и Кумер сидели рядом в кожаных креслах. Я сообразил, что прежде видел их только один раз, в своем кабинете в Бэрде. Это казалось довольно странным, если учесть, сколько времени я потратил, размышляя о них.

Они оба были в новенькой полевой форме с камуфляжной расцветкой для пустыни, которую часто называют «шоколадной крошкой». И оба выглядели в ней так же фальшиво, как и в зеленом камуфляже. Вассель и Кумер куда больше походили на членов клуба «Ротари». Вассель по-прежнему оставался лысым, а Кумер по-прежнему носил очки.

Оба посмотрели на меня.

Я сделал вдох.

Старшие офицеры.

Причинение беспокойства.

«Это ты можешь оказаться в тюрьме».

– Генерал Вассель и полковник Кумер, – сказал я. – Вы арестованы по обвинению в нарушении Единого кодекса военного правосудия. Предварительный сговор с другими лицами с целью убийства.

Я затаил дыхание.

Однако никакой реакции не последовало. Оба молчали. Они восприняли это как должное. Словно круг замкнулся и случилось то, чего они боялись. Будто они с самого начала ждали, что все произойдет именно так. Я выдохнул. Когда человеку сообщают плохие новости, он проходит несколько стадий. Горе, гнев, отрицание. Но Вассель и Кумер уже миновали все эти стадии. Тут сомнений не оставалось. Процесс завершился, и они были готовы принять плохие новости.

Я попросил Саммер выполнить все формальности и произнести кучу стандартных формулировок. Предупредить об ответственности. У Саммер это получилось лучше, чем у меня. Ее голос звучал уверенно и профессионально. Ни Вассель, ни Кумер не реагировали на происходящее. Ни тебе всплеска возмущения, ни просьб, ни гневных уверений в собственной невиновности. Они лишь послушно кивали в нужных местах. А в конце сами поднялись с кожаных кресел еще до того, как им предложили встать.

– Наручники? – спросила у меня Саммер.

– Обязательно, – ответил я. – Мы поведем их на гауптвахту. И не нужно сажать их в машину. Пусть все видят. Они – позор для армии.

Я получил указания от одного из людей Франца и взял его «хаммер», чтобы добраться до Маршалла. Он должен был находиться в домике возле мишени, которая сейчас не использовалась, и наблюдать за стрельбами. Мишенью служил устаревший танк «Шеридан», сильно потрепанный. Домик стоял где-то неподалеку от танка. Мне посоветовали не покидать колею, чтобы не напороться на неразорвавшиеся артиллерийские снаряды или пустынных черепах. Если я наеду на снаряд, то погибну. Если же прикончу черепаху, у меня будут неприятности с Министерством внутренних дел.

Я выехал с базы в одиночестве, ровно в девять тридцать утра. Я не хотел ждать Саммер. Ей предстояло решить множество процессуальных вопросов с Васселем и Кумером. У меня возникло ощущение, что мы находимся в конце долгого пути, и я хотел побыстрее его завершить. Я взял взаймы пистолет, но это было неудачное решение.

Глава 23

Ирвин занимал достаточно большую часть Мохаве, здесь вполне могли бы поместиться пустыни Ближнего Востока или, если забыть о жаре и песке, бесконечные степи Восточной Европы. Из чего следовало, что здания базы скрылись из виду прежде, чем я преодолел десятую часть пути до обещанного танка «Шеридан». Местность вокруг была совершенно открытой. «Хаммер» казался крошечным. Был январь, поэтому над землей не висело жаркое марево, хотя температура оставалась довольно высокой. Я применил неофициальную инструкцию обращения с «хаммером», которая называлась «Кондиционер 2-40» и состояла в том, что ты опускал два стекла и ехал со скоростью сорок миль в час. Сразу появился приятный ветерок. Обычно скорость сорок миль в час была для «хаммера» довольно высокой из-за его массивности. Но на таких открытых пространствах она совсем не чувствовалась.

Через час я продолжал ехать с той же скоростью, но так и не нашел домик. Пустыня уходила в бесконечность. Одна из самых больших военных резерваций в мире. Это уж точно. Может быть, у Советов имелось что-то побольше, но меня бы это удивило. Не исключено, что Уиллард знает лучше. Я улыбнулся собственным мыслям и продолжал ехать дальше. Оказавшись у линии водораздела, я вновь увидел бесконечные пространства впереди. Впрочем, точка у горизонта могла быть домиком, который я искал. В пяти милях к западу виднелось облако пыли. Возможно, двигалась танковая колонна.

Я продолжал ехать по колее с прежней скоростью. Пыль хвостом тянулась за мной. Воздух, проникающий в кабину, стал горячим. Долина имела не менее трех миль в поперечнике. Точка на горизонте росла по

мере того, как я к ней приближался. Проехав еще милю, я стал различать очертания старого танка слева и домика – справа. Когда позади осталась еще одна миля, я увидел третий предмет. Старый танк слева, домик справа и «хаммер» Маршалла посередине. Он был припаркован к западу от домика, в утренней тени. Издалека автомобиль напоминал модель, которую я видел в 12-м корпусе в Германии. Домик был построен из шлакобетонных блоков, вместо окон проемы без стекол. Танк был старым M551 – легкая модель из армированного алюминия, спроектированная как разведывательный танк. Его масса составляла лишь четверть от массы «Абрамса» – именно эти модели подполковник Саймон считал самыми перспективными. Такие танки использовались совместно с десантными дивизиями. Совсем неплохая машина. Однако этот экземпляр находился в отвратительном состоянии. К «Шерману» приделали фанерный низ, чтобы он напоминал советский танк прежнего поколения. Зачем тренировать наших парней стрелять в то, что сейчас находится на вооружении у других армий?

Я оставался в колее и затормозил только после того, как оказался в тридцати футах южнее домика. Распахнув дверцу, я выскользнул под жаркое солнце. Пожалуй, было около двадцати градусов, но после Северной Каролины, Франкфурта и Парижа казалось, что я попал в Саудовскую Аравию.

Маршалл наблюдал за мной из домика.

Я видел его лишь однажды, но ни разу с ним не разговаривал. Он сидел в «гранд-маркизе» в первый день нового года, возле штаба Бэрда, в темноте, за затемненным стеклом. Я запомнил его как высокого темноволосого парня, а его досье это подтвердило. Густые, коротко подстриженные черные волосы. Он был в пустынном камуфляже, и ему пришлось слегка наклониться, чтобы выглядывать из окна домика.

Я стоял возле «хаммера». Маршалл молча смотрел на меня.

– Маршалл! – позвал я.

Он не ответил.

– Вы там один?

Никакого ответа.

– Военная полиция! – заговорил я громче. – Всем немедленно выйти наружу!

Никто не ответил. Никто не вышел. Я видел в окне Маршалла. Он смотрел на меня. Наверное, он там один. Если бы с ним был партнер, он бы уже вышел наружу. Никому, кроме Маршалла, не имело смысла меня бояться.

– Маршалл! – снова позвал я.

Он скрылся из виду. Просто слился с темнотой. Я вытащил из кармана взятый взаймы пистолет, «Беретту М-9», один из последних выпусков. Мне вспомнилось старое правило: «Никогда не доверяй оружию, из которого сам не стрелял». Я дослал пулю в ствол. На западе поднималась туча пыли. Я снял «беретту» с предохранителя.

– Маршалл, – позвал я.

Он не ответил. Но я услышал, как зазвучал тихий голос, а потом раздался шум радиопомех. Однако на крыше домика не было антенны. Должно быть, у него с собой имелась портативная рация.

– С кем ты хочешь связаться, Маршалл? – пробормотал я себе под нос. – Рассчитываешь вызвать кавалерию?

А потом подумал: «Да, кавалерию. Полк бронетранспортеров». Я повернулся на запад, чтобы еще раз взглянуть на тучу пыли. И неожиданно до меня дошло, какова ситуация. Я оказался один посреди открытого пространства, рядом с человеком, которому нечего терять. Он находился в доме, а я снаружи. Мой партнер, женщина, весившая девяносто фунтов, осталась в пятидесяти милях отсюда. А его приятели мчались на семидесятитонных танках где-то за линией горизонта.

Я быстро ушел в сторону от колеи и направился к востоку от домика. Тут я вновь увидел Маршалла. Он двигался от одного окна к другому и не спускал с меня глаз. Пока он только смотрел на меня.

– Выходи из дома, майор, – сказал я.

Довольно долго он молчал, а потом заявил:

– Я не намерен отсюда выходить!

– Выходи, майор, – снова позвал я. – Ты знаешь, почему я здесь.

Он вновь скрылся в темноте.

– С этого момента ты оказываешь сопротивление при аресте, – сказал я.

Никакого ответа. Стало совсем тихо. Я продолжал по кругу обходить домик. В северной стене окон не было. Только железная дверь. Она была закрыта. Я сообразил, что в ней не должно быть замка. Что там можно украсть? Я мог бы подойти к двери и попросту ее распахнуть. Вооружен ли Маршалл? По инструкции у него не должно быть с собой оружия. Какого врага мог встретить тот, кто наблюдает за точностью орудийного огня? Однако предусмотрительный человек, находящийся в положении Маршалла, должен принять меры предосторожности.

От железной двери шла утоптанная тропинка к месту парковки. То, что архитектор назвал бы «дорожками желания». Ни одна из них не вела на север, в мою сторону. Все они уходили на запад или на восток. Тень утром, тень днем. Поэтому я остановился на расстоянии в десять ярдов от двери, оставаясь на открытой местности. Хорошая позиция, если подумать. Может быть, это даже лучше, чем рисковать, пытаясь застать Маршалла врасплох. Я могу прождать здесь целый день. Никаких проблем. Стоял январь, и полуденное солнце было мне не страшно. Я мог оставаться здесь до тех пор, пока Маршалл не сдастся. Или не умрет от голода. Я знал, что ел значительно позже, чем он. А если он захочет выйти, чтобы застрелить меня, я всегда сумею его опередить. Никаких проблем.

Проблему представляли проемы в шлакобетонных блоках с трех остальных сторон. Проемы были размером с обычные окна. В них можно вылезти. Даже такой крупный человек, как Маршалл, сумел бы справиться с такой задачей. Например, он мог выбраться через западное окно и добежать до своего «хаммера». Или – через южное и до моего «хаммера». В военных автомобилях нет ключей зажигания. У них имеется большая красная кнопка стартера, чтобы можно было быстро сесть внутрь и тут же уехать подальше от опасности. А я не мог одновременно наблюдать за южной и западной стенами. Во всяком случае, с этой позиции, где сам находился в безопасности.

А нуждаюсь ли я в безопасности?

Вооружен ли Маршалл?

Я не представлял себе, как найти ответ на это вопрос.

«Никогда не доверяй оружию, из которого сам не стрелял».

Я навел пистолет на середину железной двери и нажал на курок. «Беретта» работала. Работала превосходно. Вспышка, гром выстрела, отдача, затем пуля со звоном ударила в дверь и оставила маленькую блестящую вмятину на металле, в десяти ярдах от меня.

Я подождал, пока смолкнет эхо.

– Маршалл! – позвал я. – Ты оказываешь сопротивление аресту. А потому я сейчас начну обходить дом и стрелять в оконные отверстия. И тогда тебя либо убьет пулей, либо ранит рикошетом. Если ты захочешь, чтобы я прекратил, выйди из дома с поднятыми над головой руками.

Я вновь услышал шум радиопомех из домика.

Я сместился на запад. Теперь я двигался быстро, пригнувшись к земле. Если он вооружен и будет стрелять, то обязательно промахнется. Дайте мне выбор, в кого стрелять, и я всякий раз предпочту яйцеголового

стратега. С другой стороны, он сумел справиться с Карбоном и Брубейкером. Поэтому я слегка увеличил радиус, чтобы оказаться за его «хаммером». Или за старым танком «Шермана».

На полпути я остановился и выстрелил. Нельзя давать обещания, а потом их не выполнять. Однако я целился во внутренний срез окна, чтобы пуля дважды отрикошетила от стен и потолка. Большая часть энергии будет потеряна, и его ранение не будет серьезным. Девятимиллиметровая пуля от «парабеллума» – хорошая пуля, но она не обладает магическими свойствами.

Я спрятался за капотом его «хаммера». Положил руку с пистолетом на нагревшийся металл. Камуфляжная краска имела неровную поверхность, как будто к ней добавили песок. Я прицелился в домик. Теперь я находился в небольшой низине – домик остался выше. Я выстрелил еще раз, целясь в другое окно.

– Маршалл! – позвал я. – Если ты хочешь погибнуть от рук полицейского, я не стану возражать.

Никакого ответа. Я потратил три патрона. Осталось двенадцать. Умный человек улегся бы на пол, предоставив мне возможность расстрелять все патроны. Сейчас я находился в низине, и все траектории моих выстрелов будут проходить над ним. Свою роль сыграет и скос на окнах. Конечно, я мог бы попытаться стрелять в потолок и заднюю стену, но рикошеты вовсе не обязательно повторяют путь идеальных шаров в бильярде. Нет, рассчитывать на удачный рикошет было бы глупо.

Я увидел движение в окне.

Маршалл оказался вооружен.

И не пистолетом. Я увидел большое дуло, направленное на меня. Черное. Размером с дождевую трубу. Наверное, это «Итака Маг-10». Превосходное оружие. Если вы хотите иметь дробовик, то «Маг-10» – лучший вариант. Он получил прозвище «Перекрывающий дорогу», поскольку эффективен против машин с тонким кузовом. Я сразу же присел, так чтобы двигатель «хаммера» оказался между мной и домиком, и постарался стать поменьше.

Потом я снова услышал, как заработал передатчик внутри домика. Передача была очень короткой и тихой, к тому же мешали помехи, так что я не сумел разобрать слов, но ритм и модуляции позволяли предположить слово, состоящее из четырех слогов. Может быть, «повторите»? Именно такой бывает реакция, когда ты слышишь непонятный приказ.

Я услышал повторный сигнал. «Повторите». Затем раздался голос Маршалла. Совсем тихий. Тоже четыре слога.

– Подтверждаю.

С кем он говорит и каков был его приказ?

– Сдавайся, Маршалл! – крикнул я. – Неужели ты хочешь оказаться по уши в дерьме?

Подобный вопрос переговорщики назвали бы давлением. Он должен был произвести негативный психологический эффект. Но особого смысла в нем не было. Если Маршалл меня застрелит, то отправится в Левенуэрт на четыреста лет. Если нет, то окажется там же, только на триста лет. Никакой практической разницы. Человек рациональный просто не обратит внимания на такой вопрос.

Маршалл так и сделал. Он вел себя весьма рационально. Он проигнорировал вопрос и выстрелил из «Итаки» – я поступил бы точно так же.

В теории, это был тот самый момент, которого я ждал. Выстрел из дробовика требует серьезных физических усилий, и, после того, как ты нажимаешь на спусковой крючок, в течение следующих нескольких мгновений твое положение становится уязвимым. Мне бы следовало немедленно открыть встречный прицельный огонь. Однако выстрел пулей десятого калибра произвел ошеломляющее действие, и я потерял полсекунды. Нет, меня не задело. Пуля попала в переднее колесо «хаммера». Я почувствовал, как лопнула покрышка, и передняя часть машины опустилась на десять дюймов. Воздух наполнился дымом и пылью. Когда я выглянул наружу, дуло исчезло. Я выстрелил в верхнюю часть окна. Мне хотелось, чтобы моя пуля отрикошетила от потолка и попала в голову Маршалла.

Не вышло. Он крикнул мне:

– Я перезаряжаю!

Я немного подождал. Почти наверняка он лжет. У «Мага-10» три патрона в обойме. А он выстрелил всего один раз. Наверное, Маршалл хочет, чтобы я выскочил из-за укрытия и сменил позицию. А он высунется из окна, улыбнется и покончит со мной. Я остался на прежнем месте. К сожалению, я не мог перезарядить свое оружие. Я потратил четыре патрона. Осталось одиннадцать.

И вновь заработал передатчик. Три слога. «Вас понял». Коротко и ясно.

Маршалл выстрелил снова. Я успел заметить, как двигается в окне черное дуло, потом раздался выстрел, и дальний угол «хаммера» осел на десять дюймов. Я упал на землю и заглянул под днище. Он стрелял по покрышкам. «Хаммер» может ехать на спущенных покрышках, таковы требования к его конструкции. Однако он не в состоянии двигаться

совсем без покрышек. Пуля из дробовика разрывает покрышку, остаются лишь жалкие ошметки.

Маршалл уничтожит собственный «хаммер», а потом займется моим.

Я привстал на колени, прячась за капотом. Теперь я был даже в большей безопасности, чем прежде. Когда мощный автомобиль осел на землю, между мной и дробовиком образовалась гора металла, шестьсот фунтов кованого железа. Я прислонился к переднему бамперу, и в нос мне ударил запах дизельного топлива. Маршалл перебил топливный шланг, и топливо выливалось. Покрышек больше нет, бак скоро опустеет. И нет никаких шансов намочить рубашку, поджечь ее и бросить в домик – у меня не было спичек. Да и дизельное топливо воспламеняется не так легко, как бензин. Для того чтобы произошел взрыв, нужно, чтобы оно начало испаряться под высоким давлением. Вот почему в «хаммере» использовали дизельный двигатель. Ради безопасности.

– Вот теперь я перезаряжаю, – объявил Маршалл.

Я ждал. Правду он сказал или нет? Скорее всего, да. Но мне было все равно. Я не собирался его торопить. У меня возникла новая идея. Я подполз к заднему бамперу «хаммера». На юге виднелся мой «хаммер». Отсюда, если повернуться на север, прекрасно просматривалось все пространство до домика. Открытый участок шириной в двадцать пять ярдов. Нечто вроде ничейной земли. Маршаллу придется преодолеть его, чтобы добраться от домика до моей машины. Прямо через участок, который простреливается мной. Вероятно, он побежит, стреляя на ходу. Но его оружие может выстрелить без перезарядки только три раза. Если он будет делать это равномерно, то сможет стрелять каждые восемь ярдов. Если же сразу сделает три выстрела, не целясь, то будет беззащитным на всем пути до машины. В любом варианте ему конец. Тут все понятно. У меня осталось одиннадцать пуль, хороший пистолет и стальной бампер в качестве удобной опоры для кисти.

Я улыбнулся.

Я ждал.

А затем у меня за спиной раздался звук глухого удара, и от «Шеридана» полетели осколки.

Раздалось гудение, словно на меня летел снаряд размером с «фольксваген», я быстро обернулся и успел увидеть, как старый танк разваливается на куски, словно в него врезался поезд. Он подскочил на целый фут над землей, фанерный камуфляж разлетелся в щепки, а пушка медленно развернулась и рухнула на песок в десяти футах от меня.

Взрыва я не услышал. Лишь глухой скрежет металла о металл. А потом наступила жутковатая тишина.

Я повернулся назад. Оглядел открытый участок. Маршалл все еще оставался в домике. Затем над моей головой промелькнула тень, и я увидел снаряд. Казалось, он летит очень медленно – оптической обман, как это иногда бывает при стрельбе дальнобойной артиллерии. Снаряд описал надо мной идеальную дугу и ударил в песок в пятидесяти футах от меня. В воздух поднялся огромный плюмаж пыли и песка.

И опять взрыва не последовало.

«Они стреляют в меня учебными снарядами!»

До моих ушей долетел далекий вой двигателей. А потом я уловил лязг гусениц. Рев двигателей усилился, танки мчались в мою сторону. Раздался грохот, выстрелила большая пушка. Затем ничего. В следующее мгновение загудел воздух. И вновь глухой звук удара металла о металл. Новое попадание в «Шеридан». И опять снаряд не разорвался. Учебный снаряд ничем не отличается от обычного, он имеет такие же размеры, только нет боеголовки. Это просто кусок металла, как пуля из пистолета, вот только снаряд имеет ширину в пять дюймов и длину в фут.

Маршалл предложил им сменить тренировочную цель.

Вот о чем он вел переговоры по радио. Маршалл приказал своим парням вернуться и стрелять по его собственной позиции. Они не могли поверить своим ушам. «Повторите! Повторите!» И Маршалл подтвердил.

Он отдал им новый приказ, чтобы прикрыть свой побег.

Сколько здесь танков? Сколько времени у меня осталось? Если двадцать танков начнут вести огонь по этому участку, то достаточно быстро они меня накроют. Пройдет не более нескольких минут. Тут все было ясно. Закон средних чисел даст необходимый Маршаллу результат. Получить ранение «пулей» размерами шесть дюймов на фут – удовольствие небольшое. Даже если меня слегка заденет, мало не покажется. Пятидесятифунтовый кусок металла, ударив в «хаммер», за которым я прятался, превратит его в кучу мелких обломков, острых, точно заточенные клинки. Даже без боеголовок одной только кинетической энергии будет достаточно. Эффект получится таким же, как если бы рядом разорвалась ручная граната.

Я услышал «буум, буум» к северу и к западу от себя. Низкие глухие звуки. Две пушки выстрелили одна за другой. Но теперь они были значительно ближе. Зашипел воздух. Один снаряд улетел далеко в сторону, но другой падал по пологой траектории и угодил прямо в бок

«Шеридана». Он пробил танк насквозь, как пуля пробивает консервную банку. Если бы здесь находился подполковник Саймон, он смог бы пересмотреть свои представления о будущем.

И вновь выстрелили пушки, одна за другой. Нечеткий залп. Взрывов не было. Но жуткий рев воздуха был еще хуже. В нем слышалось нечто утробное и отвратительное. Воздух шипел. Снаряды падали на землю с глухим мертвым стуком. А когда металл ударял по металлу, казалось, сражаются на мечах древние великаны. Здоровенные куски растерзанного «Шеридана» кувыркались в воздухе и падали на песок, вздымая тучи пыли. Воздух потемнел от поднявшегося песка. Я начал задыхаться. Маршалл все еще оставался в домике. Я продолжал прятаться за «хаммером», держа наготове «беретту». Ждал. Старался, чтобы моя рука не дрожала. Смотрел в пустое пространство между домиком и своим «хаммером», не сводя с него глаз. Я не понимал, что происходит. Маршалл должен был сообразить, что дольше ему нельзя ждать. Он вызвал бурю металлического града. Нас атаковали танки «Абрамс»! В любую секунду один из снарядов попадет в мой «хаммер», и единственный путь к спасению исчезнет прямо у него на глазах. Еще немного, и на мой «хаммер» обрушится снаряд. Законы средних чисел это гарантируют. А возможно, сначала снаряд попадет в домик и Маршалл погибнет под обломками. Что-нибудь в таком духе обязательно случится. Наверняка. Иначе быть не может. Так какого же дьявола он ждет?

Потом я немного приподнялся и посмотрел на домик.

Теперь я знал, что он задумал.

Самоубийство.

Я уже предложил ему гибель от пули полицейского, но он предпочел смерть от танкового снаряда. Он видел мое приближение и понял, кто я такой. Как Вассель и Кумер, он весь день в оцепенении ждал, когда произойдет неизбежное. И вот оно наконец произошло – в облаке пыли появился «хаммер». Он подумал и принял решение. И вызвал танки.

Он погибнет, но заберет с собой и меня.

Танки находились уже совсем рядом. Не более чем в восьмистах или девятистах ярдах. Я слышал скрежет и лязг гусениц. Танки продолжали быстро приближаться. Вероятно, они разворачивались веером, как написано в учебниках. За ними тянулись шлейфы пыли. Они образовали перемещающийся полукруг с направленными внутрь огромными пушками, подобными спицам колеса.

Я отполз немного назад и посмотрел на свой «хаммер». Если я попытаюсь до него добежать, то Маршалл пристрелит меня, оставаясь за

стенами домика. Двадцать пять ярдов открытой земли мне преодолеть так же трудно, как ему.

Я ждал.

Раздался звук выстрела, и снаряд с глухим кряканьем ударил в землю. Я вскочил и побежал в противоположном направлении. Снаряд угодил в «Шерман», а следующий попал в «хаммер» Маршалла и окончательно его разворотил. Я бросился на землю возле северного угла домика, перекатился и прижался к основанию стены, слушая, как металлические осколки ударяют в шлакобетон, а останки «Шеридана» со скрежетом разваливаются на части.

Танки были уже совсем рядом. Я слышал, как менялся шум двигателей, когда они поднимались на холмики, а потом спускались в низины. Слышал, как лязгают гусеницы, задевающие о выбоины в земле. Слышал, как шумит гидравлика, когда перемещаются пушки, готовясь к новым выстрелам.

Я встал на ноги и выпрямился. Протер глаза. Шагнул к железной двери. Увидел блестящий след, оставленный моей пулей. Я знал, что Маршалл либо стоит у южного окна, дожидаясь, когда я побегу к своему «хаммеру», либо выглядывает в западное окно, надеясь увидеть мое тело рядом со своей разбитой машиной. Я знал, что он высокий правша. Я зафиксировал абстрактную цель в своем сознании. Поднял левую руку и положил ее на ручку двери. Я ждал.

Следующие выстрелы были произведены с такого близкого расстояния, что звуки слились в один. Я распахнул дверь и вошел внутрь. Маршалл стоял прямо передо мной. Он смотрел в другую сторону, на юг, его освещал падающий снаружи свет. Я прицелился в его правую лопатку и нажал на курок, и в это время снаряд сорвал с домика крышу. Все внутри моментально заполнилось пылью, рухнули балки, сверху посыпались проржавевшие куски металлической крыши и бетона. Я упал на колени, а потом меня бросило вперед и чем-то придавило. Я больше не видел Маршалла. Тем не менее я привстал на колени и руками отбросил обломки. Пыль по спирали выносило вверх, и я разглядел голубое небо над головой. Со всех сторон доносилось лязганье гусениц. И вновь раздался «буум», и передний угол домика напрочь снесло. Только что он был – и вдруг исчез. Только что здесь находилась стена из шлакобетона, и вот осталась лишь струя серой пыли, несущаяся на меня со скоростью звука. Пыли внутри было так много, что уже ничего невозможно было разглядеть. Лишь яркие лучи солнца передо мной. Яркий свет впереди, темнота за спиной. Я продолжал двигаться вперед.

Я нашел «Маг-10» с расплющенным дулом, отбросил его в сторону и сделал еще шаг. Нашел лежащего на полу Маршалла. Он не шевелился. Я наклонился, схватил его за ворот и посадил. Затем потащил к

передней стене. Прислонился к ней спиной и стал подниматься, нащупывая окно. Пыль ела глаза и набивалась в рот, и я все время отплевывался. Я поставил Маршалла на ноги, перекинул его через подоконник и вытолкнул наружу. Затем выпал из окна вслед за ним. Встал на четвереньки, вновь схватил его за ворот и поволок прочь от дома.

Снаружи пыли было уже меньше. Я увидел танки слева и справа, до них оставалось ярдов триста. Много танков. Горячий металл в ярком солнечном свете. Они взяли нас в клещи, образовав почти идеальный круг. Двигатели работали на холостом ходу, пушки были опущены – стрелки целились через открытые прицелы. Я снова услышал «буум», увидел яркую вспышку, вырвавшуюся из дула одной из пушек, и танк слегка откатился назад от отдачи.

Я увидел, как снаряд перелетел через нас. Увидел его в воздухе. Услышал, как он со щелчком преодолевает звуковой барьер – так ломается шея. Услышал, как он врезается в остатки домика. Ощутил, как мне на спину опускается пыль и мелкие каменные осколки. Я упал лицом вниз и замер, оказавшись в ловушке на ничейной земле.

Затем выстрелил другой танк. Я видел, как его оттолкнуло назад отдачей. Семьдесят тонн подбросило так сильно, что передняя часть поднялась в воздух. Снаряд пролетел у меня над головой. Я вновь начал двигаться, продолжая тащить за собой Маршалла. Я полз сквозь пыль и грязь, и мне казалось, будто я плыву. Я не знал, какой приказ отдал Маршалл по рации. Не знал, какой приказ они получили прежде. Вероятно, он сообщил танкистам, что покинул домик. Может, приказал им не обращать внимания на «хаммер». Не по этой ли причине они просили подтвердить приказ? Может быть, он сказал, что «хаммер» – это их мишень? А они не могли ему поверить.

Но я знал, что они будут продолжать стрелять. Они не могли нас видеть. Пыль несло над землей, точно дым, а видимость из «Абрамса» всегда оставляла желать лучшего. С тем же успехом можно смотреть через хозяйственную сумку, в днище которой сделана маленькая квадратная дыра. Я немного подождал, пытаясь разогнать пыль и вглядываясь вперед. Грудь сотрясало кашлем. Мы находились совсем рядом с моим «хаммером».

Он выглядел вполне прилично.

Казалось, он совсем не пострадал.

Пока.

Я вскочил, подхватил Маршалла и пробежал последние десять футов. Мне удалось распахнуть дверцу и впихнуть Маршалла на пассажирское

сиденье. Потом я залез внутрь прямо через него и уселся за руль. Нажал на большую красную кнопку и включил двигатель, а потом надавил на педаль газа с такой силой, что «хаммер» рванулся вперед, а дверца захлопнулась сама. Включив дальний свет, я утопил педаль газа и помчался вперед. Саммер могла бы мной гордиться. Я ехал прямо на линию танков. Двести ярдов. Сто ярдов. Выбрав подходящее место, я направил «хаммер» в просвет между двумя танками и промчался между ними на скорости восемьдесят миль в час.

Проехав милю, я сбросил скорость. Еще через милю я остановился. Маршалл был жив. Однако он потерял сознание и был весь в крови и мелких царапинах от осколков. Я сделал удачный выстрел. На его правом плече виднелось сквозное ранение. Его кровь смешалась с цементом и стала похожа на темно-бордовую пасту. Я пристроил его поудобнее на сиденье и пристегнул ремнем. Потом вскрыл пакет первой помощи, наложил удерживающую повязку на плечо и сделал укол морфия. На лбу я написал ему специальным карандашом «М», как это положено делать в полевых условиях. Теперь врачи в госпитале не допустят передозировки.

Потом я вылез из машины и немного погулял на свежем воздухе. Только теперь я получил возможность откашляться и немного привести в порядок форму. На теле у меня появилось множество мелких синяков, но серьезных ранений не было. С расстояния двух миль до меня доносились звуки стрельбы. Наверное, они ждут приказа о прекращении огня. Что ж, им придется расстрелять весь боезапас.

На базу я ехал медленно, тщательно следуя колее. Вскоре Маршалл пришел в себя, и я увидел, что он приподнял голову. И хотя он был накачан морфием, а его правая рука оставалась бесполезной, я предпочитал сохранять осторожность. Если он схватит руль левой рукой, то может вынудить меня съехать с колеи. И мы наткнемся на неразорвавшийся снаряд. Или на черепаху. Поэтому я снял правую руку с руля и ударил его между глаз. Это был хороший удар, и Маршалл снова отключился. Что называется, ручная анестезия. Он так и не пришел в себя до возвращения на базу.

Я сразу же поехал к госпиталю. Вызвал Франца по телефону и приказал охранять Маршалла. Как только появились военные полицейские, я обещал им медали и повышение по службе, если с их помощью Маршалл окажется в зале суда. Я попросил их зачитать Маршаллу его права, как только он придет в себя. И предупредил, что он может попытаться покончить с собой. Потом я поехал в офис Франца. Моя

полевая форма была в ужасном состоянии, да и сам я выглядел ничуть не лучше, поскольку Франц рассмеялся, увидев меня.

– Да, ловить стратегов письменного стола нелегко, – заметил он.

– Где Саммер? – спросил я.

– Посылает телекс в офис ГВП,[40] – сказал он. – Или говорит по телефону.

– Я потерял твою «беретту», – сказал я.

– Где?

– Там, где отряду археологов потребуется сотня лет на поиски.

– А мой «хамви» в порядке?

– Во всяком случае, в лучшем состоянии, чем «хамви» Маршалла.

Я нашел свою сумку и пустой номер для приезжих офицеров. Там я долго стоял под горячим душем. Потом переложил все вещи из карманов порванной полевой формы в новую. Остатки старой я решил выкинуть. Любой интендант посчитал бы, что я поступил правильно. Переодевшись в чистую форму, я немного посидел на кровати. Подышал. И вернулся в офис Франца. Там я нашел Саммер. Она выглядела счастливой. В руках она держала новую папку – я обратил внимание, что в ней уже много страниц.

– Мы в порядке, – сообщила она. – Люди из офиса ГВП сказали, что мы совершили правомочные аресты.

– Ты уже подготовила дело для суда?

– Они говорят, что потребуются признания.

Я ничего не ответил.

– Завтра нам необходимо встретиться с прокурорами в Вашингтоне, – сказала Саммер.

– Тебе придется сделать это без меня, – сказал я. – Я буду в другом месте.

– Почему?

Я не ответил.

– Ты в порядке?

– Вассель и Кумер начали говорить?

Она покачала головой.

– Молчат как рыбы. Люди из офиса ГВП сегодня вечером полетят с ними в Вашингтон. Им будут назначены адвокаты.

– Что-то здесь не так, – сказал я.

– Что?

– Все получилось слишком просто. – Я немного подумал. – Нам необходимо немедленно вернуться в Бэрд.

Франц одолжил мне пятьдесят долларов и выдал две пустые подорожные. Я подписал их, а потом поставил подпись Леона Гарбера, хотя он находился в тысячах миль отсюда, в Корее. Франц отвез нас в аэропорт. Ему пришлось воспользоваться штабной машиной, поскольку его «хаммер» был залит кровью Маршалла. Автострада оказалась пустой, и мы доехали быстро. Я сдал свою сумку в багаж. На сей раз мне не хотелось брать ее с собой в салон. Мы взлетели в три часа дня. Весь визит в Калифорнию занял ровно восемь часов.

Глава 24

Мы летели на восток и теряли те часы, которые выиграли, когда перемещались на запад. Когда самолет приземлился в Национальном аэропорту Вашингтона, было одиннадцать часов вечера. Я забрал свою сумку на выдаче багажа, и автобус довез нас до дальней стоянки, где нас поджидал оставленный там «шевроле». Я расплатился долларами, занятыми у Франца, чтобы наполнить бак бензином. Саммер села за руль, и мы поехали в Бэрд. Она вела машину в своей обычной манере, и мы промчались все тем же маршрутом по автостраде I-95, мимо все тех же знакомых мест. Здание полиции штата, место, где был найден портфель, место отдыха, «клеверная» развязка, кафе. В Форт-Бэрд мы прибыли в три часа утра. На базе царила тишина. Форт-Бэрд накрыло ночным туманом. Все вокруг застыло в неподвижности.

– Куда теперь? – спросила Саммер.

– В казарму «Дельты», – ответил я.

Она проехала мимо ворот старой тюрьмы, и часовой не стал нас задерживать. Мы оставили машину на главной стоянке, и я успел заметить в темноте красный «корвет» Трифонова. Он стоял чуть в стороне, возле стены с водяным шлангом. Автомобиль был идеально чистым.

– Зачем мы здесь? – спросила Саммер.

– Ты сама сказала, что у нас не хватает доказательных улик, – ответил я. – И ты права. Улик не хватает. Анализ содержимого штабной машины

поможет, но это лишь косвенные улики. Мы не можем связать Васселя, Кумера и Маршалла ни с одним из мест преступления. Во всяком случае, однозначно. Не можем доказать, что Маршалл брал в руки ломик. Мы никогда не докажем, что он вовсе не съел тот йогурт на завтрак. И у нас нет никаких шансов доказать, что Вассель и Кумер отдали ему соответствующие приказы. Если их загнать в угол, они всегда могут сказать, что Маршалл – вышедший из-под контроля одинокий волк.

– Ну и?..

– Мы арестовали двух старших офицеров, предъявив им сомнительные обвинения, подкрепленные лишь косвенными уликами. Что должно было произойти дальше?

– Вассель и Кумер должны были все отрицать.

Я кивнул.

– Им следовало поднять нас на смех. Сделать вид, что они оскорблены до глубины души. Угрожать и устраивать истерики. Наконец, попытаться вышвырнуть нас вон. Мол, они ничего не делали, они ни в чем не виноваты. А своим молчанием они признают собственную вину. Так я воспринимаю происходящее.

– Я согласна, – сказала Саммер.

– Так почему же они не пытаются все отрицать?

Она немного подумала и высказала предположение:

– Укоры совести?

Я покачал головой:

– Очень сомневаюсь.

Она помолчала еще немного и наконец не выдержала:

– Дерьмо! Наверное, они просто выжидают. Намерены оспорить дело при большом количестве свидетелей. В Вашингтоне, завтра, когда появятся их адвокаты. Чтобы уничтожить нашу карьеру. Поставить нас на свое место. Отомстить нам.

Я снова покачал головой.

– Какое обвинение я им предъявил?

– Преступный сговор.

– Так вот, похоже, они неправильно меня поняли.

– Но тут все очевидно!

– Они поняли слова. Но не контекст. Я говорил об одной вещи, а они подумали, что я имею в виду совсем другое. Они признали себя виновными совсем в другом. В том, что мы можем неопровержимо доказать.

Саммер молчала, явно ничего не понимая.

– Вспомни о повестке дня конференции, – сказал я. – Она до сих пор не найдена. Им не удалось ее заполучить. Карбон сумел их обмануть. Он открыли портфель, а повестки дня там не оказалось.

– И где же она?

– Я покажу тебе где, – пообещал я. – Именно по этой причине мы сюда вернулись. Чтобы ты могла ее использовать завтра в Вашингтоне. Использовать для организации давления по поводу всего остального. Той части, где нам не хватает улик.

Мы вышли из машины на холод. Через стоянку направились к входной двери. Вошли в здание. Я слышал дыхание спящих людей. Чувствовал спертый воздух спален. Мы шагали по коридорам, сворачивая в нужных местах, пока не оказались возле комнаты Карбона. В ней было пусто. Все лежало на прежних местах. Я включил свет. Подошел к постели. Протянул руку к полке. Пробежал пальцами по корешкам книг. Вытащил высокий узкий том «Роллинг стоунз». Немного подержал в руках, потом слегка потряс.

На постель выпали четыре листочка – повестка дня конференции.

– Брубейкер попросил, чтобы Карбон ее спрятал, – сказал я.

Я взял листки и протянул их Саммер. Выключил свет и вышел в коридор. И столкнулся лицом к лицу с молодым загорелым сержантом из «Дельты», лицо которого украшала борода. Он был в майке и трусах, босой. От него сильно пахло пивом.

– Так, так, так, – сказал он. – И кого же мы здесь видим?

Я ничего не ответил.

– Вы разбудили меня своими разговорами, – сказал он. – Вы включали и выключали свет.

Я вновь промолчал.

Он посмотрел на дверь в комнату Карбона.

– Тянет на место преступления?

– Он умер не здесь.

– Ты знаешь, о чем я говорю.

Тут он улыбнулся, и я увидел, как его руки сжимаются в кулаки. Я ударил его левой рукой. Он стукнулся головой о бетонную стену, и его глаза на секунду остекленели. Резко развернувшись, я левым локтем надавил ему на грудь и навалился на него всем весом. Он оказался прижат к стене. Я продолжал на него давить, пока у него не возникли проблемы с дыханием.

– Сделай мне одолжение, – сказал я. – Читай газеты каждый день в течение этой недели.

Потом я засунул правую руку в карман и нашел пулю. Ту, что он принес для меня. С моим именем на ней. Я держал ее двумя пальцами. В тусклом ночном свете она заблестела золотом.

– Смотри внимательно, – сказал я.

А потом засунул эту пулю ему в нос.

Мой сержант сидела на своем обычном месте. Ночной сержант, с маленьким ребенком. Она сварила кофе. Я налил две чашки и отнес их к себе в кабинет. Саммер несла повестку дня, как трофей. Она сняла скрепку и разложила четыре листа на моем столе, один возле другого.

Это был оригинал. Не копия и не факс, тут не могло быть сомнений. Написанные от руки заметки с карандашными пометками между строк и на полях. Я сразу увидел три разных почерка. Большую часть написал, наверное, Крамер, но почти наверняка здесь были предложения Васселя и Кумера. Первый черновик. Результат долгих обсуждений и размышлений.

На первом листе шел анализ трудностей, с которыми предстоит столкнуться бронетанковым войскам. Интеграция, потеря престижа. Возможная потеря права командования. Довольно мрачный анализ, но не выходящий за общепринятые рамки. И достаточно точный, если верить начальнику штаба.

На второй и третьей страницах говорилось о том, что я уже упоминал в беседах с Саммер. Предложения о дискредитации ключевых фигур противника с использованием компрометирующих материалов. На полях я обнаружил весьма любопытные намеки. И как только они сумели собрать такой изощренный компромат? Интересно, станут ли люди из офиса ГВП его использовать? Кто-то из них наверняка попытается это сделать. Расследование часто приводит к самым непредсказуемым результатам.

Здесь же намечались планы пропагандистских кампаний. Большинство из них показались мне весьма бездарными. Эти парни не имели дела со средствами массовой информации с тех самых пор, как стали офицерами. На тех же двух страницах упоминались крупные оборонные подрядчики. Речь шла о политических инициативах в армии и Конгрессе. Некоторые из них касались оборонных подрядчиков. Я уловил намеки на весьма сложные отношения, связывающие всех заинтересованных лиц. Очевидно, в одну сторону текли деньги, а в другую – услуги. Министр обороны упоминался по имени. Его помощь считалась гарантированной. В одном месте его имя было подчеркнуто, а на полях я прочитал: «Куплено и заплачено». В целом на первых трех страницах содержались заметки, которых следовало ожидать от самоуверенных профессионалов, отчаянно мечтающих о сохранении своего положения. Мрачные, грязные и безнадежные. Однако здесь не было состава преступления.

Главное оказалось на четвертой странице.

У четвертой страницы был странный заголовок:

«УМНУ. Дополнительная миля».

Ниже шла распечатка цитаты из «Искусства войны» Сунь Цзы:

«Отказ от сражения с врагом, когда ты приперт спиной к стене, равнозначен поражению».

Рядом на полях карандашом было приписано, как я предположил, почерком Васселя:

«В то время как спокойствие в период катастрофы есть важнейший признак мужества командира, энергия при преследовании врага является серьезнейшим проявлением его силы воли (Уэйвелл)».

– Кто такой Уэйвелл? – спросила Саммер.

– Британский маршал времен Второй мировой войны, – ответил я. – Потом он стал вице-королем Индии. Он был слепым на один глаз в результате ранения, полученного на Первой мировой войне.

Под цитатой из Уэйвелла другой рукой – вероятно, Кумера – карандашом было написано: «Добровольцы? Я? Маршалл?» Эти три слова были обведены, и от них шла линия к заголовку «УМНУ. Дополнительная миля».

– И что все это значит? – спросила Саммер.

– Читай дальше, – предложил я.

Под цитатой из Сунь Цзы шел напечатанный на машинке список из восемнадцати имен. Большинство из них я знал. Это были ключевые командиры батальонов из престижных пехотных дивизий вроде 82-й и 101-й, а также высокопоставленные штабные офицеры из Пентагона и некоторые другие люди. Довольно любопытное сочетание возрастов и званий. Среди них практически не попадалось старших офицеров. А вот восходящие звезды имелись. Иногда это был очевидный выбор, иногда спорный. Несколько имен я видел в первый раз. К примеру, в списке значился человек с фамилией Абельсон – я не знал, кто он такой. Возле его имени стояла карандашная пометка. У остальных таких пометок не было.

– Что означает эта пометка? – спросила Саммер.

Я набрал номер своего сержанта.

– Вы когда-нибудь слышали о парне по имени Абельсон? – спросил я.

– Нет, – ответила она.

– Узнайте, кто он, – попросил я. – Вероятно, он подполковник или имеет более высокое звание.

Я вернулся к списку. Он был коротким, но интерпретировать его оказалось совсем просто. Восемнадцать ключевых костей большого двигающегося скелета. Или восемнадцать ключевых нервов в сложной нервной системе. Если их убрать, определенная часть армии сразу окажется в невыгодном положении. Во всяком случае, на данный момент. Но что еще важнее, в будущем. Из-за остановки естественного развития. Насколько я понимал, это были те самые люди, исчезновение которых приведет к резкому ослаблению новых частей быстрого реагирования. Тех самых, которые будут особенно активно развиваться в двадцать первом веке. Восемнадцать человек – не такое уж большое число, когда речь идет о миллионной армии. Но их выбирали специалисты. Кто-то проделал тщательный анализ. И отыскал нужные цели. Эти люди были движущими силами, носителями новых идей, мыслителями и стратегами. Яркими звездами. Если мы хотели получить список людей, чье присутствие или отсутствие окажет наибольшее влияние на будущее, то он перед нами.

Зазвонил мой телефон. Я включил громкую связь, и мы услышали голос моего сержанта:

– Абельсон был пилотом вертолета «Апачи». Ну вы знаете, это боевой вертолет, оснащенный оружием.

– Был? – переспросил я.

– Он умер за день до Нового года. Его сбила машина в Гейдельберге, в Германии. Водитель скрылся с места происшествия.

Я отключил телефон.

– Вот что означает карандашная отметка, – сказала Саммер.

Я кивнул:

– Один мертв, осталось семнадцать.

– Что означает УМНУ?

– Это старый термин ЦРУ, – ответил я. – «Уничтожить с максимальным нанесением ущерба».

Она не ответила.

– Иными словами, убить, – сказал я.

Мы долго молчали. Я снова посмотрел на смехотворные цитаты. «Враг… когда ты приперт спиной к стене… важнейший признак мужества командира… серьезнейшим проявлением его силы воли…» Я попытался представить себе, какое безумное состояние психики могло заставить этих людей помещать такие грандиозные цитаты рядом со списками людей, которых они собирались уничтожить, чтобы сохранить свои должности и престиж. Поэтому я лишь сложил четыре страницы вместе и вновь скрепил их той же скрепкой. Нет, я не мог понять этих людей. Затем я взял с полки конверт и поместил туда листы.

– Этот документ пропал в первый день года, – сказал я. – А четвертого числа они убедились в этом окончательно. Его не оказалось в портфеле, его не было на теле Брубейкера. Вот почему они сдались. Это произошло неделю назад. Они убили троих человек, пытаясь вернуть бумаги, но не добились успеха. Поэтому они просто сидели и ждали, понимая, что рано или поздно круг замкнется и бумаги вернутся, чтобы привести к их гибели.

Я положил конверт на стол.

– Используй эти бумаги, – сказал я Саммер. – Отвези в Вашингтон. Пусть их шкуры прибьют к стене.

Было четыре утра, и Саммер уехала в Пентагон. Я отправился к себе и проспал четыре часа. Проснулся в восемь. Мне осталось сделать еще одну вещь, и я не сомневался, что должен сделать ее сам.

Глава 25

Я вошел в свой кабинет ровно в девять часов утра. Место ночного сержанта с ребенком занял капрал из Луизианы.

– Вас уже ждут люди от ГВП, – сказал он, указывая большим пальцем в сторону моего кабинета. – Я впустил их внутрь.

Я кивнул и огляделся в поисках кофе. Кофе не было. Плохое начало. Я распахнул дверь в свой кабинет и вошел. Там меня поджидали двое. Один из них занял стул для посетителей. Другой устроился за моим столом. Оба были в форме класса «А». У обоих на груди красовались жетоны ГВП – маленькие золотые венки, пересеченные саблей и стрелой. Тот, кто сидел на стуле для посетителей, имел чин капитана. За моим письменным столом устроился подполковник.

– Где мне сесть? – спросил я.

– Где пожелаете, – ответил подполковник.

Я молча ждал.

– Я видел телексы из Ирвина, – сказал он. – Примите мои искренние поздравления, майор. Вы проделали выдающуюся работу.

Я не ответил.

– И я слышал о повестке дня Крамера, – продолжал он. – Мне только что звонили из офиса начальника штаба. А это еще лучший результат. Уже он один оправдывает операцию «Аргон».

– Вы здесь не для того, чтобы обсуждать раскрытое мной дело, – сказал я.

– Верно, – кивнул он. – Разговор о нем пойдет в Пентагоне с вашим лейтенантом.

Я взял оставшийся стул для посетителей, поставил возле стенки под картой и сел. Откинулся на спинку. Поднял руку над головой и потрогал булавки. Подполковник наклонился вперед и пристально посмотрел на меня. Он ждал, словно хотел, чтобы я заговорил первым.

– Похоже, вы намерены получить от происходящего удовольствие? – спросил я.

– Это моя работа, – сказал он.

– И вам она нравится?

– Далеко не всегда, – ответил он.

Я вновь предпочел промолчать.

– Это дело подобно набегающей на пляж волне, – сказал он. – Подобно могучему валу, который мчится по песку и вдруг замирает, а потом уходит обратно, ничего не оставляя за собой.

Я молчал.

– И все-таки кое-что остается, – продолжал подполковник. – Остается уродливый кусок мусора, застрявший у воды. Нам необходимо с ним разобраться.

Он ждал, пока я заговорю. Может, предоставить ему довести дело до конца самостоятельно? В конце концов я пожал плечами и заговорил:

– Жалоба о грубом обращении.

Он кивнул.

– Полковник Уиллард привлек к ней наше внимание. Получилась неудобная ситуация. Если несанкционированное использование подорожных можно отбросить как необходимость при расследовании, то жалобу о грубом обращении оставить без внимания невозможно. Поскольку двое гражданских лиц не имели к происходящему ни малейшего отношения.

– Меня дезинформировали, – сказал я.

– Боюсь, это ничего не меняет.

– Ваш свидетель мертв.

– Однако он оставил подписанную жалобу. А документы нельзя игнорировать. Он с тем же успехом мог быть здесь и давать показания.

Я не стал возражать.

Подполковник встал.

– Вы можете поговорить со своим адвокатом.

Я посмотрел на капитана. Очевидно, это он был моим адвокатом. Подполковник вышел из кабинета и аккуратно закрыл за собой дверь. Капитан протянул мне руку и назвал свое имя.

– Не стоило так жестко говорить с подполковником, – сказал капитан. – Он предложил вам лазейку размером с милю. Вся эта история больше похожа на фарс.

– Я раскачивал лодку, – сказал я. – В армии этого не любят.

– Вы ошибаетесь. Никто не хочет причинить вам вред. Однако Уиллард настаивает на принятии мер. Поэтому мы вынуждены проделать необходимые телодвижения.

– И в чем они состоят?

– Вам достаточно все отрицать. В таком случае заявление становится спорным, а поскольку невозможно устроить перекрестный допрос, Шестая поправка гарантирует вам автоматическое прекращение дела.

Я не пошевелился.

– И как это делается? – спросил я.

– Вы подписываете письменные показания, как это сделал Карбон. Он говорит черное, вы – белое, и больше нет никакой проблемы.

– Официальные бумаги?

– Вам потребуется пять минут. Мы можем проделать это прямо здесь и сейчас. Ваш капрал напечатает показания и будет свидетелем. Нет ничего проще.

– А альтернатива существует? – поинтересовался я.

– Будет огромной глупостью даже думать о ней.

– Но что тогда произойдет?

– Это равносильно тому, чтобы признать себя виновным.

– И какими будут последствия? – не унимался я.

– Если вы признаете себя виновным? Потеря в звании и в зарплате, начиная с того момента, когда произошел инцидент. Гражданский суд не позволит нам обойтись чем-то меньшим.

Я ничего не сказал.

– Вы вновь станете капитаном. Вас вернут в обычное подразделение военной полиции, поскольку Сто десятый отдел не захочет, чтобы вы оставались в его рядах. Это краткий вариант ответа. Но даже думать на эту тему было бы ужасной глупостью. Вам достаточно все отрицать.

Я сидел и размышлял о Карбоне. Ему было тридцать пять лет, шестнадцать из них он прослужил в армии. Пехота, десантные войска, рейнджеры, «Дельта». Шестнадцать не самых легких лет. И он ничего не сделал, если не считать попытки сохранить тайну, с которой он случайно соприкоснулся. Он постарался предупредить свою часть о возможной опасности. В его действиях не было ничего плохого. Однако теперь он мертв. Убит в лесу. Потом я подумал о толстом парне из стрип-клуба. Фермер меня не особенно беспокоил. Разбитый нос, ничего страшного. А вот толстому парню сильно досталось. С другой стороны, он не являлся образцовым гражданином Северной Каролины. Сомневаюсь, чтобы губернатор наградил его за гражданские доблести.

Я долго думал об этих людях. О Карбоне и толстом парне на парковке. А потом о себе. Майор, восходящая звезда, следователь особого подразделения, которому светит быстрый путь наверх.

– Хорошо, позовите подполковника, – сказал я.

Капитан встал и распахнул дверь. В кабинет вошел подполковник, капитан закрыл за ним дверь. Капитан уселся рядом со мной, а подполковник вновь устроился за моим столом.

– Ладно, давайте заканчивать. Жалоба лишена оснований, так?

Я молча посмотрел на него.

– Ну?

«Ты поступишь правильно».

– Жалоба соответствует действительности, – сказал я.

Подполковник недоверчиво уставился на меня.

– Жалоба верна во всех деталях, – сказал я. – Все происходило именно так, как написал Карбон.

– Господи, – пробормотал подполковник.

– Вы сошли с ума? – удивленно спросил капитан.

– Весьма возможно, – ответил я. – Однако Карбон не был лжецом. В его досье не должно быть написано, что в конце своей жизни он солгал. Он заслуживает лучшего. Он служил в армии шестнадцать лет.

В комнате воцарилась тишина. Мы сидели и молчали. Им предстояло много бумажной работы. А я думал о том, что снова стану капитаном военной полиции. Никаких спецподразделений. Однако тут не было сюрприза. Я знал, что к этому все идет. Знал с того самого момента, как закрыл глаза и костяшки домино стали падать, падать, падать, увлекая за собой одна другую.

– У меня одно пожелание, – сказал я. – Я прошу отсрочить решение на два дня. С этого момента.

– Почему?

– Я должен побывать на похоронах. И не хочу просить об отпуске своего командира.

Подполковник отвернулся.

– Разрешаю, – сказал он.

Я вернулся к себе и сложил в сумку все свои вещи. Снял со счета деньги и оставил пятьдесят два доллара в конверте для моего ночного сержанта. Еще пятьдесят долларов я отправил по почте Францу. Потом я забрал у патологоанатома ломик, которым пользовался Маршалл, и положил его рядом с тем, что мы одолжили в скобяной лавке. Затем зашел в гараж военной полиции, чтобы взять машину. Я с удивлением обнаружил, что там все еще стоит взятый Крамером напрокат автомобиль.

– Нам никто не сказал, что с ним делать, – сказал служитель.

– Почему?

– Сэр, это ваше дело, вы скажите мне.

Я хотел взять машину, которая не привлекает внимания, а маленький красный «форд» выделялся среди оливковых и черных машин военной полиции. Но тут я сообразил, что в обычном мире все будет наоборот. Там маленький «форд» затеряется среди остальных машин.

– Тогда я его заберу. Мне все равно нужно в аэропорт.

Мне не пришлось заполнять бумаги, поскольку машина не принадлежала армии.

Я покинул Форт-Бэрд в двадцать минут одиннадцатого и направился на север, в сторону Грин-Вэлли. Сейчас я ехал заметно медленнее, чем прежде, поскольку «форд» не самая скоростная машина, да и сам я не такой мастер, как Саммер. Я не стал останавливаться на ланч. Просто ехал и ехал вперед. Возле здания полиции я оказался в пятнадцать минут четвертого. Там, в общем зале, я нашел детектива Кларка и сказал ему, что дело закрыто. Обещал, что Саммер сообщит ему все детали. И забрал у него ломик, который он одолжил в качестве образца. Я быстро проделал оставшиеся до Сперривилла десять миль. В узком переулке припарковался рядом со скобяной лавкой. Стекло в окне заменили, фанера исчезла. Я взял все три ломика, вошел в лавку и вернул их стоявшему за стойкой хозяину. Потом сел в машину и по единственной дороге, выходящей из города, направился в Вашингтон.

Я свернул на кольцевую автодорогу и отправился на поиски самой отвратительной части города. Выбор был разнообразным. Меня привлек прямоугольник, состоящий из четырех кварталов. Здесь был район старых, разваливающихся складов, разделенных узкими переулками. В третьем переулке я нашел то, что искал. Из двери вышла изнуренная шлюха. Я вошел в ту же дверь. Там, за стойкой, сидел какой-то тип в шляпе. У него было то, что я искал. Потребовалась минута, чтобы между нами установилось доверие. Кончилось тем, что наличные устранили все

разногласия, которые между нами существовали, как это бывает почти всегда. Я купил немного марихуаны, немного каликов и несколько доз кокаина. Заметно было, что мне не удалось произвести впечатление на типа в шляпе. Вероятно, он решил, что я любитель.

Потом я поехал в Рок-Крик, штат Виргиния. Я добрался туда еще до пяти часов. Припарковался на холме в трехстах ярдах от штаба 110-го особого отдела, откуда мог видеть стоянку. Машину Уилларда я почти сразу отыскал взглядом. Он успел мне рассказать о ней все, что нужно. Классический «понтиак». Машина стояла возле выезда. Я поудобнее устроился на сиденье и стал ждать.

Он вышел в пять пятнадцать. Час банкира. Завел двигатель «понтиака». Я слегка опустил стекла и даже с расстояния в триста ярдов слышал, как хорошо налажен двигатель. Не сомневаюсь, что Саммер была бы в восторге. И я решил, что, если когда-нибудь выиграю в лотерею, обязательно куплю ей новенький «понтиак».

Я включил зажигание «форда». Уиллард выехал со стоянки и свернул в мою сторону. Я сполз пониже, и он меня не заметил. Потом я подождал («одна тысяча, две тысячи...»), развернулся и последовал за ним. Слежка за Уиллардом оказалась совсем простым делом. С опущенными окнами я мог бы это делать, руководствуясь только звуком. Он ехал не слишком быстро, рядом с обочиной дороги. Я держался позади, чтобы между нами находилось несколько машин и он меня не заметил в зеркало заднего вида. Он направлялся на восток, в сторону пригородов Вашингтона. Наверное, снимал жилье в Арлингтоне или Маклине еще с тех времен, когда служил в Пентагоне. Я надеялся, что это не квартира. Нет, он должен был жить в доме, с гаражом для такой классной машины. А это хорошо, поскольку с домом всегда проще.

Я не ошибся. Он снимал дом. На тихой улице, к северу от Арлингтона. Много деревьев, правда большинство из них стояли голыми, но среди них попадалось и несколько вечнозеленых. Подъездные дорожки были длинными и изогнутыми, а садики неухоженными. На улице следовало бы вывесить плакат: «Только для разведенных или одиноких мужчин, работающих на правительство». Именно такое место. Не самое идеальное, но гораздо лучше, чем прямое пригородное шоссе, где бок о бок стоят домики, во дворах которых полно детишек с мамашами.

Я проехал мимо и примерно в миле от дома Уилларда нашел подходящее место для стоянки. И стал ждать темноты.

Я подождал до семи часов и начал действовать. Небо заволокло тучами, на землю опустился туман. Звезд не было видно. Как и луны. На мне была полевая военная форма. Пентагон позаботился о том, чтобы я оставался невидимым. Я не сомневался, что в семь часов здесь будет совсем мало людей. Правительственные служащие среднего достатка очень хотят стать служащими с высоким достатком, а потому подолгу задерживаются за своими письменными столами, пытаясь произвести впечатление на нужных людей. Я выбрал улицу, идущую параллельно улице Уилларда, и нашел два совсем уж неухоженных дворика, находившихся по соседству. Свет ни в одном из домов не горел. Я прошел по подъездной дорожке к одному из них, обогнул его и оказался на заднем дворе. Здесь я остановился. Лая собаки не было слышно. Я свернул и прокрался вдоль заборчика к заднему двору Уилларда. Он весь зарос старой травой. Посреди лужайки валялась ржавая решетка для жарки мяса. С армейской точки зрения задний дворик находился в полнейшем беспорядке.

Я слегка сдвинул в сторону шест ограды и проскользнул внутрь. Пересек дворик Уилларда и мимо гаража подошел к входной двери. Свет над крыльцом не горел, и входную дверь было не очень хорошо видно со стороны улицы. Не идеальный вариант, но и далеко не худший. Я нажал на звонок. Услышал, как он зазвенел внутри. После короткой паузы послышались шаги. Я отошел чуть в сторону. Уиллард открыл дверь. Сразу, без малейшей паузы. Может быть, он заказал еду в китайском ресторане? Или пиццу?

Я толкнул его в грудь, чтобы освободить проход. Вошел внутрь и закрыл за собой дверь ногой. Унылый дом с затхлым воздухом. Уиллард цеплялся за перила лестницы, пытаясь сделать вдох. Я ударил его в лицо и сбил с ног. Он оказался на четвереньках, я сильно врезал ему ногой по заду и продолжал пинать до тех пор, пока он не понял намек и не пополз на кухню. Оказавшись на кухне, он привалился спиной к стенке шкафчика. На его лице страх мешался с удивлением. Казалось, он не верил своим глазам. Наверное, он думал: «Это из-за той жалобы?» Его бюрократический разум не мог понять, что происходит.

– Ты слышал о Васселе и Кумере? – спросил я.

Он кивнул, быстро и испуганно.

– Помнишь лейтенанта Саммер? – спросил я.

Он снова кивнул.

– Она обратила мое внимание на одну вещь, – продолжал я. – Вроде бы очевидную. Она сказала, что они бы вышли сухими из воды, если бы я не проигнорировал твои приказы.

Уиллард смотрел на меня и молчал.

– И я задумался. Что же именно я игнорировал?

Он не ответил.

– Я неправильно тебя оценил, – сказал я. – Приношу свои извинения. Я полагал, что игнорирую приказы назойливого и ничтожного карьериста. Что имею дело с ханжеским, трусливым идиотом, который думает, что знает все лучше всех. Но я ошибся. Я столкнулся с чем-то совершенно другим.

Уиллард смотрел на меня снизу вверх.

– Тебя совсем не смущала история с Крамером, – продолжал я. – Тебя не беспокоило, что я сильно давил на Васселя и Кумера. И тебе было наплевать на армию, когда ты хотел, чтобы убийство Карбона списали на несчастный случай. Ты просто делал работу, на которую тебя поставили. Кто-то хотел, чтобы три убийства остались нераскрытыми, и тебя перевели на место начальника полиции, чтобы ты об этом позаботился. Ты участник сознательной операции прикрытия, Уиллард. Перед тобой поставили задачу. А я не подчинился. Проклятье, зачем еще нужно было приказывать мне бросить расследование? Да затем, чтобы скрыть преступление, которое кто-то тщательно спланировал! Все было продумано заранее. Окончательное решение приняли второго января, когда Гарбера перевели, а на его место поставили тебя. Ты оказался здесь для того, чтобы назначенное на четвертое января убийство прошло без проблем. Других причин быть не могло.

Он не ответил.

– Я думал, что они хотели поставить на это место некомпетентного человека, чтобы все произошло само собой. Но они этим не ограничились. Они поставили друга.

Он не ответил.

– Тебе следовало отказаться, – сказал я. – Если бы ты отказался, они бы не стали продолжать и Карбон с Брубейкером остались бы живы.

Он не ответил.

– Ты их убил, Уиллард. Как если бы сделал это сам.

Я присел на корточки рядом с ним. Уиллард попытался отползти подальше, но у него за спиной был шкаф. В его глазах появилась безнадежность. Однако он сделал последнюю попытку, пробормотав:

– Ты ничего не сможешь доказать.

Я не ответил. В его глазах появилась решимость.

– Ты имеешь дело не с идиотами, – продолжил он. – Доказательств не существует.

Я вытащил из кармана «беретту» Франца. Я прихватил ее в Мохаве. Разумеется, я не терял этот пистолет. Он приехал со мной из Калифорнии. Именно по этой причине я сдал свою сумку в багаж. В самолет нельзя проносить пистолет без специального разрешения.

– Этот пистолет считается уничтоженным, – сказал я. – Официально его не существует.

Он посмотрел на «беретту».

– Не будь дураком. Ты ничего не докажешь.

– Ты имеешь дело не с идиотом, – сказал я.

– Ты не понимаешь! – горячо заговорил Уиллард. – Я получил приказ. Мы в армии. Мы исполняем приказы.

Я покачал головой.

– Это оправдание не помогло ни одному солдату.

– Я получил приказ, – повторил он.

– От кого?

Он закрыл глаза и потряс головой.

– Не имеет значения, – сказал я. – Я точно знаю, кто это был. И я знаю, что не сумею до него добраться. Он слишком высоко сидит. Но я могу добраться до тебя. Ты будешь моим посланцем.

Уиллард открыл глаза.

– Ты этого не сделаешь, – сказал он.

– Почему ты не отказался?

– Я не мог отказаться. Пришло время выбирать, на чьей ты стороне. Ну как ты не понимаешь? Нам всем придется это сделать.

Я кивнул.

– Пожалуй, тут ты прав.

– Сделай правильный выбор, пожалуйста, – попросил Уиллард.

– Я думал, что ты – одна ложка дегтя в бочке с медом, – сказал я. – А оказалось, что вся бочка полна дегтя. Меда в ней совсем мало.

Он посмотрел на меня.

– Ты все испортил, – сказал я. – Ты и твои проклятые друзья.

– Что испортил?

– Все.

Я встал. Отступил на шаг. Снял предохранитель с «беретты».

Он смотрел на меня.

– Прощай, полковник Уиллард, – сказал я и приложил пистолет к своему виску.

Он смотрел на меня, не отрывая глаз.

– Я пошутил, – сказал я и выстрелил ему в лоб.

Это была обычная пуля в цельнометаллической оболочке. Часть его затылка оказалась в шкафу вместе с разбитым фарфором. Я рассовал купленные мной наркотики по его карманам вместе с символической пачкой долларов. Потом вышел через заднюю дверь и пересек двор. Я перешагнул через ограду, спокойно миновал парковку и направился к своей машине. Сел за руль, достал сумку и переодел ботинки, испорченные в пустыне Мохаве, – у меня еще осталась пара поновее. Затем я поехал на запад, в аэропорт. Вернул взятую напрокат машину в агентство «Херц». Там знают свое дело. Люди часто возвращают машины не в самом лучшем виде. Внутри накапливается всякий мусор. Поэтому у въезда в боксы стоят большие мусорные баки – в надежде, что люди сами приведут сдаваемые ими автомобили в порядок. Так они сокращают расходы. Даже если на каждой машине удается выиграть минуту, за год накапливается приличная выручка. Я положил свои старые ботинки в один бак, а «беретту» – в другой. Если учесть, какой поток машин здесь проходит, баки меняют очень часто.

До посадочных ворот я прошел пешком. Мне не хотелось садиться в автобус. Показав свои документы, я купил билет в Париж в один конец на самолет «Эр Франс». Еще совсем недавно, когда мир был другим, я летал на этом же рейсе.

Я оказался на авеню Рапп в восемь часов утра. Джо сказал мне, что машина придет в десять. Поэтому я побрился, принял душ в ванной для гостей, нашел гладильную доску и привел в порядок свою парадную форму. Потом я нашел в шкафу щетку и почистил ботинки. Наконец я оделся и прицепил все свои медали – получилось четыре ряда. Я все сделал в соответствии с инструкциями. Каждая медаль на своем месте,

под соответствующей ленточкой. Другие свои значки я тоже почистил, включая жетон майора – в последний раз. После этого я перешел в гостиную и стал ждать.

Джо был в черном костюме. Я не большой эксперт в одежде, но понял, что костюм новый. Из какого-то дорогого материала. Возможно, шелка или кашемира, не знаю. Костюм был хорошо сшит. Еще Джо надел белую рубашку, черный галстук и черные туфли. Он великолепно выглядел. Никогда я не видел, чтобы он выглядел лучше. Лишь в глазах читалось легкое напряжение. Мы не разговаривали. Просто сидели и ждали.

Без пяти десять мы вышли на улицу. Катафалк прибыл из морга вовремя. За ним появился черный лимузин «ситроен». Мы сели в лимузин, закрыли двери и медленно поехали вслед за катафалком.

– Только мы? – спросил я.

– Остальные встретят нас на кладбище.

– Кто придет?

– Ламонье, – сказал Джо. – И ее друзья.

– На каком кладбище?

– Пер-Лашез, – ответил Джо.

Я кивнул. Пер-Лашез – знаменитое старое кладбище. Особое место. Возможно, это как-то связано с участием моей матери в Сопротивлении. Может быть, Ламонье добился разрешения похоронить ее там.

– Есть предложение по покупке квартиры, – сказал Джо.

– Сколько?

– В долларах твоя доля составит шестьдесят тысяч.

– Я не хочу брать эти деньги. Отдай их Ламонье. Скажи, чтобы он нашел оставшихся в живых стариков и разделил деньги между ними. Он наверняка знает соответствующие организации.

– Старые солдаты?

– Старые, кто угодно. Те, кто делали правильные вещи в нужное время.

– Ты уверен? Тебе могут понадобиться эти деньги.

– Я бы не хотел их иметь.

– Ладно, – сказал Джо. – Твой выбор.

Я смотрел в окно. День был серым. Медовые тона Парижа поглотила погода. Река вяло катила свои воды, похожие на расплавленное железо. Мы проехали через площадь Бастилии. Кладбище Пер-Лашез находится на северо-востоке. Не слишком далеко, но и не близко, если вы полагаете, что оно совсем рядом. Мы вышли из машины возле небольшой будочки, где продавали карты, показывающие, как пройти к знаменитым могилам. Самые разные люди похоронены на Пер-Лашез. Шопен. Мольер. Эдит Пиаф. Джим Моррисон.

У ворот кладбища нас уже ждали. Я увидел консьержку из дома матери. Она стояла рядом с двумя другими женщинами, которых я не знал. Служащие похоронного бюро подняли гроб на плечи, несколько мгновений постояли неподвижно, а потом медленно двинулись вперед. Мы с Джо зашагали следом за ними. За нами пристроились три женщины. Воздух был холодным. Мы шли по песчаным дорожкам, между необычными европейскими мавзолеями и памятниками. Наконец мы оказались возле вырытой могилы. Земля была аккуратно сложена рядом и прикрыта зеленым ковриком, очевидно изображающим траву. Там нас ждал Ламонье. Наверное, он пришел сюда пораньше. Он не мог идти быстро и не хотел нас задерживать.

Служащие похоронного бюро поставили гроб на заранее приготовленные веревочные петли. Потом подняли его снова и при помощи веревок осторожно опустили вниз, в могилу. Какой-то человек прочитал отрывок из книги. Я слышал слова по-французски, а потом английский перевод возник в моем сознании. «Прах к праху… долина слез». Я не слушал. Просто смотрел на гроб, опускающийся в яму в земле.

Мужчина замолчал, и один из служащих забрал зеленый коврик, а Джо взял пригоршню земли. Он взмахнул рукой и бросил землю на крышку гроба. Земля со стуком упала на дерево. Человек с книгой последовал примеру Джо. Потом консьержка. Потом две другие женщины. Потом Ламонье. Он неловко дернулся вперед, опираясь на свои трости, наклонился и взял в руку землю. В его глазах стояли слезы, а затем он просто разжал ладонь, и земля посыпалась вниз, словно вода.

Я шагнул вперед, поднял руку к сердцу и снял Серебряную Звезду. Подержал ее в своей ладони. Серебряная Звезда – красивая медаль: крошечная серебряная звезда в центре более крупной золотой. К ней прилагается красно-бело-синяя лента с водяными знаками. На моей было написано: «Дж. Ричер». Я подумал: «Это в честь Жозефины» – и бросил звезду в яму. Она ударилась о гроб, отскочила и упала лицевой стороной вверх, заблестев на фоне серой земли.

Я позвонил с авеню Рапп и получил приказ о переводе в Панаму. Мы с Джо съели вместе поздний завтрак и пообещали друг другу почаще перезваниваться. Потом я поехал в аэропорт и улетел через Лондон и Майами. Теперь я стал капитаном. Мне дали роту. Нам предстояло поддерживать порядок в Панама-Сити во время окончания операции «Правое дело». Это было весело. Мне попались отличные парни. А работа с людьми явилась приятным разнообразием. И кофе был столь же хорош, как и прежде. Его присылали в огромных банках размером с нефтяную цистерну.

Я больше никогда не бывал в Форт-Бэрде. Никогда не видел своего сержанта, у которой был маленький ребенок. Иногда я думал о ней, когда начались крупные увольнения в армии. И Саммер я тоже больше никогда не видел. Я слышал, что она так много говорила о повестке дня Крамера, что ГВП предложил смертный приговор за предательство, а потом она получила признания от Васселя, Кумера и Маршалла в обмен на пожизненное заключение в Левенуэрте. Она стала капитаном в тот день, когда их отправили отбывать наказание. Так мы с ней оказались в одном чине. Встретились посередине. Однако наши дороги никогда больше не пересекались.

И я больше никогда не возвращался в Париж, хотя и собирался. Я хотел поздней ночью взойти на мост Инвалидов и просто вдохнуть в себя воздух Парижа. Но этого так и не произошло. Я был в армии и всегда находился там, где должен был находиться.

Примечания

1

HMMWV (High Mobility Multipurpose Wheeled Vehicle) – высокомобильное многоцелевое колесное транспортное средство.

2

«Пурпурное сердце» – воинская медаль, вручается за одно боевое ранение.

3

Одна из крупнейших общенациональных фирм по прокату автомобилей.

4

Сокращение от «Semper Fidelis» *(лат.)* – «Всегда верен»; девиз морской пехоты.

5

Категория командного состава между унтер-офицером и офицером.

6

Знаменитый американский бейсболист 1920-30-х годов.

7

Кровавое сражение при Антиетаме (Шарпсберге) произошло в сентябре 1862 года между Потомакской армией под командованием Дж. Макклеллана и армией Конфедерации под командованием Р. Ли.

8

Национальный мемориал «Маунт-Рашмор» – гранитная скала в горах Блэк-Хиллс, на которой скульптор Г. Борглум высек профили четырех президентов: Дж. Вашингтона, Т. Джефферсона, А. Линкольна и Т. Рузвельта.

9

Официальный праздник в память первых колонистов Массачусетса, отмечается в последний четверг ноября.

10

Шотландская песня на слова Роберта Бернса, которой по традиции заканчиваются все праздники и собрания.

11

Сеть магазинов-складов по продаже строительных и отделочных материалов для дома.

12

Военная операция США против Панамы в декабре 1989 года.

13

Добрый вечер, мама *(фр)*.

14

Знаменитый нож морской пехоты США Второй мировой войны.

15

От английского All-Purpose Lightweight Carrying Equipment.

16

Дорожная развязка на разных уровнях; по своей конфигурации напоминает лист клевера.

17

Стадион в Нью-Йорке на 57,5 тысячи зрителей, база бейсбольной команды «Нью-йоркские янки».

18

Услуга за услугу *(лат.)*.

19

Противопехотная мина направленного действия.

20

Национальный центр информации о преступности.

21

Лето 1967 года, когда в Сан-Франциско собрались многие тысячи хиппи праздновать любовь и свободу.

22

Образ действий *(лат.)*.

23

DEFCON (DEFense readiness CONdition) – готовность обороны *(англ.)*; американская шкала, разработанная во времена холодной войны и отображающая степень военной активности и боеготовности войск США.

24

В прямом переводе с английского – мыс Страха.

25

Речь идет о первой экранизации романа Джона Д. Макдональда «Мыс страха», сделанной в 1962 году.

26

Условное обозначение лица мужского пола, чье имя неизвестно или не оглашается по каким-либо причинам.

27

Высшая воинская награда в США. С тех пор как она была учреждена Конгрессом в 1862 году, к 1994 году ею было награждено всего 3420 человек.

28

Территория рядом с Франкфуртом, возле границы с Восточной Германией, имевшая стратегическое значение во времена холодной войны. Здесь было возможно крупномасштабное применение танков.

29

Специальный материал, обладающий огнеупорными свойствами.

30

Кувшинчик *(фр.)*.

31

Крест «За боевые заслуги» *(фр.)*.

32

Медаль «За участие в движении Сопротивления» *(фр.)*

33

Бакалейная лавка *(фр.)*.

34

Бош, немец *(фр.)*.

35

Хоппер, Эдвард (1882–1967) – американский художник. Одна из его любимых тем – изображение ночных кафе с одиноким посетителем, сидящим за стойкой.

36

Расчетное время прибытия.

37

В Оксфордском университете.

38

Программа, учрежденная президентом Линдоном Джонсоном в 1964 году.

39

«Это один маленький шаг для человека – и гигантский скачок для всего человечества» – эти слова принадлежат астронавту Нилу Армстронгу, первому человеку, ступившему на поверхность Луны 21 июля 1969 года.

40

Генеральный военный прокурор.